

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых
научных журналов
и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертации на соискание
ученой степени

**5
2021**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226

Учредители:
Московский государственный уни-
верситет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация

Адрес редакции:
119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социо-
логический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
<http://soziolog.ru>

Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,4.
Тираж 300 экз. Заказ №484.

Подписано в печать 30.10.2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко
Заведующая редакцией:
А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченков,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Багаева А.В. Социология морали в международных отношениях: предметное поле и проблемы исследования	5
Батуриенко С.А. Зигмунт Бауман: рестратификация общества в условиях глобализации и социальная идентичность ...	11
Грудина Т.Н. Многообразие религиозного опыта в современном обществе: социологический анализ	19
Кравченко А.И. Город не-мест в текучей современности Зигмунта Баумана.....	33
Медведев А.В., Шитый В.П. Бесплатный общественный транспорт в стратегиях развития современных успешных городов	38
Блошко В.В., Капустин В.В. Социологическая сущность и содержание патриотизма и его влияние на желание служить в армии	49
Еникеева С.З. Проявление ксенофобии в молодежной среде на примере Республики Татарстан (эмпирический анализ).....	57
Кузеванова А.Л., Зоркова В.А. Высшее профессиональное образование в современных российских условиях: мотивация и факторы выбора вуза (на материалах Волгоградской области).....	64

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ардашев Р.Г. Конспирологические теории в период пандемии: эффекты сознания	74
Дзузев Х.В., Дибирова А.П., Корниенко Н.В. Российская элита: пути формирования и перспективы.....	82
Зубова О.Г., Филиппова А.Г. Волонтерство как форма участия молодежи в общественной жизни: по материалам экспертных интервью	87

Невская Т.А. Сравнительный анализ эффективности парламентских избирательных кампаний «Единой России» за период 2011–2021 гг..... 95

Болдина М.Ю. Образовательная миграция современной российской молодежи (региональный аспект на примере Волгоградской области) .....

102
Макарова М.В., Осипов В.Ф. Социальные аспекты проявления билингвизма в системе образования в Республике Саха (Якутия) .....

111
Махукова И.А. Цифровая грамотность в период пандемии .....

115
Чумак Е.В. Мультипарадигмальность социологических подходов в изучении миграции .....

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Ермолаева Ю.В. Социальная история окружающей среды и роль сборщиков мусора в экономике замкнутого цикла .....

129
Коган Е.А. Оценка удовлетворенности студенческой жизнью будущих инженеров .....

139
Мецлер А.В. Социологический анализ восприятия пандемии COVID-19 среди получателей социальных услуг .....

144
Пятшева Е.Н. Социальная структура занятости в условиях моногородов России.....

150
Рыбакова М.В., Иванова Н.А. Цифровизация управления как фактор эффективного взаимодействия государства и общества.....

157
Сехлеян С.А. Культурная глобализация: сценарии гомогенизации и гибридизации .....

165
Сметана В.В. Проект «Шахматы в школах» в контексте теории общественного блага ...

Социология №5 2021

<i>Сметанкина Л.В., Упоров И.В.</i> Мировоззренческий фактор в контексте социального управления (на примере российского общества)	176
<i>Филиярова Ю.А.</i> Тенденции перфекционизма в системе управления человеческими ресурсами университета	185
<i>Савенков И.А., Шевцов М.В., Горбачёв И.Н.</i> Социологическое информационно-аналитическое обеспечение управленческого процесса: на примере автоматизации документооборота в территориальном пожарно-спасательном гарнизоне	193
<i>Яковлева О.И.</i> Профессиональная социализация сотрудников МЧС России в условиях современной системы высшего профессионального образования	200
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	
<i>Генова Н.М., Стебляк В.В., Ночвинова Д.А.</i> Информационные технологии как фактор формирования социокультурной городской среды: на примере города Омска.....	206
<i>Лагутин Ю.В.</i> Исследование процесса внедрения научно-технологических инноваций в жизнь современного мегаполиса: общетеоретические подходы	211
<i>Чернышев В.П., Малюгин А.М., Бородин П.В., Клименко В.А.</i> Физическая культура и спорт в современном обществе как компенсаторный аспект социальности	216
<i>Шеремет А.Н.</i> Социальный театр в системе социальной реабилитации наркозависимых людей, попавших в трудную жизненную ситуацию (на примере деятельности ОО «Юла», РОФ «Новая жизнь»)	221

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Азерный К.Т.</i> К проблеме томизма и неотомизма в теологическом и художественном методе Джеймса Джойса.....	227
<i>Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И.</i> Цифровые приложения и модели личности в контексте киберантропологии.....	234

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Арефьев М.А., Клешнева Л.И.</i> Место феномена самоуправления в народнических концепциях общественной самоорганизации	240
<i>Ковалевский А.В.</i> Социально-философский анализ категории «социальная группа»: инвизибилизация и «расколдовывание» социальных категорий.....	248
<i>Хвастунова Ю.В.</i> Основы цифрового общества будущего (на примере анализа постулатов Церкви Тыринга)	255
<i>Ташлыкова Н.Ю.</i> Селфи как вид современной эстетической потребности субъекта	263

Социология морали в международных отношениях: предметное поле и проблемы исследования

Багаева Алиса Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: dagny35@gmail.com

В статье анализируются особенности предметного поля и исследовательские задачи новой области, образованной на стыке этики, социологии и теории международных отношений. Автор доказывает, что, несмотря на то, что под влиянием новых информационных перемен в науке стало возможным более широко применять интегративный подход и практиковать методы трансдисциплинарности, связь этих дисциплин нельзя считать новацией. Идеи социологии морали международных отношений проявлялись уже в древности, причем как в повседневном общении людей разных стран и культур, так и в международных договорах. С каждым новым этапом развития общества сопряженность проблематики социологии, этики и международных отношений становилась заметнее, а исследование их взаимовлияния – актуальнее. В настоящее время выявилось достаточно много тем, которые позволяют говорить о формировании новой научной ветви «Социология морали международных отношений».

Ключевые слова: этика, социология, международные отношения, история, гуманитарные науки, трансдисциплинарность, интегральный подход.

При внимательном взгляде на предметное поле социологии морали в международных отношениях сразу же бросается в глаза наличие трех отдельных положений. Они могут быть визуально представлены как краеугольные камни, обозначающие позиции, принципиально значимые как в теоретическом смысле, так и с точки зрения подходов к решению множества практических задач. Это – социология, мораль и международные отношения.

Несмотря на то, что научная мысль пришла к формулированию соответствующих терминов и научных дисциплин в разное время (первенство здесь принадлежит этике, основателем которой следует считать Аристотеля), в обыденном сознании и, более того, в документах объединение смыслов этих понятий наблюдалось уже в Древнем мире. В качестве примера можно привести самый ранний дошедший до нас в письменной форме международный договор. Таковым является Египетско-Хеттский мирный договор (также Вечное или Серебряное соглашение), заключенный хеттским царем Хаттусили III и египетским фараоном Рамсесом II в 1259 г. до н.э. [8]. Копия текста данного документа не случайно представлена в штаб-квартире Организации Объединенных Наций (ООН) в Нью-Йорке. Он не только заложил основы структуры всех последующих международных договоров вплоть до нашего времени, но и содержал отсылки к этическим и социальным проблемам.

Пересечение проблематики этики, социальных проблем и международных вопросов мы наблюдаем и во все более поздние эпохи. Чем ближе к нашим дням, тем это переплетение становились прочнее и заметнее, что отражало изменения в общении людей, которое приобретало все более разнообразный и географически более широ-

кий характер. Такие перемены не могли не зафиксировать выдающиеся мыслители. Английский философ и правовед Иеремия Бентам, являющийся автором дефиниции «международные отношения» (англ. *international relations*), объясняемой им как «общение между государствами», также отметился на попе изучения вопросов морали. Он стал автором труда «Деонтология, или наука о морали» (англ. *Deontology or The Science of Morality*), где рассматривал источники и основания нравственности. Эта работа вышла в свет в 1834 г., через два года после смерти Бентама и за пять лет до того, как Огюст Конт в четвертом томе «Курса позитивной философии» введет понятие «социология».

Таким образом, к середине XIX столетия были выделены области изучения и этики, и международных отношений, и социологии. Тогда же, в XIX в., пришло понимание того, что эти сферы нельзя изучать изолировано друг от друга, многие темы, поднимаемые в одной из них, были актуальны для остальных. Первым эту зависимость обнаружили ученые, обратившиеся к проблемам социологии морали. Это направление социологических исследований было обозначено в век классической социологии, а автором дефиниции «социология морали» является Эмиль Дюркгейм, который видел в этой области собственное предназначение изучать коллективные установления, которые закреплены в объективных ценностных суждениях. Более широко подходил к задачам социологии морали Питирим Сорокин. Еще свободнее увидела эту проблематику польский философ и социолог Мария Оссовская, написавшая несколько фундаментальных работ [10].

Дерево социологических исследований отличается обилием ветвей. Каждая новая рождается как ответ на запрос общества на разъяснение возникающей проблемы в определенном сегменте социума, как потребность увидеть направление, по которому ему лучше всего развиваться. Одной из таких ветвей, как отмечалось выше, ока-

залась социология морали. Другой ветвью стала социология международных отношений [2; 5; 14; 15; 17; 18].

То, что ее образование начинается в один из самых сложных периодов истории прошлого столетия, в 1940-е гг., определялось тем колоссальным социальным напряжением, которое вылилось в противостояние международных акторов во Второй мировой войне. Идея социологии международных отношений оказаласьозвучной концепции «международного общества» (англ. *international society*), исходящей из постулата, что суверенные государства способны сотрудничать, создавая международные институты, готовы следовать международным нормам и руководствоваться как национальными, так и общими для всего мирового сообщества целями и интересами. Однако при внешнем сопадении с этими идеями, получившими оформление в теории «международного общества» английской школы международных отношений (Хедли Булл, Мартин Уайт, Чарльз Мэннинг и др.), социология международных отношений стремится находить собственные предметные основания именно в социальной детерминированности любых международных взаимодействий.

Возможно, на этой детерминированности основано обилие учебных изданий по тематике социологии международных отношений для обучающихся в высшей школе как по программам бакалавриата, так и магистратуры. Важно, что их авторы обращают внимание на то, что сам данный предмет отличается от базового, которым выступают непосредственно международные отношения тем, что он приближен и к социуму с его не только высокими целями, но и повседневными реалиями, а еще и к каждому отдельному человеку. В этом плане особо требуется выделить работу, где данный подход, отражающий роль индивида в международных отношениях, проявился в анализе деятельности самих исследователей. Речь идет об учебном пособии «Социология международных отношений. Ведущие представители» [1].

Еще раз вернемся к отличию предметного поля социологии международных отношений от их же теории или истории. Коренное различие состоит в том, что социология международных отношений пытается разобраться в природе социальных взаимодействий их участников. Эта природа определяется тем, как люди живут, что они делают, о чем они мечтают и т.д. В самом общем виде такую общность можно трактовать примерно так, как шведский экономист Юхан Норберг оценивает глобализацию, называя ее совокупностью «поступков, которые мы совершаляем каждый день. Мы едим эквадорские бананы, пьем французское вино, смотрим американские фильмы, заказываем книги в Англии, работаем в компаниях, торгующих с Германией или Россией, проводим отпуск в Таиланде и вносим деньги на счета в пенсионных фондах, которые вкладывают их в Латинской Америке и Азии. Потоки капитала проходят через финансовые корпорации, а товары за рубежом закупают торговые фирмы, но все это делается только потому, что так хотим мы. Процесс глобализации идет «снизу», а политики просто пытаются за ним угнаться и выдумывают аббревиатуры вроде ЕС, МВФ, ООН, ВТО, ЮНКТАД или ОЭСР, надеясь ввести его в некое «русло»» [9, с. 15].

Совершенно очевидно, что ни одно из таких взаимодействий не может не иметь моральной окраски. Напомним, что сам термин «этос» (греч. ἥθος – нрав, характер, душевный склад), который Гомер вводит в «Иллиаде» для описания отношения людей, постоянно сталкивающихся друг с другом в своей непростой повседневности, в античной философской мысли вобрал в себя и привычки, и нравы, и характеры, и темпераменты, и обычаи, бытующие в социуме. Данное понятие легло в основу обозначения области знаний, изучающей всю эту область исканий и нахождений основных ценностей человеческой жизни. Поэтому логичным шагом науки, непосредственно отвечающим на нужды практики, стало распро-

странение проблематики социологии морали в область социологии международных отношений [3; 13]. Ряд авторов обращают внимание на то, что моральные основания в этих отношениях тесно связаны с политикой [6]. Другие исследователи подчеркивают сопряженность этических проявлений в международной жизни с правовой средой [16]. Также нельзя не отметить проявившееся в некоторых работах стремление разделить мораль в системе международных отношений и во внешней политике государств [11].

В итоге сформировалось предметное поле дисциплины нового типа. Его можно назвать трехмерным, поскольку оно интегрирует проблемы этики, социологии и международных отношений. В отличие от областей знаний, образованных по двухмерному типу, в нашем случае это: социология морали, социология международных отношений, этика международных отношений, – добавление еще одной координаты позволяет уйти от резких оценочных суждений, присущей дихотомическим схемам, дает возможность избежать обязательного выбора в черно-белых координатах, избавиться от риска стигматизировать кого-либо из участников анализируемого процесса.

Трехмерная модель отвечает древней логике троичности, содержащей в себе мощнейший заряд развития, динамики, дающей человеку свободу выбора, куда направлять это развитие – вперед в будущее или назад в прошлое. Данный предмет легче всего представить в виде триады (греч. τριάς, род.п. τριάδος), которая является единством, создаваемым тремя раздельными частями, позволяющими одновременно видеть их всех вместе и каждую область по отдельности. В таком интегративном подходе заключается перспектива научных изысканий и учебного процесса в высшей школе, которому в ближайшее время предстоят кардинальные перемены, вызванные новой информационной реальностью и изменением рынка труда, где успешными будут не только специалисты, обладающие «гибкими

навыками», но и «гибкими знаниями». Таковыми можно назвать знания, приобретенные на основе трансдисциплинарного образования, интегрирующего в одном предметном пространстве одновременно близкие и далекие дисциплины, например, геосоциология права или geopolитика международного спорта [4; 7]. Социологию морали международных отношений можно отнести к их числу.

Ее предметное поле только формируется, как, впрочем, и предметное поле социологии морали и социологии международных отношений. В этом процессе есть безусловное преимущество перед старыми, устоявшимися дисциплинами. Круг вопросов, которые интересуют именно социологию морали международных отношений, отличает стремление реагировать на вызовы времени. В него входит:

- воздействие конкретных международных условий и ситуаций на моральную сторону поведения людей, представляющих разные государства, культуры, религии, имеющих несовпадающие историко-культурные и цивилизационные координаты;
- проявление моральных оснований в деятельности государственных лидеров, политических активистов, лиц, формирующих общественное мнение, а также то, как выражаемые ими этические позиции воспринимаются обществом внутри своей страны и за рубежом;
- влияние устоявшейся моральной системы на сложившийся в социуме образ жизни и готовность к переменам, вызванным не только и не столько внутренними национальными, а в гораздо большей степени региональными и глобальными трансформациями;
- этические особенности взаимодействия на региональном и глобальном пространствах в соотношении с правом и экономикой, а также иными формами социальной регуляции;
- специфика моральных установок отдельных социально-демографи-

ческих и профессиональных групп, в частности, молодежи, женщин, диаспор, представителей СМИ, бизнес-сообщества разных государств, проявляемая в процессе их сотрудничества или соперничества на мно-жающихся площадках;

- отношение к нарушениям моральных норм конкретными личностями или организациями вне своей страны, как к знаку озабоченности возможными последствиями для собственного государства и его граждан;
- восприятие мировым сообществом откровенной лжи или фейковой информации, касающейся внешней политики и международных отношений;
- частные примеры проявления морали в международных отношениях, которые могут быть симптомами будущих серьезных нравственных изменений в мире.

Разумеется, мозаичность предметного поля не должна затруднять видения определенных общностей, как проблемного порядка, так и национального. Здесь уместно обратиться к такому документу, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденному президентом РФ 2 июля 2021 г. [12], в котором подчеркивается, что «современный мир переживает период трансформации. Увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новых архитектуры, правил и принципов мироустройства». В этой связи в документе решительно заявляется о необходимости защиты ценностных оснований российского общества и государства, которые наряду с экономическими, политическими, военными, социальными основаниями объявлены фундаментом национальной безопасности. В Стратегии отмечается, что: «перспективы долгосрочного развития и позиционирование России в мире определяются

ее внутренним потенциалом, привлекательностью системы ценностей, готовностью и способностью реализовать свои конкурентные преимущества путем повышения эффективности государственного управления».

Все это относится к базовым позициям культурного суверенитета Российского государства и входит в проблематику социологии морали международных отношений.

Литература

1. Арефьев А.Л., Баженов А.М. Социология международных отношений. Ведущие представители: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. Г.В. Осипова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019.
2. Баженов А.М. Социология международных отношений: учебное пособие М.: ЦСПиМ, 2013.
3. Жулева М.С. Проблема морали в международных отношениях // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 1. С. 91–94.
4. Интегральная парадигма высшего образования: ответ вызовам времени: учебное пособие / Под ред. доктора педагогических наук М.Н. Вражновой и доктора исторических наук Л.О. Терновой. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2021.
5. Каримова А.Б. Социология международных отношений: учебник для вузов 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020.
6. Кочкарова Т.Ч. Политика и мораль в международных отношениях. Бишкек: КРСУ, 2013.
7. Лезина О.В., Терновая Л.О. Интегральная парадигма образования и его перспективы в постковидном мире // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 2 (152). С. 42–49.
8. Мирный договор между Рамсесом II и хеттским царем Хаттусили III / перевод Н.С. Петровского. Хрестоматия по истории Древнего Востока. Акад. наук Ин-т народов Азии; под ред. акад. В.В. Струве и Д.Г. Редера; предисл. И.С. Кацнельсона. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 126–130.
9. Норберг Ю. В защиту глобального капитализма / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2007.
10. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали: Пер. с польск. / Общ. ред. А.А. Гусейнова; Вступ. ст. А.А. Гусейнова и К.А. Шварцман. М.: Прогресс, 1987.
11. Рогачева Е.А. Мораль в системе международных отношений и во внешней политике современной России: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.01. М., 1999.
12. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 02.09.2021).
13. Цывик А.В. Нравственные основы международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2014. № 2. С. 176–182.
14. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Социология международных отношений. М.: Аспект Пресс, 2008.
15. Цыганков П.А. Социологическая трактовка международных отношений // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4(47). С. 162–165.
16. Шугуров М.В. Динамика соотношения международного права и международной морали: теоретический и методологический аспекты // Российский журнал правовых исследований. 2017. Том 4. № 1. С. 183–191.
17. Aron R. Une sociologie des relations internationales // Revue française de sociologie. 1963. Vol. 4. № 3. Pp. 307–320.
18. Lawson G., Shilliam R. Sociology and International Relations: Legacies and Prospects // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23. № 1. Pp. 69–86.

SOCIOLOGY OF MORALITY IN INTERNATIONAL RELATIONS: SUBJECT FIELD AND RESEARCH PROBLEMS

Bagaeva A.V.

Lomonosov Moscow State University

The article analyzes the features of the subject field and research tasks of a new field formed at the intersection of ethics, sociology and the theory of international relations. The author proves that, despite the fact that, under the influence of new informational changes in science, it became possible to more widely apply the integrative approach and practice the methods of transdisciplinarity, the connection between these disciplines cannot be considered an innovation. The ideas of the sociology of the morality of international relations were already manifested in antiquity, both in the everyday communication of people from different countries and cultures, and in international treaties. With each new stage in the development of society, the conjugation of the problems of sociology, ethics and international relations became more noticeable, and the study of their mutual influence became more relevant. At the present time, a lot of topics have emerged that allow us to talk about the formation of a new scientific branch "Sociology of morality of international relations".

Keywords: ethics, sociology, international relations, history, humanities, transdisciplinarity, integral approach.

References

1. Arefiev A.L., Bazhenov A.M. Sociology of International Relations. Leading representatives: textbook. manual for undergraduate and graduate programs / ed. G.V. Osipova. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Yuray Publishing House, 2019.
2. Bazhenov A.M. Sociology of International Relations: Study Guide M.: TsSPiM, 2013.
3. Zhuleva M.S. The problem of morality in international relations // News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics. 2015. No. 1. S. 91–94.
4. Integral paradigm of higher education: response to the challenges of the time: textbook / Ed. Doctor of Pedagogical Sciences M.N. Vrazhnova and Doctor of Historical Sciences L.O. Ternovoy. M.: International Publishing Center "Ethnosocium", 2021.
5. Karimova A.B. Sociology of International Relations: a textbook for universities, 2nd ed., Revised. and add. Moscow: Yuray Publishing House, 2020.
6. Kochkarova T. Ch. Politics and morality in international relations. Bishkek: KRSU, 2013.
7. Lezina O.V., Ternovaya L.O. Integral paradigm of education and its perspectives in the post-shaped world // Ethnosocium and interethnic culture. 2021. No. 2 (152). S. 42–49.
8. Peace treaty between Ramses II and the Hittite king Hattusili III / translation by NS Petrovsky. Reader on the history of the Ancient East. Acad. Sciences Institute of the Peoples of Asia; ed. acad. V.V. Struve and D.G. Raeder; foreword I.S. Katsnelson. Moscow: Eastern Literature Publishing House, 1963, pp. 126–130.
9. Norberg Y. In Defense of Global Capitalism / Per. from English M.: New publishing house, 2007.
10. Ossovskaya M. Knight and the bourgeois: Research on the history of morality: Per. from Polish / Common. ed. A.A. Guseinova; Entry. Art. A.A. Guseinova and K.A. Shvartsman. Moscow: Progress, 1987.
11. Rogacheva E.A. Morality in the system of international relations and in foreign policy of modern Russia: abstract of thesis. ... candidate of political sciences: 23.00.01. M., 1999.
12. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 On the National Security Strategy of the Russian Federation [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of access: 02.09.2021).
13. Tsvyk A.V. Moral foundations of international relations // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. 2014. No. 2. P. 176–182.
14. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. Sociology of International Relations. M.: Aspect Press, 2008.
15. Tsygankov P.A. Sociological interpretation of international relations // International processes. 2016. T.14. No. 4 (47). S. 162–165.
16. Shugurov M.V. Dynamics of the relationship between international law and international morality: theoretical and methodological aspects // Russian Journal of Legal Research. 2017. Vol. 4. No. 1. P. 183–191.
17. Aron R. Une sociologie des relations internationales // Revue française de sociologie. 1963. Vol. 4. No. 3. Pp. 307–320.
18. Lawson G., Shilliam R. Sociology and International Relations: Legacies and Prospects // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23. No. 1. Pp. 69–86.

Зигмунт Бауман: рестратификация общества в условиях глобализации и социальная идентичность

Батуренко Светлана Алексеевна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры
истории и теории социологии социологического
факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: level_s@rambler.ru

В статье предпринимается попытка анализа основных понятий концепции социальной стратификации и социальной идентичности в научном творчестве польско-британского философа и социолога Зигмунта Баумана. Рассматривается вклад ученого в разработку современных представлений о влиянии глобализации на изменения социальной структуры общества, а также трансформацию социальной идентичности в современном мире. Текущая современность как особое состояние общества характеризуется не только размыванием прежней социальной структуры, ценностей, социальных связей, но также формированием новых. Автор уделяет большое внимание реконструкции представлений Баумана о социальных последствиях этих изменений.

Ключевые слова: З. Бауман, рестратификация, социальное неравенство, социальная идентичность.

Широко известен вклад в развитие теории социальной стратификации польско-британского социолога Зигмунта Баумана (1925–2017). З. Бауман – один из ведущих теоретиков постмодерна в рамках современного социологического дискурса, анализирует современное общество, изменяющиеся условия политической и социальной жизни. Используя метафоры «индивидуализированное общество», «легкий капитализм» и «текущая современность», исследователь фиксирует новый характер социальной реальности, которая все чаще становится предметом социологических дискуссий. Актуализировавшийся поиск идентичностей в научном поле становится побочным импульсом к индивидуализации.

Бауман пишет о влиянии глобализации на современное состояние нашей цивилизации. По мнению социолога, глобализация не столько формирует единый мир, сколько способствует усилению его фрагментарности и в конечном счете представляет собой продукт «индивидуализированного» общества. Процессы глобализации оборачиваются для общества перераспределением привилегий и лишений, богатства и бедности, ресурсов и бессилия, власти и безвластия, свободы и ограничений. Бауман пишет: «Сегодня мы стали свидетелями процесса рестратификации в мировом масштабе, в ходе которого формируется новая социокультурная иерархия, всемирная общественная лестница»¹.

Бауман начинает с анализа исторического процесса. Первым периодом истории становится тяжелый капитализм. Тяжелая современность была эрой территориальных завоеваний. Основой власти и богатства была земля, обладание ею. Имперский взгляд на мир не допускал существования

¹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 101

неосвоенных, ничьих, пустых земель. Жажда открытия и возможной колонизации толкала к исследованию все новых территорий: островов и архипелагов, неописанных участков суши. Это было связано и с поисками счастья, богатств, спрятанных где-то далеко. Прогресс означал увеличение размера и пространственную экспансию. При завоевании пространства время должно стать гибким. Этот тезис стал источником идеи объехать вокруг света за восемьдесят дней. Вскоре владение пространством стало означать и приручение времени, его однородность и координацию, которая требовалась для функционирования производственных ресурсов эпохи. Сведение к стандартам времени было проиллюстрировано историей на примере завода Форда, высшей степени рационализации времени, облаченной в конвейер. Постепенно труд и капитал стали неспособными к движению.

Бауман разделяет два вида капитализма: тяжелый и легкий. Тяжелый капитализм соотносится с ранним модерном. В таком варианте обязательно есть руководитель, ответственный за происходящее. Анализируя тяжелую современность, Бауман использует такие характеристики, как плотная, твердая. Это касается и социальной сферы. По убеждению социолога, тяжелая современность всегда характеризуется системной тенденцией к тоталитаризму.

Легкий капитализм принадлежит ко времени «жидкого», «текучего» модерна. Описывая его, Бауман использует метафору самолета, в котором нет пилота, а пассажиры не обладают информацией ни о направлении, ни о цели полета. В «текучем» модерне капитал становится экстерриториальным, пребывая в постоянном поиске наиболее выгодного и быстрого способа получения прибыли. В такой ситуации менеджмент как искусство управления ориентирован не на удержание рабочей силы, а на приведение ее в движение. Организация текучей современности находится в постоянной стрессовой

ситуации: мотивацией труда служит не повышение эффективности производства, а возможность участия и победы в конкурентной борьбе, право остаться в игре.

Эпоха текучей современности имеет ряд особенностей: крах иллюзии конечности времени и достижимости целей, отмена государственного контроля и «приватизация задач и обязанностей модернизации». Коллективные задачи фрагментируются в индивидуальные. Доказательством трансформации стало смещение «этического/политического дискурса с фрейма «справедливого общества» на фрейм «прав человека»².

Создавая концепт «индивидуализированного общества», возникшего в текучем модерне, Бауман анализирует трансформации социального мира, социальную структуру и положение в ней конкретного индивида, специфику мириощущения и самоидентификации человека нового общества.

Прежде всего автор рассматривает индивидуализацию как основополагающий процесс, определяющий сущность социального порядка. С точки зрения Баумана, индивидуализация есть объективная реальность, в которой действия людей направлены на «ежедневное изменение и пересмотр сети взаимодействий, называемых обществом»³. Индивидуализация приобретает все новые формы, так как оба партнера взаимодействия, человек и общество, находятся в постоянном движении. Больше не существует «Большого Брата», следящего за людьми или же поддерживающего их посредством предоставления системы социальных гарантий. Индивидуализация – это процесс преобразования идентичности из «дано» в «найти». «Место человека в обществе, определение его социального положения перестало быть понятием «в себе» и ста-

² Бауман З. «Текущая современность» / Пер. с англ. Под. Ред. Ю.В. Асочакова. –СПб: Питер, 2008. – С. 37

³ Бауман З. «Текущая современность» / Пер. с англ. Под. Ред. Ю.В. Асочакова. –СПб: Питер, 2008. – С. 38

ло понятием «для себя»⁴, – поясняет Бауман. Отныне все решения должны приниматься индивидуально и сопровождаться ответственностью за последствия и побочные эффекты. Каждый совет или пример для подражания оказывается несущественным вследствие индивидуальной ответственности. Еще в начале прошлого столетия индивидуализация воспринималась как процесс освобождения человека «от плотной ткани социальной зависимости, надзора и принуждения». Новое освобождение обозначает способность двигаться и существует в двух категориях, субъективной и объективной свободы.

Бауман отмечает, что беспрецедентная свобода пришла вместе с беспрецедентным бессилием человека. «Общество свободных людей» сделало критику и неудовлетворенность неотъемлемой частью повседневности, однако это не становится основой для действия. «Беззубая» критика не способна влиять на принимаемые решения. Текущий времени, преобразование общественного пространства и возможность постоянного движения делают взаимодействие моментным, тем самым изобретая механизм избегания последствий критических замечаний при видимом «дружественном отношении общества к критике».

Индивидуализация предполагает коррозию и распад гражданства как категорий коллективного восприятия действительности. Она также сопровождается безразличием, свободой экспериментировать и «беспрецедентной задачей» преодоления последствий. Бауман пишет: «Зияющая брешь между правом защищать свои права и возможностью управлять социальными условиями, которые делают такую защиту реальной или нереальной, по-видимому, является главным противоречием текущей современности... Существует широкая и растущая брешь между общественным положением людей де-юро и их

возможностями стать индивидуумами де-факто, то есть управлять своей судьбой и выбирать варианты, которых они действительно желают»⁵. Рассматриваемое противоречие возникло вследствие опустения общественного пространства, «мест собраний», которые являлись местом взаимодействия частного и коллективного в рамках социума. Новая задача критической теории состоит не в необходимости защитить частную жизнь от деспотичного правления, а скорее в том, чтобы «защитить исчезающую общественную сферу или скорее заново обставить и населить общественное пространство, быстро пустеющее вследствие дезертирства с обеих сторон: уход «заинтересованного гражданина» и бегство реальной власти на территорию, которая, несмотря на возможности сохранившихся демократических институтов, может быть описана лишь как «космическое пространство»⁶. Общественное больше не направлено на колонизацию частного и выступает в качестве «сцены, на которой разыгрываются частные драмы», такова реальность индивидуализированного общества. Современная неопределенность содержит страхи, созданные «для того, чтобы переживать их в одиночку», и является необходимой «силой индивидуализации».

Современность и индивидуализация буквально отождествляются Бауманом. Социолог пишет: «Современность заменяет гетерономное определение социального положения обязательным самоопределением»⁷. Действительно, несамостоятельность определяет предшествующие исторические типы стратификации.

Бауман анализирует два модуса социальной идентичности, присущих соседним поколениям людей. Первым

⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред В.Л. Иноzemцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва, журн. «Свободная мысль». – Москва: Логос, 2002. – С. 180

⁵ Бауман З. «Текущая современность» / Пер. с англ. Под. Ред. Ю.В. Асочакова. –СПб: Питер, 2008. – С. 47

⁶ Бауман З. «Текущая современность» / Пер. с англ. Под. Ред. Ю.В. Асочакова. –СПб: Питер, 2008. – С. 39

периодом выступает ранняя современность. После разрушения сословий, отдельный человек оказался исключенным из сообщества, с которым себя идентифицировал, т.к. оно прекратило свое существование. Задача само-идентификации легла на плечи индивидуума и сводилась к необходимости поддержания определенного образа жизни («жить не хуже других»). Бауман пишет: «Ранняя современность «извлекла», чтобы «снова включить...»⁸. Принадлежность к сословию определялась происхождением, членство в данной социальной группе не требовало индивидуальных усилий и определялось следованием принятым паттернам поведения, подражанием, активным приспособлением. После того, как сословия были заменены классами, членство в новых общностях стало целью. «К классам в отличие от сословий нужно «присоединяться» и членство должно постоянно возобновляться, подтверждаться и проверяться в повседневном поведении... Разделение на классы... было побочным продуктом неравного доступа к ресурсам, требующимся для эффективной защиты своих прав. Классы отличались по диапазону доступных типов индивидуальности и по возможности их выбора»⁹, – пишет З. Бауман. Ввиду существующих ограничений доступа к ресурсам и возможностей выбора образовались «общие интересы» классов, основанные на коллективизме. Однако, по мнению социолога, это стало лишь первичной стратегией поведения включенных в индивидуализацию. Классовая ориентация богатых была частичной и актуализировалась лишь в периоды кризисов. Вместе с тем, люди «классической современности» все же оставались «извлеченными» в результате распада сословной системы и пытались компенсировать это в поиске «восстановления

принадлежности». Позже класс и гендер стали главными ограничениями диапазона вариантов выбора. «В сущности, класс и гендер были «явлениями природы», и задача самоутверждения большинства людей состояла в том, чтобы «втиснуться» в определенную нишу через поведение, свойственное другим обитателям»¹⁰, – замечает социолог.

В новой рефлексивной современности ниши «для восстановления принадлежности» становятся слишком хрупкими или исчезают вовсе. Это стало определяющей характеристикой индивидуализированного общества. Постоянное движение не обещает покоя, конечного пункта назначения и возможности «наслаждения и расслабления». Люди становятся «хронически утратившими принадлежность». Возможные ориентиры идентификации, наличие лидера или примера для подражания, также дискредитируются. Легкий капитализм дает слишком большое множество авторитетов, определяя их недолговечность. Пример является более значимым и необходимым, однако также не может служить долговечным ориентиром ввиду подвижности и отсутствия уверенности «в себе, в других и в социальных институтах». Лидерство заменено зрелищем, надзор – обольщением. Возникает новый тип неопределенности по Шюцу: незнание целей вместо незнания средств. Бауман замечает: «И сегодня средства уже не являются главным источником неуверенности и беспокойства. ХХ век ознаменован перепроизводством средств... Избыток средств провоцировал поиск целей... С другой стороны, сами цели становились все более расплывчатыми, разрозненными и неопределенными»¹¹. Вынужденные жить под угрозой самоотчуждения и презрения, индивидуумы находят реальные и воображаемые ре-

⁸ Бауман З. «Текущая современность» / Пер. с англ. Под. Ред. Ю.В. Асочакова. –СПб: Питер, 2008. – С. 40

⁹ Бауман З. «Текущая современность» / Пер. с англ. Под. Ред. Ю.В. Асочакова. –СПб: Питер, 2008. – С. 40

¹⁰ Бауман З. «Текущая современность» / Пер. с англ. Под. Ред. Ю.В. Асочакова. –СПб: Питер, 2008. – С. 41

¹¹ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред В.Л. Иноzemцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва, журн. «Свободная мысль». – Москва: Логос, 2002. – С. 184

шения противоречий, упрощая задачу. Если возникающее противоречие системно, решение будет воображаемым.

Возникает замкнутая самодостаточная система, выражающая сущность индивидуализированного общества: неопределенность, неуверенность и ненадежность вызывают постоянную тревогу, которая делает невозможным удовлетворение базовой потребности в безопасности. Неутомимость в поисках безопасности и надежности снова порождает тревогу. Бауман пишет: «В результате «проблема безопасности» имеет тенденцию быть хронически перегруженной тревогами и стремлениями, которые она не может ни нести, ни сбросить с себя. Этот порочный круг приводит к вечной жажде большей безопасности, которую не могут утолить никакие практические меры»¹². Идентичность теперь выступает «суррогатом общества естественного обиталища, которое более недоступно в быстро приватизируемом и индивидуализируемом, стремительно глобализирующемся мире, и поэтому она может представляться в виде удобного прибежища, обеспечивающего безопасность и уверенность, и поэтому столь желанного... Идентичность пускает корни на кладбище сообществ, но процветает благодаря своему обещанию оживить мертвцев»¹³. Идентичность больше не сигнализирует о наличии внутриличностного стержня, поэтому, по мнению Баумана, необходимо говорить об исследовании идентификации, продолжающейся постоянно в течение жизни человека и порождающей конфликты, естественные спутники индивидуализации. Однако несмотря на приведенное уточнение, сам социолог в большинстве своих работ использует понятие «идентичность», рассматривая его в контексте всепоглощающей моментности индивидуализированного общества.

¹² Бауман З. «Текущая современность» / Пер. с англ. Под. Ред. Ю.В. Асочакова. –СПб: Питер, 2008. – С. 195

¹³ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред В.Л. Иноzemцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва, журн. «Свободная мысль». – Москва: Логос, 2002. – С. 190

В фокусе внимания социолога оказываются также сообщества и коньюмеризм. «Одноразовость работы», т.е. переход на краткосрочные контракты, временность партнерских отношений, господство слабых связей по М. Грановеттеру или уз «с застежкой-молнией» по Бауману, восприятие мира как товара заставляет сделать вывод о том, что современное сообщество есть лишь «название для разыскиваемой идентичности». Бауман не отрицает реалий общества потребления, признавая, что современность все больше актуализирует потребительские, т.е. детерминированные желания, а не продуктивные, т.е. рациональные, способности членов общества. Исследователь замечает, что коньюмеризм теперь не касается удовлетворения потребностей идентификации, им движет лишь желание и потребность в его немедленном удовлетворении ради чувства собственной безопасности.

Бауман констатирует падение роли национального государства, однако называет возможность становления наднационального порядка, глобальной политической системы всего лишь одним и «с сегодняшней точки зрения не самым бесспорным» из сценариев будущего. Поэтому социолог обращается к исследованию сообществ. «При отсутствии институционального строения «древесных» структур... общественный инстинкт вполне может возвратиться к своим «взрывоопасным» проявлениям, разрастаясь, подобно ризоме, и пускать ростки различной степени долговечности...»¹⁴, – пишет Бауман. Он рассматривает образ сообщества как один из возможных вариантов будущего мироустройства и констатирует наличие «мифической солидарности», веры в «Мы» ради стремления к личной безопасности. Сообщество воображаемо и конструируемо. Ученый выделяет два типа сообществ: взрывоопасные и гардеробные. Взрывоопасное сообщество экстерриториально, недолго-

¹⁴ Бауман З. «Текущая современность» / Пер. с англ. Под. Ред. Ю.В. Асочакова. –СПб: Питер, 2008. – С. 207

вечно и способно создавать специализированную идентичность. Оно активно использует насилие, чтобы найти в образе врага стимул коллективного действия, порицания или преследования, возвзять к солидарности и стремлению сплотить ряды. Членство во взрывоопасном сообществе определяется степенью участия в «коллективном преступлении». Важно не количество убитых «врагов», а то, насколько многочисленны убийцы. Еще одним компонентом образования взрывоопасного сообщества является свидетель, т.к. продолжительность существования сообщества зависит от того, помнят ли участники сплотившее их «жертвоприношение», жив ли в их сознании образ врага. Примером такого жертвоприношения являются этнические чистки, вызывающие возмущение потому, что эти процессы «поразительно похожи на гиперболизированную версию тенденций: они ежедневно проявляются... на всем протяжении городских пространств в странах, ведущих крестовый поход за распространение цивилизации. Борясь с «этническими чистильщиками», мы изгоняем наших собственных «внутренних демонов», побуждающих нас запирать в гетто нежелательных «иностранцев»...»¹⁵. Бауман описывает события в Югославии. Сербы хотели изгнать со своей территории албанцев. Страны НАТО стремились удержать албанцев в рамках исконной территории, дабы не допустить нежелательного и неудобного потока мигрантов. Взрывоопасные сообщества создают особую идентичность, носящую «взрывоопасный характер». Она специализирована и недолговечна, изменчива и «одноаспектна», поэтому хорошо гармонирует с «текучей идентичностью» индивидуализированного общества.

Гардеробные (карнавальные) сообщества имеют своей целью эффективное предотвращение «конденсации истинных (то есть полноценных и долговременных) сообществ», которые они

¹⁵ Бауман З. «Текущая современность» / Пер. с англ. Под. Ред. Ю.В. Асочакова. –СПб: Питер, 2008. – С. 213

лишь имитируют. Такой вид сообщества нуждается в зрелище, апеллирующем к схожим интересам людей и способном собрать их вместе на короткий промежуток времени. Здесь не формируется групповой интерес, существует лишь иллюзия общих переживаний. Энергия конкретного человека в таком сообществе быстро рассеивается, он начинает чувствовать себя одиноким, так как не находит компенсации в редких согласованных и гармоничных коллективных делах.

Бауман анализирует историческое развитие европейского континента и России. Рассуждая о месте России и Европы в системе международных отношений, Бауман пишет ряд статей: «Назад в будущее», «Пять прогнозов и множество оговорок», «Европейский путь к мировому порядку». Автор показывает свое скептическое отношение к прогнозированию, объясняя это невозможностью предвидения влияния всех возможных факторов в эпоху текущей современности. Однако, все же в ряде работ («Пять прогнозов и множество оговорок», «Город страхов, город надежд») делает некоторые предположения о будущем строении мира и сознании человека в этом мире.

Подведем итог, на первое место среди желаемых ценностей автор ставит физическую мобильность, то есть свободу перемещения. Бауман называет ее вечно дефицитным и неравномерно распределяемым товаром, который в современном мире быстро превратился в главный фактор расслоения. «Локальность» в глобальном мире стала признаком обездоленности. Социолог описывает новую независимость глобальных элит от территориально ограниченных субъектов политического и культурного влияния. Последствия отделения друг от друга двух реальностей, в которых располагаются «верхи» и «низы» новой иерархии, прослеживаются до изменения организации пространства. Открытая для некоторых свободы перемещения приводит к серьезным последствиям. Обладая свободой «бежать» из данной

местности, индивид становится свободным от последствий своего бегства. В современном глобальном обществе происходит отделение власти от обязательств, от обязанности участвовать в повседневной жизни и развитии общества.

Аннулирование пространственно-временных расстояний под влиянием техники, по мнению Баумана, ведет к резкой поляризации условий жизни человека. Оно освобождает некоторых людей от территориальных ограничений и придает экстерриториальный характер некоторым формирующем обществу идеям. Вместе с тем оно лишает территорию, к которой привязаны другие ее значения и способности наделять их особой идентичностью.

Можно обозначить сущностные характеристики социальной идентичности в контексте теории индивидуализированного общества З. Баумана. Социальная идентичность недолговечна в силу ненадежности социального бытия, многоаспектна и изменчива, носит перманентный незавершенный характер. Она представляет собой результат фрагментации коллективного в индивидуальное. Природа идентичности конфликтна вследствие подвижности социальной системы. Обращение к идентичности в сообществе есть средство кратковременного обращения к общности ради достижения собственных целей. Однако фиксация ее мгновенности и механизма идентификации необходима для объяснения основ индивидуализированного общества эпохи текущей современности.

Литература

1. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. «Динамическое теоретизирование» З. Баумана: критическая оптика или поиск жизненных стратегий? // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 182–191.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. Москва: Логос, 2002.
4. Бауман З. Пять прогнозов и множество оговорок / Пер. с англ. С. Маркарцева // Иностранная литература. – 2006. – № 8.
5. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.
6. Бауман З. Свобода. М.: Новое изда-тельство, 2005.
7. Бауман З. Текущая современность. Спб.: Питер, 2008.
8. Вятр Е. «Открытый марксизм» и возрождение социологии: роль Юлиана Хохфельда и Зигмунта Баумана // Вестник ВЭГУ № 1 (93) 2018. С. 133–143.
9. Добриня О.А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции З. Баумана // Системная психология и социология. 2019. № 4 (32). С. 92–102.
10. Иноземцев В. Зигмунт Бауман и его «индивидуализированное общество» // Высшее образование в России. 2004. № 1. С. 142–145.
11. Когда обрываются связи: Интервью с Зигмунтом Бауманом / Подготовили А. Де Бовер, Э. Кристалл; Пер. с англ. О.А. Оберемко // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 1. С. 156–176.
12. Круталевич А.Н. Мобильность как ценностная характеристика культуры Новейшего времени // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 9 (364). Философия. Социология. Культурология. Вып. 36. С. 71–74
13. Масалов А.Г. Дискурс общественного единства в эпоху «текущей современности» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – Т. 4, № 3, 2018. С. 43–49.
14. Подвойский Д.Г. Вызовы «текущей современности»: ответы Зигмунта Баумана // Человек. (Перспективы гуманизма) 2010. № 1. С. 66–78.
15. Троицкий К.Е. Зигмунт Бауман: от критики универсализма к безграничной моральной ответственности // Этическая мысль 2019. Т. 19. № 1. С. 5–19.

ZYGMUNT BAUMAN: THE RESTRUCTURING OF SOCIETY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND SOCIAL IDENTITY

Baturenko S.A.

Lomonosov Moscow State University

The article attempts to analyze the main concepts of the concept of social stratification and social identity in the scientific work of the Polish-British philosopher and sociologist Zigmunt Bauman. The contribution of the scientist to the development of modern ideas about the impact of globalization on changes in the social structure of society, as well as the transformation of social identity in the modern world, is considered. Current modernity as a special state of society is characterized not only by the erosion of the previous social structure, values, social ties, but also by the formation of new ones. The author pays great attention to the reconstruction of Bauman's ideas about the social consequences of these changes.

Keywords: Z. Bauman, re-stratification, social inequality, social identity.

References

1. Baghdasaryan N.G., King M.P. "Dynamic theorizing" Z. Bauman: critical optics or the search for life strategies? // Philosophy of science and technology. 2016. T. 21. № 2. C. 182–191.
2. Bauman Z. Globalization. Implications for human beings and society. M.: The whole world, 2004.
3. Bauman Z. Individualized society. Moscow: Logos, 2002.
4. Bauman. Z. Five predictions and many reservations / Per. from the English S. Makartseva // Foreign literature. – 2006. – № 8.
5. Bauman Z. *Retrotopia*/per. From English V.L. Silaeva; scientific. ed. O.A. Oberemko. M.: VTSIM, 2019.
6. Bauman Z. Freedom. M.: New publishing house, 2005.
7. Bauman Z. Fluid modernity. St. Peter, 2008.
8. Vyatr E. Vyatr E. "Open Marxism" and Revival of Sociology: the Role of Julian Hochfeld and Zigmunt Bauman // VEGU Bulletin No. 1 (93) 2018. P. 133–143.
9. Dobrina O.A. Social risks of modernity and identity threats: a systematic analysis of the concept of Z. Bauman // Systemic psychology and sociology. 2019. № 4 (32). P. 92–102.
10. Inozemtsev V. Zigmunt Bauman and his "individualized society" // Higher education in Russia. 2004. № 1. S.142–145.
11. Disconnecting Acts: An Interview with Zigmunt Bauman / By E. Kristal, A. De Boever; Transl. from Eng. by O.A. Oberemko // Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal 2017. Vol. 23. No. 1. P. 156–176.
12. Krutalevich A.N. Mobility as a value characteristic of the culture of modern times//Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 9 (364). Philosophy. Sociology. Cultural studies. Out. 36. Page 71–74
13. Masalov A.G. The Discourse of social cohesion in the era of "liquid modernity" // Research result. Social studies and humanities. – T. 4, No. 3, 2018. P. 43–49.
14. Podvoisky D.G. Challenges of "fluid modernity": answers by Zigmunt Bauman// Man. (Prospects of Humanism) 2010. № 1. C. 66–78.
15. Troitskiy K.E. Zigmunt Bauman: from criticism of universalism to unlimited moral responsibility // Ethical thought 2019. T. 19. № 1. Page 5–19.

Многообразие религиозного опыта в современном обществе: социологический анализ

Грудина Татьяна Николаевна,

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: tngrudina@gmail.com

В данной работе предлагается анализ рубрики «Социология религии» журнала «Социологические исследования» (Социс). Рассматриваемые статьи объединены по разным направлениям в зависимости от тематики. Проведенное исследование позволило выявить основные тенденции и векторы в области развития социологии религии в современном научном социологическом знании, обобщить основные направления научно-исследовательского знания. Проанализированы публикации, размещенные в журнале за последние пять лет. Статистика публикаций в указанной рубрике позволяет косвенно судить о вкладе журнала в развитие такой достаточно малоизученной отрасли в социологии, как социология религии. В представленном обзоре предпринята попытка отразить наиболее современные и актуальные тренды и направления исследовательской деятельности в области социологии религии. Принимая во внимание, что в рамках данного обзора мы не стремились дать описание подробной картины, сложившейся на настоящий момент в данной области, мы остановимся лишь на тех основных темах, которые поднимались в журнале и предлагались к социологическому обозрению. Многообразие заявленных тем раскрывает значимость и актуальность дальнейшего развития социологии религии как исследовательского направления с учетом положения журнала как ведущего профессионального издания широкого профиля. Наряду с этим, отмечается необходимость дальнейшего изучения религиозной проблематики с точки зрения современных глобальных вызовов и отечественных реалий.

Ключевые слова: социология религии, отрасль знания, новые религиозные движения, Церковь, религиозный выбор, государственно-конфессиональные отношения, религиозность.

Несколько общих замечаний. Необходимо отметить, что социология религии является междисциплинарной отраслью знания социологической науки. Здесь социологический подход находится в тесной взаимосвязи с подходами других научных дисциплин, которые занимаются изучением религии. Рассматривая социологию религии как отдельную отрасль знания, следует отметить, что она выступает в качестве «научного исследования социальной обусловленности, социального содержания, социальных функций религиозных институтов (вероисповедных установлений и организаций) и религиозных практик (индивидуального и группового поведения); осуществляется с помощью количественных и качественных методов; включает в себя теоретическую, эмпирическую и прикладную социологию религии» [30, С. 8].

По мнению ученых, занимающихся разработкой и исследованием данной проблематики, «социология религии может выступать и как одна из отраслей (субдисциплина) общей социологии, и как одно из направлений религиоведения, и как рефлексия религиозной мысли над социальным измерением религии (религиозная социология). В научном языке социологии религии имеются религиозные понятия, получившие социологическое осмысление (например, «церковь», «секта», «культ», «дениминация» и пр.). Стоит отметить, что общепринятые социологические термины, а также понятия, заимствованные из ряда других социо-гуманитарных дисциплин, сочетаются с указанными выше дефинициями (например, депривация, стигматизация, конверсия и пр.).

Что касается предметной области социологии религии, здесь исследователи могут как значительно сужать ее рамки, так и чрезмерно их расширять (в зависимости от того, что вкладывается в трактовку данного понятия – что

считать религией, а что ею не является).

Рассматривая накопленный опыт в области исследования социологии религии, можно добавить, что «энциклопедические издания по вопросам религии и общества на многих научных конференциях и в периодике по социологии религии постоянно указывает на отставание используемых теорий от растущего многообразия религиозных процессов и явлений. На исходе XX века был поставлен вопрос о формировании «новой парадигмы» социологического исследования взаимоотношений религии и общества (С. Уорнер и др.). Некоторые исследователи предлагают пересмотреть привычные стереотипы и не пытаться свести к стандартному образу религии то, что можно описать более широким понятием «духовности» (Р. Фенн, К. Флэнаган, К. Кристиано и др.)» [30, С. 8]. Специалисты в области социологии религии отмечают, что «принципом социологии религии является отказ от априорных оценок в отношении к явлениям религии – любое из них должно рассматриваться не как “истинное” или “ложное”, а исходя из выявления реальных (социальных, моральных, психологических, мировоззренческих) потребностей последователей религиозных идей, из анализа функциональности религиозных учений, ритуалов, организаций в структурах общества. Социология религии имеет дело только с тем материалом религиозной жизни индивидов и общества, который доступен научному инструментарию. Считается, что такие феномены как мистический опыт верующих или же конфессиональные смыслы вероучений не могут быть предметами социологического исследования. На почве разных трактовок этого обстоятельства обозначилось разделение между светской социологией религии и религиозной социологией» [30, С. 4].

Упомянув значимые общие тенденции и содержательные характеристики в области социологии религии, перейдем к рассмотрению основных тем, которые были затронуты авторами публи-

каций по социологии религии в журнале «Социс» в последнее пять лет. Среди актуальных направлений исследований можно выделить как проблемы религиозного фундаментализма, религиозного национализма, секуляризации, так темы, связанные с религиозного религиозного выбора, взаимоотношений религии и общества, изучению феномена «религиозности», социальным аспектам религиозной жизни. Активно развиваются исследования мотивов и направлений религиозного поиска среди молодого поколения нашей страны. Особое внимание исследователей привлекло к себе так называемое религиозное возрождение на постсоветском пространстве и бывших социалистических странах. Новые религиозные движения (НРД) рассматриваются на основе ценностей и потребностей, а также методологии их изучения, реакции общества и государства на НРД. Далее мы приступим к рассмотрению и анализу отдельных направлений.

Новые религиозные движения. Актуальным направлением в социологии религии является социологическое изучение новых религиозных движений (НРД). В условиях современных технологий и глобального общества активно развиваются и начинают конкурировать с традиционными религиями новые религиозные движения [33]. Исследователи относят преимущественно НРД к религии городов. Новые формы религиозности успешно приспособливаются и активно развиваются в условиях городского образа жизни. А также находят отклики среди различных слоев населения – это и молодежь, студенты, и специалисты высокого класса, мигранты и пр. Для современной религиозности характерно формирование в условиях меняющейся религии. На выявление особенностей и закономерностей этих изменений и направлен исследовательский фокус многих социологов религии в настоящее время.

Вышедшая в 2018 году статья «Типологизация новых религиозных движений на основе ценностей и потребностей» (№ 1–2018) авторского коллек-

тива Т.С. Прониной, Ю.С. Федотова, Е.Ю. Федотова [18] посвящена проблемам типологизации новых религиозных движений, их рассмотрению сквозь призму ценностей и потребностей. Как отмечают авторы, в современное информационное общество предлагается множественный выбор различного рода религиозных объединений. В связи с этим, именно ценности и потребности являются решающими при осуществлении выбора адептами того или иного религиозного объединения. Авторы на основании сравнения ценностей и потребностей респондентов составляют и описывают социологические портреты верующих, анализируя их мотивационный религиозный выбор. Помимо этого, исследователями также был затронут вопрос мотивов религиозного выбора, а конкретно, каковы мотивы верующего человека, имеющего потребность пренебречь возраставшую его религиозную традицию в культурном плане, стремление к нетрадиционности. При этом «нетрадиционность в рассматриваемом случае определяется контрастом привнесенных или возрожденных идей по сравнению с устоявшимися в течение длительного времени представлениями, практиками и моделями поведения, ставшими привычными внутри окружающей культурной среды» [18, С. 74]. По мнению авторов, феномену нетрадиционной религиозности разные социальные науки все больше проявляют свой исследовательский интерес.

Продолжая тему НРД, обратимся к статье, опубликованной в 2016 году В.А. Мартинович «Методологические проблемы мониторинга новых религиозных движений» (№ 6–2016) [10]. Автором были выявлены основные методологические проблемы, которые появляются при осуществлении мониторинга качества новых религиозных движений (НРД) в конфессиональном пространстве разных стран мира. Как было упомянуто в исследовании, ключевыми проблемами, в рамках мониторинга являются проблемы, связанные с разработкой понятийного аппарата, а также

по сбору и обработке информации. Существующие препятствия на пути к объективному и независимому процессу проверки и перепроверки как единиц анализа, так и в области рассмотрения различных переменных, кодов, маркеров, с опорой на которые каждый исследователь мог бы осуществить корректную проверку и идентифицировать необходимые документы, относящиеся к деятельности НРД. С статье был предложен также и определенный метод в разрешении указанных проблем, который прошел апробацию при мониторинге НРД в Республике Беларусь в период 1997–2015 гг. Касательно исследования НРД, было отмечено, что «научно-исследовательские институты и органы государственного управления, специализирующиеся на мониторинге конфессионального пространства, не берутся за учет многообразия форм и типов нетрадиционной религиозности. Они представляют сведения о зарегистрированных религиозных организациях, исходя из допущения, что все формы религиозных сообществ значения не имеют. Одной из причин такого подхода является наличие методологических проблем, с которыми неизбежно сталкивается исследователь, приступающий к мониторингу НРД. Характер и специфика этих проблем, как и пути их преодоления, зависят от того, какие аспекты феномена НРД и/или реакции на него со стороны окружающего общества подлежат мониторингу» [10, С. 56].

Религиозность как исследовательская категория. Переядем к рассмотрению темы эмпирического анализа такого понятия как «религиозность», каким образом, по мнению ряда авторов, можно интерпретировать полученную информацию в ходе исследования феномена «религиозности», с какими трудностями сталкивается исследователь в этом направлении. Современная социологическая мысль понятию религиозности уделяет значительную роль как на уровне гипотез, так и теоретических построений. Здесь ученые сталкиваются с необходимостью переосмыслиния и подходов, и инструмен-

тария в рамках операционализации операционализации понятия религиозности. Данной теме в журнале «Социс» были посвящены работы, вышедшие в 2016, а затем и в 2018 году исследовательским коллективом Н.С. Бабич, В.И. Хоменко «Концептуальные основы построения одномерной шкалы религиозности» (№ 6–2016) [5]; «Шкала «предрасположенность к религиозности»: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации модели» (№ 1–2018) [4]. Авторами была предпринята попытка обосновать насколько применима к массовым опросам одномерная шкала при изучении религиозности респондентов с целью измерить «предрасположенность к религии». Исследовательским коллективом применялся когнитивно-ориентированный подход, поскольку именно его авторы считают наиболее подходящим для измерения религиозности в рамках крупных исследований. Как это было указано выше, именно когнитивная теория религии была адаптирована и концептуализирована к задачам измерения в социологии, апробировалась одновопросная порядковая измерительная шкала «предрасположенность к религии». Также рассматривалась возможность ее дальнейшего применения и повышения уровня формализации. На основании проведенного исследования, авторы делают вывод о целесообразности и в дальнейшем развивать и применять когнитивно-ориентированный способ измерения религиозности. «Необходимость дополнительной операционализации связана с тем, что наиболее распространенные определения религии в социологической литературе, являясь теоретически обоснованными и проверенными временем, все же не могут удовлетворять всем многообразным контекстам эмпирических исследований религиозности. Поэтому начать анализ понятия “религия” полезно с рассмотрения ограничений его определений (прежде всего, словарных, как наиболее четко соотносящихся с языком социологических исследований), делающих не вполне удобным

их использование в качестве основы для разработки одномерной шкалы религиозности» [5, С. 66]. Поставленную перед собой задачу авторы рассматривают как поисковую и дискуссионную, и предлагают данную шкалу в качестве определенного русскоязычного инструмента к массовым опросам. Рассматривая возможность применения данной шкалы в исследовательских проектах, авторы отмечают: «религиозность – феномен вполне “прозрачный”, часто исследуемый и трудноуловимый, создающий массу методических проблем. Относительная простота исследований религиозности обнаруживается, прежде всего, там, где она служит проявлением идентичности социальной группы, то есть входит в комплекс представлений людей о самих себе и своем поведении. В таких случаях оправданно, например, полагаться на самооценку религиозности респондентами, ибо кто же лучше их самих может знать, какая у них идентичность. Однако любые сравнительные исследования, охватывающие представителей разных традиций, сталкиваются с серьезными трудностями» [5, С. 65–66]. Среди трудностей, возникающих при измерении религиозности в условиях разных традиций, отмечалось отсутствие одномерной шкалы религиозности.

Конструированию обобщенного показателя **религиозности** посвящена статья Е.В. Пруцковой, К.В. Маркина «Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности» (№ 8–2017) [19]. Для измерения феномена религиозности социология религии накопила достаточно большое количество подходов, среди которых основную часть составляет методологическая литература по проблемам операционализации указанного понятия [26, 31, 32]. Вместе с тем, авторами было отмечено, что проблеме конструирования общего показателя религиозности внимание практически не уделяется. В статье авторы попытались представить типологию православных россиян. В основу данного анализа был полу-

жен иерархический кластерный анализ по результатам всероссийского опроса «Ортодокс монитор» (2011) [31]. Типология приводится по четырем индикаторам: вера в Бога, частота посещения храма, частота посещения религиозных служб, частота исповеди и причастия. В работе представлены три основных подхода к решению задачи конструирования показателя религиозности в социологическом исследовании. Рассмотрены в этих подходах как сильные, так и слабые стороны» [19].

Региональному аспекту в области исследования **религиозности** посвящена статья авторского коллектива Е.И. Гришаевой, О.М. Фархитдиновой, В.А. Шумковой «Религиозность верующих Екатеринбургской метрополии: от ортодоксии к постсекулярной эклектике» (№ 8–2017) [7]. В изложенном материале рассмотрена «эклектическая религиозность» как вне, так и внутри Церкви. Важно отметить, что авторы указывают на значимость решения в своей статье таких основных проблем, как концептуализация понятия «эклектическая религиозность», а также совершают попытку уточнить, каким методом измерять уровень религиозности среди респондентов. Среди прочих тем, подробно разбираются следующие вопросы изучения религиозности: каким образом эклектическая религиозность распространяется в зависимости от возраста респондентов? Существует ли зависимость уровня религиозности от уровня религиозной грамотности респондентов? Каким образом проявляются неортодоксальные идеи и практики православных христиан (в сравнении по городам Свердловской области)? В своих теоретических умозаключениях авторы приходят к выводу о том, что «эклектическая религиозность – следствие институциональной дифференциации, религиозного плюрализма, индивидуализации религиозного опыта. Ее распространенность связана с тем, что демонтаж советской секуляризации модели и постсоветская экономическая нестабильность привели к росту интереса к религиям при отсутствии условий

для религиозной социализации. Наиболее высок уровень эклектической религиозности среди слабовоцерковленных, связан с низким уровнем ритуальной активности и религиозной грамотности, слабой вовлеченностью в жизнь церкви» [7, С. 115]. С точки зрения возрастной дифференциации, авторы приходят к выводу о большей открытости молодого поколения в отношении нетрадиционных представлений, склонно к экспериментам и новациям вследствие возрастных особенностей.

С темой изучения **религиозности** также связана статья С.В. Рыжовой «Особенности изучения религиозной идентичности россиян» (№ 10–2016) [20]. В статье в качестве ключевого методологического вопроса был поставлен следующий тезис – возможно ли с точки зрения самоидентификации респондента считать его религиозным. Здесь акцент делается на том, каковы мотивы религиозной идентичности и субъективный смысл, выделяются индикаторы религиозности и религиозной самоидентификации. На основании проведенного исследования, автор отмечает: «религиозную идентичность можно рассматривать как связующее звено между институциональной религиозностью и личными религиозными мотивами. Она определяется социальными факторами и сама оказывает влияние на социум» [20, С. 120]. Примером в становлении религиозной идентичности взято преимущественно православие. Также разработана типология религиозной (православной) идентичности. Следующие типы православной идентичности были представлены исследователями: внеинституциональная православная идентичность, групповая православная идентичность, индивидуально-личностная православная идентичность, социально-личностная православная идентичность. В качестве одного из выводов, приводится достаточно противоречивый по мнению разных исследователей, но вполне правомерный тезис о том, что «религиозной самоидентификации достаточно, чтобы считать че-

ловека обладающим той или иной формой религиозного сознания, а значит, и религиозной идентичностью. Если в той или иной мере он соотносит себя с религией и относит себя к числу верующих/религиозных, то можно говорить о наличии религиозной идентичности. В основе личного самоопределения человека в отношении религии лежит ценностный выбор и определенная мотивация. В основе формирования религиозной идентичности лежит конфигурация личностных мотивов: потребность в принадлежности к устойчивой макрообщности, «очарованность» культурой, поиск нравственного авторитета, смысла жизни, собственно богоискательство. Ценности и мотивы религиозной идентичности оказывают воздействие на социальное поведение человека, определяют его конфессиональный облик» [20, С. 120]. По мнению М.М. Мчедловой, «сегодня российскими социологами единодушно отмечается, что современная массовая религиозность, сформировавшаяся в период постсоветского развития страны, имеет черты культурной идентичности, она формируется как духовная консолидация вокруг культурно-ценностной матрицы, которая на протяжении жизни многих поколений обеспечивала социально-культурную устойчивость и выживаемость общества» [12, С. 78]. Таким образом, вопрос религиозной самоидентификации в массовых опросах по прежнему остается дискуссионным и требует более внимательного эмпирического обоснования при дальнейших исследованиях.

В продолжении темы **религиозности**, а именно, более углубленному изучением религиозных политических ориентаций посвящена статья С.В. Рыжовой «Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций» (№ 10–2015)[21]. Религиозно-политические ориентации мусульман и православных были рассмотрены автором на примере исследования в Республике Башкортостан. Рассматривался аспект религиозно-политических ориентаций

мусульман и православных и основания для межконфессионального доверия. Отдельно и более пристально анализировались установки молодежи в сфере государственно-религиозных отношений. Так, по мнению автора, «этническая солидарность и религиозность обнаруживают особую значимость культурного фактора в процессах общественной и политической консолидации страны. Религия становится одним из маркеров этнической идентичности, фактором политики и процессов формирования гражданского общества» [21, С. 136].

Интересная и весьма злободневная тема рассмотрена в работе Х.В. Дзуцева, Н.В. Корниенко – «Отношение жителей Северного Кавказа к свободе вероисповедания и вероотступникам» (№ 1–2018) [8]. В качестве актуальных региональных проблем распространяются идеи свободы вероисповедания, а также насколько сильно одобряется или осуждается такой феномен как вероотступничество в рамках отдельного региона (Северного Кавказа). По мнению исследователей, именно отношение к вероотступникам показывает истинный уровень свободы вероисповедания и уважения к праву каждого человека на религиозное самоопределение. Этническая и религиозная идентичность авторами рассмотрены во взаимосвязи, что позволяет им сделать вывода о том, как распространяются идеи свободы вероисповедания среди населения – от безразличного отношения до открытого выражения либо одобрения, либо осуждения тех, кто совершил отступление от исповедуемой веры. Также были рассмотрены особенности, связанные с религиозной принадлежностью среди христианского (по преимуществу православного) и мусульманского населения жителей Северного Кавказа. Как отмечают исследователи, «несмотря на многовековую историю сосуществования разных религий на территории самого полигэтнического региона России и высокого уважения к религиозным ценностям православных христиан и мусульман, идеи

свободы вероисповедания не всегда находят отклик у жителей СКФО РФ. Религиозная принадлежность воспринимается как элемент этнической самоидентификации, поэтому вероотступничество относится не только к сфере религии, но и к межэтническим взаимоотношениям» [8, С. 91].

Светская социология религии и религиозная социология. Что касается темы светской социологии религии и религиозной социологии, в статье М.Ю. Смирнова «Религиозная социология и социология религии: соотношение и взаимоотношения» (№ 8–2014) [24] эта проблематика освещена достаточно подробно. Автор уделяет особое внимание некоторым теоретическим и теоретико-методологическим аспектам религиозной социологии. В частности, такое направление в социологии религии как «христианская социология» изучается довольно широко. Исследователем предпринята попытка разобраться и осмыслить проблемы применения современного социологического подхода к исследованию православия. Среди прочих рассмотренных направлений, значительное внимание уделяется рассмотрению положения социологии религии в России. Приведенная авторская трактовка помогает лучше узнать и понять специфику взаимоотношений социологии религии и религиозной социологии.

Как уже было отмечено ранее, важным и актуальным, по мнению автора, остается вопрос преподавания дисциплины социологии религии в условиях российского высшего образования. Эта тема подробна изучена в работе М.Ю. Смирнова «Образовательная среда социологии религии» (№ 5–2017) [23]. Здесь высказана авторская позиция о назначении религии и ее значимости в современном научном знании об обществе. Также обращено внимание на отсутствие в России специальной подготовки по социологии религии. Вместе с тем, в статье отмечается, что положение социологии религии характеризуется как маргинальное в образовательных программах по социологии

и по религиоведению на всех уровнях обучения в высшей школе (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура). Автор апеллирует к тому, что «в рамках высшей школы поддерживается лишь минимальный уровень знаний в области социологии религии, носителями которых являются отдельные преподаватели и немногочисленные студенты (преимущественно, обучающиеся по направлениям «социология» и «религиоведение»). Неудивительно поэтому, что вопросы социологии религии получают только эпизодическое отражение в избираемой тематике курсовых и выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций» [23, С. 86]. Автор активно защищает среди научного сообщества тезис «об общественной необходимости профессионального образования по социологии религии, настаивая на том, что обществу нужны люди, умеющие точно понять и публично объяснить то, что происходит с религией и вокруг религии в этом обществе» [23, С. 86].

Государственно – конфессиональные отношения. Вопросам государственно-конфессиональных отношений посвящена статья М.М. Мчедловой «Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности» (№ 10–2016) [11]. Современное общество, по мнению автора, на уровне социокультурного и политического пространства постоянно сталкивается с новыми формами и тенденциями в религиозной сфере. «Пересмотр западного политического и ценностного проекта сместил фокус дискуссий о соотношении устойчивого и подвижного, традиционного и современного в религиозную призму. Возникающие новые конфигурации в публичной и приватной сферах маркируют трансформацию традиционных взаимоотношений религии, общества и государства, соответствовавших модерну и парадигме секуляризации» [11, С. 110]. В дополнение отмечено, что «постоянно возникающие вызовы и угрозы, существующие в условиях глобальных рисков религиозного терроризма, увеличение влияния ре-

лигиозной и конфессиональной идентичности имеет определенную остроту и значимость как в рамках цивилизационного уровня, так и на уровне локальном, личностно-индивидуальном» [11, С. 110].

Теме взаимоотношения Церкви и государства уделяет внимание в своей статье Г.С. Широкаловой «Свобода совести как политический инструмент в дискуссиях 1980-х гг.» (№ 3–2015) [27]. По поводу того, каким образом происходит взаимодействие институтов церкви и государства, автор пишет, что четверть века назад наше общество вступило в новый формат этих отношений. Затронутая проблематика, по мнению экспертов, является весьма спорной и дискуссионной, поскольку мнение населения, как показали результаты исследования, отражает как позитивное, так и негативное отношение к подобного рода взаимодействиям между церковью и государством. Также высказывались опасения относительно сращивания этих основополагающих для жизни общества институтов. Здесь стоит обратить внимание на мнение академика Д.С. Лихачева, который в одном из своих интервью определил (с опорой на опыт дореволюционного периода истории) вектор возможных взаимоотношений между Церковью и государством: «Гарантия авторитета церкви – отдельность её от государства. Церковь и государство переплелись, и все вины государства падали на церковь. Эта формула погубила тогдашнее православие или, во всяком случае, подрубила его. Церковь должна быть отделена от государства. ...подчиненная государству церковь утратила свою духовную свободу, свободу совести. ...А христианство – это не идеология, буржуазная или социалистическая. Это мировоззрение плюс этические нормы поведения в быту, в жизни... было бы несчастьем для христианства – воссоединение церкви и государства. Наоборот, церковь должна быть полностью отделена от государства для того, чтобы она могла свободно развиваться и быть религией в полном смысле этого слова» [17].

В работе Л.А. Андреевой «Трансформация христианства в XXI в.: феномен «южного христианства»» (№ 5–2017) [1] сделан акцент на происходящие изменения, связанные с перемещением мирового центра христианства с «глобального Севера» в страны «глобального Юга», общим процессом изменения традиционной этническо-географической локализации христианства в начале XXI в. В силу сложившегося территориального перераспределения, как отмечает исследователь, формируется феномен «южного христианства», а вместе с тем, по мнению автора, такого рода перемещение несет угрозу архаизации, понимаемой как закат христианства (по причине глубоких качественных отличий «южного христианства» от христианства Запада – «северного христианства»). Автор отталкивается в своих рассуждениях от тезиса о том, что «религиозная вера – не отвлеченная философская концепция, а важная, долгое время остававшаяся центральной составной частью культуры, высшей ценностью, опорой государственных и общественных институтов, фундаментом картины мира, то иссякновение христианской религиозности сопровождается существенными изменениями: европейская цивилизация перестает быть христианской. И логическим следствием этого является стремительное перемещение центра тяжести христианства в страны «глобального Юга»» [1, С. 78].

Конфессиональные сообщества и организации. Рассмотрению такой ведущей доктрины как иудаизм, а в частности изучению современного еврейства посвящены работы Е.А. Островской Среди них отметим: «Множественные современности ортодоксального еврейства Санкт-Петербурга» (№ 5–2017) [13], «Религиозное «еврейство»: опыт биографического нарратива в закрытой группе» (№ 2–2016) [15], «О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах» (№ 10–2016) [14]. Автор обращает внимание на особенность использования понятия «религиозность»

в рамках современного профессионального дискурса социологии религии. Как отмечает Е.А. Островская, понятие «религиозность» наиболее востребовано и часто используемое в исследованиях. Автором была предпринята попытка применить метод биографического нарратива, благодаря чему получилось выявить коллективные и индивидуальные компоненты религиозности. Как было отмечено в статье, всякий метод исследования обладает как положительными сторонами, так и отрицательными. Использование биографического метода имеет определенные трудности, что в работах было особо отмечено. Разъяснению методологических особенностей (поиску респондентов, стадиям интервьюирования и пр.), а также иллюстративным примерам на основе исследования повседневной еврейской религиозности еврейства Санкт-Петербурга, полевого изучения множественной современности питерского религиозного еврейства автор останавливает подробное внимание [13]. Фокус внимания был направлен исследователем на нарративы респондентов, принадлежащих к модерн-ортодокс и респондентов-хабадников любавчского направления, поскольку, как было отмечено, их взгляды и мировоззрение несут в себе принципиально различные культурные программы современности. Рассматривая дальше изучаемую автором тематику, Е.А. Островская обращает внимание на формирование глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспор [14].

Анализируя тему формирования диаспор, следует обратиться к исследованию А.И. Кирилловой «Вовлеченность в религиозные практики как фактор интеграции мигрантов» (№ 2–2016) [9]. К анализу здесь представлен тезис: каким образом вовлеченность в религиозные практики мигрантов из среднеазиатских республик влияет на их интеграцию в обществе. С помощью типологии мигрантов по их уровню религиозности, определяется исследователем существующая взаимосвязь как с конфессиональной, так и с этнической

идентификацией. Автор значительное внимание уделяет процессу ассилияции и налаживания взаимоотношения с принимающей их средой, каким образом осуществляется их интеграция в среду пребывания и социально-психологическая адаптация сквозь призму конфессиональной принадлежности.

Религиозный поиск молодого поколения. Как уже было упомянуто выше, в поле зрения современных исследователей по социологии религии вошли также и проблемы религиозного поиска молодого поколения нашей страны, поскольку «молодежная среда рассматривается и как “резервуар” для традиционных форм религии, и как потенциальный контингент для религиозных новообразований – куда пойдут “ищущие” из поколения “бэби-бума”, во многом связывается с доминирующими векторами социальных процессов» [30, С. 9]. Так, в статье Е.И. Аринина, Д.И. Петросян «Особенности религиозности студентов» (№ 6–2016) [3] рассмотрены особенности религиозности студентов, перспектив формирования «религиозного образа жизни» в молодежной среде и связи религиозности с установками на толерантность. Авторами были использованы подходы «коммуникативной онтологии» Н. Лумана и «интерпретативной антропологии» К. Гирца, с помощью которых, по мнению исследователей, более широко возможно изучить религиозность современного студенчества, ее характерные особенности (были представлены результаты анкетирования студентов Владимирского государственного университета). Авторы отталкиваются от вывода о слабой разработанности в социологической науке инструментария по адекватному измерению степени религиозности населения, а также выявлению мотивов, склонности индивидов подчинять свою жизнь требованиям их веры.

Продолжением проблематики религии в молодежной среде является статья Г.С. Широкаловой, О.К. Шиманской, А.В. Аникиной «Существуют ли

гендерные особенности религиозности студенческой молодежи?» (№ 6–2016) [28]. Сквозь призму изучения самоидентификации студенческой молодежи своей религиозности, значения семьи в религиозном выборе молодежи произведена попытка выяснить значение роли религии в обществе и личной жизни молодого поколения, если ли существенные гендерные отличия во мнениях респондентов. Как отмечают авторы, религия как для общества в целом, так и для молодежи в современных условиях скорее играет роль терапии, а не ориентацией на поиск смысложизненных ценностей, искания своей загробной участи. «Молодежь предпочитает инструментальную ценность веры как способа выживания и адаптации, но отнюдь не возрождения “соборности” как характеристики национального менталитета» [28, С. 78].

Секуляризация. Тема секуляризации в рамках социологии религии является весьма актуальной и широко исследуемой. Существующие концепции в этом направлении были изучены в статье Л.А. Андреевой, Л.К. Андреевой «Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций» (№ 3–2015) [2]. Авторы в своих рассуждениях отталкиваются от тезиса о том, что «к настоящему времени существуют две ключевые концепции развития западного мира, в которых важную роль играет религия: теория секуляризации и концепт “постсекулярного” мира» [Андреева, Андреева, 2015: 82]. Рассматривая смысловой контекст «постсекулярного общества», исследователи приходят к выводу «о росте религии не только в современном западном обществе, но и в мировом масштабе. Для этой религиозности характерна непривязанность к религиозным институтам, каждый индивид создает свой «персональный религиозный конструктор» [2, С. 85]. А также было обращено внимание на тот момент, что «в силу наличия в подсознании религиозных архетипов мы не можем говорить о секулярном человеке как антагонисте религиозного человека» [2, С. 88].

Социальные аспекты религиозной жизни. Инклюзивным формам религиозных практик посвящена статья М.А. Подлесной, В.В. Мельникова «Религиозная община в жизни инвалидов» (№ 10–2015) [16]. Как справедливо отмечают авторы, «в современном обществе недостаточно внимания к проблемам взрослеющих инвалидов. Представляется важным разобраться, как осуществляется связь инвалида и общества после того, как человек с ограничениями становится взрослым: нужен ли он обществу в той же степени, как и ребенок-инвалид, или что-то меняется в системе этих отношений, и если так, что именно? Находят ли они место в жизни, кто и какие организации занимаются их поддержкой и какова роль религиозных организаций (в частности, православных приходов) в адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья, в решении проблем, возникающих на фоне так называемой «испорченной идентичности?» [16, С. 145].

В статье И.П. Рязанцева, М.А. Подлесной, И.И. Козлов «Феноменология православных ценностей в оценке экспертов» (№ 8–2014) [22]. Рассматривается взаимодействие института образования и религии в спектре аксиологического подхода. Авторским коллективом была поставлена задача выявить с помощью мнений экспертов духовных и светских высших учебных заведений ценности православия, а также смыслы, вкладываемые в них. На основе проведенного эмпирического исследования, авторы пришли к следующим выводам: «ценности вне религиозного контекста, вне веры имеют иную интерпретацию, так как в них вкладываются другие смыслы. Одни и те же ценности представителями христианской (в частности православной) и светской культур могут различаться по содержанию, что приводит и к различиям в поведенческих стратегиях. Можно говорить о существовании феномена православных ценностей, а также о наличии в обществе двух смысловых пространств: православного и светского. [22, С. 134].

Подводя итоги рассмотрению рубрики социологии религии журнала «Социологические исследования», можно отметить, что изучение данной отрасли социологии имеет достаточно широкие границы. Многообразие заявленных тем раскрывает значимость и актуальность дальнейшего развития социологии религии как научной дисциплины и исследовательского направления. По мнению экспертов, не следует упускать из виду и тот факт, что материал социологии религии, полученный на основании корректных исследовательских процедур, вместе с тем адекватно и грамотно осмысленный, может способствовать эффективному решению насущных задач развития общества в контексте данной темы [30].

Литература

1. Андреева Л.А. Трансформация христианства в XXI в.: феномен «южного христианства» // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 76–83;
2. Андреева Л. А., Андреева Л.К. Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 82–88;
3. Аринин Е. И., Петросян Д.И. Особенности религиозности студентов // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 71–77;
4. Бабич Н. С., Хоменко В.И. Шкала «предрасположенность к религиозности»: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации модели // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 94–104;
5. Бабич Н. С., Хоменко В.И. Концептуальные основы построения одномерной шкалы религиозности // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 65–71;
6. Быков Р.А. Новые религиозные движения через призму теории культурных ментальностей П.А. Сорокина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Томск: Томскийгосударственныйу-
- ниверситет. 2011. № 1(13). С. 171–179;
7. Гришаева Е. И., Фархитдинаева О.М., Шумкова В.А. Религиозность верующих Екатеринбургской метрополии: от ортодоксии к постсекулярной эклектике // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 106–117;
8. Дзуцев Х. В., Корниенко Н.В. Отношение жителей Северного Кавказа к свободе вероисповедания и вероотступникам // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 83–93.
9. Кириллова А.И. Вовлеченность в религиозные практики как фактор интеграции мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 119–128.
10. Мартинович В.А. Методологические проблемы мониторинга новых религиозных движений // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 56–65.
11. Мчедлова М.М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110–118.
12. Мчедлова М.М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 77–84.
13. Островская Е.А. Множественные современности ортодоксального еврейства Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 93–102.
14. Островская Е. А. О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 102–110.
15. Островская Е.А. Религиозное «еврейство»: опыт биографического нарратива в закрытой группе // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 110–118.
16. Подлесная М. А., Мельникова В.В. Религиозная община в жизни инвалидов // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 145–151.

17. Предварительные итоги тысячелетнего опыта. Беседа с академиком Д.С. Лихачевым // Огонек. 1988. № 10. С. 9–11.
18. Пронина Т. С., Федотов Ю.С., Федотова Е.Ю. Типологизация новых религиозных движений на основе ценностей и потребностей // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 73–82.
19. Пруцкова Е. В., Маркин К.В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 95–105.
20. Рыжова С.В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 118–127.
21. Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 136–144.
22. Рязанцев И. П., Подлесная М.А., Козлов И.И. Феноменология православных ценностей в оценке экспертов // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 128–135.
23. Смирнов М.Ю. Образовательная среда социологии религии // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 84–92.
24. Смирнов М.Ю. Религиозная социология и социология религии: соотношение и взаимоотношения // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 118–127.
25. Церковь и общество: вместе или порознь. Пресс-выпуск № 2861 от 23.06.2015 // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295> (дата обращения: 03.09.2020).
26. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005. – 296 С.
27. Широкалова Г.С. Свобода совести как политический инструмент в дискуссиях 1980-х гг. // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 89–96.
28. Широкалова Г. С., Шиманская О.К., Аникина А.В. Существуют ли гендерные особенности религиозности студенческой молодежи? // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 77–83.
29. Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 33–56.
30. Энциклопедический словарь социологии религии/ Под общей редакцией М.Ю. Смирнова. – СПб.: Платоновское философское общество. 2017. – 508 С.
31. Orthodox Monitor // [Электронный ресурс] URL: <http://socrel.pstu.ru/RU/orthodoxmonitor> (дата обращения: 15.09.2020).
32. EuropeanValuesStudy// [Электронный ресурс] URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (дата обращения: 15.09.2020).
33. Puttick E.A. New Typology of Religion Based on Needs and Values //Journal of Beliefs & Values, 1997. V. 18: 133–145.

THE DIVERSITY OF RELIGIOUS EXPERIENCE IN MODERN SOCIETY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Grudina T.N.

Moscow State University M.V. Lomonosov

This paper proposes an analysis of the “Sociology of Religion” column in the “Sociological Research” journal. The articles under consideration are grouped in different directions, depending on the topic. The study has made it possible to identify the main trends and vectors in the development of the sociology of religion in modern scientific sociological knowledge, to summarize the main directions of scientific research knowledge. Publications that had been posted in the journal over the past five years were put under analysis. Statistics of publications in this section for 2014–2018 allows us to judge indirectly the contribution of the journal to the development of such a rather poorly studied field in sociology as the

sociology of religion. This review is an attempt to reflect the most modern and relevant trends and directions of research in the field of the sociology of religion. Taking into account that, within the framework of this review, we did not seek to describe the detailed picture that has developed at the moment in this area, we will focus only on those main topics that were raised in the journal and proposed for sociological review. The variety of the stated topics reveals the significance and relevance of the further development of the sociology of religion as a research area, taking into account the position of the journal as a leading multidisciplinary professional journal. Along with this, the need for further study of religious issues from the point of view of modern global challenges and domestic realities is noted.

Keywords: sociology of religion, field of knowledge, new religious movements, Church, religious choice, state-confessional relations, religiosity, secularization.

References

1. Andreeva L.A. Transformation of Christianity in the XXI century: the phenomenon of "southern Christianity" // Sociological research. 2017. No. 5. S. 76–83;
2. Andreeva L. A., Andreeva L.K. Secular or post-secular world? Verification of concepts // Sociological studies. 2015. No. 3. S. 82–88;
3. Arinin E.I., Petrosyan D.I. Features of students' religiosity // Sociological research. 2016. No. 6. S. 71–77;
4. Babich N.S., Khomenko V.I. The scale "pre-disposition to religiosity": empirical testing and increasing the level of formalization of the model // Sociological studies. 2018. No. 1. P. 94–104;
5. Babich N.S., Khomenko V.I. Conceptual foundations for constructing a one-dimensional scale of religiosity // Sociological studies. 2016. No. 6. S. 65–71;
6. Bykov R.A. New religious movements through the prism of the theory of cultural mentality P.A. Sorokina // Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science Tomsk: Tomsk State University. 2011. No. 1 (13). S. 171–179;
7. Grishaeva E.I., Farkhutdinova O.M., Shumkova V.A. Religiousness of the believers of the Yekaterinburg metropolis: from orthodoxy to postsecular eclecticism // Sociological studies. 2017. No. 8. S. 106–117;
8. Dzutsev Kh. V., Kornienko N.V. The attitude of the inhabitants of the North Caucasus to freedom of religion and apostates // Sociological studies. 2018. No. 1.P. 83–93.
9. Kirillova A.I. Involvement in religious practices as a factor in the integration of migrants // Sociological studies. 2016. No. 2. S. 119–128.
10. Martinovich V.A. Methodological problems of monitoring new religious movements // Sociological studies. 2016. No. 6. S. 56–65.
11. Mchedlova M.M. Religion, society, state: challenges and threats of our time // Sociological studies. 2016. No. 10.S. 110–118.
12. Mchedlova M.M. The role of religion in modern society // Sociological research. 2009. No. 12. P. 77–84.
13. Ostrovskaya E.A. Multiple modernities of Orthodox Jewry in St. Petersburg // Sociological studies. 2017. No. 5. S. 93–102.
14. Ostrovskaya E.A. About global transnational ethno-religious diasporas // Sociological research. 2016. No. 10. S. 102–110.
15. Ostrovskaya E.A. Religious "Jewry": the experience of biographical narrative in a closed group // Sociological research. 2016. No. 2. S. 110–118.
16. Podlesnaya M.A., Melnikova V.V. Religious community in the life of disabled people // Sociological research. 2015. No. 10. S. 145–151.
17. Preliminary results of the thousand-year experience. Conversation with academician D.S. Likhachev // Ogonyok. 1988. No. 10. S. 9–11.
18. Pronina T.S., Fedotov Yu. S., Fedotova E. Yu. Typologization of new religious movements based on values and needs // Sociological research. 2018. No. 1.P. 73–82.
19. Prutskova E.V., Markin K.V. Typology of Orthodox Russians: the problem of constructing a generalized indicator of religiosity // Sociological studies. 2017. No. 8. S. 95–105.
20. Ryzhova S.V. Features of the study of the religious identity of Russians // Sociological studies. 2016. No. 10. S. 118–127.
21. Ryzhova S.V. Ethno-confessional identity and the formation of religious political orientations // Sociological studies. 2015. No. 10. S. 136–144.
22. Ryazantsev I.P., Podlesnaya M.A., Kozlov I.I. Phenomenology of Orthodox values in the assessment of experts // Sociological studies. 2014. No. 8. S. 128–135.
23. Smirnov M. Yu. Educational environment of the sociology of religion // Sociological research. 2017. No. 5. S. 84–92.
24. Smirnov M. Yu. Religious sociology and sociology of religion: correlation and relation-

ship // Sociological research. 2014. No. 8. S. 118–127.

25. Church and Society: Together or Separately. Press release No. 2861 of 06/23/2015 // Official site of VTsIOM. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295> (date of access: 03.09).

26. Chesnokova V.F. In a close way: The process of churching the population of Russia at the end of the 20th century. M.: Academic project, 2005. – 296 p.

27. Shirokalova G.S. Freedom of Conscience as a Political Tool in the Discussions of the 1980s. // Sociological research. 2015. No. 3. S. 89–96.

28. Shirokalova G.S., Shimanskaya O.K., Anikina A.V. Are there gender specific features of student youth religiosity? // Sociological research. 2016. No. 6. S. 77–83.

29. Eisenstadt S. New religious constellations in the structures of modern globalization and civilizational transformation // State, Religion, Church in Russia and abroad. 2012. No. 1 (30). S. 33–56.

30. Encyclopedic Dictionary of Sociology of Religion / Edited by M. Yu. Smirnov. – SPb.: Platonic Philosophical Society. 2017. – 508 p.

31. Orthodox Monitor // [Electronic resource] URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/orthodox-monitor> (date accessed: 09/15/2020).

32. European Values Study // [Electronic resource] URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (date accessed: 15.09.2020).

33. Puttick E.A. New Typology of Religion Based on Needs and Values // Journal of Beliefs & Values, 1997. V. 18: 133–14

Город не-мест в текучей современности Зигмунта Баумана

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Самая устойчивая вещь на земле – в плане культуры и цивилизации – это города. Урбанизация началась 10 тыс. лет назад и по нарастающей продолжается сегодня. Она расширяется, пожалуй, быстрее, чем расширяется, по заявлениюм ученых, наша вселенная. Рождались и умирали восточные и западные империи, рушились храмы, замки и мавзолеи. Не уцелело в первоначальном виде ни одно из семи чудес света. А города как фронтониры и форпосты социального прогресса здравствуют и процветают. Тем более непонятно, почему и как к ним можно применить метафору текучей современности З. Баумана. На этот вопрос собирается ответить автор.

Ключевые слова: З. Бауман, текучая современность, город, мобильность, не-место, инновации.

Город – территория или пространство быстрых перемен, мобильности, миграции, туризма, переселений, быстрой смены ролей, статусов и позиций, мест жительства и мест работы. Эти и другие черты текучей современности порождены не деревней и происходят не в сельской местности. Их драйвер – современный город, город, который никогда не останавливается, город, в котором никто не стоит на месте. В нем вообще нет места. В нем много не-мест – переходящие вымпелы, эстафетная палочка, движущийся эскалатор. Город никогда не спит и никогда не умирает.

Так примерно можно передать суть теории текучей современности З. Баумана. Он не выставляет на первый план город как основные подмостки, на которых разыгрывается «текучая» драма постмодернизма. Город скрывается скорее за занавесом. Но именно он, город, написал сценарий пьесы, он является ее режиссером и вдохновителем. И он же – главное действующее лицо. В итоге мы получаем такую теорию города, где город скрыт на втором плане, как тот человек, который сверху управляет за ниточки танцующими на сцене марионетками. Бауман прекрасно понимал, что каменные стены домов и разрисованные бельэтажи – всего лишь декорации на заднем плане. А суть творится впереди, она складывается из перемещающихся людей и машин, культурных смыслов произносимых слов и жестов. Даже в том, что не видно, что скрыто за ними на третьем плане, а именно подразумевается, намекается, неожиданно высекивает, что вероятно и предполагаемо, больше современности и правильного понимания современного общества, чем в планах, чертежах, постановлениях и монументах. Город – броуновское движение в мире слабых связей¹.

¹ В книге «Сила слабых связей» («The Strength of Weak Ties») Марк Грановеттер утверждал, что

Используя метафору «текущая современность» [1], британский социолог еврейской национальности и польского происхождения, сначала майор госбезопасности, а потом профессор Лидского университета, один из оригинальнейших умов современности, объясняет революционный переход от плотного мира, структурированного нормами, условиями и обязательствами, к миру пластичному, текущему, свободному от заборов, барьераов, границ. Глобальное общество – и прежде всего глобальный город, каковым сегодня становится по существу всякое поселение, – в эпоху интернета и социальных сетей строится поверх барьераов и границ. Нажатием кнопки тамбовский юзер связывается с незнакомцем в Брюсселе или на Майами, пересекает континенты, не выходя из дома. Его дом, точнее кабинет, стал континентом, а город – земным шаром.

Современность, опираясь на свои предыдущие работы [2–4], З. Бауман мыслит в терминах «информационное общество», «сетевое общество», «глобализация», «постмодерн», «потребительский храм», пространство потока. В эпоху «текущей современности», по мнению Баумана, города окончательно утрачивают функцию мест публичного обсуждения общих интересов. Отныне «горожане» не являются «гражданами» [5] – теперь это лишь «незнакомцы», не знающие и не желающие знать друг друга. «Города принято называть местом, где встречаются незнакомцы, где они остаются вблизи друг друга и где они взаимодействуют друг с другом на протяжении долгого времени, не переставая при этом оставаться незнакомцами. Чужаки – вещь не новая, но незнакомцы, которые остаются незнакомцами в течение долгого времени и даже всегда, появились в эпоху Нового времени. В типичных досовременных городах или деревнях чужакам не позволялось оставаться чужими на протяжении долгого времени. Одних изгоняли и не впускали обратно

слабые связи парадоксально сильны, потому что они связывают разрозненных людей и сообщества.

через городские ворота. С теми, кто желал и кому разрешали прийти и оставаться на более длительное время, обычно «знакомились» лично – подробно расспрашивали и быстро «одомашнивали», – так что они могли влиться в сеть отношений, уже созданную жителями города» [6, с. 26].

В череде уличных столкновений мы надеваем маску вежливости и извинений – иначе нельзя, нас слишком много спешащих по своим неотложным делам, а на конфликты некогда терять время. Мы спешим делать карьеру, покупать путевку на заграничный отдых, поговорить по «мобиле», послать месседж, пропоститься, посмотреть лайки. Текущесть – не просто форма, а вещество, из которой состоит городская жизнь. Мы все неузнаваемы друг другу, меняемы и изменяемы, вменяемы и невменяемы. Разговаривая друг с другом, умом мы где-то в другом месте, возможно, опять в Фейсбуке или Одноклассниках. Нас нет везде и мы хотим быть повсюду.

В текущей современности само собой обостряется проблема самоидентичности. Создание идентичности включает в себя две составляющие: принадлежность и дифференциацию. Бауман утверждает, что существует культурное обязательство создавать себя, свою идентичность посредством потребления. На самом общем уровне наличие идентичности и принадлежность к группе связаны с социальным императивом выглядеть достойным гражданином и горожанином. Для порядочного гражданина трудно отклониться от уровня жизни, потому что это означало бы отклонение от социальных норм и вызывало бы чувство стыда [7].

В городе – пространстве мультикультурностей и многоязычия – мы встречаемся с представителями самых экзотических стран и сразу же находим с ними общий язык, ибо и они знают современный интернет, его нормы, манеры и обычаи. И они также постятся, создают блоги, лайкаются. И они в своей стране тоже незнакомцы, так какая разница, где ему ходить по улицам

и в каком городе работать. Сегодня он здесь, а завтра там. Самолет мгновенно перенесет тебя на другой континент, а на быстром авто ты за день можешь побывать в нескольких городах и городках. В этом мире случайных встреч и необязательных отношений ты всегда турист, мигрант и кочевник. З. Бауман считает город одним из «плавильных тиглей» текучей современности, где варится всё и перевариваются все. Город как плавильный котел – американская метафора глобальной мультикультурности и всеобщей свободы.

Считается, что потребительская культура основана на переживании удовлетворения как преходящего. Это порождает ощущение, что требования ненасытны. Мимолетная природа потребительской жизни олицетворена Бауманом в его понятии текучей современности. Жизнь потребления, говорит Бауман, должна быть жизнью быстрого обучения и быстрого забывания [7]. Долговечность обесценивается. Бауман иллюстрирует это на примере косметической хирургии; люди могут постоянно «рождаться заново» благодаря пластичности человеческого тела. Более того, «главной достопримечательностью шопинговой жизни является предложение множества новых начинаний и воскрешений (шансов “родиться заново”)» [7, р. 49]. Тем не менее, полного удовлетворения через потребление никогда не произойдет. Обещания будут не выполнены, желания останутся, и их придется удовлетворять снова и снова, а торговая жизнь будет продолжать процветать.

Гигантские торговые супермаркеты – город в городе – уже не «бакалейная лавка на углу». Бесконечная череда зевак и покупателей больше походит на венецианский карнавал или вокзальную толпу. «Они помогают горожанам совершать символические путешествия за пределы повседневности. Но люди собираются здесь в огромные толпы лишь для того, чтобы сильнее насладиться природой собственной индивидуальности» [5]. Городские толпы и потоки – это место не-мест, сообще-

ство не-индивидуальностей, незнакомцев, потребителей, но не производителей. Здание, мост, сквер, магазин – лишь случайная и времененная остановка на пути современных кочевников. З. Бауман и мировую историю мыслит как перемещение кочевых племен до очередной земледельческой стоянки. Нынешняя цивилизация построена оседлыми этносами, привнесшими в мир текучести стабильность, ремесла, искусства, науки и города. Но современные очаги оседлости сами превращаются во временные бивуаки кочевников-сетевиков и потребителей. Налицо «цивилизационный зигзаг», превративший город в пространство не-мест.

В статье «Город страхов, город надежд» [6, с. 24–53], которая продолжает его книгу «Текущая современность», Бауман показывает и доказывает, что на протяжении многих столетий именно в городах назревали изменения, преображавшие затем общество. Во-первых, они, а не деревня, поражает общество революционными преобразованиями. Во-вторых, в современных городах ощущается больший поток инновация, чем в старых. В-третьих, поток изменений ускоряется, иногда превращаясь в настоящий потоп, который граждане не успевают переварить, осмыслить или уберечься. Одни изменения запланированы администрацией, которая не всегда выслушивает мнение горожан. Но неожиданности и опасности возникают также как незапланированные, стихийные, последствия запланированных мероприятий: ведь хотели как лучше. С пассажирами трансконтинентальных рейсов из одних мегаполисов в другие приходят не только товары, идеи и информация, но и вирусы. Пандемия, зародившаяся в одном городе, моментально охватывает весь мир.

Еще в 1995 г., напоминает Бауман Дж. Джилдер провозгласил неизбежную «смерть города» как бесполезного «остатка индустриальной эпохи», а С. Грэм и С. Марвин предлагали исполнить электронный реквием современному городу, называя его неким в духе «Бегущего по лезвию бритвы»

[6, с. 25]. Бауман предлагает не спешить с прогнозами и разобраться в текущем состоянии дел. А оно таково, что город и социальные изменения стали синонимами. «Изменения – это изменения качества городской жизни и формы городского существования» [6, с. 26]. Кто же делает город Нового времени кузницей инноваций? Они, те самые незнакомцы: «именно обилие незнакомцев, постоянных незнакомцев, «вечных незнакомцев» делает города благоприятной средой для изобретений и нововведений, рефлексивности и самокритики, неудовлетворенности, несогласия и стремления к лучшему» [6, с. 27]. Их стало так много, что коренным горожанам невозможно их стало адаптировать под себя, а поскольку численность городского населения росла по экспоненте, заработал «плавильный котел», и постепенно в городе все стали друг другу незнакомцами. Настала эпоха всеобщего отчуждения? И да, и нет. Настала эпоха перманентных научных, культурных и промышленных революций. Первой крупной из них стало появление капитализма: «Новое капиталистическое устройство, вовсе не поглощая, ассимилируя и одомашнивая незнакомцев, нарушило привычные связи и тем самым делало незнакомым знакомое. Капитализм был массовым производством незнакомцев. Это сделало взаимное отчуждение нормальной и почти универсальной формой отношений между людьми» [6, с. 28].

Дошедший до своего логического конца капитализм – это «глобальная деревня», которая и не деревня вовсе, ибо в «текучей современности» больше нет точной локализации центра и периферии, повсюду потоки власти и власть потоков. «Пространство потоков» и «пространство мест» уже не различаются, они схлопнулись в сингулярность, в которой происходит постоянное взаимопроникновение глобального и локального. Исчезает местный патриотизм, его сменяет космополитизм и равнодушие к своему локусу. Зыбкость и неуверенность, страх и не-

определенность – новое состояние общественного сознания в Новое время. «Город – это свалка страхов и опасений, порождаемых глобально вызванной неуверенностью», пишет Бауман в этой статье [6, с. 52].

Литература

1. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.
2. Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: Аспект-пресс, 1996.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
4. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Издательство Весь Мир, 2004.
5. Павлов А. Что происходит с городами в эпоху «текучей современности»? // Дискурс 12 октября 2016. [<https://discours.io/articles/social/chto-proishodit-s-gorodami-v-epohu-tekuchey-sovremennosti>]
6. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. – 2008. – № 3. – С. 26.
7. Bauman Z. Consuming Life. Cambridge: Polity Press, 2007.

THE CITY OF NO-PLACES IN THE FLUID MODERNITY OF ZYGMUNT BAUMANN

Kravchenko A.I.

Lomonosov Moscow State University

The most stable thing on earth – in terms of culture and civilization – are cities. Urbanization started 10 thousand years ago and continues to grow today. It is expanding, perhaps faster than, according to scientists, our universe is expanding. Eastern and Western empires were born and died, temples, castles and mausoleums collapsed. None of the seven wonders of the world survived in their original form. And cities are frontiers and outposts of social progress. Hello and prosper. It is all the more incomprehensible why and how the metaphor of the fluid modernity of Z. Bauman can be applied to them. The author is going to answer this question.

Keywords: Z. Bauman, fluid modernity, city, mobility, non-place, innovation.

References

1. Bauman Z. Fluid modernity / Per. from English ed. Yu.V. Asochakova. – SPb.: Peter, 2008.
2. Bauman Z. Think sociologically / Per. from English ed. A.F. Filippova. – M.: Aspect-press, 1996.
3. Bauman Z. Individualized society. M.: Logos, 2002.
4. Bauman Z. Globalization. Consequences for man and society / Per. from English – M.: Ves Mir Publishing House, 2004.
5. Pavlov A. What happens to cities in the era of “fluid modernity”? // Discourse October 12, 2016. [<https://discours.io/articles/social/ctho-proishodit-s-gorodami-v-epohu-tekuchey-sovremennosti>]
6. Bauman Z. The city of fears, the city of hopes // Logos. – 2008. – No. 3. – P. 26.
7. Bauman Z. Consuming Life. Cambridge: Polity Press, 2007.

Бесплатный общественный транспорт в стратегиях развития современных успешных городов

Медведев Андрей Витальевич,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Транспортные и технологические системы»

ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

E-mail: medvedevat@tyuiu.ru

Шитый Василий Петрович,

старший преподаватель кафедры «Транспортные и технологические системы»,

ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

E-mail: shityujp@tyuiu.ru

Статья посвящена проблеме формирования устойчивой городской мобильности посредством внедрения бесплатного проезда в общественном транспорте. Данная тема сегодня всё чаще озвучивается в общественно-политическом дискурсе и связана с необходимостью формирования устойчивой городской мобильности. В условиях актуализации экологических, социально-экономических проблем, а также в результате изменения моделей поведения современных горожан, бесплатный общественный транспорт рассматривается его сторонниками как способ решения ряда проблем. В статье рассматривается терминология, история, а также ряд ключевых аспектов, показывающих преимущества и недостатки внедрения полностью бесплатного общественного транспорта. В частности, затронуты такие аспекты, как финансирование общественного транспорта, снижение уровня использования личных автомобилей, тенденции, связанные с увеличением пассажиропотока, охрана окружающей среды, социальная интеграция, развитие городов. Сделан вывод, что внедрение только бесплатного проезда в общественном транспорте недостаточно для решения упомянутых проблем, а достижение целей возможно лишь в результате комплексного подхода с учётом местного контекста.

Ключевые слова: общественный транспорт, бесплатный проезд, социальная интеграция, экология города, личный автотранспорт.

Введение. В условиях обострения городских экологических проблем и необходимости решать задачи социально-го характера, актуализируются вопросы устойчивой городской мобильности. С учетом роли, которую общественный транспорт играет с точки зрения качества жизни в городах, расширение и облегчение доступа к нему является се-рьезной задачей. Также можно отметить, что рост популярности бесплатного общественного транспорта связан с высокой скоростью социально-тех-нологических трансформаций в цифро-вую эпоху и актуализацией ряда урба-нистических аспектов, связанных с из-менением моделей поведения совре-менных горожан, растущим запросом на преобразование городской среды и инфраструктуры. С учётом сказанно-го, концепция бесплатного перемеще-ния по городу на общественном транс-порте выглядит очень привлекательной.

Идея бесплатного общественного транспорта существует давно, однако в последнее десятилетие этот вопрос набирает обороты в общественном дис-курсе, а ряд крупных городов по все-му миру рассматривают реализацию такой возможности. Сегодня все чаще введение бесплатного проезда стано-вится элементом политической рито-рики и звучит в предвыборных обеща-ниях кандидатов на ключевые государ-ственные позиции. Так, во Франции, где бесплатный проезд на общественном транспорте внедряют уже несколько лет, а пользуются им сотни тысяч жите-лей более чем 30 городов страны, заме-ститель мэра Парижа и кандидат в пре-зиденты столичного региона, сделала бесплатный общественный транспорт своим ключевым обещанием в предвы-борной кампании [17].

В России проблематика бесплат-ного общественного транспорта так-же остаётся в актуальной повестке. В 2020 году в представленном Мин-

трансом проекте транспортной стратегии России до 2035 года авторы предусматривали возможность перехода страны к бесплатному общественному транспорту при условии введения платного проезда по большинству автодорог для владельцев личных автомобилей. Несмотря на то, что в новой версии проекта стратегии эта идея не нашла своего отражения, дискуссии по данной проблематике продолжаются. В нашей стране доля поездок на личном транспорте остаётся очень высокой – на него приходится около 95% от занимаемого пассажирским транспортом городского пространства, 80–95% выбросов и более 75% ДТП с пострадавшими. В связи с этим, рост использования общественного транспорта в России за счёт сокращения передвижения на личном в крупных городах рассматривается некоторыми экспертами безальтернативным [1].

Проблематика бесплатного общественного транспорта в развитых странах концептуализирована и носит название Fare-Free Public Transport (FFPT). Её обсуждение приносит вполне конкретные результаты в виде внедрения полностью бесплатных систем. Следует отметить, что не все эксперименты по внедрению бесплатного проезда были успешными, и на практике многие из них были свернуты. [14].

Несмотря на растущую популярность идеи бесплатного общественного транспорта, её внедрение сопряжено с рядом проблем социально-экономического характера. В этой связи крайне важно, чтобы позитивные эффекты, которые будут достигнуты при практической реализации этой идеи существенно превосходили возможные негативные последствия, а службы и инфраструктура общественного транспорта конкретного города не подверглись процессу деградации.

Методы. В работе проведён теоретический анализ различных аспектов внедрения бесплатного общественного транспорта, а также предложены возможные пути снижения потенциальных социально-экономических издержек.

Статья базируется на материалах вторичного характера, находящихся в открытом доступе. Это, в частности, публикации, освещающие существующий мировой опыт внедрения бесплатных транспортных систем; экспертные мнения и оценки по рассматриваемым вопросам; научные публикации зарубежных исследователей; результаты социологических опросов населения, проведённых крупными отечественными исследовательскими центрами; данные статистики.

Терминология. В первую очередь необходимо отметить, что понятие «бесплатный общественный транспорт» довольно условно. Бесплатным он, может быть, только для потенциальных пассажиров в то время, как транспортное обслуживание и инфраструктура не могут существовать без финансирования. Если финансирование осуществляется за бюджетные средства, то граждане участвуют в этом процессе за счёт налогов, которые они уплачивают в пользу государства. Таким образом, концепция бесплатного проезда в общественном транспорте подразумевает, что пользователи общественного транспорта не участвуют в финансировании транспортных услуг посредством оплаты проезда.

Наряду с полностью бесплатным общественным транспортом существует понятие частично бесплатного общественного транспорта. В первом случае речь идёт об отсутствии билетов или распространении билетов с нулевым тарифом. Во втором существуют различные варианты ограничения применения бесплатного проезда. Это, в том числе, бесплатный проезд, который регламентируется властями в особом порядке, например в период проведения каких-либо крупных городских мероприятий, или возникновения критических ситуаций. Можно привести пример французских городов Тулуза и Гренобль, где в первую волну пандемии COVID-19 власти ввели временный бесплатный проезд в общественном транспорте. Такие меры были предприняты с целью уменьшения контактов пасса-

жиров и сотрудников общественного транспорта, а также снижения оборота наличных денег.

Другие примеры: социальные льготы, позволяющие бесплатно передвигаться на общественном транспорте отдельным категориям граждан. Также существуют локальные (действующие на определённых участках транспортной сети) и временные (действующие в определённые часы) снятия ограничений на проезд с целью, например, снижения трафика личного автотранспорта в пиковые часы. Частично бесплатные схемы проезда распространены намного шире, чем полностью бесплатный проезд.

В настоящей работе речь ведётся именно о полностью бесплатном транспорте, что подразумевает выделение определённых критерии, соответствие которым позволяет говорить о его наличии. По нашему мнению, следует согласиться с критериями, выделенными в аналитической записке, подготовленной Комитетом по транспортной экономике международной ассоциации «Международный Союз Общественно-

го Транспорта» (UITP)¹. К полностью бесплатной упомянутая организация относит транспортную сеть, которая характеризуется отсутствием билетов или распределением билетов с нулевым тарифом. При этом бесплатный проезд, во-первых, применяется к большей части сети; во-вторых, им пользуется большинство пассажиров; в-третьих, он охватывает большую часть времени работы системы; в-четвёртых, действует на определённой территории дольше 12 месяцев.

Ретроспективный анализ показывает, что первый случай внедрения полностью бесплатного общественного транспорта имел место в США в 1970-х годах. В 2017 году таких систем уже насчитывалось 96. Из представленной в таблице 1 данных видно, что сегодня безусловным лидером в этом направлении является Европа, которая ещё в 2010-х годах перехватила инициативу у Северной Америки [14]. На сегодняшний день в Европе почти два раза больше полностью бесплатных транспортных систем чем в остальных регионах мира.

Таблица 1. Развитие схем с бесплатным проездом в мире (1970–2017)

Год	Европа	Северная Америка	Южная Америка	Австралия	Азия	ИТОГ
1970	–	1	–	–	–	1
1980	2	4	–	–	–	
1990	4	8	–	–	–	12
2000	7	16	2	–	–	25
2010	27	24	5	–	1	56
2017	56	26	11	1	2	96

Лидерами в деле внедрения свободных от отплаты транспортных систем сегодня являются США, Польша и Франция. С точки зрения размера населённого пункта – это малые и средние города. Первой страной в мире, где бесплатный проезд был введён в национальном масштабе на всех видах транспорта, включая автобусы, трамваи и поезда, стал Люксембург. Соответствующее решение правительства

вступило в силу 29 февраля 2020 года [5].¹

Рассматривая проблему внедрения бесплатного общественного транспор-

¹ UITP включает более 1800 компаний-членов в 100 странах мира и представляет интересы ключевых игроков в этом секторе. В ее состав входят транспортные предприятия, частные и государственные операторы перевозок всех видов общественного пассажирского транспорта. Ассоциация занимается экономическими, техническими, организационными и управлениемскими аспектами пассажирских перевозок, а также разработкой политики в области мобильности и общественного транспорта во всем мире.

та важно рассмотреть несколько ключевых аспектов, учёт которых позволит обосновать целесообразность данного мероприятия на определённой территории. Это вопросы финансирования общественного транспорта и стоимости перевозок; цели внедрения бесплатного проезда на общественном транспорте; учёт социальной составляющей и доступности общественного транспорта для горожан; возможный синергетический эффект, для развития города и его экономики.

Финансирование общественного транспорта и стоимость перевозок. Главной проблемой при введении бесплатного проезда, является определение канала финансирования общественного транспорта. Традиционно основные источники делятся на три типа: во-первых, плата за проезд; во-вторых, государственные субсидии, формируемые за счёт налоговых поступлений; в-третьих, стороннее финансирование.

Вклад и степень значимости каждого из источников варьируется в зависимости от местного контекста, однако можно отметить общее правило: стабильность и надежность может быть обеспечена разнообразием источников финансирования. В большинстве случаев оплата проезда покрывает значительную часть операционных расходов. В крупных городах, в том числе российских, уровень покрытия расходов составляет около 50% [6]. В малых и средних городах доля доходов от оплаты проезда значительно ниже. Так, в Люксембурге, о котором уже говорилось выше, доходы от оплаты проезда составляли около 8% от общих операционных расходов, во французском городе Дюнкерк это значение составляет 9,2%, а в Таллине (Эстония), где оплата за проезд в общественном транспорте была отменена в 2013 году, до внедрения бесплатного проезда доходы от продажи билетов покрывали треть издержек [3, 7].

Таким образом, малые и средние города, как правило, в меньшей степени полагаются на доходы от оплаты проезда, чем крупные. В то же время и по-

иск других источников, дополнительных коммерческих доходов для компенсации затрат, например, от аренды помещений на станциях, в малых городах осуществляется значительно сложнее. Таким образом основная нагрузка по обслуживанию транспортной сети ложится на власти, что, в свою очередь провоцирует усиление налоговой нагрузки на граждан.

Представленная ситуация демонстрирует, что внедрение бесплатного проезда сопряжено с существенным воздействием на финансовую модель общественного транспорта. Помимо эксплуатационных расходов, сети общественного транспорта нуждаются в крупных инвестициях, направленных на дальнейшее развитие услуг (обновление автопарка, прокладка новых маршрутов и т.д.). Это практически невозможно без поддержки государственного сектора, однако увеличение доли государственных субсидий для компенсации потери доходов от оплаты проезда может привести к вытеснению имеющихся средств для развития сети. Это, в свою очередь, делает общественный транспорт становится менее привлекательным для частных инвесторов.

Также можно отметить, что бесплатный проезд меняет характер взаимоотношений между операторами общественного транспорта и клиентами, отнимая у операторов использование ценообразования в качестве рычага для регулирования потоков в часы пик и в качестве маркетингового инструмента.

Снижение числа автомобилистов. Одной из главных целей развития общественных транспортных систем является увеличение пассажиропотока за счёт граждан, пользующихся общественным транспортом. Однако задача стимулирования владельцев личных автомобилей использовать общественный транспорт намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Достаточно упомянуть тот факт, что автомобилисты не торопятся пересаживаться в автобусы несмотря на то, что личный транспорт обходится намного доро-

же. Так, например во Франции годовая стоимость владения автомобилем в 16 раз превышает цену годового билета на общественный транспорт [16]. В России затраты на автомобиль у граждан также велики, а в последнее время выросли до европейских показателей из-за удорожания обслуживания, топлива, налогов, страховки, штрафов и прочих сборов. По данным исследования портала Авто.ру, среднемесячная стоимость владения автомобилем в нашей стране составляет около 32,2 тыс. рублей. Приблизительно такие же уровень расходов характерен для многих европейских стран. Несмотря на развитие альтернативных способов передвижения в городе: появления каршеринга и доступности услуг такси, снижения количества автовладельцев в России пока не наблюдается. По мнению экспертов, россияне пытаются адаптироваться к общему подорожанию владения автомобилем и пока не хотят отказываться от личного транспорта [10].

Имея это в виду легко понять, почему только бесплатного проезда будет недостаточно для привлечения автовладельцев к пользованию общественным транспортом. Решение этой задачи подразумевает поиск более сложных и комплексных решений, включающих с одной стороны, ограничительные меры, с другой – повышение качества обслуживания в общественном транспорте.

Какие конкретно механизмы могут показать свою эффективность в рассматриваемом контексте? Опросы пассажиров, которые проводились в Европе, показывают, что качество услуг общественного транспорта в большей степени влияет на предпочтения пользователей, чем их цена. К наиболее значимым критериям, респонденты относили надежность, пунктуальность, частоту движения, комфорт, безопасность и географический охват. Также исследователями было отмечено, что поведение пассажиров зависит не только от чисто рационального мышления, но и от эмоционального компонента [13]. Это во многом связано с тем, что

общественный транспорт выступает неотделимой составляющей городской культуры повседневности в рамках особого коллективного опыта. Он обобщает существующие культурные практики, в том числе характерные ценностно-символические и ментальные особенности, характерные для данной территории. [8, с. 3–4]

Аналогичные результаты можно наблюдать и у отечественных социологов. По результатам исследования, проведённого ВЦИОМ и сервисом Яндекс. Такси ограничить использование автомобиля готов каждый пятый респондент, причём ключевой критерий, по которому выбирают замену личному авто, – безопасность. Этот вариант ответа на соответствующий вопрос отметили 41% всех участников опроса (среди респондентов с детьми до 12 лет значение составило 46%). Другие критерии, возглавившие пятёрку рейтинга, это: стоимость поездки (39%), комфорт (38%), скорость (38%) и удобство маршрута (29%). Также в данном исследовании задавался вопрос о факторах сокращения времени пользования личным транспортом. К негативным респонденты отнесли рост цен на горючее, отсутствие парковок, к позитивным – снижение необходимости в поездках на автомобиле, и более частое использование общественного транспорта [4].

Таким образом, для обеспечения выбора населения в пользу общественного транспорта, крайне важно сосредоточить внимание на качестве его услуг. Эти действия необходимо сочетать с ограничительными мерами, направленными на стимулирование водителей автомобилей к более экологичным и доступным вариантам перемещения, а также другими мерами. Довольно интересный подход был предложен исследователями НИУ ВШЭ. Авторы, основываясь на результатах собственного социологического исследования, предложили использовать открытые данных об объектах транспортной инфраструктуры. Их внедрение в существующие и перспективные программные продукты и приложения для городской навига-

ции, по мнению авторов, стимулирует около 10% водителей г. Москвы, обычно ездищих на работу на автомобиле, пересесть на общественный транспорт при совершении поездок на работу [1].

Вышесказанное вызывает сомнения относительного того, в какой мере бесплатный проезд может обеспечить эффективность перехода автомобилистов к общественному транспорту. Возможно более эффективным механизмом могло бы стать ситуативное внедрение бесплатного проезда в общественном транспорте. Например, для повышения лояльности новых потенциальных пассажиров более целесообразно вводить бесплатный проезд для облегчения мобильности в определенные моменты времени, например, во время массовых мероприятий или в пиковые часы, когда на дорогах наблюдается высокий трафик и пробки. Подобной точки зрения придерживается и Eriksson L., отмечавший в своей диссертационной работе что для повышения привлекательности общественного транспорта нужны четкие расписания и маршруты, которые позволят пассажирам путешествовать более эффективно.

Тенденции, связанные с увеличением пассажиропотока. Существующий опыт внедрения схем бесплатного проезда в малых и средних городах, где автомобили рассматривались как основное средство передвижения, а доля общественного транспорта была крайне низкой, показывает положительные результаты. Заметное увеличение числа пассажиров наблюдалось главным образом в первый год реализации бесплатной схемы, после чего наступал период стагнации. Рассмотрим два показательных кейса.

Бесплатный проезд в общественном транспорте в городе Фридек-Мистек (Чешская Республика) был введен с марта 2011 г. Целью данной инициативы стала разгрузка трафика в центре города за счет увеличения количества поездок на общественном транспорте и снижения использования личных автомобилей. В качестве обязательного условия получения смарт-карты с пра-

вом бесплатного проезда, муниципалитет установил необходимость погашения долгов за парковочные билеты, тем самым решив задачу снижения долгов граждан перед городом. Реализация бесплатного проезда сочеталась с увеличением автобусного парка с 24 автобусов до 46.

В первый год пассажиропоток увеличился на 22% по сравнению с 2010 годом, в последующие годы – в среднем на 13,5% дополнительных пассажиров в год. Увеличение числа неиспользуемых парковочных мест в центре города в рабочие дни и непиковое время было сочтено доказательством того, что использование личных автомобилей в городе сократилось.

Другим ярким примером увеличения пассажиропотока при внедрении бесплатного проезда в общественном транспорте является город Хассельт (Бельгия). Здесь бесплатный проезд был введен в 1997, а прекращен в 2014. Бесплатный проезд рассматривался как альтернатива новой кольцевой дороги, строительство которой планировалось как средство уменьшения пробок в центре города. Проект был запущен в сочетании с расширением автобусной сети с трех до девяти маршрутов, а также увеличением частоты движения автобусов на линии. Параллельно вводились и ограничительные меры в отношении автомобилей: ограничение пропускной способности и сокращение парковочных мест.

В ходе реализации проекта, количество пассажиров автобусов увеличилось на 700%, с 1000 до 7000 пассажиров в день. При этом 63% новых поездок совершили прежние пассажиры автобусов, 16% владельцы личных автомобилей, 12% – велосипедисты и 9% – пешеходы. Через год после прекращения действия бесплатного проезда было отмечено сохранение пассажиропотока.

Вопросы охраны окружающей среды. Одним из главных аргументов сторонников бесплатного общественного транспорта является снижение экологической нагрузки на городскую сре-

ду, что, в свою очередь сопряжено с повышением качества жизни. Особо это актуально для крупных городов. Предполагается, что бесплатный проезд будет стимулировать переход от личных автомобилей к общественному транспорту, что, действительно оказало бы положительное локальное воздействие на качество воздуха, безопасность дорожного движения и шумовое загрязнение, а также на многие другие аспекты городской жизни. Однако исследования показывают, что хотя в городах с бесплатным проездом наблюдается положительная тенденция перехода к общественному транспорту, снижение использования личных автомобилей, как правило, незначительно. Такие выводы, в частности, были сделаны по результатам исследования проведенного лабораторией планирования экономики транспорта (Франция) [15].

Рост использования общественного транспорта осуществляется в основном за счёт тех, кто обычно перемещается пешком или на велосипедах, а также существующих пассажиров общественного транспорта. Владельцы же автомобилей с неохотой пересаживаются на общественный транспорт по объективным причинам: продолжительность поездки, а соответственно и время, за которое автолюбитель добирается до места назначения, увеличивается. Кроме того, в крупных городах сети общественного транспорта используются широко и в пиковые часы заполняются полностью, что снижает комфортность перемещения. Такого рода рост числа пассажиров увеличивает нагрузку на общественный транспорт, не обеспечивая ожидаемых выгод от уменьшения пробок или выбросов загрязняющих веществ в воздух. Скорее наоборот – возросший спрос на общественный транспорт обуславливает потребность в дополнительных ресурсах с целью избежания ухудшения качества услуг и влечет за собой дополнительные расходы, что может негативно отразиться на экологической ситуации.

Социальная интеграция. Одним из ключевых резонов внедрения бес-

платного проезда в общественном транспорте, декларируемый его сторонниками, является доступность для широких слоёв населения. Это, в свою очередь повышает уровень социальной интеграции, поскольку общественный транспорт облегчает доступ к рабочим местам, образованию, отдыху, здравоохранению и другим услугам.

На сегодняшний день практически во всех странах мира распространены социальные тарифы, увеличивающие мобильность (транспортную подвижность) социально уязвимых категорий населения. В России льготы на проезд регулируются соответствующими законами на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В 2021 году есть льготы на проезд в зависимости от региона, льготы действуют на передвижение в автобусах (в том числе пригородных и междугородних); в электричках и поездах; в метро; на маршрутках; в самолетах. Льготами охвачены такие категории, как пенсионеры, дети, школьники, ветераны боевых действий, ветераны труда, студенты, инвалиды и многие другие категории граждан. Льгота может быть предоставлена в виде полностью бесплатного проезда, скидки на покупку проездного билета, а также компенсации его стоимости.

Также в мировой практике существуют и более сложные подходы к тарифному ценообразованию, например, учитывающие покупательную способность семей. Здесь примечателен пример французского Гренобля, где городским руководством была внедрена солидарная система ценообразования, суть которой заключается в дифференциации стоимости проезда в зависимости от уровня дохода семьи. Нижний и верхний пределы годовых и ежемесячных тарифов практически на порядок отличаются между собой и распространяются на всех членов домохозяйства, в том числе детей. Так, цена годового билета варьируется от 30 до 236,40 евро.

В связи со сказанным логично предположить, что бесплатный проезд вряд ли сможет вывести социальную интеграцию на принципиально новый

уровень. Гораздо эффективнее, на наш взгляд, здесь может быть научно обоснованное тарифное ценообразование, базирующееся на исследованиях и обеспечивающее справедливое распределение финансовой нагрузки на различные категории горожан.

Развитие городов. Качество общественного транспорта является одним из ключевых факторов развития городов, и в некоторых случаях бесплатный проезд используется в качестве важнейшего инструмента реализации стратегий городского развития. Являясь критерием, на основе которого оценивается качество жизни в том или ином городе, его качество в значительной степени влияет на имидж и привлекательность для потенциальных переселенцев. Также бесплатный проезд служит маркетинговым инструментом. Он обеспечивает как международную известность для городов, так и чувство гордости для граждан по отношению как к их правительству, так и к сети общественного транспорта, независимо от того, входил ли бесплатный проезд в их ожидания.

Здесь характерен пример эстонского Таллина, который стал первой столицей в ЕС, отменившей плату за проезд. Стремление властей увеличить налоговые поступления за счет новых резидентов увенчались успехом. Уже в первый год эксперимента в Таллин переехали 16 тысяч человек, что пополнило столичный бюджет на 16 миллионов евро. Однако бесплатный проезд может вносить вклад в привлекательность города только при соответствующем качестве перевозок, что требует расширения линий, обновление парка и географический охват сети, что и было сделано в приведённом примере.

Помимо бесплатного проезда развитие городской экономики требует масштабного подхода к городскому планированию в пользу активных и интегрированных друг с другом видов транспорта. Бесплатный проезд дает заметный, но кратковременный эффект. Поэтому его лучше использовать в качестве маркетингового инструмен-

та, ограниченного определенным периодом времени или конкретными событиями, для поощрения использования общественного транспорта. Его следует также применять вместе с другими мерами, такими как увеличение предложения общественного транспорта, поддержка активных видов транспорта и ограничение парковки и проезда для автомобилей.

Заключение. В ряде городов в качестве потенциального пути достижения экологических, социальных и экономических целей обсуждаются полномасштабные инициативы в области внедрения бесплатного проезда в общественном транспорте. Мотивы и цели таких схем разнообразны по своему характеру и в большинстве случаев обусловлены политическими соображениями. В то же время перед внедрением бесплатного проезда властям необходимо провести серьезную оценку, включая возможные альтернативные решения, которые могут оказаться более эффективными.

Эффективность бесплатного проезда для достижения этих целей в значительной степени зависит от первоначального местного контекста и принятых сопутствующих мер. На сегодняшний день отсутствуют явные доказательства того, что одного бесплатного проезда в общественном транспорте достаточно для снижения доли личных автомобилей в пользу общественного транспорта, повышения уровня социальной интеграции и активного развития городов. Успешные кейсы демонстрируют, что для достижения упомянутых целей внедрение бесплатного проезда должно сочетаться с другими мерами.

Сегодня, романтизм относительно идеи полностью бесплатного транспорта постепенно сменяется прагматизмом. Всё чаще общественность прислушивается к мнению экспертов, демонстрирующих критическую позицию по отношению к бесплатному проезду в городах. Так профессор Университета Пенсильвании, эксперт в области городского транспорта Вукан Вучик считает,

что переход к полностью бесплатному общественному транспорту нереалистичен. По его мнению, это, во-первых, очень дорого, во-вторых, создает ряд проблем социально-психологического свойства. В частности, урбанист указывает, что «в нескольких городах, где общественный транспорт был бесплатным, было обнаружено, что люди начинают вести себя по-другому. Например, люди садятся в автобус, чтобы поспать. Есть и другие проблемы, связанные с тем, что поведение людей меняется».

Важно понимать, что полностью бесплатный проезд в общественном транспорте влечет за собой расходы, которые должны нести правительство, налогоплательщики и/или сторонние финансовые инвесторы таким образом, чтобы не ставить под угрозу финансовую устойчивость общественного транспорта. Долгосрочные издержки и последствия внедрения бесплатного проезда следуют в полной мере оценивать и планировать с учетом того, что отмена бесплатного проезда всегда является сложным политическим решением.

Литература

1. Артамонов Р.Е. Оценка социально-экономического эффекта публикации открытых данных на примере данных общественного транспорта Москвы / Р.Е. Артамонов, С.Б. Датиев, А.Б. Жулин и др. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 92 с.
2. Бесплатный общественный транспорт не вошел в новый этап разработки транспортной стратегии // Сайт информационного агентства ТАСС (17 сентября 2021). URL: <https://tass.ru/ekonomika/12155559>
3. Где в мире есть бесплатный общественный транспорт // Сайт Fingramota.org (09 октября 2020) URL: <http://www.fingramota.org/teoriya-finansov/ustrojstvo-ekonomiki/item/3665-gde-v-mire-est-besplatnyj-obshchestvennyj-transport>
4. Личное авто: отказаться нельзя оставить? // Аналитический об-зор ВЦИОМ (22 мая 2018). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lichnoe-avto-otkazatsya-nelzya-ostavit>
5. Люксембург стал первой страной с бесплатным общественным транспортом // Сайт информационного агентства ТАСС (29 февраля 2020). URL: <https://tass.ru/obschestvo/7868279>
6. Персианов В.А., Беднякова Е.Б. К вопросу финансирования общественного транспорта // Вестник ГУУ. 2013. № 19. С. 91–97.
7. Приемская Е. Готовят за проезд: может ли общественный транспорт стать бесплатным и платными – дороги // Интернет-газета «Известия» (11 сентября 2020). URL: <https://iz.ru/1059726/evgeniia-priemskaia/gotoviat-za-proezd-mozhet-li-obshchestvennyi-transport-stat-besplatnym-i-platnymi-dorogi>
8. Сорокина Н.В. Городской общественный транспорт как социокультурный феномен: автореферат дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. [Место защиты: Саратовский гос. техн. ун-т]. – Саратов, 2016. – 19 с.
9. Фадеев Д.С., Моисеева М.А. К вопросу ценообразования на городском общественном транспорте // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Наземные транспортные системы. 2015. Т. 10. № 4 (162). С. 90–93.
10. Хасанов Т. Все-таки роскошь: россиянин платит за машину больше, чем англичанин // Интернет-газета «Известия» (25 декабря 2019). URL: <https://iz.ru/957842/timur-khasanov/vse-taki-roskosh-rossiianin-platit-za-mashinu-bolshe-chem-anglichanin>
11. «Это будет катастрофа». Урбанист Вучик – об идее бесплатного проезда в России // BBC (24 сентября 2020). URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54256214>
12. Eriksson L. Car Users' Switching-to Public Transport for the Work Commute. <http://www.diva-portal>.

org/smash/get/diva2:417456/FULL-TEXT01.pdf.

13. Free public passenger transport: an appealing but useless idea with underestimated perverse effects. // European Passenger Federation, 2018. URL: <http://www.epf.eu/wp/news/>
14. Kęblowski, Wojciech. (2017). More than just riding without a ticket? Exploring the geography of fare-free public transport. *Cosmopolis*. Centre for urban research. 42 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/320300147_More_than_just_riding_without_a_ticket_Exploring_the_geography_of_fare-free_public_transport
15. Laboratoire Aménagement Economie Transports. URL: <http://www.laet.science/>
16. Note économique. La gratuité totale: une menace pour le transport public et une réponse inadequate aux objectifs de développement durable affichés // NOTE ÉCONOMIQUE (Union des Transport Publics et ferroviaire). URL: https://www.utp.fr/sites/default/files/201912_UTP_NoteEco_Gratuite_totale_reponse_inadequate_objectifs_DD.pdf
17. Yeung P. How France is testing free public transport // BBC (24th May 2021). URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20210519-how-france-is-testing-free-public-transport>

FARE-FREE PUBLIC TRANSPORT IN THE DEVELOPMENT STRATEGIES OF MODERN SUCCESSFUL CITIES

Medvedev A.V., Shitiy V.P.
Tyumen Industrial University

The article is devoted to the problem of the formation of sustainable urban mobility through the introduction of free travel in public transport. This topic is increasingly being voiced today in socio-political discourse and is associated with the need to form sustainable urban mobility. In the context of the actualization of environmental, socio-economic problems, as well as because of changes in the behavior patterns of modern citizens, free public transport is considered by its supporters to solve several problems. The article discusses terminology, history, and several

key aspects showing the advantages and disadvantages of introducing completely free public transport. They touched upon such aspects as financing of public transport, a decrease in the use of private cars, trends associated with an increase in passenger traffic, environmental protection, social integration, and urban development. It is concluded that the introduction of only free travel in public transport is not enough to solve the above problems, and the achievement of the goals is possible only because of an integrated approach, considering the local context.

Keywords: Fare-Free Public Transport, social inclusion, city ecology, personal vehicles.

References

1. Artamonov R.E. Evaluation of the socio-economic effect of publishing open data on the example of public transport data in Moscow / R.E. Artamonov, S.B. Datiev, A.B. Zhulin et al. – M.: Izd. House of the Higher School of Economics, 2015. – 92 p.
2. Free public transport has not entered a new stage in the development of a transport strategy // Website of the TASS news agency (September 17, 2021). URL: <https://tass.ru/ekonomika/12155559>
3. Where in the world is there free public transport // Website Fingramota.org (October 09, 2020) URL: <http://www.fingramota.org/teoriya-finansov/ustrojstvo-ekonomiki/item/3665-gde-v-mire-est-besplatnyj-obshchestvennyj-transport>
4. Private car: can't you leave it? // Analytical review of VTsIOM (May 22, 2018). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lichnoe-avto-otkazatsya-nelzya-ostavit>
5. Luxembourg became the first country with free public transport // Website of the TASS news agency (February 29, 2020). URL: <https://tass.ru/obschestvo/7868279>
6. Persianov V.A., Bednyakova E.B. On the issue of financing public transport // Bulletin of the State University of Management. 2013. No. 19. S. 91–97.
7. Priemskaia E. Prepare for travel: can public transport become free and paid – roads // Izvestia Internet newspaper (September 11, 2020). URL: <https://iz.ru/1059726/evgeniia-priemskaia/gotoviat-za-proezd-mozhet-li-obshchestvennyi-transport-stat-besplatnym-i-platnymi-dorogi>
8. Sorokina N.V. Urban public transport as a socio-cultural phenomenon: abstract of thesis. ... Cand. sociol. Sciences: 22.00.06.

[Place of protection: Saratov state. tech. un-t]. – Saratov, 2016. – 19 p.

- 9. Fadeev D.S., Moiseeva M.A. On the issue of pricing in urban public transport // News of the Volgograd State Technical University. Series: Ground transportation systems. 2015. T. 10.No. 4 (162). S. 90–93.
- 10. Khasanov T. Still, a luxury: a Russian pays more for a car than an Englishman // Izvestia Internet newspaper (December 25, 2019). ... URL: <https://iz.ru/957842/timur-khasanov/vse-taki-roskosh-rossiianin-platitza-mashinu-bolshe-chem-anglichanin>
- 11. "It will be a disaster." Urbanist Vuchik on the idea of free travel in Russia // BBC (24 September 2020). URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54256214>
- 12. Eriksson L. Car Users' Switching to Public Transport for the Work Commute. <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:417456/FULLTEXT01.pdf>.
- 13. Free public passenger transport: an appealing but useless idea with underestimated perverse effects. // European Passenger Federation, 2018. URL: <http://www.epf.eu/wp/news/>
- 14. Kęblowski, Wojciech. (2017). More than just riding without a ticket? Exploring the geography of fare-free public transport. Cosmopolis. Center for urban research. 42 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/320300147_More_than_just_riding_without_a_ticket_Exploring_the_geography_of_fare-free_public_transport
- 15. Laboratoire Aménagement Economie Transports. URL: <http://www.laet.science/>
- 16. Note économique. La gratuité totale: une menace pour le transport public et une réponse inadéquate aux objectifs de développement durable affichés // NOTE ÉCONOMIQUE (Union des Transport Publics et ferroviaire). URL: https://www.utp.fr/sites/default/files/201912_UTP_NoteEco_Gratuite_totale_reponse_inadequate_objectifs_DD.pdf
- 17. Yeung P. How France is testing free public transport // BBC (24th May 2021). URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20210519-how-france-is-testing-free-public-transport>

Социологическая сущность и содержание патриотизма и его влияние на желание служить в армии

Блошко Виталий Васильевич,
кандидат социологических наук, доцент кафедры
социологии, ФГБОУ ВО «Военный университет»
МО РФ
E-mail: vit.bloshko@gmail.com

Капустин Владимир Владимирович,
кандидат социологических наук, докторант кафедры
социологии, ФГБОУ ВО «Военный университет»
МО РФ
E-mail: kapustinww@list.ru

В статье раскрываются основные научные подходы в исследовании патриотического воспитания молодежи и его влияние на желание служить в армии. Выделены и описаны компоненты и условия формирования патриотизма. В статье идет рассуждение о патриотизме как объединяющем факто-ре населения любого государства. Также исследован патриотизм в США (идеология патриотизма в демократической стране) и Великобритании (патриотизм к монархии). В статье авторы размышляют о том, надо ли стимулировать патриотизм и о его отличиях от национализма. Проведенный теоретический анализ исследований отечественных и зарубежных ученых позволил выделить базовые социальные характеристики патриотизма (любовь к Родине, готовность к само-пожертвованию за ее независимость, стремление к культурной идентичности, уважение к государственным символам и ценностям). В статье взвешиваются разные подходы к патриотизму и трайбализму.

Ключевые слова: патриотизм, компоненты патриотизма, глобализация национализм, трайбализм.

Актуальность проблемы. В современном мире патриотизм, то есть любовь к Родине, начинает играть все более существенную роль как антитеза глобалистской парадигме развития человеческого общества. Современные глобалистские теории развития общества нивелируют значимость формирования у граждан таких ценностей как любовь к Родине, коллективизм, гордость за историю страны и пр. Усиливающаяся конкуренция в различных сферах жизнедеятельности человека, нарастающий индивидуализм и как его следствие разобщенность людей значительно затрудняет реализацию такой важной общественной задачи как обеспечение суверенитета страны, которая в свою очередь требует коллективных усилий. Такие действия возможно осуществить только в том случае, если большая часть граждан страны разделяет патриотические ценности общества.

Сложившиеся в различных обществах традиционные ценности позволяли гражданам ощущать единство по принципу общности этноса, языка, традиций, культуры, религии или какого-либо другого признака, присущего главным образом национальным государствам, то сегодня, наблюдается тенденция в размывании монолитности государства по перечисленным признакам. В силу этих обстоятельств возникает научное противоречие между сохранением традиционного общества и факторами, которые позволяют эффективно осуществлять данный процесс сохранения. К числу таких факторов можно отнести формирование патриотизма у граждан.

Это становится очевидным на фоне того, как посредством глобализации и, как следствие, массовых волн иммиграции, во многих странах все сильнее стирается понимание общей идентичности граждан.

Краткий обзор литературы. Теоретический анализ многочисленных исследований отечественных ученых проблемы патриотизма позволил выделить базовые социальные характеристики: а) любовь к Родине, готовность к самопожертвованию за ее независимость [4; 8; 9 и др.]; б) стремление к культурной идентичности, уважение к государственным символам [5; 9 и др.]; в) понимание политической структуры и особенностей своего государства и общества [4; 8; 11 и др.]; г) структурированная и сбалансированная система взглядов и ценностей, отвечающая интересам Родины [8 и др.]; д) непосредственная трудовая деятельность во благо государства [4; 5 и др.]; е) за-

бота о будущем и улучшению благосостояния страны и будущего [9; 11 и др.]; ж) формирование государственной идентичности [А.Г. Агаев, Ж.Г. Голотвин и Р.Я. Мирский].

Выделение компонентов патриотизма на основе социологически-направленных работ таких авторов, как А.Г. Агаев, Ж.Г. Голотвин и Р.Я. Мирский позволило определить не только структуру изучаемого феномена, но и уточнить меры управленческого воздействия на его формирования [7].

Выделение компонентов патриотизма позволило определить не только структуру изучаемого феномена, но и уточнить функции, которые они выполняют (см. табл. 1).

Таблица 1. Структура условий формирования патриотизма личности

№	Структурные компоненты	Тип компонента	Функции структурных компонентов
1	Любовь к Родине, народу, традициям, гордость по отношению к истории страны	Чувственно-эмоциональный	Глубокая привязанность и устремлённость проживать на конкретной территории.
2	Научные знания о явлениях социальной жизни, система ценностей, взглядов и убеждений, осознание личной ответственности за судьбу государства	Интеллектуальный	Рационализация и осознание причинно-следственных связей, обуславливающих появление и поддержание патриотических чувств; выработка способности постоять за свои убеждения в дискуссии и адекватно воспринять критику.
3	Труд на благо социума, забота по отношению к сохранению и преумножению общественного достояния своей страны	Действенно-практический	Понимание пользы патриотизма на практике, получение наглядных представлений о том, что труд во благо родины приносит свои плоды как для личности, так и для социума.

Выделенные компоненты отечественными учеными обуславливают патриотизм в той форме, в которой он представляется оптимальным как для личности, так и для социума. Научно обоснованные идеи патриотизма отечественных ученых (коллективизма, традиционных семейных ценностей) нашли свое отражение в законодательной базе России [1].

Зарубежными учеными (М. Беркманом, 2019, Э. Платцером, 2019; П. Хейтми, 2019) были проведены многочисленные социальные опросы, позволившие выявить, что именно, по мнению граждан различных политических взглядов, определяет патриота [14].

Результаты исследований. Учеными было выявлено распределение компо-

нентов патриотизма: а) проявление любви, верности и уважения к государству; б) служба во имя защиты нации; в) быть трудолюбивым и хорошим гражданином своей страны; г) быть квалифицированным специалистом в своей трудовой области. Примечательно, что незначительно меньшинство (менее 5% респондентов) привели ценности государства и нации в качестве определяющих патриотизм (см. рис. 1).

Несмотря на то что данный вопрос по-прежнему является актуальным и популярным предметом многочисленных дискуссий, многие современные ученые и политики [4, 8, 11] признают, что Соединенные Штаты Америки, похоже, нашли оптимальное решение –

это идеология патриотизма. Страна, основанная изначально на идее этнического и культурного разнообразия, создала социальные условия, в которых вне зависимости от происхождения, социального статуса, культуры или религии, большую часть граждан в конечном счете объединяет патриотизм. То есть, это любовь к тому, что декларируется в качестве основных ценностей данного государства, а именно: свобода, демократия, возможности для индивидуального роста, частная соб-

ственность и т.д. Зачастую многими западными исследователями [3] здесь делается, на первый взгляд, аргументированный вывод: данный набор ценностей является тем, что пробуждает в гражданах патриотические чувства, т.е. именно они являются тем, за что те, кто считают себя американцами, готовы бороться, в том числе в военное время. Но так ли это на самом деле? Данные опросов показывают, что это не соответствует действительности [14; 15].

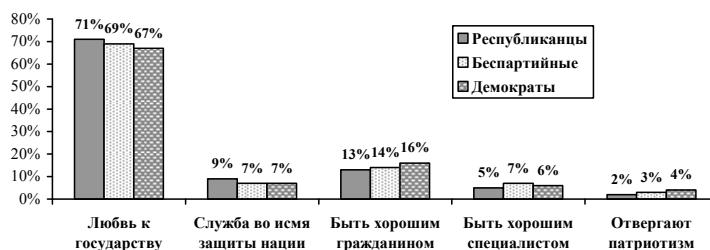

Рис. 1. Компоненты патриотизма, выделенные на основе проведенных среди граждан опросов

Тем не менее, патриотизм играет важнейшую роль в американском обществе на сегодняшний день. При этом многие из респондентов, как пишет Э. Платцер [14], выделяя любовь к Родине в качестве основополагающего компонента патриотизма, уточняют, что любовь не должна быть слепой – нужно уметь критически относиться ко всему, что происходит на родной земле, и одним из главных проявлений этой любви является умение выступить с аргументированной критикой и предложениями по исправлению ситуации в лучшую сторону. Кроме того, как видно из таблицы 2, значение патриотизма линейно возрастает в зависимости от возраста опрошенных граждан.

Приведем другой пример на примере Соединенного Королевства Великобритания. Идеология монархии, пусть и конституционной, т.е. такой, при которой власть и влияние монарха ограничена настолько, что он не обладает, в сущности, реальной властью и возможности принимать государственные решения, отчасти противоречит демократическим ценностям и по очевидным причинам противопоставлена идее

сменяемости власти. Граждане Соединенного Королевства считают себя подданными своего монарха [3], и хотя данное государство конвенциально считается свободным и демократическим, сами ценности, которые закладываются в основу патриотизма ее граждан, в корне отличаются от тех, на которых базируется патриотизм граждан США. При этом этническое и культурное разнообразие британских подданных также не вызывает сомнений, а, следовательно, именно патриотизм объединяет их как британских подданных.

Таблица 2. Результаты опроса на тему «Насколько важно для вас оставаться патриотом?» в зависимости от возраста опрошенного населения США

№	Возраст опрошенных	Процент
1.	18–29 лет	21
2.	30–44 лет	35
3.	45–64 лет	52
4.	65+ лет	77

Так в чем же заключаются основные проблемы патриотического воспитания молодежи в любом современном государстве и, в частности, в России? Можно ли выделить какую-либо фундаментальную проблему, решение которой следует искать в парадигме социологии?

Выше нами были рассмотрены коренные различия основы патриотизма в США и Великобритании – несмотря на ряд схожих по смыслу ценностей, в этих государствах есть коренные отличия, позволяющие предположить, что сами по себе эти ценности не являются определяющим фактором наличия и степени проявления патриотических чувств у их населения. Иначе говоря, ни политический строй, ни идеология, ни какая-либо другая особенность государства с точки зрения социума не является универсальным прекурсором для возникновения патриотизма.

Таким образом, важно понимать, что в рассматриваемом нами контексте не играет существенной роли то, за какие именно ценности граждане любой отдельно выбранной страны испытывают любовь к родине. Тем не менее, патриотизм сам по себе продолжает являться мощнейшим объединяющим фактором для населения любой страны, и самые влиятельные государства XX и XXI века используют его в качестве той силы, которая позволяет людям самого разного происхождения чувствовать себя частями единого целого.

Россия в XXI веке пошла по тому же пути. В качестве национальной идеи президентом В.В. Путиным в 2020 году был декларирован именно патриотизм, и принимая во внимание те примеры, что мы рассмотрели выше, то, что данная идея обладает большим потенциалом, не вызывает никаких сомнений. Именно патриотизм является национальной идеей самого мощного и влиятельного на сегодняшний день государства – США. Государство, граждане которого не испытывают патриотических чувств, зачастую встречается с глобальной социологической проблемой –

отсутствием общей идентичности у ее граждан [1].

Критики данной идеи могут привести в примеры некоторые государства, в которых патриотизм, согласно данным опросов, находится на довольно низком уровне, но их население, тем не менее, проявляет кажущееся на первый взгляд парадоксальным единство, граничащее с трайбализмом. Но как правило, в таких системах существует другой фактор идентичности – скажем, таким фактором является Ислам в качестве общей идеологии в государствах Среднего Востока, или же национальность в ряде стран Азии [5]. Иначе говоря, население этих стран объединено некими идеями, которые дают ощущение общности, но не государственности в социологическом смысле этого термина. К примеру, в условиях военного конфликта они, вероятно, изъявят желание сражаться, но, в сущности, их мотивацией для действий будет не желание защитить родину, а воевать за религию, за этнос, за семью или любую другую причину, не связанную напрямую с их гражданством, что следует из рассуждений Микуленко С.Е. [7].

В поддержку данной точки зрения можно привести ряд аргументов, приводимых при попытке интерпретации провала коммунистической идеологии в позднем СССР и развала данного государства [3]. Этнический и культурный состав населения СССР был не менее разнообразным, чем в США в ту же эпоху [4], и тем не менее, до определенного момента существовало прочное единство, основанное на вере в декларируемые данной политической системой идеи, ценности и цели. Как и в случае приведенных нами примеров США и Великобритании, само наличие этого комплекса явлений пробуждало в разнообразнейшем населении СССР патриотические чувства, которые и служили главной объединяющей силой, удерживавшей эти народы в форме единой общности. Однако как только в силу определенных обстоятельств и факторов, являющихся предметом для совсем иной дискуссии.

Резюмируя сказанное: все это позволяет с определенной уверенностью утверждать, что именно патриотизм является важнейшим, жизненно важным фактором успешного существования любого современного общества. Что, в свою очередь, поднимает ряд логически последовательных вопросов: что именно необходимо для стимулирования патриотизма у населения России.

Необходимо отметить, что «Любовь к родине» – весьма неточное понятие, которое может трактоваться каждым человеком по-разному, несмотря на то, что есть совершенно понятные социологические закономерности, позволяющие однозначно трактовать уровень патриотизма той или иной группы людей.

Одним из популярных определений патриотизма является желание трудиться на благо своей родины, побуждающим мотивом которого является желание приносить пользу человечеству в целом, а не только для России [6]. Именно здесь, с точки зрения глобалистов, проходит грань между патриотизмом и национализмом: истинный патриотизм, т.е. любовь ко всему человечеству и желание творить добро, не может сочетаться с любыми проявлениями локальной идентичности и трайбализма, таким образом отторгается любая попытка интерпретации любви к определенной социальной группе в качестве патриотизма [6; 11].

То есть, с их точки зрения такой взгляд не противоречит определению патриотизма как любви к родине, ведь в качестве родины рассматривается сама по себе планета Земля, а общности – все ее население. Очевидной проблемой здесь является, в сущности, бессмысличество данной идеи с точки зрения на патриотизм как на фактор, объединяющий какой-либо конкретный социум или государство, ведь невозможно в этом случае не имеет значения, в каком государстве или обществе живет человек – у него не будет той мотивации трудиться на благо родины, которая закладывается в него при наличии элемента противопоставления и конкуренции с другими странами.

Глобалистская идея о том, что в абстрактном отдаленном будущем исчезнут расовые, религиозные, языковые, этнические и какие-либо другие различия не выдерживает критики ни с эмпирической точки зрения, ни с точки зрения перспективы, поскольку с учетом современной динамики размытия и исчезновения этих различий [7]. Проблема с точки зрения социологии патриотизма здесь в другом: людей крайне сложно мотивировать на «патриотизм» в глобалистском смысле. Иными словами, это слишком абстрактная и утопичная идея, а значит, она не является реалистичной для большинства людей.

Этому можно противопоставить патриотизм в том виде, в котором он трактуется в современном российском обществе, а именно – любовь к своей стране и защита интересов родины. Это гораздо ближе и понятнее для большинства людей, ведь критериями патриотизма в данном случае является история народа и государства, гордость достижениями и подвигами прошлого, участие в локальной политической жизни общества, уважение традиций и обычаяев, но главное – ориентирование на скорый, эмпирически проверяемый результат труда.

Научно обоснованные идеи патриотизма зарубежных ученых (индивидуализм, плюрализм ценностей) нашли свое отражение в законодательной базе зарубежных стран [2]. Особый интерес представляют исследования патриотизма через любовь к «малой родине» или так называемый локальный патриотизм.

С этой точки зрения легко можно объяснить и провал коммунистического общественного строя. Несколько поколений людей жили в относительно непростых условиях, во многих случаях совершая подвиги ради того, чтобы в будущем общество трансформировалось в идеальное с их точки зрения коммунистическое. Однако чем дольше этого не происходило и чем очевиднее становился тот факт, что коммунизм не будет построен хоть в сколь-нибудь ближайшем будущем, тем слабее ста-

новилось влияние этой идеологии на патриотические чувства граждан. Как только разочарование населения достигло критической точки, чувство глобального патриотизма в масштабах СССР исчезло, последовательно заменяясь локальным патриотизмом, т.н. «любовью к малой родине».

Локальный патриотизм по определению pragматичен и конкретен. В данном случае труд направлен на улучшение качества жизни сегодня и сейчас – на то, чтобы ближайшее окружение любого социального субъекта получало ощутимые изменения в сторону реализации желаемых и декларируемых органами управления этого общества целей. Таким образом можно сказать, что одна из глобальных социологических проблем патриотического воспитания – выявление признаков патриотизма и конкретизация его целей – решена, и решение это лежит в мотивации молодежи на решение локальных проблем той общности, с которой она себя ассоциирует, как противопоставление абстрактным идеям и идеологиям.

Но эту проблему нельзя рассматривать в отрыве от остальных, не менее важных. Здесь есть и другая, вполне очевидная крайность, трайбализм в целом и национализм как подвид трайбализма в частности. Если говорить о трайбализме, то патриотизм в качестве лозунга и мотивации к действию без конкретных постулатов, правил и наставлений, совершенно очевидно приводит к трайбализму в той или иной форме, что неоднократно прослеживается в человеческой истории [3; 4]. Грань между трайбализмом и патриотизмом очень тонка и заключается, в сущности, в характере мотивации, ведущей к возникновению одного из этих чувств. Если трайбализм – это определенная форма социальной обособленности, которая характеризуется замкнутостью, исключительностью, а также чаще всего сопровождается враждебным отношением к иным социальным группам, т.е. мотивация главным образом вращается на почве негативных эмоций и конкуренции,

в то время как патриотизм фундаментально несет в себе положительный эмоциональный окрас, и мотиватором здесь становится желание улучшить жизнь своей нации, государства и т.д., а не желание непременно получить превосходство над другими нациями, зачастую посредством намеренного ухудшения их качества жизни вплоть до их полного уничтожения, как это попытала сделала Нацистская Германия в XX веке.

То есть, в сущности, патриотизм очень легко может перерасти в национализм, поскольку детерминантом здесь является, по сути, всего лишь эмоциональный окрас и целеполагание при том, что вектор развития и патриотически, и националистически настроенного общества – один и тот же, ведь и в том, и в другом случае фундаментальным мотиватором является желание улучшения жизни своего народа. Это и является еще одной из основных социологических проблем патриотического воспитания молодежи – как именно определить ту грань, где заканчивается патриотизм и начинается национализм?

Выводы. Проблемы глобализации и национализма в равной степени особенно важны, когда дело касается молодых людей призывающего возраста. С учетом того, что подавляющее большинство из них не имеет подобающей теоретической подготовки – при среднем возрасте призывников в 21 год по данным на 2021г в России, менее 20% из них обладают дипломом о законченном высшем образовании. Это говорит о том, что, с высокой вероятностью, подавляющее большинство призывников не обладает должными знаниями об опасности национализма, природе патриотизма и обо всех нюансах, связанных с этими явлениями. В этом возрасте люди особенно подвержены внешнему влиянию так как недостаток образования не позволяет им найти аргументы против большинства идеологических систем, выстроенных людьми куда более образованными, не говоря уже о банальном конформизме. Па-

триотическое воспитание как система, с одной стороны, должно выстраиваться таким образом, чтобы минимизировать количество факторов, толкающих молодых людей в сторону национализма, а с другой – его постулаты должны быть достаточно понятными и конкретными, чтобы патриотические чувства вообще появлялись и возвращались, а не оставались на уровне глобальной, но безынтересной конкретному человеку идеологии.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
2. U.S. Constitution.
3. Гидринский В.И. Русская идея и армия (философско-исторический анализ). – М., 1997.
4. Глухов Д.В. Экономические детерминанты формирования гражданского патриотизма // Патриотическая идея накануне XXI века: прошлое или будущее России. Материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Волгоград: Перемена, 1999.
5. Гонеева В.В. Патриотизм и нравственность // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3.
6. Духовность российского офицера: проблемы становления, условия и пути развития / отв. ред. Б.И. Ка-верин. – М.: ВУ, 2002.
7. Кочкалда Г.А. Патриотическое сознание воинов: сущность, тенденции развития и формирования (философско-социологический анализ): автореф. канд. филос. наук. – М.: ВПА им. В.И. Ленина, 1991.
8. Крупник А.А. Патриотизм в системе гражданских ценностей общества и его формирование в воинской среде: автореф. канд. филос. наук. – М.: ВУ, 1995.
9. Макаров В.В. Отечество и патриотизм: логико-методологический анализ. – Саратов, 1998.
10. Микуленко С.Е. Проблема просвещенного патриотизма // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. – 2001. – № 1.
11. Патриотическое сознание: сущность и формирование / А.С. Милovidов, П.Е. Сапегин, А.Л. Симагин и др. – Новосибирск, 1985.
12. Савотина Н.А. Гражданское воспитание: традиции и современные требования // Педагогика. 2002. – № 4.
13. Трифонов Ю.Н. Сущность и основные проявления патриотизма в условиях современной России (социально-философский анализ): автореф. канд. филос. наук. – М., 1997.
14. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – М., 1989.
15. Hatemi, P., Plutzer, E., Berkman, M. There Are Many Ways to Be Patriotic // PennState College of Liberal Arts Poll Reports. – 2019.
16. Karimi, B. What defines a patriot in today's society? // WickedLocal, 2008.

SOCIOLOGICAL ESSENCE AND CONTENT OF PATRIOTISM AND ITS INFLUENCE ON THE DESIRE TO SERVE IN THE ARMY

Bloshko V.V., Kapustin V.V.

Federal State Educational Institution «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article reveals the main scientific approaches in the study of patriotic education of youth and its influence on the desire to serve in the army. The components and conditions for the formation of patriotism are highlighted and described. The article discusses patriotism as a unifying factor of the population of any state. Also, patriotism in the USA (the ideology of patriotism in a democratic country) and Great Britain (patriotism to the monarchy) has been investigated. In the article, the authors reflect on whether it is necessary to stimulate patriotism and about its differences from nationalism. The conducted theoretical analysis of the research

of domestic and foreign scientists made it possible to single out the basic social characteristics of patriotism (love for the Motherland, readiness for self-sacrifice for its independence, striving for cultural identity, respect for state symbols and values). The article weighs different approaches to patriotism and tribalism.

Keywords: patriotism, components of patriotism, globalization, nationalism, tribalism.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 N 6-FKZ, of 30.12.2008 N 7-FKZ, of 05.02.2014 N 2-FKZ, dated 01.07.2020 N 11-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation, 01.07.2020, N 31, Art. 4398.
2. U.S. Constitution.
3. Gidirinsky V.I. Russian idea and army (philosophical and historical analysis). – M., 1997.
4. Glukhov D.V. Economic determinants of the formation of civil patriotism // Patriotic idea on the eve of the XXI century: the past or the future of Russia. Materials inter-region. scientific-practical conf. – Volgograd: Change, 1999.
5. V.V. Goneeva Patriotism and morality // Social and humanitarian knowledge. – 2002. – No. 3.
6. Spirituality of a Russian officer: problems of formation, conditions and ways of development / ovt. ed. B.I. Kaverin. – M.: VU, 2002.
7. Kochkalda G.A. Patriotic consciousness of soldiers: essence, tendencies of development and formation (philosophical and sociological analysis): author. Cand. philosophy, sciences. – M.: VPA im. IN AND. Lenin, 1991.
8. Krupnik A.A. Patriotism in the system of civic values of society and its formation in the military environment: author. Cand. Philos. sciences. – M.: VU, 1995.
9. Makarov V.V. Fatherland and patriotism: logical and methodological analysis. – Saratov, 1998.
10. Mikulenko S.E. The problem of enlightened patriotism // Vesti. Moscow State University. Ser. 12. Political sciences. – 2001. – No. 1.
11. Patriotic consciousness: essence and formation / A.S. Milovidov, P.E. Sapegin, A.L. Simagin et al. – Novosibirsk, 1985.
12. Savotina N.A. Civic education: traditions and modern requirements // Pedagogy. 2002. – No. 4.
13. Trifonov Yu.N. The essence and main manifestations of patriotism in the conditions of modern Russia (socio-philosophical analysis): author. Cand. Philos. sciences. – M., 1997.
14. Philosophical Encyclopedic Dictionary / Editorial Board.: S.S. Averintsev, E.A. Arab-Ogly, L.F. Ilyichev and others – M., 1989.
15. Hatemi, P., Plutzer, E., Berkman, M. There Are Many Ways to Be Patriotic // PennState College of Liberal Arts Poll Reports. – 2019.
16. Karimi, B. What defines a patriot in today's society? // WickedLocal, 2008.

Проявление ксенофобии в молодежной среде на примере Республики Татарстан (эмпирический анализ)

Еникеева Суфия Загитовна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Философии, политологии, социологии и психологии», Казанский юридический институт МВД России

E-mail: uki777@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы идентичности и идентификации, связанные с выявлением и установлением причин и мотивов этнической ксенофобии, в том числе в молодежной среде, как отражения бинарной оппозиции, на материалах результатов эмпирического исследования проявлений ксенофобии на примере Республики Татарстан.

В ходе анализа результатов выделены степень компетентности респондентов в оценке явления ксенофобии, степень образованности респондентов в сфере межнациональных отношений, отношение респондентов к своей и чужим национальностям, уровень нетерпимости респондентов к представителям других национальностей, вероятность проявления неприятия респондентов по отношению к представителям другой национальности. Шкала Богардуса для измерения социальной дистанции позволила проанализировать допущения респондентами социальных контактов в данном случае с представителями различных этнических групп, желательность и допустимость родственных, партнерских, дружеских, соседских отношений с представителями других национальностей, степень толерантности к национальной и рассовой принадлежности.

Ключевые слова: ксенофобия, бинарная оппозиция, этническая самоидентификация, социальные контакты.

Еще архаичный человек пытался упорядочить окружающий мир, категоририруя его с помощью множества бинарных оппозиций, в том числе «свой-чужой», как один из способов формирования своей идентичности, инструментов самоидентификации. Парность категорий сопровождалась у него абсолютизацией и агрессивным отторжением их противоположности: «чужой» чаще всего представлял собой жертву.

Проблемы идентичности, в том числе в молодежной среде, и проявления этнической ксенофобии как отражения процесса и механизмов самоидентификации нашли свое отражение в исследованиях Э. Эрикссона, Э. Тоффлера, который обращает особое внимание на активное распространение ксенофобских тенденций в современном политкультурном мире, теории этнической идентичности Б. Андерсона, Р. Брубейкера, в современной отечественной социологии – М.К. Горшкова, Л.Д. Гудковой, В.А. Тишкова, Н.Е. Тихоновой.

В.Т. Гайков, Е.Р. Кайдунова под национальной, расовой или религиозной ненавистью или враждой понимают конфликты, возникающие на этнической, национальной или религиозной основе между представителями разных национальностей, рас или конфессий и установление факта национальной ненависти или вражды при убийстве как мотива совершения преступления для применения п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ является обязательным.

В 2020 г. было проведено исследование «Ваша оценка такого социального явления в России, как ксенофобия». Метод сбора информации – раздаточное анкетирование, в том числе использовалась Шкала Богардуса для измерения социальной дистанции, которая содержит возможность анализа допущения различных социальных контактов в данном случае с представителями различных эт-

нических групп. Исследование осуществлялось на основании анонимного анкетирования респондентов выбранный посредством серийной выборки. В исследовании участвовали 74 респондента, после проверки анкет на правильность их заполнения было отобрано 68 анкет на обработку результатов (100 процентов – количество респондентов 68 человек). В нашем исследовании генеральной совокупностью являются слушатели в возрасте от 23 до 35 лет, из них 51 мужского пола и 17 женского (анкета в приложении 1). По национальному составу: русские – 62,50%, татары – 29,17%, другие национальности 8,3%.

Целью данного анкетирования стало выявление:

- степень осведомленности респондентов о явлении ксенофобии, степень

грамотности респондентов в сфере межнациональных отношений;

- отношение респондентов к своей и чужим национальностям, уровень нетерпимости респондентов к представителям других национальностей.
- вероятность проявления неприятия респондентов по отношению к представителям другой национальности.

Обработка и анализ результатов исследования

1. Степень информированности респондентов о проявлениях ксенофобии в России: более 37% опрошенных информированы хорошо, 57% отметили низкий уровень информированности по этому вопросу, 5,7% – не информированы (рис. 1).

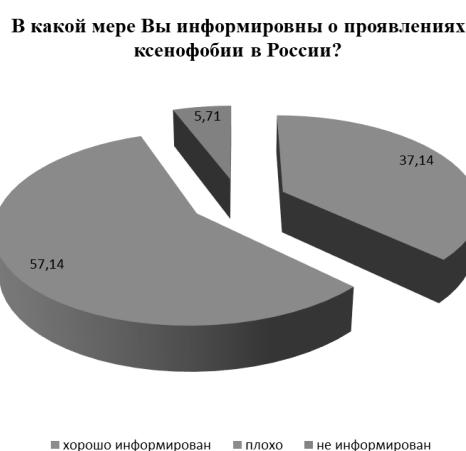

Рис. 1

Как Вы считаете, актуальна ли в наше время проблема ксенофобии?

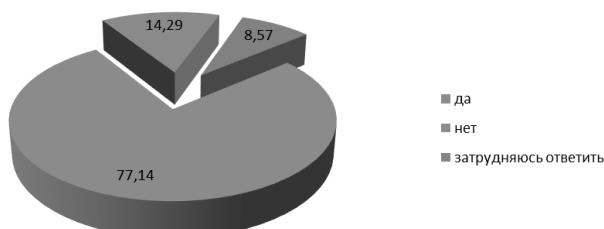

Рис. 2

2. Уровень компетентности респондентов об актуальности проблемы ксенофобии достаточно высок, 77% дали положительный ответ, 14% – отрицательный, 8,57% – затруднились ответить (рис. 2).

3. На вопрос «Сталкивались ли Вы с проявлением ксенофобии в трудовом коллективе, по месту жительства?» 8%

респондентов ответили утвердительно, 38% – с достаточной долей вероятности отметили проявление ксенофобии в обществе, тогда как более половины респондентов (53%) не усматривают ксенофобической активности в непосредственном социальном окружении (рис. 3).

Сталкивались ли Вы с проявлением ксенофобии в трудовом коллективе, по месту жительства?

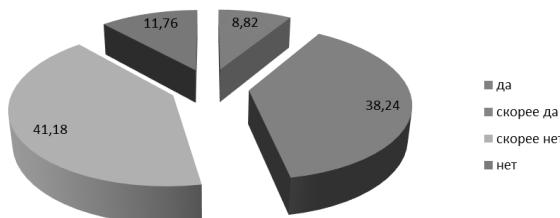

Рис. 3

4. Варианты прочтения и осмысливания термина «ксенофобия» включают его интерпретацию как «терпимость по отношению к людям другой национальности, взглядов, вероисповедания» (11,76%); «нетерпимость по отношению к людям другой национальности, взглядов, вероисповедания» (19,11%); «страх перед людьми другой культуры» (30,87%); «заболевание, нервное рас-

стройство» (11,76%); «боязнь потерять свою национальную культуру» (1,47%).

5. Из 68 респондентов 19 (26,67%) не встречались с проявлениями ригоризма, а остальные 49 (73,3%) сталкивались с распространением экстремистских материалов, фашистской или националистической символики, шествиями, парадами экстремистов, из них 14 (30%) в повседневном общении (рис. 4).

Имеют ли место следующие проявления ригоризма (нетерпимости) там, где Вы живете?

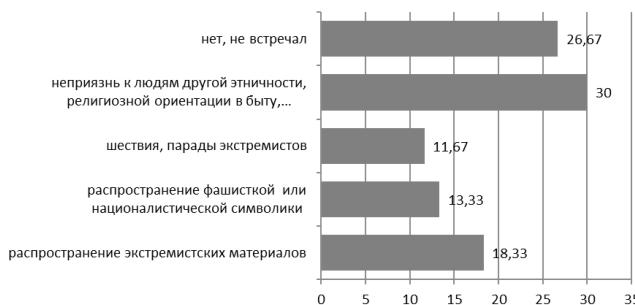

Рис. 4

6. Источником ксенофобии в России 47 (68,42%) респондентов называют жителей республик Кавказа (28,95%) и выходцев из ближнего за-

рубежья (39,47%), тогда как в большинстве случаев они являются жертвами ксенофобии, а не ее источником (рис. 5).

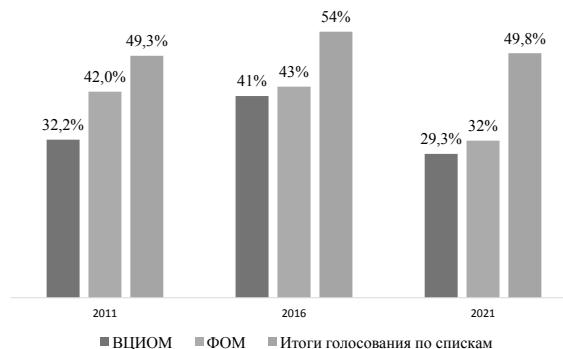

Рис. 5

7. По шкале Богардуса для измерения социальной дистанции при анализе допущения различных социальных контактов в данном случае с представителями различных этнических групп можно выделить наименее допустимый вариант межэтнических контактов с точки зрения респондентов – это брачные отношения (в среднем 6,04% считают допустимым для себя межэтнические браки), наиболее привлекательными для создания семьи называются французы (12,50%), американцы, итальянцы, украинцы, белорусы, австралийцы (8,33%). Вместе с тем в среднем 10% респондентов в разделе «я одинаково отношусь к людям» находят возможным широкий круг межэтнического общения, тогда как прослеживается противоречие: 16,67% в позиции «я одинаково отношусь к людям» отмечают, что «не хотели бы видеть его в моей стране». Наименьшую степень толерантности респонденты (25,00% в разделе «не хотели бы видеть его в моей стране») проявляют к цыганам, кавказцам (12,50%), жителям Средней Азии (8,33%). Наиболее лояльны респонденты к кратковременному пребыванию в качестве гостей, туристов (в среднем 39,16%).

8. В отношении расовой принадлежности респонденты показали высокую степень толерантности (87,50%).

9. Основными причинами ксенофобических настроений, раздражения, неприязни к представителям некоторых наций и народов респонденты на-

зывают низкий культурный уровень (37,50%); «эти люди не хотят считаться с обычаями и нормами поведения, принятыми в России» – 33,3%, «мне не нравится их внешность, манера поведения, черты характера» – 16,67%; «я опасаюсь их в связи с угрозой терроризма» – 8,33%.

10. За ужесточение законов с целью пресечения по возможности миграции в Россию выходцев из республик СНГ, стран Юга и Востока высказались 29,17% респондентов. 29,17% – склоняются к жестким мерам только в отношении лиц, не владеющих русским языком и не являющихся гражданами бывших советских республик. 33,33% – не видят в этом необходимости. 8,33% – затруднились ответить.

11. За ужесточение законов против разжигания межнациональной розни высказалось 62,5% респондентов.

12. Абсолютное большинство респондентов выразили согласие с необходимостью максимально строгого 50% и умерено строгого 41,67% приговора для обвиняемых в преступлениях ненависти.

13. На вопрос: «Как Вы считаете, какие формы борьбы с ксенофобией наиболее эффективны?» были сформулированы ответы с широким диапазоном, отражающим как положительные, так и отрицательные реакции. К конструктивным предложениям можно отнести:

- Уважение человеческого достоинства, защита прав и свобод человека.

- Более глубокое изучение в образовательных учреждениях, т.к. многие даже не знают понятия ксенофобии.
- На мой взгляд, ксенофобия возникла после перестройки, это надуманная западными странами проблема, чтобы ослабить и развалить СССР. Страх перед другими нациями вызвал бурю негативных конфликтных ситуаций. В 90-х годах по СНГ были военные конфликты, основанные на межэтнических проблемах. Все народы начали с опаской относиться к чужим, т.к. много людей пострадало и надолго отложилось в памяти. На сегодняшний день ксенофобия не утратила свою сущность, встречается в повседневной жизни. Данная проблема будет всегда, т.к. интересы западных стран с каждым днем усиливаются по отношению к России, и ксенофобия является одним из инструментов для возникновения новых конфликтов и проблем в многонациональной стране.
- Быть честными друг к другу, не дезлить людей на чужих и на своих.
- Воспитывать на всех уровнях развитие толерантности к другим нациям (начиная с семьи, детского садика и заканчивая местом работы); воспитание детей с раннего возраста, чтобы ничего не боялись; воспитание с детства уважения к другим нациям, чтобы не было никаких разграничений между нациями.
- Изучение культур других этносов, сближение народов, общие дела; изучение этнографии, культурологии, социологии.
- Грамотная миграционная политика. Я против того, как сейчас происходит миграционная политика в отношении граждан из кавказских республик. Необходимо: изменить миграционную политику; создать условия для равенства наций не только на бумаге, но и в жизни, чтобы не было считающих себя «исключительной нацией»; воспитание дружественности и терпимости с раннего детства, и объяснение, что люди бывают разными, и каждый имеет на это право – быть не таким, как принято у данной нации.
- Национальная терпимость, рабочие места, финансовая составляющая.
- Пропаганда мира, просвещение, изучение истории.
- Установление доброжелательных отношений друг с другом, другими нациями.
- Объединение с целью профилактической, образовательной работы. Выступление против митингов и собраний. Воспитание терпимости в семье.
- Тяжелый вопрос, во-первых, надо убрать из СМИ такие высказывания как «Мы Россияне, мы русские» и оставить только первую часть т.е. «Мы Россияне».
- Поскольку у разных народов свои традиции и привычки, необходимо размещать при прибытии в страну информацию на их языке о том, что нельзя делать, находясь на территории чужой страны.
- Считаю, чтобы решить эту проблему нужно разобраться в себе. И по одному человеку судить всю нацию нельзя.
- Проводить больше акций (например, игр в футбол, волейбол) со слоганами «Нет расизма». Ужесточить закон (наказание) за расизм.
- Это дело каждого.
- На мой взгляд, ксенофобия в обществе будет присутствовать всегда, т.к. различные национальные взгляды будут приводить к разногласиям. Даже если через столетия все нации объединятся в одну, то ксенофобия останется, т.к. мировоззрение у каждого человека индивидуальное. Ксенофобия – это двигатель человеческой расы к действиям.

В то же время прослеживается стремление к ужесточению контроля, деструктивной агрессии:

- Жесткая миграционная политика (въезд в страну по визам); все природные богатства вернуть в руки государства; за коррупционные преступления жестко наказывать; поднять благосостояние своих граждан.

- Рабочие места, финансовая поддержка, ужесточение контроля за миграцией.
- С детства применять жесткие меры воспитания.
- Ужесточение режима, законов и т.д.
- Не всех граждан (выходцев) из других республик пропускать в нашу страну. При разрешении нахождения, проживания в нашей стране тщательно проверять.

Таким образом, хотелось бы отметить, что осведомленность респондентов не отличается глубиной, но они констатируют наличие данной проблемы и предлагают пути ее решения.

Уровень ксенофобии довольно высок в современном российском обществе. Это связано с большим количеством трудовых мигрантов, прибывающих в страну и общим негативным отношением общества к ним. Что приводит не только к пассивному неприятию, но и к враждебным действиям по отношению к людям другой национальности, вступлению в различные экстремистские и националистические организации.

Результаты исследования показали, что отношение к ксенофобии, однозначно негативные. Общей чертой является то, что в ответах присутствуют отрицательные деструктивные позиции.

Исходя из вышеуказанного необходимы превентивные меры, которые будут направлены на снижение ксенофобских настроений, особенно в рамках активной просветительской деятельности в учебных учреждениях, местах работы, внешкольных образовательных организаций, в том числе знакомство с особенностями культуры народов или групп людей, которые вызывают страх или ненависть, нацеленных формирование уважения на основе глубокого знания и понимания этнических особенностей.

Сотрудничество органов власти и политиков в вопросах борьбы с ксенофобией направленное на пропаганду толерантности и терпимости в обществе, на сглаживание иррационального страха, позволит нивелировать условия

для развития агрессивных форм. Осуждение ксенофобии, разъяснение ее деструктивности, иррациональности является профилактикой преступлений ненависти.

Литература

1. Сборник Российской криминологической ассоциации. См.: Власть: криминологические и правовые проблемы / Отв. ред. А.И. Долгова. М., 2012.
2. Петрищев В.Е. Некоторые проблемы противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2013. – № 2. – Текст: непосредственный.
3. Гилинский Я. И Преступления ненависти и сегодняшняя российская реальность// Независимая газета». 14 декабря. 2007.

MANIFESTATION OF XENOPHOBIA AMONG YOUNG PEOPLE ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN (EMPIRICAL ANALYSIS)

Enikeeva S.Z.

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the problems of identity and identification associated with identifying and establishing the causes and motives of ethnic xenophobia, including among the youth, as a reflection of binary opposition, based on the results of an empirical study of manifestations of xenophobia on the example of the Republic of Tatarstan.

In the course of the analysis of the results, the degree of respondents' competence in assessing the phenomenon of xenophobia, the degree of education of the respondents in the field of interethnic relations, the attitude of respondents to their own and other nationalities, the level of intolerance of respondents towards representatives of other nationalities, the likelihood of manifestation of rejection of respondents in relation to representatives of another nationality. The Bogardus scale for measuring social distance made it possible to analyze the respondents' assumptions of social contacts in this case with representatives of various ethnic groups, the desirability and admissibility of kinship, partnership, friendship, neighborhood relations with

representatives of other nationalities, the degree of tolerance to national and racial affiliation.

Keywords: xenophobia, binary opposition, ethnic self-identification, social contacts.

References

1. Collection of the Russian Criminological Association. See: Power: criminological and legal problems / Ed. A.I. Dolgova. M., 2012.
2. Petrishchev V.E. Some problems of countering the ideology of terrorism in the Russian Federation // Bulletin of the National Antiterrorist Committee. – 2013. – No. 2. – Text: direct.
3. Gilinsky Ya. Both hate crimes and today's Russian reality.// *Nezavisimaya Gazeta*. December 14th. 2007.

Высшее профессиональное образование в современных российских условиях: мотивация и факторы выбора вуза (на материалах Волгоградской области)

Кузеванова Ангелина Леонидовна,

д-р социол. наук, заведующая кафедрой
социологии, общей и юридической психологии
Волгоградского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: angelina2000@mail.ru

Зоркова Валерия Александровна,

канд. социол. наук, доцент кафедры
государственного управления и менеджмента
Волгоградского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: shirjaeva_v@mail.ru

поставили на первое место связи с работодателями, на второе – престиж вуза, на третье – международные связи, возможность прохождения стажировок за рубежом.

Ключевые слова: высшее образование, высшее учебное заведение, мотивация выбора вуза, профессиональное самоопределение, внешние и внутренние параметры деятельности вуза, инструментальные ценности, терминальные ценности, факторы выбора вуза, абитуриенты, профессиональный выбор.

В статье на основе анализа данных эмпирических исследований (анкетного опроса выпускников школ г. Волгограда и Волгоградской области, фокусированных интервью с их родителями) выявляются мотивы выбора абитуриентами высшего учебного заведения, в числе которых доминируют социальные и материальные мотивы. Основными стали мотивы, связанные с получением профессии, которая будет востребована, сможет обеспечить успешное трудоустройство и получение высокого заработка. В статье подчеркивается, что в структуре мотивации выбора вуза в столице и городах за пределами области превалируют мотивы социального, познавательного и материального характера (лучшие перспективы успешного трудоустройства после вуза, более высокое качество образования, большее бюджетных мест). Авторы приходят к выводу о том, что в восприятии большинства родителей выпускников, принявших участие в фокусированных интервью, высшее образование является инструментальной ценностью, обеспечивающей возможность достижения прагматических целей, связанных прежде всего с успешным трудоустройством. Значимым фактором, влияющим на выбор вуза родителями выпускников, является фактор, связанный с уровнем квалификации и характеристиками профессорско-преподавательского состава. Отмечается, что в оценке значимости внешних параметров вуза, влияющих на выбор учебного заведения, родители выпускников средних школ

Актуальность темы исследования связана с тем, что на современном российском рынке оказания образовательных услуг в сфере высшего образования сложилась ситуация, характеризующаяся высоким уровнем конкуренции между высшими учебными заведениями в период проведения приемных кампаний. Аналитическая информация, полученная в ходе изучения мотивации и факторов выбора вуза абитуриентами, становится востребованной и актуальной, поскольку позволяет вузам сформировать комплекс конкурентных преимуществ, благодаря которым выбор абитуриента становится прогнозируемым.

Весь массив научных публикаций, связанных с изучаемой тематикой, можно разделить на три блока. Авторы, чьи работы относятся к первому блоку, акцентируют внимание на рассмотрении мотивационно-ценностных аспектов процесса выбора вуза и профессионального самоопределения абитуриентов высших учебных заведений. К этой группе следует отнести разработки таких исследователей, как И.В. Гордеевой, С.Ю. Селиверстовой, Н.А. Лызь, И.О. Нещадим, Л.С. Гринкруга, Е.А. Гуськовой, И.А. Шавыриной, И.В. Ситниковой, И.И. Украинцевой, С.С. Новиковой, И.А. Мушкиной, Е.К. Шибановой, О.П. Иванова, С.Н. Курилова, М.Ю. Кузьминова [1, 2, 7, 9, 11, 12, 15, 17, 18]. В рамках второго блока публикаций представлены работы, в фокусе внимания авторов которых оказалась проблематика, связанная с определением круга факторов, оказывающих определяющее влияние на процесс выбора абитуриентами высшего учебного заведения (статьи Н.А. Шариповой, Я.В. Ушаковой, И.В. Ситниковой, Ю.Е. Францевой, Г.А. Евдонина, С.С. Мамедовой, Л.В. Абдрахмановой, Э.И. Никоновой, Л.А. Поповой, И.М. Фадеевой, Е.М. Юрловой, М. Дебренна, А.М. Погорельской, И.В. Помориной, И.А. Скалабан) [4, 5, 8, 10, 13, 16]. В рамках третьего блока публикаций осуществлена научная разработка вопросов, имеющих от-

ношение к проблеме взаимосвязи конкурентных преимуществ высшего учебного заведения и мотивации выбора университета или института абитуриентами (научные разработки И.Н. Ефимовой, А.В. Маковейчук, Н.А. Пашкус, В.Ю. Пашкус, И.Н. Ефимовой, А.В. Маковейчук) [3, 6, 14].

Анализ массива научных публикаций, так или иначе связанных с интересующей нас тематикой, показал, что ряд вопросов, имеющих важное значение для исследования выбранной нами проблематики, остался вне поля зрения исследователей. Так, мотивация выбора вуза потенциальными студентами и факторы, влияющие на их решение о поступлении в высшее учебное заведение, изучаются, как правило, вне связи с мнением родителей, что, на наш взгляд, является упущением. Именно родители, будучи агентами социализации, оказывают серьезное влияние на формирование готовности выпускника средней школы выбрать конкретный вуз и специальность.

Целью исследования стало выявление структуры мотивации и факторов, определяющих выбор вуза абитуриентами и их родителями. Комплексное социологическое исследование осуществлялось в два этапа: 1) на первом этапе в октябре 2019 г. был проведен анкетный опрос выпускников средних общеобразовательных школ Волгограда и города-спутника Волжского ($n = 551$, двухступенчатая выборка со случайным отбором на первом этапе и систематическим отбором на втором этапе) и серия фокусированных интервью с родителями учащихся выпускных классов ($n = 20$, отбор информантов проводился с помощью метода «снежного кома»); 2) на втором этапе в феврале 2020 г. было проведено анкетирование выпускников школ Волгоградской области ($n = 460$, выборка аналогична той, что была использована на первом этапе) и серия фокусированных интервью с родителями учащихся 11-х классов школ области ($n = 15$, выборка осуществлялась методом «снежного кома»). Проведение анкетных

опросов и интервью осуществлялось исследовательским коллективом, в состав которого вошли Кузеванова А.Л., Дроздова Ю.А., Мкртчян Е.Р., Болдина М.Ю.

Выбор выпускниками средних школ высшего учебного заведения является результатом профессионального и образовательного самоопределения, предполагающего выработку собственной позиции на основе осознания значимости внешних условий и требований и особенностей собственного интеллектуального потенциала, ресурсов, намерений и интересов. Анализ данных анкетного опроса выпускников средних школ Волгоградской области показал, что в структуре мотивации выбора вуза доминируют социальные и материальные мотивы. На первом месте по популярности оказался вариант ответа «получение профессии, которая будет востребована»: такой точки зрения придерживаются 81,7% опрошенных учащихся 11-х классов (см. табл. 1) Вторым по значимости оказался мотив, связанный возможностями хорошего трудоустройства после вуза: этот вариант ответа выбрали 51,1% опрошенных. Эти данные свидетельствуют о высокой значимости социальных мотивов в структуре мотивации выбора вуза выпускниками школ, в их восприятии приобретение востребованной профессии после окончания обучения в вузе и, как следствие, непроблематичное трудоустройство обеспечивают хорошие стартовые возможности для тех, кто хочет занять значимое положение в обществе. Триаду ведущих мотивов, которыми выпускники руководствуются при выборе учебного заведения для получения высшего образования, замыкает материальный мотив – стремление к получению высокого заработка после окончания вуза (такое мнение выразили 45,4% респондентов). Таким образом, вуз, который обеспечивает получение профессии, пользующейся спросом на рынке труда и гарантирующей высокие доходы, а также перспективы удачного трудоустройства, становится в восприятии абитуриентов наиболее

предпочтительным местом для получения высшего профессионального образования.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что Вы ожидаете от обучения в выбранном Вами вузе?», %

Вариант ответа	Результат выбора
получение профессии, которая будет востребована	81,7
получение диплома государственного образца	23,0
возможность совмещать учебу и научно-исследовательскую работу	6,1
возможность завести новые знакомства, новых друзей	22,8
активная общественная жизнь	17,4
веселая беззаботная студенческая жизнь	5,0
возможность хорошего трудоустройства после вуза	51,1
высокий заработок после вуза	45,4
возможность сочетать учебу в вузе с работой	19,8
возможность жить и учиться в городе	9,3
другое	0,2

Распределение ответов участников опроса из области по упоминавшемуся выше вопросу с учетом половой принадлежности показало, что в группе респондентов женского пола оказалось на 8,9% больше тех, кто выбирает вуз с учетом того, будет ли предоставлена в этом учебном заведении возможность сочетать учебу и работу.

Особую позицию при ответе на вопрос об ожиданиях от обучения в вузе заняли респонденты из области, уровень доходов семей которых является низким. В этой группе оказалось значительно больше тех, для кого при выборе учебного заведения важным становится мотив, связанный с возможностью жить и работать в городе: если в группе средне- и высокообеспеченных участников опроса такой вариант ответа выбрали 9,6% и 4,7% опрошенных, то среди представителей низкообеспеченных семей таких оказалось 17,1% (см.

рис. 1) Интерпретируя эти данные, можно предположить, выходцы из семей с низким уровнем доходов, анализируя сложившуюся ситуацию с семейным бюджетом, видят перспективы улучшения своего материального положения только при условии дальнейшего трудоустройства в городе. Именно участников опроса, причисливших свои семьи к категории низкообеспеченных, меньше всего побуждает к выбору того или иного вуза мотив, связанный с возможностью сочетать обучение и веселую,

беззаботную студенческую жизнь (доля тех, для кого этот мотив важен, составила лишь 2,9%). Аналогичная тенденция прослеживается и в оценке значимости мотива, определяющего выбор учебного заведения, где обеспечиваются условия для активной общественной жизни: если в группе респондентов из семей со средним и высоким доходом этот мотив выбрали 18% и 16,3% опрошенных, то в изучаемой группе их доля составила лишь 11,4%.

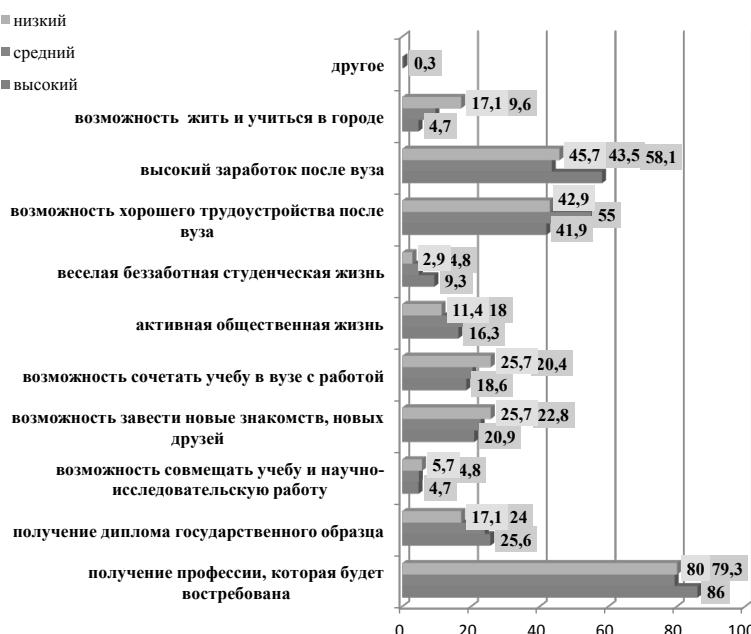

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что Вы ожидаете от обучения в выбранном Вами вузе?» с учетом уровня доходов семьи, %

По данным нашего исследования, 18% респондентов из области рассматривают в качестве варианта обучение в вузах Москвы, 17% – Санкт-Петербурга, 10,7% – Саратова, 7,8% – Воронежа. При анализе собранной социологической информации выяснилось, что в структуре мотивации выбора вуза в этих и других городах России доминируют мотивы социального, познавательного и материального характера. Так, 57,8% опрошенных выпускников школ области выбирают вузы в другом регионе по причине лучших,

чем в Волгоградской области, перспектив успешного трудоустройства. 45,6% опрошенных выпускников обосновывают свой выбор в пользу вузов других городов тем, что в этих учебных заведениях обеспечивается высокое качество образования. 23,6% респондентов мотивированы на поступление в эти вузы тем, что в них абитуриентам предлагается больше бюджетных мест.

Как показывают данные проведенного анализа, в структуре мотивации выбора вуза в другом городе респондентов из семей с низким уровнем до-

ходов в отличие от участников опроса, представляющих семьи с высоким и средним уровнем доходов, третьими по значимости стали мотивы материального характера. Каждый четвертый представитель этой группы указал на важность таких мотивов, как доступ-

ная для семьи стоимость обучения, наличие большого количества бюджетных мест, желание избежать последствий, связанных со сложным социально-экономическим положением в Волгоградской области (см. рис. 2)

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Почему Вы планируете поступать в вуз в другом регионе?» с уровнем доходов семьи, %

Поскольку в восприятии большинства родителей выпускников, ставших участниками фокусированных интервью, высшее образование является инструментальной ценностью, обеспечивающей возможность достижения прагматических целей, связанных прежде всего с успешным трудоустройством, то определяющим фактором при выборе вуза для них становится наличие в высшем учебном заведении таких направлений подготовки и системы обучения, которые обеспечат их детям в дальнейшем непроблематичное устройство на работу. В определении значимости этого фактора точки зрения родителей выпускников школ г. Волгограда, г. Волжского и Волгоградской области полностью совпали.

Ну, он как дальновидный ребёнок сразу уже планирует, где будет рабо-

тать, чтобы ему эта специальность помогла при выборе работы, трудоустройстве, чтобы можно было (женщина, 36 лет).

Это, конечно, работа, устройство на работу после вуза, и там, конечно, значит и устройство, и возможности хорошо, нормально зарабатывать, то есть востребованность, скажем. Востребованность данной профессии, которую он хочет выбрать (женщина, 54 года).

Как показали результаты нашего исследования, проведенного в г. Волгограде и г. Волжский, вторым по значимости фактором, влияющим на выбор вуза родителями выпускников, является фактор, связанный с уровнем квалификации и характеристиками профессорско-преподавательского состава. У информантов, проживающих в районах Волгоградской области, сло-

жилась иная точка зрения. При определении значимости факторов вторыми по важности стали такие факторы, как качество образования (уровень знаний) и репутация вуза (престиж учебного заведения). В восприятии родителей выпускников школ области эти факторы тесно взаимосвязаны, поскольку высокий престиж и положительная репутация высшего учебного заведения формируются на основе информации о том, какого качества образовательные услуги предоставляются в этом вузе.

Прежде всего, это качество образования, чтобы после вуза на работу нормальную взяли. Тут еще важно принять во внимание, что он хочет стать адвокатом, и там точно будут смотреть, какой диплом. Если какая-нибудь шарашка частная, то шансов явно будет меньше (женщина, 41 год).

Главное, чтобы знания давали. Я знаю, что некоторые вот ездят, просто деньги отвозят, знания никакие. Вот у меня муж, да, вот он учился в вузе. С ним которые люди учились, вот они приезжали, деньги отдавали и даже не появлялись. Какие знания в результате? Он же не может откуда-то их взять? Не может. Даже, допустим, вот я учились, и все равно у меня вот знания, они же все равно есть. Или ты не учишься там, просто ты появляешься, деньги там родители платят, так сказать, а ты просто там числишься. И в конце получаешь диплом, и какие тут знания, никаких не будет (женщина, 42 года).

Он планирует выбирать техническое направление, в городе Волгограде будем пробовать, хотелось бы в политехнический. Репутация у вуза с моей, наверное, еще юности сложилась. Сейчас появилось много вузов, о которых мы не слышим, не знаем, а с репутацией вуз, у него необязательно проверять лицензию (женщина, 48 лет).

Третим по значимости при выборе вуза для участников фокусированных интервью стал фактор, связанный с наличием у высшего учебного заведения общежития. Свою позицию в этом вопросе информанты объясняют тем, что

не располагают финансовыми средствами для оплаты арендованного жилья, а также считают проживание в общежитии неотъемлемым атрибутом студенческой жизни, определенным этапом в жизни студента, формирующим навыки совместного проживания со сверстниками и ведения хозяйства, приучающим к самостоятельности. Именно наличие общежития становится в восприятии родителей будущих студентов одним из важных конкурентных преимуществ вуза, создающих его имидж как учебного заведения, в котором созданы все условия не только для реализации учебного процесса, но и для создания комфортной среды для проживания.

Прежде всего, бытовой план очень важен, мы смотрели близость общежитий к университету и состояние этих общежитий. Именно Плехановский, им дают очень комфортные общежития в пяти минутах до университета, для Москвы – он единственный такой, потому что я знаю, что в РАНХиГСе это минут 40 ехать, в ВШЭ вообще в Одинцово находится, это часа два ехать. Опять же, само состояние общежития, насколько комфортно там жить (женщина, 48 лет).

Ну, для меня лично, чтобы было, допустим, общежитие. Потому что, квартира – это дорого. И общежитие хорошее, а не как бывает проходной двор. Потому что я знаю такие общежития (женщина, 42 года).

Анализ данных фокусированных интервью показал, что фактор, определяющий выбор вуза и связанный с уровнем квалификации профессорско-преподавательского состава, оказался четвертым по значимости. Обладающий высоким уровнем профессиональной квалификации, мотивированный, компетентный преподавательский состав формирует «лицо» вуза, создавая основания для восприятия его студентами и родителями как учебного заведения, оказывающего не только качественные, но и эксклюзивные образовательные услуги, обладающего уникальными возможностями по передаче знаний, умений, навыков, формированию

компетенций у обучающихся. Информация на официальных сайтах вузов, отзывы студентов, обучающихся в этих учебных заведениях, встречи с преподавателями на днях открытых дверей дают возможность родителям выпускников школ провести свой собственный анализ характеристик профессорско-преподавательского состава и сделать выводы об уровне его квалификации.

Преподавательский состав важен. Смотрим, чтобы была стажировка, квалификация преподавателей высшая, каждому хочется прийти к специалисту (женщина, 38 лет).

Обращаем на это внимание, то есть на состав профессорско-преподавательский. Какие там не даже и не столько степени, а сильна ли кафедра, какие там кадры работают. Это важно (женщина, 54 года).

Педагогический институт меня полностью устраивает, потому что остались очень интересные педагоги, которые могут научить и преподнести. И есть в городе, где и практику пройти (женщина, 44 года).

Да, конечно, качество уровня знаний самих преподавателей очень важно, потому что студенты очень часто жалуются, что приходят молодые преподаватели, которые знают меньше их самих, потому что вот эти «олимпиадники», у них очень высокий уровень знаний, и их это ставит просто в ступор (женщина, 48 лет).

Оценивая значимость внешних параметров вуза, влияющих на выбор учебного заведения, информанты из области расставили свои приоритеты следующим образом: на первом месте оказались связи с работодателями, на втором – престиж вуза, на третьем – международные связи, возможность прохождения стажировок за рубежом. Сравнительный анализ показал, что у родителей выпускников школ г. Волгограда и г. Волжского те же приоритеты, но параметр, связанный с престижем вуза, в их представлении является третьим по значимости, а международные связи были поставлены этими информантами на второе место.

Связи с работодателями – это, конечно, важно, потому что сейчас вопросы трудоустройства очень важны (женщина, 48 лет).

Отношения с работодателями, я думаю, что это очень удобно и перспективно в наше время (мужчина, 45 лет).

Мне кажется, что главное, чтобы знания давали. Ну, там да, конечно, я соглашусь, что, допустим, в ВолГУ поступить или в колледж. Есть же разница? Есть. ВолГУ престижней, туда проблема, я знаю, поступить, там большие конкурсы (женщина, 45 лет).

Международные связи очень важны. Ну, было бы здорово, если есть стажировки, если ребенок может поехать заграницу, получить опыт там. Она смотрит информацию, где работают студенты, какие перспективы. Для нее важно не только иметь диплом, но работать и развиваться в этой сфере (женщина, 38 лет).

В оценке значимости внутренних параметров деятельности вуза родители выпускников школ из области и областного центра выразили солидарную позицию, согласно которой при выборе высшего учебного заведения особую значимость приобретают такие параметры, как качество образования и квалифицированный педагогический состав. Организация внеучебной деятельности, по мнению большинства информантов из области, не входит в число наиболее значимых параметров, которые учитываются родителями и абитуриентами при выборе учреждения для получения высшего образования.

Таким образом, на основе анализа данных комплексного социологического исследования нами были выявлены мотивы выбора выпускниками средних школ г. Волгограда и Волгоградской области высшего учебного заведения, в структуре которых доминируют социальные и материальные мотивы. В группу основных вошли мотивы, связанные с получением профессии, которая будет востребована, сможет обеспечить успешное трудоустройство и получение высокого заработка. В структуре мотивации выбора вуза

в столице и городах за пределами области превалируют мотивы социального, познавательного и материального характера (лучшие перспективы успешного трудоустройства после вуза, более высокое качество образования, большее бюджетных мест). Анализ данных фокусированных интервью с родителями выпускников показал, что значимым фактором, влияющим на выбор вуза родителями выпускников, является фактор, связанный с уровнем квалификации и характеристиками профессорско-преподавательского состава. В оценке значимости внешних параметров вуза, влияющих на выбор учебного заведения, родители выпускников средних школ поставили на первое место связи с работодателями, на второе – престиж вуза, на третье – международные связи, возможность прохождения стажировок за рубежом. Полученные результаты имеют практическую значимость, поскольку могут быть использованы в целях повышения эффективности проведения приемных кампаний вузами.

Литература

- Гордеева И.В. Анализ мотивации учащихся при поступлении в вуз: проблема выбора // Мир науки. 2017. Том 5. № 4. Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/41PDMN417.pdf>.
- Селиверстова С.Ю. Анализ предпочтений абитуриентов в контексте формирования учебно-профессиональной мотивации к обучению в вузе // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 1 (44). С. 242–247.
- Ефимова И. Н., Маковейчук А.В. Анализ влияния роли рейтинговых позиций вуза на мотивацию абитуриентов при выборе места обучения: прикладной аспект // Вестник Пермского университета. 2014. № 1(17). С. 173–181.
- Шарипова Н.А. Факторы, влияющие на выбор вуза абитуриентами // Сибирский торгово-экономический журнал. 2014. № 1 (19). С. 99–102.
- Ушакова Я. В., Ситникова И.В., Францева Ю.Е. Факторы выбора вуза и профессиональные стратегии студентов социогуманитарных направлений подготовки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 118–128.
- Пашкус Н. А., Пашкус В.Ю. Конкурентоспособность вуза в условиях новой экономики: подходы к оценке // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 122–127.
- Гринкруг Л.С. Концептуальный анализ мотивации участников образовательной деятельности вуза // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 136. С. 174–188.
- Евдонин Г. А., Мамедова С.С. Моделирование процесса выбора вуза абитуриентом при поступлении // Управленческое консультирование. 2014. № 10. С. 89–94.
- Лызь Н. А., Нещадим И.О. Мотивация поступления в вуз как фактор компетентностно-ориентированного обучения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2018. Т. 10. № 1 С. 13–19.
- Абдрахманова Л. В., Никонова Э.И. Основные факторы, влияющие на выбор вуза абитуриентом // Вестник экономики, права и социологии. Серия: Социология. 2017. № 3. С. 113–116.
- Гуськова Е. А., Шавырина И.А. Проблема профессионального самоопределения современной молодежи в условиях конкуренции вузов на рынке образовательных услуг // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2014. № 3. С. 215–219.
- Ситникова И.В. Профессиональное самоопределение студенчества: мотивационно-ценностный аспект //

Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 2. С. 83–99.

13. Попова Л. А., Фадеева И.М., Юрлова Е.М. Профессиональные и социальные факторы, определившие выбор вуза первокурсниками // ОГАРЁВ-ONLINE. 2017. № 5 (94). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-i-sotsialnye-faktory-opredelivshie-vybor-vuza-pervokursnikami> (доступ свободный).

14. Ефимова И. Н., Маковейчук А.В. Рейтинг и бренд вуза как инструменты реализации политики менеджмента качества системы высшего образования // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2016. № 4. С. 40–56.

15. Украинцева И. И., Новикова С.С., Мушкина И.А. Социальный портрет абитуриентов СПО: особенности ценностных ориентаций, направленных на выбор специальности из списка топ-50 // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2017. № 3 (203). С. 59–63.

16. Дебренн М., Погорельская А.М., Поморина И.В., Скалабан И.А. Сравнительный анализ факторов, определяющих выбор университета для обучения британскими, российскими и французскими абитуриентами // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 90–95.

17. Шибанова Е. К., Иванов О.П. Возможности и перспективы развития экспорта образовательных услуг вузами Челябинской области: мотивация и выбор студентов // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 31–44.

18. Курилов С. Н., Кузьминов М.Ю. Выбор абитуриентами вуза: опыт исследования мотивов и факторов (на примере НИУ МЭИ) // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3 (19). С. 88–98.

HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION IN MODERN RUSSIAN CONDITIONS: MOTIVATION AND FACTORS OF CHOOSING A UNIVERSITY (BASED ON MATERIALS OF THE VOLGOGRAD REGION)

Kuzevanova A.L., Zorkova V.A.

Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In an article based on the analysis of empirical research data (a questionnaire survey of school graduates in Volgograd and the Volgograd region, focused interviews with their parents) come to light the motives for choosing a higher educational institution by applicants, among which social and material motives dominate. The main ones were the motives associated with obtaining a profession that will be in demand, will be able to ensure successful employment and high earnings. The article emphasizes that in the structure of motivation for choosing a university in the capital and cities outside the region prevail social, cognitive and material motives (better prospects for successful employment after university, higher quality of education, more budget places). The authors come to the conclusion that in the perception of the majority of parents of graduates who took part in focused interviews, higher education is an instrumental value that provides an opportunity to achieve pragmatic goals related to successful employment. A significant factor influencing the choice of a university by parents of graduates is a factor related to the level of qualifications and characteristics of the teaching staff. It is noted that in assessing the importance of the external parameters of the university, influencing the choice of the educational institution, the parents of secondary school graduates put in the first place the connections with employers, the second – the prestige of the university, the third – international relations, the possibility of internships abroad.

Keywords: higher education, higher educational institution, motivation for choosing a university, professional self-determination, external and internal parameters of the university's activities, instrumental values, terminal values, factors of choosing a university, applicants, professional choice.

References

1. Gordeeva I.V. Analysis of students' motivation during entering a university: the prob-

lem of choice. World of science, 2017, vol. 5, no. 4. Access mode: <http://mir-nauki.com/PDF/41PDMN417.pdf> (free access). (In Russ.)

2. Seliverstova S. Yu. Analysis of applicants' preferences in the context of the formation of educational and professional motivation to study at a university. World of science, culture, education, 2014, no. 1 (44), pp. 242–247. (In Russ.)
3. Efimova I. N., Makoveichuk A.V. Analysis of the influence of the role of the university's rating positions on the motivation of applicants at the period of choosing a place of study: an applied aspect. Bulletin of Perm University, 2014, no. 1 (17), pp. 173–181. (In Russ.)
4. Sharipova N.A. Factors affecting the choice of university by applicants. Siberian trade and economic journal, 2014, no. 1 (19), pp. 99–102. (In Russ.)
5. Ushakova Ya. V., Sitnikova I. V, Frantseva Yu.E. Factors of choosing a university and professional strategies of students in socio-humanitarian areas of training. Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences, 2020, no. 3 (59), pp. 118–128. (In Russ.)
6. Pashkus N. A., Pashkus V. Yu. Competitiveness of the university in a new economy: approaches to assessment. Theory and practice of social development, 2014, no. 12, pp. 122–127. (In Russ.)
7. Grinkrug L.S. Conceptual analysis of the motivation of participants in the educational activities of the university. News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2010, no. 136, pp. 174–188. (In Russ.)
8. Evdonin G. A., Mamedova S.S. Modeling the process of choosing a university by an applicant during admission. Management consulting, 2014, no. 10, pp. 89–94. (In Russ.)
9. Lyz N. A., Neshchadim I.O. Motivation for entering a university as a factor of competence-based learning. Bulletin of the South Ural State University/ Series: Education. Pedagogical sciences, 2018, vol. 10, no. 1, pp. 13–19. (In Russ.)
10. Abdurakhmanova L. V., Nikonova E.I. The main factors affecting the choice of a university by an applicant. Bulletin of Economics, Law and Sociology. Series: Sociology, 2017, no. 3, pp. 113–116. (In Russ.)
11. Guskova E. A., Shavyrina I.A. The problem of professional self-determination of modern youth in the conditions of competition of universities in the market of educational services. Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 2014, no. 3, pp. 215–219. (In Russ.)
12. Sitnikova I.V. Professional self-determination of students: motivational and value aspect // Proceedings of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences, 2021, no. 2, pp. 83–99. (In Russ.)
13. Popova L. A., Fadeeva I.M., Yurlova E.M. Professional and social factors determining the choice of a university by freshmen. OGAREV-ONLINE, 2017, No. 5 (94). Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-i-sotsialnye-faktory-opredelivshie-vybor-vuza-pervokursnikami> (free access). (In Russ.)
14. Efimova I. N., Makoveichuk A.V. University rating and brand as tools for implementing the quality management policy of the higher education system. Bulletin of RUDN. Series: State and Municipal Administration, 2016, no. 4, pp. 40–56. (In Russ.)
15. Ukraintseva I. I., Novikova S.S., Mushkina I.A. Social portrait of secondary vocational school applicants: features of value orientations aimed at choosing a specialty from the top-50 list. Bulletin of the Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and Psychology, 2017, no. 3 (203), pp. 59–63. (In Russ.)
16. Debrenn M., Pogorelskaya A.M., Pomorina I.V., Skalaban I.A. Comparative analysis of factors determining the choice of a university by British, Russian and French applicants. Bulletin of Tomsk State University, 2019, no. 446, pp. 90–95. (In Russ.)
17. Shibanova E. K., Ivanov O.P. Opportunities and prospects for the development of export of educational services by universities of the Chelyabinsk region: motivation and choice of students. Society and power, 2019, no. 5 (79), pp. 31–44. (In Russ.)
18. Kurilov S. N, Kuzminov M. Yu. The choice of university by applicants: the experience of studying motives and factors (on the example of NRU MEI). Sociological Science and Social Practice, 2017, no. 3 (19), pp. 88–98. (In Russ.)

Конспирологические теории в период пандемии: эффекты сознания

Ардашев Роман Георгиевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

В статье проводится анализ фактического распространения различных теорий заговора, возникающих в период распространения COVID-19. Анализируются процессы и механизмы воздействия на общественное сознание ложных установок в отношении причин и последствий пандемии. Рассматриваются социальные факторы, способствующие возникновению и распространению конспирологических теорий. Также рассматриваются результаты фокус-группового исследования, построенного на обсуждении результатов контент-анализа СМИ на предмет теорий заговора, где подтверждаются и объясняются механизмы распространения конспирологических теорий в условиях нестабильности, которые приводят к социальной дезинтеграции и конфронтации. Раскрываются противоречивые эффекты сознания в виде отсутствия критичности, приверженности мнимой логике и софистическим рассуждениям. Делается вывод о необходимости социального контроля и усиления работы по разоблачению фейковых новостей о теориях заговора.

Ключевые слова: эпидемия, пандемия, конспирологические теории, теории заговора, эффекты сознания, социальные страхи, паника, дезинформация

Коронавирусная инфекция стала поводом для очередного всплеска конспирологических теорий. В сети интернет появляется множество недостоверной информации, нагнетающей информационное пространство пессимистическими и/или заведомо ложными идеями, гипотезами, фактами в отношении возникновения, распространения, появления новых штаммов инфекции. Это препятствует рациональному адекватному восприятию ситуации с распространением пандемии, увеличивает панику и неадекватные формы поведения среди населения и приводит к закреплению идей о теориях заговора. Новые конспирологические теории, возникшие на основе пандемии COVID-19 мы вполне можем назвать как эпидемию теорий заговора.

Люди склонны доверять той информации, которая близка их личному мнению или согласуется с их ожиданиями (негативными или позитивными) и дает объяснение (не всегда логическое и рациональное, но всегда «понятное») тому, что происходит вокруг. Конспирологические теории выступают основой объяснения очень многих социально-экономических и культурно-политических процессов на протяжении нескольких тысяч лет.

Но в период непривычных жизненных обстоятельств, ограничений во внешнем взаимодействии, изменении привычного повседневного уклада – усиливается желание найти виноватых и объяснить происходящие процессы. Из-за противоречивости информации, транслируемой СМИ формируется ложная информация или изначально приводится такая аргументация, которая позволяет сделать однозначный вывод о наличии теории заговора против всего человечества (случай с НЛО), против россиян из-за ресурсов (Теория золотого миллиарда), против людей нового поколения /мышления /

эпохи и т.д. (теория заговора древних цивилизаций или атлантов и т.д.).

Регулярная дезинформация органов власти США, Китая, России и других о происхождении коронавирусной инфекции приводит к дополнительному усилению актуальности и правомерности возникающих теорий заговора. Некоторые исследователи [14] говорят о партизанской идеологии (как приверженности какой-то одной идее или мнению, неравнодушное отношение, эмоциональная включенность, позволяющая поддерживать кого-либо или что-либо) – заведомом распространении ложной информации о коронавирусной инфекции.

Распространение информации о теории заговора через пандемию распространяется значительно быстрее, чем сама пандемия. И усложняет поиск достоверной информации, не позволяет выделить достоверную или не достоверную информацию и как следствие этого выступает паника, которая может мешать противоэпидемиологическим мерам. Так срабатывает общественное сознание на явные или не явные формы проявления изменения функционирования общественного воспроизводства по привычным формам.

Наиболее притягательны теории заговора, адаптированные к местным реалиям. Например, вирус призван сократить население старшего возраста, чтобы не платить им пенсию и освободив рабочие места для более молодых людей. Или же влияние вируса призвано опустошить территории отдельных стран от основного населения и их место займут мигранты (китайские, арабские и т.д.). Или же – благодаря вирусу проводится селекция людей, более слабые особи умирают, а сильные будут основывать новую расу людей [11].

В тоже время, имеется ряд публикаций о том, что борьба с пандемией – это форма передела социально-экономического и политического влияния, когда целые секторы экономик умирают и рождаются новые ниши за максимально короткие сроки (инфобизнес, удаленное обучение). Подоб-

ные публикации вселяют в население надежду, что все придет на круги своя, включается компенсаторная функция. И тут скорее стоит говорить о падении доверия к власти, нежели чем о реальных пандемических формах развития социального взаимодействия.

Весьма показательным выступает исследование испанских ученых – о распространении фейковой конспирологической информации в социальных сетях, вовлеченности пользователей в эти обсуждения через репосты и комментарии и последствия данного информационного взаимодействия [14].

Методика исследования

Мы использовали коммуникативный контент-анализ, через моделирование количественных и качественных данных, размещенных в социальных сетях, касающихся информации о пандемии COVID-19 и возникающих конспирологических теориях. В основе этого метода лежит коммуникативная методология, предполагающая изначальный диалог между исследователем и респондентом, когда последнему предлагаются варианты выбора ответов, на основе его жизненного опыта с условием приведения примеров из личной жизни. В то же время, варианты ответов предлагаются на основе научных данных и практического обобщения имеющегося опыта. Эпистемология и диалог – выступают основными инструментами социального конструирования реальности через призму конспирологических теорий в условиях пандемии.

Также мы выделили наиболее активно цитирующие публикации и комментарии к ним. И также страницы тех пользователей, с которых началась трансляция публикации с элементами теории заговора.

Все публикации в ходе исследования были разделены на четыре категории: ложная информация, научная симуляция (якобы имеющиеся научные данные), факты (публикации с якобы достоверными фактами) и смешанная информация. В анализе участвовало 2250 публикаций.

Далее мы провели 6 фокус-групп, на которых с участниками обсуждали результаты первого этапа исследования (анализа фейковых публикаций и конспирологических теорий, посвященных COVID-19). В них приняли участие 60 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 52% женщин и 48% мужчин, занятых в разных секторах экономики, имеющих раз-

ный социально-демографический статус.

Анализ полученных данных

Из всех данных, 43,2% содержали ложную информацию, 34,5% поддерживались научной симуляцией, только 8,7% содержали достоверную информацию и 13,6% принадлежали к смешанной информации (см. рис. 1).

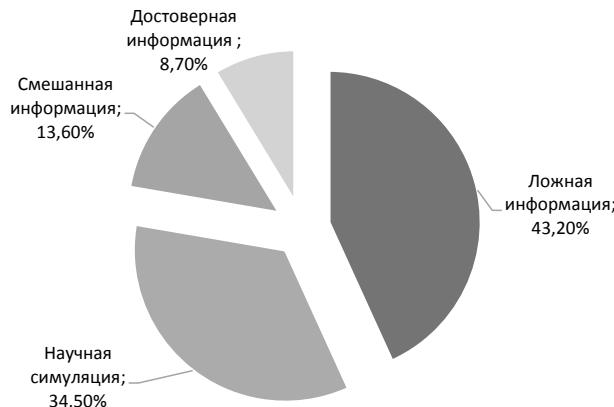

Рис. 1. Публикации, прямо или косвенно указывающие на наличие теорий заговора при распространении COVID-19

Примерами того, что вирус выступает биологическим оружием, являлись видео о том, как люди падают по среди улицы в обморок из-за COVID-19. Среди всей ложной информации подобные видео занимают практически половину эфира (42,1%), второй по значимости ложный посыл находится в кликовых заголовках (ярких, провокационных, на которые нажимают и переходят по ссылке на другую страницу) – 36,4%. Например, «COVID-19 как выжить при биологическом поражении», «Современный геноцид: выживают информированные», «Выжившим в пандемию COVID-19 посвящается» и проч.

Еще одну группу публикаций составили информационные сообщения о том, что известные состоятельные личности заинтересованы в «уменьшении населения земли» через финансирование экспериментов с вирусами (Б. Гейтс, Д. Трамп) – 21,5%. Например: «Трамп финансирует лаборатории по производству новых вирусов»,

«Мировая вона началась через производство вирусов на деньги Д. Трампа», «Бил Гейтс заинтересован в том, что населения было меньше, но оно пользовалось большим количеством гаджетов», «Деньги мультимиллиардеров направляются на разработку новых вирусов», «Выживут в битве тиранов – те, кто переживает новые испытания с вирусами, разработанными для Б. Гейтса» и т.д. Графически данные результаты представлены на рис. 2.

Интересно, что подобную информацию в два раза чаще (68,9%) пересылали друзьям и знакомым, а также размещали у себя на странице, нежели чем достоверную информацию (13,4%) или смешанную (17,7%). Это указывает на то, что конспирологические теории, на каких-бы странных умозаключениях не строились – они легко распространяются, в их легко верят (критичность не срабатывает) и они меняют логику построения причинно-следственных связей и умозаключений.

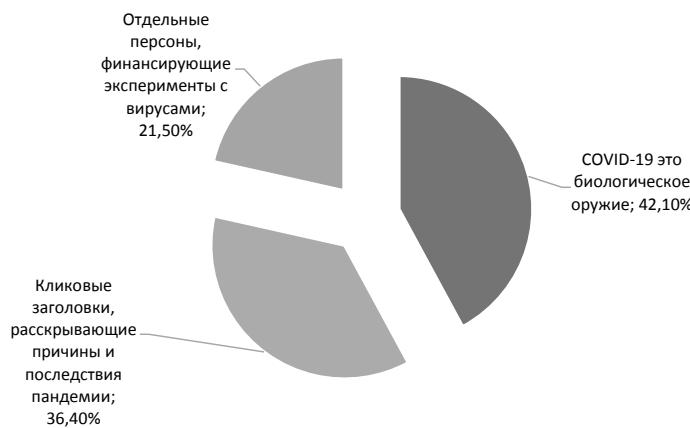

Рис. 2. Три типа публикаций, подводящих читателя к тому, что теория заговора существует

Участники фокус-групп говорили о том, что 89% из них регулярно встречается с конспирологической информацией, касающейся COVID-19 и только 11% сказали, что не обращали лично на эту информацию внимания, но слышали о ней от знакомых.

Зачастую эта информация о заговоре других государств (чаще Китая или США) против мира или отдельных стран (52,3%). Реже встречается информация

о том, что COVID-19 это вирус, который «проснулся» как наследие древних цивилизаций в виде проклятия, так как мы не чтим законы предков и разрушаем планету (24,7%). На третьем месте, стоит теория о внеземном происхождении COVID-19 и соответственно – заговоре других цивилизаций против нас – 13,4% и 9,6% занимают другие конспирологические теории (см. рис. 3).

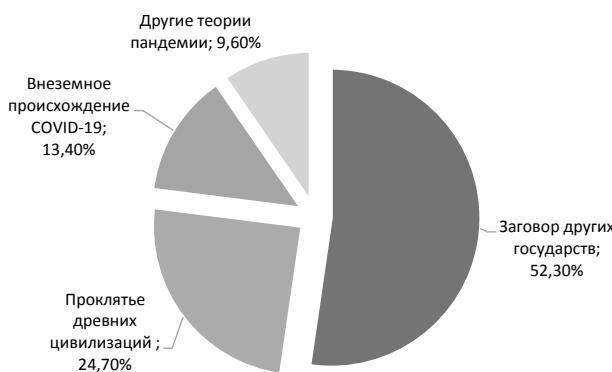

Рис. 3. Информация о заговоре, связанная с пандемией, на которую обращали внимание участники фокус-групп

Участники фокус-групп, только в 36% называют приверженцев теорий заговора в отношении COVID-19 сумасшедшими, тогда как в отношении поведения участников других теорий заговора (не связанных с пандемией) – сумасшедшими называют в 85% случаев. Более чем в два раза чаще. Это можно

объяснить тем, что они сами погружены в проблематику пандемии, безучастными не могут быть те, кто живет в социуме, так как те или иные ее отголоски есть в любой среде и на любой территории (начиная отношения масок, заканчивая вакцинацией). Тогда как, другие конспирологические теории не так яв-

ственno представлены в жизни (не каждый день можно наблюдать их примеры, причины или последствия). Сказывается воздействие психологического фактора восприятия информации.

Из участников фокус-групп, 42,1% готовы вступить в борьбу лично чтобы противостоять заговору против «нас». Интересно, что под «нами» понимаются максимально широкие группы. Это и «человечество» (25,1%), «россияне» (23,3%), «европеоиды» (18,7%), «здо-

ровые люди» (13,8%), «умные люди» (10,2%), другие категории заняли все вместе 8,9%. Готовы изучать информацию, но активно не вовлекаться в борьбу, а быть может и стать сторонниками 34,4% и только 23,5% не готовы противостоять теориям заговора, считая, что это бесполезно (52,1%) или не безопасно (47,9%). На рис. 4 представлено соотношение тех, кто и как настроен на взаимодействие с теориями заговора и их конкретными представителями.

Рис. 4. Личное отношение к теориям заговора

Обсуждение результатов исследования

Слухи распространяются особое интенсивно в период социальной нестабильности и дезинтеграции, так как дают хоть какую-то информацию о том, что происходит. И достоверность этой информации стоит увы не на первом месте. Уровень критичности в кризисных моментах также падает и это делает людей более уязвимыми.

Дезинформация делается с целью провокации неадекватного поведения, которым можно воспользоваться в будущем; или с целью экономических выгод (через призывы покупки каких-то товаров или услуг); или с целью понижения авторитета органов власти и т.д. Все вместе – это способствует дезинтеграции общества, увеличению конфликтности и напряженности на отдельных территориях или социальных группах. В целом ведет к спаду социально-экономического развития и угрозе национальной безопасности.

Если рассматривать отдельных людей – то ложные конспирологические теории могут привести к психическим заболеваниям и иным трансформациям личности (об этом более подробно было рассмотрено в некоторых работах автора [1–5], Р.В. Иванова [6–8], П.Г. Кошкина [9] и А.М. Прилуцкого [10]).

На You Tube во время пандемии за 30 дней было опубликовано более 500000 000 видео с названием COVID-19, в Google Scholar более 20000 статей, посвященных пандемии. Более того, было размещено более 700000 000 твитов с этими тегами. По данным этих сервисов: более 70% этих сообщений были созданы людьми старше 35 лет, 20% авторов были детьми, 57% мужчин и 43% женщин. И только 32% из них основываются на достоверной информации! [15].

Как ответ на данные публикации была создана компания с противоположным смыслом: «Разрушители мифов», цель которой – разрушить кон-

спирологические теории, заведомо ложную информацию, которая касается пандемии [16]. Также становятся все более актуальны вопросы по кибербезопасности граждан, так как в период изоляции и последующих ограничений в передвижении могут возникать сложные личностно-психологические и социально-деструктивные формы поведения, способствующие негативному развитию общественного мнения.

Полученные данные в результате анализа фокус-групп также показывают готовность респондентов воспринимать, а порой и прислушиваться к любой информации, касающейся COVID-19, уменьшать критичность и, следовательно, потенциально становится как минимум жертвой, а в некоторых случаях и адептом конспирологической теории.

Возникновение конспирологических теорий обусловлено тем, что научные знания доносятся до общественности на непонятном для них языке. Чтобы не было оснований для возникновения теорий заговора – следует менять контекст и формы донесения и объяснения информации. В сети интернет ложная информация излагается на доступном уровне и простым языком, поэтому критичность к ней понижается. И этот вопрос требует дополнительного внимания и контроля со стороны органов власти.

Литература

1. Ардашев Р.Г. COVID-19: Влияние конспирологических теорий на качество жизни россиян // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 140–142.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональность мышления через призму интерпретации теорий заговора // Вестник развития науки и образования. 2020. № 1. С. 46–55.
3. Ардашев Р.Г. Конспирологические теории как показатель социальной напряженности при пандемии COVID-19 // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. сборник научных трудов. Федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский государственный университет. 2020. С. 308–311.
4. Ардашев Р.Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. Ч. 1. (№ 42). С. 145–154.
5. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 56–63.
6. Иванов Р.В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 161–165.
7. Иванов Р.В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. сборник научных трудов. Федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский государственный университет. 2020. С. 311–313.
8. Иванов Р.В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 44–46.
9. Кошкин П.Г. Коронавирус в умах: как пандемия превратилась в ин-

формационную эпидемию и как с ней бороться / Российский совет по международным делам. – 2020. – 8 апреля. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/Analytics-andComments/Analytics/koronavirus-v-umakh-kak-pandemiya-prevratilas-v-informatsionnuyu-epidemiyu-i-kak-s-ney-borotsya/> (дата обращения: 03.08.2021).

10. Прилуцкий А.М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 108–114.

11. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета / Архипова А.С., Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М.В., Петров Н.В. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 231–265. – Режим доступа: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778> (дата обращения: 03.08.2021).

12. Садыков Д.И., Ахметьянова Н.А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-journal. – 2020. – № 8. – С. 78–79.

13. Скуденков В.А. Особенности социальных рамок психического здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России. Иркутск, 2020. С. 39–43.

14. COVID-19 infodemic: more retweets for science-based information on coronavirus than for false information / Pujido C.M., Villarejo-Carballido B., RedondoSama G., Gómez A. // International sociology. – 2020. – Vol. 35, N 4. – P. 377–392.

15. UN tackles «infodemic» of misinformation and cybercrime in COVID-19 crisis / The United Nations Department of global communications. – 2020. – Mar 31. – Mode of access: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-'infodemic'-misinformation-and-cybercrime-covid-19> (accessed: 23.08.2021).

16. Understanding the infodemic and misinformation in the fight against COVID-19: factsheet / Pan American Health Organization. – 2020. – Mode of access: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/52052/Factsheet-infodemic_eng.pdf (accessed: 23.08.2021).

CONSPIRACY THEORIES DURING A PANDEMIC: THE EFFECTS OF CONSCIOUSNESS

Ardashev R.G.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the actual spread of various conspiracy theories arising during the spread of COVID-19. The processes and mechanisms of influence on the public consciousness of false attitudes regarding the causes and consequences of the pandemic are analyzed. The social factors contributing to the emergence and spread of conspiracy theories are considered. It also examines the results of a focus group study based on a discussion of the results of media content analysis for conspiracy theories, which confirms and explains the mechanisms of the spread of conspiracy theories in conditions of instability that lead to social disintegration and confrontation. The contradictory effects of consciousness are revealed in the form of a lack of criticality, adherence to imaginary logic and sophistic reasoning. The conclusion is made about the need for social control and strengthening the work to expose fake news about conspiracy theories.

Keywords: epidemic, pandemic, conspiracy theories, effects of consciousness, social fears, panic, disinformation.

References

1. Ardashev R.G. COVID-19: Influence of conspiracy theories on the quality of life of Russians // Influence of the quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. Moscow State University M.V. Lomonosov. Moscow, 2020. S. 140–142.

2. Ardashev R.G. Irrationality of thinking through the prism of interpretation of conspiracy theories // Bulletin of the development of science and education. 2020. No. 1. S. 46–55.
3. Ardashev R.G. Conspiracy theories as an indicator of social tension in the COVID-19 pandemic // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the 21st century. collection of scientific papers. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State University. 2020.S. 308–311.
4. Ardashev R.G. Conspiracy theories in the public opinion of Russians // Mission of confessions. 2020.T.9. Part 1. (No. 42). S. 145–154.
5. Ardashev R.G. Transformation of consciousness after a pandemic: new facets of virtuality // Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2020.S. 56–63.
6. Ivanov RV Virtual interaction: truth and falsity // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020.S. 161–165.
7. Ivanov R.V. Impact of the COVID-19 pandemic on social tension // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the XXI century. collection of scientific papers. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State University. 2020.S. 311–313.
8. Ivanov RV Quality of life in the virtual world // Influence of quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. Moscow State University M.V. Lomonosov. Moscow, 2020.S. 44–46.
9. Koshkin P.G. Coronavirus in the minds: how the pandemic turned into an information epidemic and how to fight it / Russian International Affairs Council. – 2020. – April 8. – Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/> koronavirus-v-umakh-kak-pandemiya-prevratila-v-informatsionnuju-epidemiyu-i-kak-s-ney-borotsya / (date of access: 08/03/2021).
10. Prilutsky AM Coronavirus infection and religious discourses of medical conspiracy // News of Irkutsk State University. Series Political Science. Religious studies. 2020.Vol. 33, pp. 108–114.
11. Ways of Russian infodemic: from WhatsApp to the Investigative Committee / Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Kozlova I.V., Peigin B.S., Gavrilova M.V., Petrov N.V. // Monitoring public opinion: economic and social changes. – 2020. – No. 6. – P. 231–265. – Access mode: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778> (date of access: 03.08.2021).
12. Sadykov D.I., Akhmetyanova N.A. The spread of fake news during the COVID-19 pandemic // Colloquium-journal. – 2020. – No. 8. – P. 78–79.
13. Skudenkov VA Features of the social framework of mental health // Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. FSBEI HE IS-MU of the Ministry of Health of Russia. Irkutsk, 2020.S. 39–43.
14. COVID-19 infodemic: more retweets for science-based information on coronavirus than for false information / Pulido C.M., Villarejo-Carballido B., RedondoSama G., Gómez A. // International sociology. – 2020. – Vol. 35, No. 4. – P. 377–392.
15. UN tackles “infodemic” of misinformation and cybercrime in COVID-19 crisis / The United Nations Department of global communications. – 2020. – Mar 31. – Mode of access: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-'infodemic'-misinformation-and-cybercrime-covid-19> (accessed: 08/23/2021).
16. Understanding the infodemic and misinformation in the fight against COVID19: factsheet / Pan American Health Organization. – 2020. – Mode of access: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/52052/Factsheet-infodemic_eng.pdf (accessed: 23.08.2021).

Российская элита: пути формирования и перспективы

Дзутцев Хасан Владимирович,

доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра исследований приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова
E-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

Дибирова Аминат Паруковна,

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
E-mail: dibirova59@mail.ru

Корниенко Наталья Владимировна,

кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
E-mail: a-editor@yandex.ru

В настоящей статье предпринимается попытка поиска причин низкой эффективности общественных реформ в отсутствии системы социально-политической элиты общества, состоящей из грамотных образованных управляемцев. Особенно остро актуальность данной проблемы проявилась в период общемировой пандемии, связанной с распространением нового вируса COVID-19, когда несогласованность действий правительства ведущих стран привела к ухудшению не только эпидемиологической, но и социально-политической и экономической ситуации во всем мире. Анализируется история развития концепций элиты классиков отечественной социологии и современников. Приводятся примеры поведения аристократов Европы и США. За прошедшие с момента слома сословного строя 100 лет в России стране так и не образовалась политическая «элита» в европейском понимании этого слова, а также не сформирован механизм, способствующий формированию политической элиты из наиболее благородных и образованных людей, способных вплотить в жизнь такие нужные сегодня для нашей страны реформы.

Ключевые слова: элита, аристократия, Россия, СССР, сословный строй, Бердяев, Сорокин, Ортега-де-Гассет.

Введение

Отношение к элите в российском обществе в XXI веке остается достаточно острым, противоречивым и болезненным. Изначально термин «элита» представлялся как «лучшие представители какой-нибудь части общества, группировки, а также люди, относящиеся к верхушке какой-нибудь организации, группировке» [Ожегов, с 684]. Многие исследователи отмечают, что в сознании современных россиян произошла подмена понятий, и «элитами стали называть не лучшую часть общества, создающую образцы в различных сферах деятельности, а наиболее влиятельные слои людей, участвующие в принятии решений и обладающие высокими функциональными возможностями в обществе, в отличие от других групп и населения в целом» [Федотова, № 11, с. 12], в результате чего «российская элита оказалась неспособной понять и тем более ответить на вызовы современной эпохи – эпохи глобализации, макросдвигов в технике, жизнеустройстве, общественном сознании, культуре, международных отношениях» [Федотова, № 4, с. 12]. Особенно остро актуальность данной проблемы проявилась в период общемировой пандемии, связанной с распространением нового вируса COVID-19, когда несогласованность действий правительства ведущих стран привела к ухудшению не только эпидемиологической, но и социально-политической и экономической ситуации во всем мире.

Отношение к элите в России

Исследовать элиту советские ученые начали в конце 80-х гг. в рамках новой дисциплины «элитологии», однако фактически изучением элит занимались многие досоветские философы и социологи. Так, одним из классиков аристократического варианта российской элитологии называют Н.А. Бердяева [Ашин, с. 179]. Философ употребляет понятие аристократии, а не элиты, при этом он пишет

не об «аристократии крови», а об аристократии как о принципе жизнеустройства общества – возможности найти и выбрать лучших и облечь их властью [Макарова, № 2 (95)]. Противопоставляя аристократию как воплощение господства лучших демократии – формальному господству всех, он тем не менее отмечал, что представительная демократия может ставить своей целью подбор лучших и установление царства истинной аристократии, выделение которой неизбежно и закономерно: «С сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство. Это верно для всех форм и типов управления, для монархий и для демократий, для эпох реакционных и для эпох революционных. Из управления меньшинства нет выхода... Вопрос лишь в том, правит ли меньшинство лучшее или худшее» [Бердяев, с. 147]. Кастовость и сословность неприемлемы – иными словами, неприемлем жесткий социально детерминированный ценз «на вход». Однако необходим ценз «на выход» – на результат сформированных в человеке когнитивных и прочих навыков – его должно быть возможно оценивать, ранжировать и отбирать лучшее [О престиже..., № 15330]. Исследователи отмечают, что критерии и процедура выявления «естественной аристократии» неясны, а заявления о необходимости приведения «лучших» к политической власти много веков остаются только декларациями [Макарова, № 2 (95), с. 143]. Спустя столетие отечественные исследователи уже не верят в потенциальные возможности демократии как этапа на пути к формированию власти лучших: «недостаток демократии ... в том, что она на всем протяжении своего существования выказывает неспособность обеспечить перманентное и значительное присутствие в стане правящего класса наиболее достойных (с точки зрения уровня интеллектуального развития, профессиональных навыков и моральных качеств) представителей нации» [Керимов, № 4, с. 12].

П.А. Сорокина, классика российской и американской социологии и автора теории социальной стратификации

и мобильности, считают последователем Бердяева в вопросах необходимого социального неравенства: «Социальная стратификация – это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев» [Сорокин, с. 5–24].

Еще одним последователем концепций Бердяева считается испанский социолог Ортега-и-Гассет, который в своих трудах подчеркивал важную для российской современности мысль об отсутствии у власти лучших людей как причине упадка нации. При этом под термином «аристократия» философ подразумевал ненаследуемые привилегии, считая потомков настоящих аристократов так же несоответствующими настоящей элите, как и народные массы.

Однако отечественная наука с большим трудом подходит к вопросу формирования элиты как лучших представителей своей нации, способных использовать власть во благо всем, руководствуясь высокими моральными и интеллектуальными качествами, а не связями, деньгами и властью, передающейся по наследству: «В современном российском научном дискурсе практически не представлены ценностные теории элит – в противоположность этому элита определяется просто как группа людей, имеющих политическое влияние» [Канарш, № 1].

В наших исследованиях респонденты и эксперты предполагают, что для качественного улучшения жизни в нашей стране нужно усилить инвестиции в экономике, бороться с коррупцией, прекратить отток капитала за границу и т.д. Никогда не уделяется внимание способу формирования политической элиты, тех, кто реализует реформы, по чьей вине они зачастую буксуют и сходят на нет [Дзуцев, № 3 (93)].

За прошедшие с момента слома словесного строя 100 лет в нашей стране так и не образовалась политическая «элита» в европейском понимании этого слова. В 1920–1930-х годах и остат-

ки дворян, и представителей правящего класса с семьями были отправлены в концентрационные лагеря (Соловецкий лагерь особого назначения и другие) или уехали за рубеж; потомки руководителей СССР деградировали вследствие отсутствия здоровой конкуренции (дети Сталина, Брежнева и других представителей правящей верхушки). Таким образом, правящий класс (именно класс, а не клан) у нас так и не сформировался.

Вытолкнутых социальными и экономическими потрясениями в верхние слои общества случайно разбогатевших «новых русских» 90-х годов XX века спустя всего два десятилетия смывло волнами истории, во всяком случае, новые управленцы не являются их детьми. Снова и снова не удается в «теле» нашего общества образоваться таким «сливкам», в которых могли бы формироваться новые патриотичные руководители.

Для поколения россиян, выросших при социализме, норма считать, что класс помещиков и капиталистов – паразитарный, социально и исторически никчемный. Нам трудно принять, что все классы имеют свою общественную и историческую миссию, в том числе и управляющий. Н.А. Бердяев полагал, что общество – не упразднение качественных различий, а вхождение каждого человека в его призвание и в служение ближнему [Макарова, № 2 (95), с. 140]. История учит нас тому, что всякую элиту постигает вырождение, если она противопоставляет себя народу, вместо служения требуя себе привилегий: «Так, в России со временем дворянская элита была вытеснена буржуазной, а затем пролетарской элитой» [Шумской, № 3, с. 70].

Очевидно, постоянная смена принципа формирования элиты не дает возможности для формирования устойчивого правящего класса, и серьезной предпосылкой к такому положению является неготовность россиян (причем даже тех самых «временных» элит недавнего советского и постсоветского периодов) отнестись к вопросу форми-

рования политических элит со всей серьезностью, осознавая общую выгоду от грамотного управления страной и ее развитием.

Рассмотрим отношение к элите на примере Европы и США. Общественная и политическая элита пестуется и лелеется обществом, и совсем не напрасно. Нельзя не признать, что именно из нее происходят индивиды, способные двигать свой народ по пути прогресса: политические и религиозные деятели, военачальники, представители литературы и искусства. В подавляющем большинстве именно они составляют цвет нации и прославляют ее на мировой арене. С младых ногтей им внушается, что на них в силу происхождения возложена особая миссия – двигать свой народ в сторону прогресса. Естественно, человеку, выросшему в достатке, если все его предки много поколений пребывали в нем, и в голову не придет заниматься обогащением своей семьи, казнокрадством... Например, трудно представить, как Уинстон Черчилль, вместо того чтобы печься о благе Великобритании, внедрять прогрессивные реформы в своей стране, занимался бы собственным обогащением или выводил государственные средства за рубеж.

Или еще один не менее известный пример – Урсула фон дер Ляйен, в недавнем прошлом – министр обороны Германии, а ныне – Председатель Еврокомиссии. Происходит из старинного купеческого рода Альбрехтов. Ее отец, Эрнст Альбрехт, был Премьер-министром Нижней Саксонии. Есть один эпизод его жизни, ярко характеризующий этого политика: во времена войны во Вьетнаме корабль, наполненный вьетнамскими беженцами, дрейфовал в бассейне Индийского океана, и ни одна страна этого региона, включая Австралию, не согласилась принять его – они не хотели портить отношения с США. Помощь беженцам предложили из далекой Германии. Эрнст Альбрехт объявил, что земля Нижняя Саксония и он лично готовы принять корабль, прибыл в порт Ганновера и сам помог

сойти на берег несчастным, истощенным людям. Какими мотивами он руководствовался, кроме чести и сострадания? Много ли найдется подобных примеров поведения высших правящих персон у нас?

Заключение

При желании можно найти множество примеров самоотверженного поведения людей, и не из высшего общественного класса. Но речь не об этом, а о том, что одной из возможных причин поражения реформ в России и ее стратегических и тактических неудач является отсутствие как такового класса аристократии, элиты, способной воплотить в жизнь такие нужные сегодня для нашей страны реформы.

Говорить об обновлении элиты в России, по сравнению со странами Запада, рано, так как нашей стране еще только предстоит пройти путь становления класса элиты, класса грамотных руководителей, способных вывести ее на путь развития и процветания.

Литература

1. Ашин Г.К. Элитология. Учебное пособие. М.: МГИМО-Университет МИД России, 2005. 542 с.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.
3. Дзуцев Х. В., Цогоева Ф.Б. Общественное мнение о деятельности властных структур республик Северо-Кавказского федерального округа РФ // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 3 (93). С. 13–28.
4. Канарш Г.Ю. Элитарный дискурс справедливости: теоретические источники // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 83–98.
5. Керимов А.Д. Капитализм и демократия // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 12–23.
6. Макарова А.Ф. Равенство и неравенство в философии Н.А. Бердяева // Философия и общество. 2020. № 2 (95). С. 137–154.
7. О престиже власти // Биржевые ведомости. 18 янв. 1916. № 15330. (Клепинина, № 221).
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2008. 736 с.
9. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. Согомонова А.Ю., М.: Политиздат, 1992. 542 с.
10. Федотова В.Г. Роль и ответственность элиты в общественных преобразованиях // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 9–19.
11. Шумской А.В. Аристократический элитаризм Н.А. Бердяева // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2013. № 3. С. 67–70.

RUSSIAN ELITE: WAYS OF FORMATION AND PROSPECTS

[Dzutsev Kh.V., Dibirova A.P., Kornienko N.V.]

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova, Federal Scientific Research Center of RAS

This article attempts to find the reasons for the low efficiency of social reforms in the absence of a system of socio-political elite of society, consisting of competent educated managers. The urgency of this problem was especially acute during the period of the global pandemic associated with the spread of the new COVID-19 virus, when the inconsistency in the actions of the governments of leading countries led to a worsening not only of the epidemiological, but also of the socio-political and economic situation around the world. The history of the development of the concepts of the elite of the classics of Russian sociology and contemporaries is analyzed. Examples of the behavior of aristocrats in Europe and the United States are given. Domestic science with great difficulty approaches the issue of forming the elite as the best representatives of their nation, capable of using power for the good of everyone, guided by high moral and intellectual qualities, and not by connections, money and power transmitted by inheritance. Over the 100 years that have passed since the collapse of the estate system in Russia, the country has not formed a political "elite" in the European sense of the word, and also a mechanism has not been formed that contributes to the formation of a political elite from the most noble and educated people who are able

to implement such things that are needed today. for our country of reform.

Keywords elite, aristocracy, Russia, USSR, estate system, Berdyaev, Sorokin, Ortega de Gas-set.

References

1. Ashin G.K. Elitology. Tutorial. Moscow: MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2005.542 p.
2. Berdyaev N.A. Philosophy of inequality. Letters to enemies on social philosophy. Berlin: Obelisk, 1923.246 p.
3. Dzutsev Kh.V., Tsogoeva F.B. Public opinion on the activities of the power structures of the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation // Ethnosocium and interethnic culture. 2016. No. 3 (93). S. 13–28.
4. Kanarsh G. Yu. Elite discourse of justice: theoretical origins // Knowledge. Understanding. Skill. 2019. No. 1. S. 83–98.
5. Kerimov A.D. Capitalism and Democracy // Problems of Philosophy. 2019. No. 4. S. 12–23.
6. Makarova A.F. Equality and inequality in the philosophy of N.A. Berdyaeva // Philosophy and Society. 2020. No. 2 (95). S. 137–154.
7. On the prestige of the authorities // Stock exchange statements. Jan 181916. No. 15330. (Klepinina, No. 221).
8. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: Onyx, 2008. 736 p.
9. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society / General ed., comp. and foreword. Sogomonova A. Yu., Moscow: Politizdat, 1992.542 p.
10. Fedotova V.G. The role and responsibility of the elite in social transformations // Knowledge. Understanding. Skill. 2011. No. 4. S. 9–19.
11. Shumskoy A.V. Aristocratic elitism N.A. Berdyaev // News of higher educational institutions. Ural region. 2013. No. 3. S. 67–70.

Волонтерство как форма участия молодежи в общественной жизни: по материалам экспертных интервью

Зубова Оксана Геннадьевна,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
E-mail: zubovaoksana@bk.ru

Филиппова Александра Геннадьевна,

доктор социологических наук, доцент, зав. лабораторией комплексных исследований детства ВГУЭС, старший научный сотрудник РГПУ им. А. И. Герцена
E-mail: alexgen77@list.ru

В статье волонтерство рассматривается как способ участия молодых людей в решении социально значимых вопросов. Возможность влиять на решение социальных проблем проявляется через выражение собственного мнения волонтером (разные варианты обратной связи), выбор формы социально полезной деятельности и степени вовлеченности. Экспертное интервью, используемое в качестве метода сбора данных, позволило получить профессиональный взгляд на волонтерство в современном обществе, выявить тренды в его развитии.

Волонтерство в современном обществе стало массовым явлением благодаря государственной поддержке и широкой популяризации. Преемственность школьного и вузовского волонтерства помогает развивать формы участия, вплоть до профессионализации. Однако продвижению молодого человека по «лестнице» участия Р. Харта (от мнимого до реального участия) мешают бюрократические сложности, коммуникативные барьеры в общении молодых людей-волонтеров со взрослыми организаторами, в некоторых случаях – недостаточная информированность молодежи, а также отсутствие опыта выражения и продвижения своего мнения, в том числе на уровне школьных волонтерских организаций.

Ключевые слова: молодежь, волонтерство, участие в решении социально значимых вопросов, экспертное интервью.

Введение

В современном российском обществе волонтерство становится значимым социальным лифтом и возможностью привлечения подростков и молодых граждан к участию в принятии решений в различных отраслях. Это стало возможно, так как, во-первых, сформировалась необходимая правовая база, волонтерство получает поддержку со стороны государства, во-вторых, возросла роль волонтерства как социально одобряемой деятельности, что повлияло на формирование культуры социального активизма и популяризации постматериалистических ценностей по классификации Р. Инглхарта, связанных с активным включением в жизнь социума и участием в преобразовании на разных уровнях [4]. Кроме того, в пандемию стала осознаваться необходимость волонтерства как деятельности для многих социальных групп, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

Такие образовательные учреждения, как школа и высшая школа способствуют процессу институционализации волонтерства, формируя его основную социальную базу. Поэтому при изучении волонтерства как канала для формирования культуры участия подростков и молодежи в обществе необходимо рассмотреть, как происходит развитие волонтерской деятельности в школе и высших учебных заведениях, какие формы участия, согласно теории «лестницы участия» Р. Харта развиваются, связаны ли они с симулякрами или реальным участием [9].

Согласно данным Минэкономразвития России, за последние семь лет, с 2013 по 2020 год, добровольцев в России стало на 13% больше. Пандемия вывела волонтерское движение на новый уровень. Только в рамках акции «Мы Вместе» волонтерами стали около 119 тысяч человек [6].

По данным Росмолодежи, озвученным на заседании проектного комитета по нацпроекту «Образование», в рамках федерального проекта «Социальная активность» по итогам 2020 года было создано 435 добровольческих и волонтерских центров. 37 субъектов получили софинансирование на реализацию практик по развитию добровольчества в рамках ежегодного Всероссийского конкурса «Регион добрых дел». Более 18 тысяч добровольцев прошли обучение как в очном, так и в онлайн-формате. К концу 2020 года на портале «Добро.ру» зарегистрировалось около 2 миллионов пользователей [1].

Самыми популярными в России сегодня остаются такие направления волонтерства, как социальное, событийное, культурное, военно-патриотическое, экологическое [2].

Волонтерские организации активно развиваются на базе высших учебных заведений, иногда работая в связке «вуз-школа» и реализуя преемственность при переходе молодого человека с одной ступени образовательной системы на другую. Волонтерство в высшей школе отличается более осознанным выбором, профессионализацией деятельности, расширением социальных контактов, в т.ч. с потенциальными работодателями.

Исследовательскими вопросами, на которые мы попытаемся найти ответ в рамках настоящего исследования, стали следующие: 1) Меняется ли степень вовлечения молодых людей в решение социально значимых вопросов при переходе из школьных в волонтерские организации вузов 2) Каковы формы реализации участия молодых людей в решении социально значимых вопросов?

Методология и методы исследования

Методами сбора данных стали экспертные интервью с организаторами и участниками волонтерских движений, в том числе осуществляющими работу со школьниками. Выбор экспертов осуществлялся по следующим критериям:

- уровень компетентности и грамотности;
- степень заинтересованности и объективности;
- обладание необходимыми коммуникативными навыками.

Использовались следующие методы подбора экспертов:

- документальный подбор на основе социально-демографических данных;
- экспериментальный подбор на основе самооценки экспертом своего уровня компетенции по трем параметрам: опыт практической работы, уровень теоретической подготовки, возможность построения прогноза.

Это позволило определить 8 предполагаемых ключевых экспертов, обладающих следующим набором характеристик: опыт работы в волонтерском движении; руководящие функции; опыт работы со школьниками, молодежью; теоретические и практические исследования в данной области.

Полевой этап подтвердил предполагаемый уровень компетенции и грамотности экспертов, а также их идеальную модель по набору характеристик до полевого этапа, описанную в технологии восьмиоконной выборки [11].

Метод полуформализованного интервью позволил получить экспертные оценки по следующим проблемным вопросам: роль волонтерства в современном мире; волонтерство в период пандемии; волонтерство в школе и высших учебных заведениях; волонтерство и видеоблогосфера; проблемы и тренды развития волонтерства.

При анализе полученных экспертных данных применялся метод осевого кодирования.

Теоретической рамкой исследования стала «лестница участия» Р. Харта, в основе которой особенности взаимодействия детей/молодых людей и взрослых в процессе принятия решений [12]. Лестница включает восемь ступеней и продвижение по ней символизирует возрастание вовлеченности молодежи в решение разных вопросов, усиление ее социальных компетенций,

а также постепенный переход от манипулирования подростковым мнением к сотрудничеству со взрослыми.

Результаты исследования и их обсуждение

Волонтерство в современном мире

Для современной молодежи волонтерство становится данью моде, ресурсом социального развития, способом самовыражения, вариантом профессионализации навыков: «...они действительно просто хотели внести свой вклад в общественное развитие, для них это было важно, получение энергообмена, контактов каких-то полезных, более того, многие ребята на основе посещения волонтерских мероприятий и конференций могли получить большой опыт и также какие-то полезные связи и дальнейшее трудоустройство» (руководитель Волонтерского центра МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва).

Также волонтерство – это возможность найти единомышленников и друзей, сформировав свой социальный круг общения. «Это большая сеть контактов, это дружба, у нас многие вышли замуж, женились, действительно, познакомились просто на мероприятии, и таких историй много, у многих уже семьи, дети, это очень хороший канал социализации, где ребята знакомятся, общаются» (руководитель Волонтерского центра МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва).

В современном обществе волонтерство – это та деятельность, которая объединяет людей по интересам, ее можно рассматривать как канал для социализации молодежи, через который также происходит формирование гражданского общества.

Во время пандемии в мире и российском обществе изменилось отношение к волонтерству. Волонтеров стали замечать, их деятельность получила широкое социальное одобрение. На волонтеров легла особая роль в сохранении стабильности, обеспечении социальной защиты лиц старшего возраста и инвалидов: «более 2,3 тысяч волон-

теров акции в регионе и свыше 100 тысяч в стране в целом подарили надежду и уверенность в том, что даже самые социально незащищенные граждане не останутся одни в разгар кризиса из-за коронавируса» (ведущий специалист отдела молодежных проектов, мониторинга и анализа процессов в молодежной среде департамента молодежной политики Министерства образования и молодежной политики Свердловской области, г. Екатеринбург).

С конца марта 2020 года началась общероссийская акция взаимопомощи #МыВместе, участники которой стали принимать и обеспечивать реализацию заявок населения – лиц старшего возраста и инвалидов, а в некоторых случаях и изолированных граждан, по приобретению лекарств, продуктов питания, оплате различных услуг и т.д.

Событийное направление волонтерской деятельности ушло на задний план, уступив место социальному: «неравнодушные люди стали больше уделять внимание поистине важным вещам и проявили свою силу, несмотря на страх заболеть» (специалист Центра волонтеров ВГУЭС, г. Владивосток); «в пандемию, те, у кого раньше не было времени, когда оно появилось, смогли реализовать себя в волонтерской деятельности, что также важно, они сами этого захотели, выполнять свой долг, а не смотреть телевизор или зависать в сетях» (руководитель ЭкоГильдии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва).

Формы участия

Участие в нашей интерпретации складывается из выражения мнения детьми/подростками/молодыми людьми и учета этого мнения взрослыми при принятии социально значимых решений [8].

Одной из форм выражения мнения в деятельности волонтерских организаций выступают разные варианты получения обратной связи – через сайты, анкеты, личное обращение, электронные формы и прочее: «все инициативы, исходящие снизу, в любом случае, выслушиваются, у нас есть форма обратной

связи, после каждого мероприятия ребята заполняли формы обратной связи: что понравилось, что не понравилось, что было хорошо, что было плохо, что изменилось, это очень важно, если даже один человек не доволен, руководство будет реагировать, в этом плане у нас это быстро и отлаженная система работает» (руководитель Волонтерского центра МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва). Такие популярные сайты, как Мосволонтер, Росмолодежь, РДШ предоставляют возможности обращения в специальной электронной форме, отправки письма на электронную почту, а также личной коммуникации.

Участие проявляется посредством самой добровольческой деятельности, уже с выбора стать или не стать волонтером, а дальше идет выбор в каких акциях/мероприятиях участвовать и т.д. Об этом же говорит один из экспертов, иллюстрируя ситуацию с информацией, размещенной на сайте Мосволонтер: «указывается мероприятие, в чем состоит суть мероприятия, и какая помочь требуется, чаще всего это навигация, сопровождение, помочь организаторам, вот, но все-таки все зависит от специфики мероприятия, т.е. да, здесь спрашивается мнение волонтера, что бы он хотел делать, но иногда бывает так, что людей просто не хватает, поэтому приходится хвататься за все, делать все одновременно и сразу» (специалист Центра волонтеров ВГУЭС, г. Владивосток).

То есть для вовлечения молодежи в добровольчество, для совершения ею осознанного выбора необходима соответствующая информационная и финансовая поддержка. Сегодня в России реализуется довольно большое количество программ по поддержке волонтерских идей и инициатив. Разработаны конкурсы, благодаря которым происходит всесторонняя поддержка молодежных инициатив (в том числе грантовая поддержка проектов). К числу таких конкурсов можно отнести конкурс грантов от Росмолодежи, Ассоциации волонтерских центров, Президентские гранты, но прав-

да для каждого конкурса есть возрастные ограничения.

Через волонтерскую деятельность возможно выстраивание индивидуальной траектории развития. Сейчас многие волонтерские организации предлагают разные варианты включения в проекты: начиная от волонтера, заканчивая лидером, менеджером, с возможностью дальнейшего трудоустройства. Важно, чтобы молодые люди больше узнавали про такой опыт: «когда человек, который принял участие в спортивных международных мероприятиях, он потом может показать на своём примере, как он достиг таких высот и, например, трудоустроиться на работу... сказать: я достиг этого благодаря волонтерству – показать это на своём примере» (глава центра «Волонтеры Урала», г. Екатеринбург).

Волонтерство: школа-вуз

Распространение добровольческих практик в школе дает возможность сформировать позитивное отношение к волонтерству с юных лет, а также расширить лидерский кадровый ресурс для взрослого волонтерства. У подростков появляется опыт, формируется гражданская сознательность, культура участия, взросления, они могут продолжать свою деятельность, кто-то связывает с этим и свою будущую профессию. [3, 5, 10].

Поэтому связка «школа-вуз» обеспечивает постепенное наращивание социальных навыков, преемственность участия в решении социально значимых вопросов.

Эксперты в ходе интервью констатировали многие проблемы школьного волонтерства: начиная с доминирования взрослого и заканчивая «заорганизованностью» волонтерства, игнорированием принципа добровольности.

Очень хорошо проблему «заглушения» мнения детей мнением взрослых выразил один из экспертов: «у меня был однажды такой момент, когда я хотела продвинуть свою инициативу по хоккетону, я стою, рассказываю на собрании и понимаю, что никакого отклика нет, и пришлось заглушить

свои идеи. Поэтому первично, это идеи ребят... Первичная задача – это реализовывать личные инициативы ребят». (руководитель ЭкоГильдии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва). И в продолжение собственной мысли эксперт рассуждает о качествах хороших педагогов: «...слушают своих учеников и дают возможность участия в лабораториях, пытаются инвестировать их жизненный ресурс, в хорошие социальные проекты» (руководитель ЭкоГильдии МГУ, г. Москва).

То есть для реального детско-подростково-молодежного участия важно, с одной стороны, научить молодежь формам выражения собственного мнения. И здесь важно еще решить задачу преодоления страха ребенка перед более опытным, компетентным взрослым. С другой стороны, не менее важно научить взрослых слушать и слышать ребенка, воспринимать его идеи всерьез, помогать ребенку в их реализации.

Экспертом предлагалось разместить современного волонтера – молодого человека/подростка на лестнице Р. Харта. В целом можно заметить, что волонтер размещался посередине или даже выше, что должно свидетельствовать в пользу всестороннего и полного вовлечения молодых людей в решение социально значимых вопросов. Однако комментарии экспертов зачастую говорили об обратном. Так, один из экспертов объясняет, что волонтеры низового звена редко выступают с инициативой, а потому неспособны оказывать влияние на принятие социально значимых решений, этим занимаются волонтеры среднего звена и руководители.

Другой эксперт показал участие через разницу между волонтерством и активизмом, сдвигая акценты в сторону активизма как самостоятельно и осознанно планируемой деятельности по изменению окружающей социальной реальности: «если волонтерство – уже существующая система, то активизм – тот опыт, который ты хочешь сама наработать, ты можешь научиться от куратора, ликвидировав свои пробелы... волонтер может всегда уйти, отказаться

ся от выполнения сложной задачи, активист может взять на себя решение сложных задач: поговорить с трудными информантами, организовать новую площадку и т.д., для него это вызов, внутреннее испытание» (руководитель ЭкоГильдии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва).

На современном этапе волонтерство институциализировалось – это и хорошо, и плохо. Плюсы заключаются в государственной поддержке, развитии организационных и информационных основ волонтерства, методической работе. Но при этом главный минус – регламентация волонтерской деятельности, когда не остается возможности для творчества, инициативы и приходится «все заучивать, строиться, отчеты сдавать определенные...» (руководитель ЭкоГильдии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва).

В вузах волонтерская деятельность начиналась с административного ресурса и до сих пор продолжает его использовать: «на самом деле набирают людей, тех, кто хочет, а не тех, которых сняли с пар, и заставляли приходить на мероприятия» (руководитель Волонтерского центра МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва).)

То есть существующие в школе барьеры на пути вовлечения детей в решение социально значимых вопросов переходят в вуз, в том числе игнорирование принципа добровольности, манипулирование мнением детей и молодых людей.

Когда о волонтерстве стали говорить на правительственном уровне, а Президент Владимир Путин в 2018 году подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)» [7], конечно, с одной стороны, как считают эксперты, это была победа для представителей волонтерского движения, которые много лет лobbировали этот законопроект с помощью Общественной Палаты РФ, но, с другой, – поражение, с точки зрения ущерба имиджа мероприятий. «Очень много стало рекламироваться волонтерское движение и из-за такой

массовости туда пошли просто все люди, которые не всегда понимали, какие задачи решают волонтеры. В движение пришло много не замотивированных людей, не заинтересованных помогать по какой-то своей доброй воле, их интересовала, например, униформа, получение раздаточного материала, еще что-то, это стало так распространено среди людей, которые не являлись целевой аудиторией в целом» (руководитель Волонтерского центра МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва).

Была решена задача массовости, но не качества работы волонтера, распространение получили формы псевдоучастия.

Для молодежи и подростков волонтерство может стать одним из возможных каналов вовлечения в социально-значимую деятельность при условии реальных форм участия и помощи в осуществлении разрабатываемых проектов. Приведем примеры из интервью: «большинство молодых людей не занимаются этим, потому что не верят, что их проект будет рассмотрен обществом, в будущем эту проблему нужно решить» (Высшая школа телевидения, лауреат третьей степени в номинации «Видеоблог»); «через 10 лет мы имеем все шансы считать Ассоциацию волонтерских центров едва ли не главной общественной организацией в стране за счет все возрастающего влияния» (ведущий специалист отдела молодежных проектов, мониторинга и анализа процессов в молодежной среде департамента молодежной политики Министерства образования и молодежной политики Свердловской области, г. Екатеринбург).

Меняется и сам характер движения, мотивация участников от массовости до осознанного включения. Из экспериментного интервью: «когда говоришь: приходите, все-то и придут, а когда надо заполнить форму или пройти испытание – то останется только 5%, которые дойдут до конца. Сейчас нужна массовость, чтобы вывесить красивые фотографии, но, когда делаешь конкретные проекты, все зависит от людей, которые рядом,

от команды, чем больше у них интереса, креативных идей, тем более качественно все получается». (руководитель ЭкоГильдии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва).

Заключение

Можно констатировать общероссийский тренд активного вовлечения в волонтерство молодежи и людей других возрастных групп. Этому в значительной степени способствует правовая регламентация волонтерской деятельности, поддержка подростково-молодежного волонтерства через общероссийские организации (к примеру, Общероссийское движение школьников) и информационную поддержку.

Все эксперты говорили о том, что, анализируя историю становления и восребованность волонтерства в настоящее время, а также высокую степень популяризации этого вида деятельности, можно предположить, что волонтерство в будущем станет более распространенным. Отмечается, гибкость движения, его быстрая перестройка под текущие задачи, как это было в пандемию. Появляются новые направления и инициативы, которые будут в дальнейшем развиваться и главный тренд – это экологическое направление.

Все эксперты говорили об изменении волонтерской деятельности благодаря информационным технологиям. Отмечается более активное развитие медиа-волонтерства и освещение деятельности в социальных сетях, переход в онлайн форматы, где это возможно. Эксперты считают, что именно видеоблогинг способствует популяризации волонтерства, мотивированию молодых людей к занятию социально полезной деятельностью. Молодежь и подростки уходят в онлайн, подкасты, прямые эфиры, записи, видеотрансляции набирают популярность. Этот ресурс необходимо использовать, чтобы привлечь молодую аудиторию, правильно информировать и обучать.

Таким образом, всеми экспертами отмечены положительные тренды в развитии волонтерства. Однако для

того, чтобы эта деятельность смогла стать одной из форм участия подростков и молодежи в решении актуальных социально значимых задач важно развивать саму культуру участия. Для культуры участия необходимы доверительные отношения взрослых и подростков, молодых людей, транслирующиеся на отношения организатор – волонтер. Руководителям волонтерских организаций важно поощрять высказывание мнения по социально значимой деятельности, поскольку именно снизу можно не только лучше разглядеть многие проблемы, но и предложить пути их решения.

Литература

1. В России создано 435 добровольческих и волонтерских центров по итогам 2020 года [Электронный ресурс] <http://government.ru/news/41893/> (дата обращения: 14.09.2021)
2. Добровольчество и волонтерство // Педагогическое обозрение – 2018. – № 8. – С. 2–7.
3. Загладина Х.Т. С чего начинается Родина, или Воспитание добровольчеством в российских школах / Х.Т. Загладина, Т.Н. Арсеньева // Воспитание школьников. – 2016. – № 3. – С. 3–8.
4. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт; пер. с англ. С.Л. Лопатиной, под ред. М.А. Завадской, В.В. Косенко, А.А. Широкановой, научн. ред. Э.Д. Панарин. – Москва: Мысль, 2018.
5. Ковалева Е.В. Формирование социальной компетенции подростков посредством волонтерской деятельности / Е.В. Ковалева // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2(24). – С. 83–90.
6. Помощь рядом. Все больше россиян выбирают для себя волонтерство // Российская газета. Спецвыпуск № 129(8480) от 05 июня 2021 [Электронный ресурс] <https://rg.ru/gazeta/rg-spec/2021/06/15/5.html> (дата обращения: 14.09.2021)
7. Указ Президента РФ от 27.11.2017 N 572 «О Дне добровольца (волонтера)» [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283564/ (дата обращения: 14.09.2021)
8. Филипова А.Г. Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их жизнь // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: [тематический словарь-справочник] [Электронный ресурс] / Отв. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М.: Изд-во РОС, 2018. С. 411–419
9. Филипова А.Г., Зубова О.Г. Особенности молодежного волонтерства в современной России: на пути к участию в принятии социально значимых решений // Социодинамика. – 2020. – № 12. – С. 123–134.
10. Холина О.И. Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 71–73
11. Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2014. – № 38. – С. 38–71.
12. Hart Roger A. Children's Participation: From tokenism to citizenship. International Child Development Centre: Florence, 1999.

VOLUNTEERING AS A FORM OF YOUTH PARTICIPATION IN PUBLIC LIFE: BASED ON EXPERT INTERVIEWS

Zubova O.G., Filipova A.G.

Moscow State University M.V. Lomonosov, Herzen State Pedagogical University of Russia

The article considers volunteering as a way for young people to participate in solving socially significant issues. The ability to influence the solution of social problems is manifested through the expression of their own opinion by the volunteer (different options for feedback), the choice of the form of socially useful activity and the degree of involvement. The expert interview, used as a data collection method, made it possible to obtain a professional view of volun-

teering in modern society and identify trends in its development.

Volunteering in modern society has become a mass phenomenon thanks to government support and widespread popularization. The continuity of school and university volunteering helps to develop forms of participation, up to professionalization. However, the progress of a young person up the "ladder" of R. Hart's participation (from imaginary to real participation) is hindered by bureaucratic difficulties, communication barriers in communication between young volunteers and adult organizers, in some cases – insufficient awareness of young people, as well as lack of experience in expression and promotion their opinion, incl. at the level of school volunteer organizations.

Keywords: youth, volunteering, participation in solving socially significant issues, expert interview.

References

1. In Russia, 435 volunteer and volunteer centers were created at the end of 2020 [Electronic resource] <http://government.ru/news/41893/> (date of access: 09/14/2021)
2. Volunteering and volunteering // Pedagogical Review – 2018. – No. 8. – P. 2–7.
3. Zagladina Kh.T. Where does the Motherland begin, or Education by volunteering in Russian schools / H.T. Zagladina, T.N. Arsenyeva // Education of schoolchildren. – 2016. – No. 3. – P. 3–8.
4. Inglehart R. Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world / Ronald Inglehart; per. from English S.L. Lopatina, ed. M.A. Zavadskoy, V.V. Kosenko, A.A. Shirokanova, scientific. ed. E.D. Panarin. – Moscow: Thought, 2018.
5. Kovaleva EV Formation of social competence of adolescents through volunteer activities / EV Kovaleva // Bulletin of KRAUNTS. Humanitarian sciences. – 2014. – No. 2 (24). – S. 83–90.
6. Help is near. More and more Russians are choosing volunteering for themselves // Rossiyskaya Gazeta. Special issue No. 129 (8480) dated June 05, 2021 [Electronic resource] <https://rg.ru/gazeta/rg-spec/2021/06/15/5.html> (date of access: 09/14/2021)
7. Decree of the President of the Russian Federation of November 27, 2017 N 572 "On the Day of the Volunteer (Volunteer)" [Electronic resource] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283564/ (date of access: 09/14/2021)
8. Filipova A.G. Participation of children in solving issues affecting their lives // Childhood of the XXI century: socio-humanitarian thesaurus: [thematic dictionary-reference book] [Electronic resource] / Otv. ed. S.N. Mayorov-Shcheglova. M.: Publishing house ROS, 2018. S. 411–419
9. Filipova A.G., Zubova O.G. Features of youth volunteering in modern Russia: on the way to participation in making socially significant decisions // Sociodynamics. – 2020. – No. 12. – S. 123–134.
10. Kholina OI Volunteering as a social phenomenon of modern Russian society // Theory and practice of social development. – 2011. – No. 8. – P. 71–73
11. Steinberg I.E. Logical schemes for substantiating the sample for qualitative interviews: the "eight-window" model // Sociology: methodology, methods, mathematical modeling. – 2014. – No. 38. – S. 38–71.
12. Hart Roger A. Children's Participation: From tokenism to citizenship. International Child Development Center: Florence, 1999.

Сравнительный анализ эффективности парламентских избирательных кампаний «Единой России» за период 2011–2021 гг.

Невская Татьяна Александровна,
кандидат политических наук, старший
преподаватель кафедры политологии и социологии
политических процессов социологического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: nevskaya_t@mail.ru

Представленное исследование посвящено теме оценки эффективности парламентских избирательных кампаний «Единой России» за период 2011–2021 гг. в сравнительном ключе. Цель работы сводится к выявлению наиболее эффективной парламентской кампании партии «Единая Россия» за период 2011–2020 гг. Методология исследования сформирована за счет комбинации сравнительного анализа и вторичной обработки результатов количественных опросов социологических агентств ВЦИОМ и ФОМ. Автор приходит к выводу, что в рамках периода 2011–2021 гг. в ходе парламентских выборов наибольшую эффективность электоральные менеджеры «Единой России» продемонстрировали в ходе кампании 2021. Именно в ее рамках борьба за голоса избирателей началась для партии в худших условиях. Однако единороссы сумели добиться наибольшего прироста электоральной поддержки непосредственно в период голосования.

Ключевые слова: рейтинг, выборы, «Единая Россия», социология, эффективность.

Вопрос об эффективности избирательных кампаний активно обсуждался в научных публикациях политологов и социологов во второй половине 2000-х – начале 2010-х гг. [1; 3; 5; 6; 13; 14]. Однако затем изучение темы начало развиваться в рамках трека аспектизации [2; 7; 8; 10; 11; 12]. Исследователи сосредоточились на освещении эффективности конкретных направлений работы команды предвыборного штаба. При этом лишь небольшое число экспертов использовали в рамках своих изысканий богатейший эмпирический материал в виде электоральных рейтингов (соответствующие исследования проводились преимущественно на региональном уровне) [4; 9; 15].

Как следствие, вопрос об эффективности федеральных избирательных кампаний (в первую очередь – парламентского уровня) на протяжении последних 10 лет был изучен лишь фрагментарно.

Представленное исследование призвано частично восполнить соответствующие пробелы в научной системе знаний. Его целью является выявление наиболее эффективной парламентской кампании партии «Единая Россия» за период 2011–2020 гг.

Методология исследования выстроена на основе сочетания сравнительного анализа и вторичной обработки результатов количественных социологических исследований.

Эмпирическая база исследования сформирована за счет данных количественных опросов таких поллсторов, как ВЦИОМ и ФОМ.

Обращение к базам данных социологических опросов показывает, что за 6 месяцев до начала голосования на парламентских выборах 2021 г. за «Единую Россию» были готовы голосовать от 29,4% (данные ВЦИОМ)

до 32% (результаты замеров ФОМ) избирателей. Значение данного показате-

ля было рекордно низким за весь период 2011–2021 гг. (рис. 1).

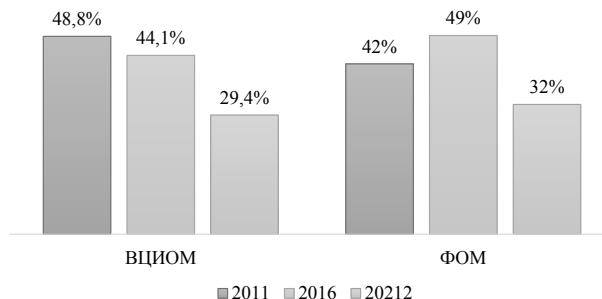

Рис. 1. Электоральный рейтинг «Единой России» за полгода до дня голосования на парламентских выборах, 2011–2021 гг.

Опросы ВЦИОМ показывают, что в 2017 г. среднее значение электорального рейтинга единороссов составляло 50,4%, в 2018 г. – 42,5%, в 2019 г. – 33,6%, в 2020 г. – 32,6%, за период с на-

чала 2021 г. и по 5 сентября – 29,4%. Таким образом, в течение последних лет рейтинг правящей партии последовательно снижался (рис. 2).

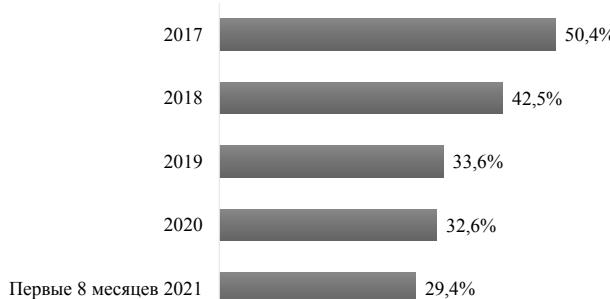

Рис. 2. Динамика электорального рейтинга «Единой России» в 2017–2021 гг. (данные ВЦИОМ)

При этом его значение было заметно ниже, чем в прочие периоды парламентских выборов. Например, в 2007 г.

среднее значение рейтинга партии составляло 48,7%, в 2011 г. – 44,8%, в 2016 г. – 45,8% (рис. 3).

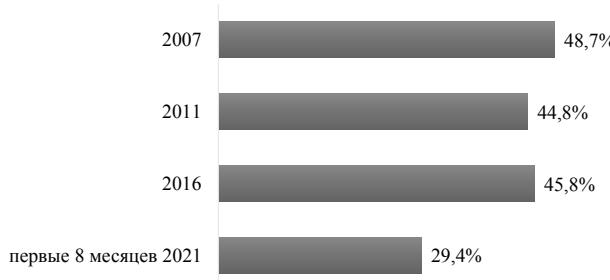

Рис. 3. Среднее значение электорального рейтинга «Единой России» в годы парламентских выборов (данные ВЦИОМ)

Существенное падение популярности «Единой России» отмечают и социологи ФОМ. В конце марта 2018 г. 53% опрошенных декларировали готовность

отдать свои голоса за правящую партию. Через один год этот показатель сократился до 33%, в 2020 г. вырос до 35%, а в 2021 г. упал до 31% (рис. 4).

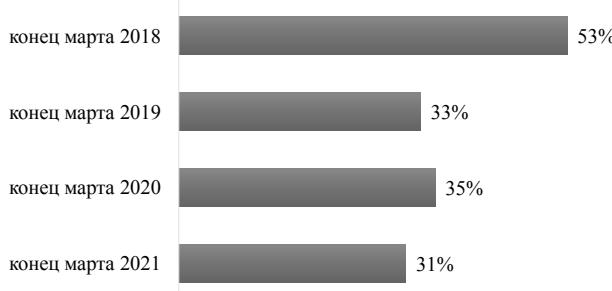

Рис. 4. Динамика электорального рейтинга «Единой России» в 2018–2021 гг. (данные ФОМ)

Интересно обратить внимание и на другое обстоятельство. В 2011 г. на протяжении 6 предшествовавших выборам месяцев рейтинг «Единой России» по данным ВЦИОМ в итоге сократился на 7,8%, а по оценкам социологов ФОМ – вернулся к изначальной отметке. В 2016 г. за аналогичный период показатель сократился на 3% и 6% соответственно. В 2021 г. он вырос на 0,1% по оценке ВЦИОМ и упал на 2% соответственно (табл. 1).

Таблица 1. Динамика электорального рейтинга «Единой России» в течение 6 предшествовавших выборам в Госдуму месяцев (данные ВЦИОМ и ФОМ)

	2011	2016	2021
ВЦИОМ	-7	-3	+0,1
ФОМ	0	-6	-2

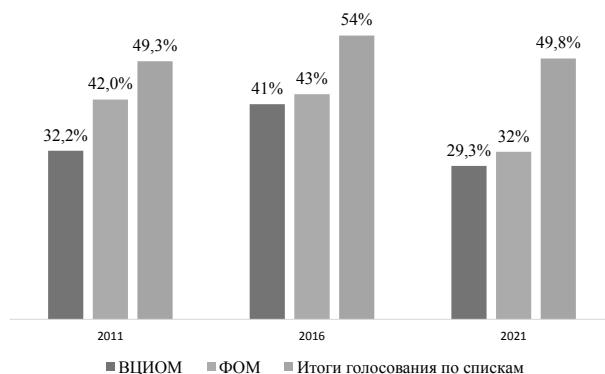

Рис. 5. Соотношение электоральных рейтингов «Единой России» накануне парламентских выборов и результатов голосования, 2011–2021 гг.

Таким образом, в 2021 г. партия не смогла решить задачу увеличения рейтинга в пределах, превышающих статистическую погрешность. Однако в то же время ей удалось избежать и значимого падения данного показа-

теля. Также необходимо отметить, что за последнее десятилетие единороссам в принципе не удалось решить задачу наращивания электорального рейтинга в течение периода предвыборного полугодия в ходе выборов в Госдуму.

Однако отсутствие успехов на данном направлении компенсировалось за счет иных ресурсов, в результате чего уровень эlectorальной поддержки партии неизменно превышал ее рейтинги (см. рис. 5).

При этом наибольший прирост поддержки относительно уровня эlectorального рейтинга за последние 10 лет фиксировался именно в 2021 г. (его размер составил, по разным данным, от 17,8% до 20,5%) (рис. 6, 7).

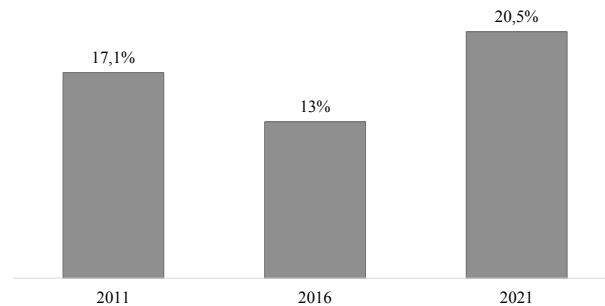

Рис. 6. Разность между итогами голосования на парламентских выборах 2021 г. и рейтингом «Единой России», данные ВЦИОМ

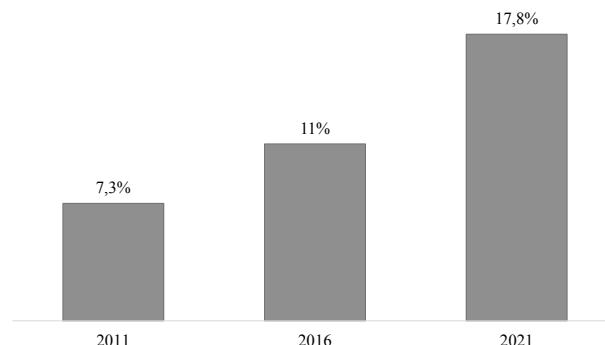

Рис. 7. Разность между итогами голосования на парламентских выборах 2021 г. и рейтингом «Единой России», данные ФОМ

Отдельно необходимо отметить отсутствие значимой корреляции между

эlectorальными результатами единороссов и величиной явки (рис. 8).

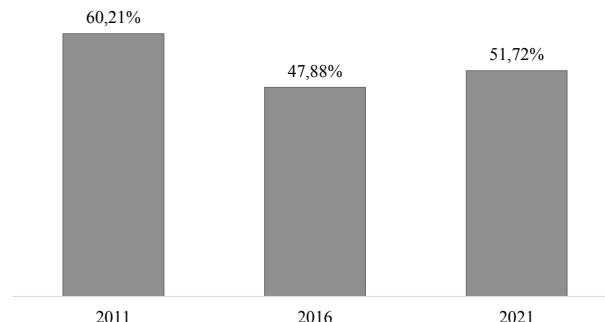

Рис. 8. Величина явки в ходе парламентских выборов в РФ, 2011–2021 гг.

Последнее позволяет предположить, что аномально высокие результаты «Единой России» обусловлены коррекцией (посредством использования мобилизационных технологий и новых форматов голосования) не масштабов явки, а ее структуры.

В целом мы можем заключить, что в рамках периода 2011–2021 гг. в рамках парламентских выборов наибольшую эффективность электоральные менеджеры «Единой России» проявили именно в ходе кампании 2021. С одной стороны, борьба за голоса избирателей началась для правящей партии в наиболее худших условиях. С другой стороны, единороссы сумели добиться наибольшего прироста электоральной поддержки непосредственно в период выборов.

Литература

1. Аяцков Д.Ф. Электоральные рейтинги для региональных отделений политических партий как основа «работы над ошибками» // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 2 (31). – С. 84–88.
2. Бродовская Е.В., Карзубов Д.Н., Лукушин В.А. Анализ эффективности цифровых коммуникаций КПРФ на старте избирательной кампании 2021 г. // Власть. 2021. Т. 29. № 4. – С. 61–66.
3. Бурак А.О., Кишкилев С.Ю. Рейтинг политических лидеров и партий: технология формирования общественного мнения // Наука и мир. 2014. № 8 (12). – С. 191–193.
4. Дзуцев Х.В. Рейтинг органов власти, политических партий и политиков в республике Северная Осетия-Алания Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 7 (109). – С. 90–94.
5. Егорышева Н.В. Эффективность избирательных кампаний сквозь призму их моделей // Вестник ВЭГУ. 2005. № 23–24. – С. 145–153.
6. Егорышев С.В., Егорышева Н.В. Эффективность избирательных кампаний в условиях современного российского общества. – Уфа: Восточный университет, 2005. – 161 с.
7. Задонская В.А. Эффективность неформальных политических коммуникаций в избирательных кампаниях в современной России (по результатам экспериментального опроса) // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 115–3. – С. 50–52.
8. Качуровский Д.И. Особенности оценки эффективности избирательных кампаний на местном уровне // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 396–399.
9. Кузьмина Т.Н. Поддержка политических партий в Крыму: внутрирегиональные различия // Архонт. 2018. № 2 (5). – С. 33–38.
10. Махрин А.В., Нефедова Е.И. Эффективность избирательных технологий на выборах президента РФ при продвижении (изменении) имиджа политического лидера в период избирательной кампании // Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 361–363.
11. Невская Т.А. Политический дизайн партийной системы с доминирующей «партией власти»: состояние, эффективность, проблемы // Представительная власть – ХХI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2020. № 5–6 (180–181). – С. 66–71.
12. Невская Т.А. Формирование имиджа партии как элемент политического менеджмента // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 9 (61). С. 2680–2691.
13. Стрекалов В.В. Анализ эффективности воздействия избирательных технологий (на примере предвыборной кампании одного из кандидатов в местные органы власти в Новокузнецке) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2007. № 12 (18). – С. 45–47.
14. Федотова Л.Н. Социологические размышления над результатами выборов в Госдуму (декабрь 2011 г.):

опросы общественного мнения и роль прессы [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2012. № 1. – С. 12. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1021> (дата обращения: 26.08.2021).

15. Шарапов А.В. Электоральная активность политических партий в период избирательной кампании 8 сентября 2019 г. в Алтайском крае // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7. № 1 (25). – С. 125–130.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF THE PARLIAMENTARY ELECTION CAMPAIGNS OF “UNITED RUSSIA” FOR THE PERIOD 2011–2021

Nevskaya T.A.

Lomonosov Moscow State University

The presented research is devoted to the topic of assessing the effectiveness of the parliamentary election campaigns of “United Russia” for the period 2011–2021, in a comparative way. The purpose of the work is to identify the most effective parliamentary campaign of the United Russia party for the period 2011–2020. The research methodology is formed through a combination of comparative analysis and secondary processing of the results of quantitative surveys by the sociological agencies VTsIOM and FOM. The author comes to the conclusion that within the period 2011–2021. During the parliamentary elections, the electoral managers of United Russia demonstrated the greatest efficiency during the 2021 campaign. It was within its framework that the struggle for votes began for the party in the worst conditions. However, the United Russia party managed to achieve the greatest increase in electoral support directly during the voting period.

Keywords: rating, elections, United Russia, sociology, efficiency.

References

1. Ayatskov D.F. Electoral ratings for regional branches of political parties as a basis for “correcting mistakes” // Bulletin of the Volga State Academy of Public Service. 2012. No. 2 (31). – S. 84–88.
2. Brodovskaya E.V., Karzubov D.N., Lukushin V.A. Analysis of the effectiveness of digital communications of the Communist Party of the Russian Federation at the start of the election campaign in 2021 // Power. 2021. T. 29. No. 4. – S. 61–66.
3. Burak A.O., Kishkilev S. Yu. Rating of Political Leaders and Parties: Technology of Forming Public Opinion // Science and World. 2014. No. 8 (12). – S. 191–193.
4. Dzutsev Kh.V. Rating of authorities, political parties and politicians in the Republic of North Ossetia-Alania of the Russian Federation // Ethnosocium and interethnic culture. 2017. No. 7 (109). – S. 90–94.
5. Egorysheva N.V. The effectiveness of election campaigns through the prism of their models // Vestnik VEGU. 2005. No. 23–24. – S. 145–153.
6. Egoryshev S.V., Egorysheva N.V. The effectiveness of election campaigns in the conditions of modern Russian society. – Ufa: Eastern University, 2005. – 161 p.
7. Zadonskaya V.A. The effectiveness of informal political communications in election campaigns in modern Russia (according to the results of an expert survey) // New Science: Problems and Prospects. 2016. No. 115–3. – S. 50–52.
8. Kachurovsky D.I. Features of assessing the effectiveness of election campaigns at the local level // Azimuth of scientific research: economics and management. 2017. Vol. 6. No. 3 (20). S. 396–399.
9. Kuzmina T.N. Support of political parties in Crimea: intraregional differences // Archon. 2018. No. 2 (5). – S. 33–38.
10. Makhrin A.V., Nefedova E.I. The effectiveness of electoral technologies in the presidential elections in the Russian Federation in promoting (changing) the image of a political leader during the election campaign // Young Scientist. 2018. No. 23 (209). S. 361–363.
11. Nevskaya T.A. Political design of the party system with a dominant “party of power”: state, efficiency, problems // Representative power – XXI century: legislation, comments, problems. 2020. No. 5–6 (180–181). – S. 66–71.
12. Nevskaya T.A. Formation of the party image as an element of political management // Questions of political science. 2020. Vol. 10. No. 9 (61). S. 2680–2691.
13. Strekalov V.V. Analysis of the effectiveness of the impact of electoral technologies (on the example of the election campaign of one of the candidates for local government in Novokuznetsk) // Journal of scientific pub-

lications of graduate students and doctoral students. 2007. No. 12 (18). – S. 45–47.

14. Fedotova L.N. Sociological reflections on the results of the elections to the State Duma (December 2011): public opinion polls and the role of the press [Electronic resource] // MediaScope. 2012. No. 1. – P. 12. – Access mode: <http://www.mediascope.ru/node/1021> (date of access: 26.08.2021).

15. Sharapov A.V. Electoral activity of political parties during the election campaign on September 8, 2019 in the Altai Territory // Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2020. Vol. 7. No. 1 (25). – S. 125–130.

Образовательная миграция современной российской молодежи (региональный аспект на примере Волгоградской области)

Болдина Марина Юрьевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: boldina-my@ranepa.ru

В статье рассматриваются мотивы и факторы образовательной миграции молодежи на этапе выбора высшего учебного заведения. Акцент сделан на описании регионального аспекта проявления образовательной миграции. Статья подготовлена по материалам полевого исследования, проведённого Волгоградским институтом управления – филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в рамках исследовательского проекта «Поступление в вуз в 2020 году: факторы выбора, тенденции и перспективы приемной кампании (на примере Волгоградской области)». Целью исследования было определение образовательных, и в частности, миграционных планов выпускников школ Волгоградского региона, их жизненных и образовательных стратегий, а также факторов, влияющих на выбор жизненного пути, профессии и конкретного вуза. В статье рассмотрены результаты анкетирования выпускников школ областного центра и муниципальных районов Волгоградской области. Результатом исследования стало выявление «волнового» характера образовательной миграции молодежи региона, а также факторов выбора миграционной стратегии.

Ключевые слова: образовательная миграция, региональная диспропорция, факторы миграции, мотивы образовательной миграции.

Введение

Миграционные процессы в глобализирующемся мире становятся средством развития экономики, социальной, научной сфер деятельности, а также образовательного, профессионального и культурного развития людей. Изучение миграционных потоков необходимо для выработки государственной миграционной политики, принятия управлеченческих решений по удовлетворению потребностей различных регионов в трудовых ресурсах, обеспечения сбалансированности материальной и технической базы с человеческим потенциалом. Но при этом миграция является результатом волевой деятельности людей, стремящихся к более высокому уровню и качеству жизни. Поэтому учет мотивов миграционного поведения населения должен оставаться ключевым фактором в процессе регулирования миграции [4, с. 53].

В современной России неравномерное социально-экономическое развитие регионов порождает увеличение миграционных потоков. Молодежь как наиболее мобильная категория населения очень чутко реагирует на диспропорции в качестве жизни разных регионах и покидает «неперспективные» территории [9].

В ходе молодежной миграции происходит перетекание населения из региона-донора в регион-реципиент. При этом нужно понимать, что регион-донор несет значительные издержки в связи с социализацией и базовым образованием на своей территории молодежи, которая затем переводит накопленный ею потенциал в регион-реципиент. [9].

Группа ученых из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [6] обращают внимание на существование цикличности в молодежной миграции, в которой

присутствует два пика. Первый вызван выбором образовательного учреждения, второй – выбором места работы. При этом для представителей региональной власти важно дифференцировать внутрирегиональную миграцию, которая перераспределяет человеческие ресурсы внутри региона, и межрегиональную, приводящую к оттоку населения из региона. На этапе поступления в высшее учебное заведение доминирует внутрирегиональная миграция. Поэтому наличие успешных вузов в регионе является одним из инструментов сохранения молодежи внутри региона на данном этапе. После окончания вуза молодые люди демонстрируют уже иной характер миграционной активности. На этом этапе жизненного цикла молодежи масштаб межрегиональной миграции превосходит внутрирегиональную [2]. Для такого поведения у молодежи есть определенные социально-экономические предпосылки [7]. Среди них важное место занимают индивидуальные факторы мобильности, такие как уровень культурного капитала семьи, пол, успеваемость, доходы. Не менее важны внешние факторы мобильности: экономический климат, а также институциональные характеристики систем высшего образования в регионах [6, с. 10–12].

По данным Федеральной службы государственной статистики РФ за 2019 год, наибольшая численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, сконцентрирована в Центральном (1268,5 тыс.чел.) и Приволжском (807,9 тыс.чел.) федеральных округах, вторую позицию делят между собой Сибирский (475,9 тыс.чел.), в Северо-Западный (418,9 тыс.чел.) и Южный (404,6 тыс.чел.), замыкают список Уральский (299,2 тыс.чел.), Северо-Кавказский (208,6 тыс.чел.) и Дальневосточный (184,8 тыс.чел.) округа [10].

Тенденция образовательной миграции молодежи находится в прямой зависимости от социально-экономического уровня развития территорий. При этом данная зависимость скорее является

взаимозависимостью, поскольку потенциал любого региона, формирующий его устойчивое развитие, составляет именно население в возрасте 18–30 лет. Именно поэтому проблема выявления возможностей удержания молодого поколения в провинциальных регионах столь актуальна в настоящее время.

Востребованность исследований в данной области подтверждается значительным массивом публикаций. Проблемы образовательной миграции в Российской Федерации, а в частности международного ее направления, подробно рассматриваются в работах В.Ю. Леденёвой, В.А. Волоха и С.А. Гришаевой [3], [5]. Важные аспекты образовательной миграции, непосредственно связанные с обучением студентов в вузах России, исследуются в работах А.Л. Арефьева и Ф.Э. Шереги, Н.Д. Трегубовой и В.С. Старикова [1], [8]. Так Н.Д. Трегубова и В.С. Стариakov подробно анализируют конфликтный потенциал в академической среде и его связь с образовательной миграцией. [8].

При достаточно высокой проработке темы отечественными учеными, ощущается некоторый дефицит исследований связи факторов образовательной миграционной подвижности молодежи с более широким кругом факторов выбора учебного заведения. На восполнение данного «пробела» и направлено исследование, результаты которого описаны в данной статье.

Методика исследования

В 2019–2020 учебном году исследовательский коллектив Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации при финансовой поддержке администрации вуза провел социологическое исследование «Поступление в вуз в 2020 году: факторы выбора, тенденции и перспективы приемной кампании (на примере Волгоградской области)». Исследование было направлено на определение образовательных

планов выпускников школ Волгоградского региона, их жизненных стратегий, а также факторов, влияющих на выбор жизненного пути, профессии и конкретного вуза. Исследование проходило в два этапа. На первом этапе (ноябрь 2019г) были опрошены выпускники школ Волгоградской городской агломерации (г. Волгоград и г.о. – г. Волжский). На втором этапе (февраль 2020 г.) – выпускники школ 24 муниципальных районов Волгоградской области (районы отбирались методом основного массива, всего в Волгоградской области 33 муниципальных района). В качестве метода исследования был выбран анкетный опрос. Также был проведен вторичный анализ статистических данных о выпускниках средних общеобразовательных учреждений Волгоградской области 2020 года. Генеральная совокупность 10,2 тыс. выпускников 11-х классов Волгоградской области. Выборочное исследование было построено на основе 10%-ной выборки. Тип выборки – гнездовая (в качестве «гнезда» выступал учебный класс). Объем выборочной совокупности 1011 человек: Выпускники средних общеобразовательных школ Волгоградской агломерации – 551 (Волгоград: $n = 417$ человек, Волжский: $n = 134$ человека); Выпускники средних общеобразовательных школ Волгоградской области 2020 года – 460 человек. Анализ результатов был построен на сопоставлении образовательных планов абитуриентов областного центра и абитуриентов муниципальных районов области.

Уровень определенности абитуриентов в выборе вуза и приоритетные направления образовательной миграции

Анализ уровня определенности в выборе вуза среди выпускников школ в первом полугодии 2019–2020 учебного года показал, что большинство (71,5%) одиннадцатиклассников уже выбрали вуз, в который они хотели бы поступить. Среди них 79,5% также знают, в какие вузы одновременно они будут подавать документы. При этом приоритеты в выборе

города и формы обучения разделились среди выпускников примерно поровну между поступлением в волгоградские вузы на очную бюджетную форму обучения (32,5%) и поступлением в вузы Москвы или Санкт-Петербурга на очную бюджетную форму обучения (31,4%). То есть, можно отметить достаточно высокий уровень уверенности в собственных знаниях для поступления на бюджетную форму обучения. Доля респондентов, изначально планирующих обучение только по договору, низка: лишь 2,2% планируют поступление на очную договорную форму обучения в вузы Волгограда и 1,6% – на очную договорную форму обучения в вузы Москвы и Санкт-Петербурга. Договорную форму обучения в качестве «запасного» варианта рассматривают 12,9% школьников, планирующих очное обучение в волгоградских вузах, и 6,7% школьников, планирующих очное обучение в вузах Москвы и Санкт-Петербурга. То есть, вариант договорного обучения более вероятен при поступлении в вузы Волгограда, чем при поступлении в столичные вузы, что, скорее всего, связано со стоимостью обучения. Поступление в зарубежные вузы планирует 2,7% опрошенных. Хотя их доля незначительна, но, в принципе, наличие таких абитуриентов в Волгограде уже является показателем роста мобильности населения.

Статистически значимых различий между юношами и девушками при ответе на вопрос о приоритетном городе и форме обучения не наблюдается. Жители Волжского (город-спутник Волгограда) в большей степени ориентируются на получение образования в Москве и Санкт-Петербурге, чем жители Волгограда. Различия в образовательных планах наблюдаются даже между школьниками отдельных районов Волгограда. Среди выпускников волгоградских школ в большей степени ориентируются на волгоградские вузы школьники Советского, Кировского и Тракторозаводского районов (48,0%, 40,0% и 36,4% соответственно). Тогда как школьники Краснооктябрьского и Центрального районов в большей мере ориентируются на вузы Москвы

и Санкт-Петербурга (43,5% и 39,2% соответственно). Данный факт можно связать с уровнем платежеспособности семей. Жители менее благополучных окраинных районов с меньшей вероятностью могут обеспечить своим детям обучение в столичных вузах, чем жители более благополучных центральных районов. И хотя большинство выпускников школ, в первую очередь, ориентируется на бюджетную форму обучения, получение образования в столичных вузах, даже за счет бюджетных средств, требует серьезных финансовых вложений родителей. Кроме того, финансово состоятельные семьи могут обеспечить своим детям более качественную и дорогостоящую подготовку к поступлению на бюджет в столичные вузы. Особняком стоит Красноармейский район Волгограда. Школьники этого района примерно с одинаковой частотой выбирают волгоградские и столичные вузы (29,1% и 30,9% соответственно). Вероятно, жители данного окраинного района, с одной стороны, по финансовым причинам не могут в большинстве своем ориентироваться на вузы Москвы и Санкт-Петербурга, с другой стороны, волгоградские вузы так далеко расположены от Красноармейского района, что временные и фи-

нансовые затраты на обучение в вузах Волгограда сопоставимы с затратами на переезд выпускников школ для обучения в другой город.

Анализ уровня определенности в выборе вуза среди выпускников школ Волгоградской области во втором полугодии 2019–2020 учебного года показал, что большинство (72%) будущих абитуриентов выбрало приоритетный вуз. Еще более высокий уровень определенности (83,4%) показали ответы на вопрос о выборе вузов, в которые выпускники будут подавать документы одновременно. По всей видимости, некоторые выпускники еще колеблются в окончательном выборе приоритетного вуза, но список значимых вузов они для себя уже составили. Приоритеты в выборе города обучения для школьников региона расставлены весьма определенно, доминирующую позицию занимает Волгоград (70,7%), среди других городов в тройку лидеров входят Москва (18%), Санкт-Петербург (17%) и Саратов (10,7%). Рейтинг остальных городов представлен на рисунке 1. Среди городов, не отраженных в шкале анкеты и учтенных в позиции «Другое», значимыми являются Краснодар (2%) и Самара (1,7%).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «В каком городе (стране) Вы планируете получать высшее образование после окончания школы?»

Выявленное распределение отличается от распределения приоритетов в выборе города обучения для волго-

градских школьников. Если школьники Волгограда выбирают Волгоград в качестве приоритетного города обучения

только в 50% случаев, то школьники Волгоградской области ориентируются на Волгоград в 70,7% случаев. При этом столичные вузы выбирают 43,2% выпускников Волгограда и 35% выпускников области. Таким образом, предположение о том, что образовательная миграция осуществляется поэтапно: сначала из сельской местности и малых городов в крупные города, а затем из крупных городов – в крупнейшие, подтвердилось. То есть, для школьников области характерен первый этап миграции, а для школьников Волгограда – второй.

Существует определенный разброс в выборе города для обучения, в зависимости от района проживания. В распределении можно выделить районы, преимущественно ориентированые на обучение в Волгограде. В числе этих районов можно отдельно выделить 2 группы:

- Районы, приближенные к Волгограду: Светлоярский, Ленинский, Дубовский, Иловлинский, Среднеахтубинский; Октябрьский, Ольховский.
- Районы, удаленные от Волгограда, но проявляющие доверие к Волгоградским вузам: Кумылженский, Чернышковский, Даниловский, Клетский, Суровикинский, Серафимовический, Котельниковский.

Вероятно, географический фактор имеет значение при определении направления образовательной миграции, поскольку отдельно можно выделить районы с доминирующей ориентацией, например:

- Ориентация на Саратов: Жирновский, Камышинский районы.
- Ориентация на Воронеж: Новоаннинский, Новониколаевский районы.

Ориентация на столичные вузы представлена почти равномерно во всех районах, и в совокупности (Москва и Санкт-Петербург) занимает вторую позицию, после ориентации на Волгоград.

Отдельно необходимо выделить районы, проявляющие нетипичную ориентацию. Это районы, расположенные недалеко от Волгограда (вплоть до воз-

можности проживать дома и учиться в Волгограде), но не ориентированные на Волгоград как однозначно приоритетное место обучения: Городищенский, Фроловский, Калачевский. В этих районах необходима дополнительная профориентационная работа волгоградских вузов, поскольку они являются наиболее доступной целевой аудиторией.

Также можно выделить районы, характеризующиеся высокой степенью неопределенности в выборе города обучения. Респонденты этих районов более активно пользовались правом выбора нескольких вариантов ответов на вопрос о приоритетном городе, в сумме их ответы превосходят 150%, то есть более половины респондентов выбрали 2 и более возможных города для обучения: Новоаннинский, Жирновский, Камышинский.

Причины выбора вуза за пределами своего региона

Причины выбора школьниками вуза для обучения за пределами Волгоградского региона представлены на рисунке 2.

Выявленное распределение причин косвенно характеризует факторы, влияющие на выбор учебного заведения. Приоритетные позиции занимают показатели перспектив трудоустройства и высокого качества образования, значимыми позициями являются большее количество бюджетных мест (чем в Волгоградских вузах) и высокий уровень квалификации преподавателей. Сложная социально-экономическая ситуация в Волгоградском регионе не отмечена школьниками Волгоградской области в качестве основной причины переезда, и здесь мы сталкиваемся с множественностью возможных интерпретаций данной ситуации:

- 1) либо школьники не считают социально-экономическую ситуацию в регионе депрессивной;
- 2) либо школьники не осведомлены о ситуации в регионе;
- 3) либо другие причины переезда более значимы для них.

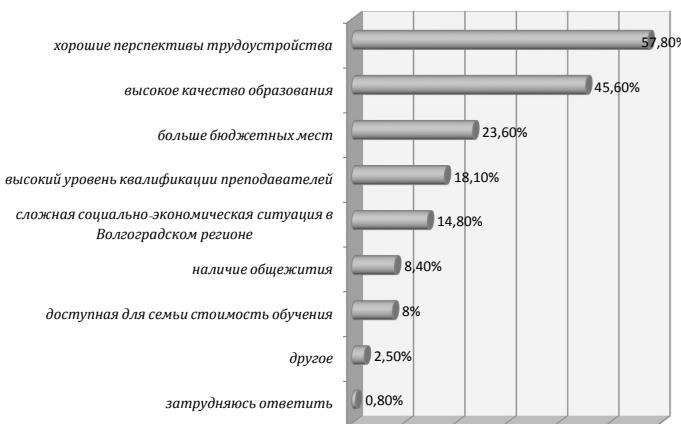

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Почему Вы планируете поступать в вуз в другом регионе?»

Исходя из того, что основной причиной поиска вуза за пределами Волгоградской области является перспектива трудаустроства, скорее всего школьники, покидающие регион, оценивают социально-экономические показатели Волгоградской области не высоко.

Среди опрошенных 94,3% планируют получать образование по очной форме обучения, 5,2% – по заочной форме. Большинство выпускников школ (61,7%) рассчитывают на получение высшего образования за счет бюджетных средств, 4,3% планируют обучаться на договорной основе и 23,5% рассматривают договорную основу в качестве запасного варианта, если не удастся пройти «на бюджет». Достаточно значима доля респондентов, которые планируют воспользоваться целевым направлением на обучение (14,1%).

В целях изучения и оценки возможностей жителей удаленных населенных пунктов пользоваться средствами цифровизации при подаче документов в вузы респондентам был задан вопрос «Известны ли Вам дистанционные способы подачи заявлений на поступление в вузы?». Такие способы известны 66,7% опрошенных школьников, 29,3% не знают о таких средствах. Несмотря на достаточно высокую информированность, воспользоваться средствами дистанционной подачи документов для поступления в вузы планировали только-

ко 27,4% респондентов. В целом, выпускники школ Волгоградской области проявляют консервативный настрой, по-видимому, не слишком доверяя преимуществам цифровизации.

Миграционные планы после окончания вуза

Высокий уровень популярности среди выпускников школ вузов Москвы и Санкт-Петербурга соотносится с жизненными планами школьников после окончания вуза. Только 3,4% респондентов уверены, что останутся работать в Волгограде после окончания вуза, и еще 16% скорее останутся в Волгограде, чем уедут. При этом около 60% респондентов с различной степенью уверенности планируют покинуть Волгоград после получения высшего образования (36,8% скорее уедут, чем останутся и 25,2% уедут определенно). Кроме того, значительна доля респондентов, затруднившихся ответить на этот вопрос (18,5%). В социологической практике вариант «затрудняюсь ответить» обычно интерпретируют как показатель неудовлетворенности. В данном случае, высока вероятность неудовлетворенности данной группы школьников существующим положением и стремления это положение изменить. Соответственно, затруднившихся ответить, условно, можно причислить к тем, кто рассматривает вариант переезда из Волгограда в другой город.

Интересно, что респонденты из семей с более высоким материальным положением, в большей степени ориентируются на то, чтобы остаться в Волгограде, чем респонденты с низким материальным положением. Данный факт свидетельствует о том, что для Волгограда преобладающими являются «выталкивающие» факторы миграционной активности: из региона уезжают не столько в поисках лучших условий, сколько стремясь избавиться от худших условий жизни.

Таким образом, выпускники школ планируют получение высшего образования в других городах, в том числе и потому, что планируют уехать из Волгограда.

Выводы

Выпускники школ Волгоградской области в большей мере, чем выпускники волгоградских школ, ориентируются на получение высшего образования в Волгограде. Образовательная миграция осуществляется поэтапно: сначала из сельской местности и малых городов в крупные города, а затем из крупных городов – в крупнейшие. Для школьников области характерен первый этап миграции, а для школьников Волгограда – второй. Эти данные вполне соотносятся с общей тенденцией, описанной исследовательской группой НИУ Высшая школа экономики и представленной во введении данной статьи.

Существует определенный разброс в выборе города для обучения, в зависимости от района проживания, но этот разброс не может быть объяснен преимущественно географическим фактором (степенью удаленности муниципального района от областного центра). Необходимо создание дополнительных условий для привлечения в Волгоград абитуриентов Волгоградской области, поскольку они проявляют большую готовность учиться в областном центре, чем сами волгоградцы. Такими дополнительными условиями могут быть обеспечение студентов общежитием, причем, возможно, эту программу нужно реализовывать на уровне администрации Волгограда, а не на уровне

конкретных вузов, поскольку проблема удержания в регионе молодежи – это проблема стратегического развития территории.

Также в сложившихся условиях карантинных ограничений все более актуальной становится разработка программ смешанного и дистанционного обучения, но на условиях сохранения возможности выбора формы обучения самими обучающимися. Это позволило бы студентам из области получать образование в вузе, не меняя места жительства.

Литература

1. Алексеева Е.Н. Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 4. С. 113–136.
2. Варшавская Е. Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2014. № 3. С. 36–58.
3. Волох В. А., Гришаева С.А. Международная образовательная миграция в современной России: особенности, проблемы и перспективы // Институт миграции и международных отношений. URL: <http://www.migimo.ru/razdel/153> (дата обращения: 22.05.2019). DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-80-87
4. Кузнецова А.Р. Тенденции образовательной миграции в Российской Федерации // Siberian Socium. 2019. Том 3. № 2. С. 52–65. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-2-52-65
5. Леденёва В.Ю. Международная образовательная миграция в России: потенциал и перспективы // Социология образования. 2014. № 3. С. 68–78.
6. «От волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России / Н.К. Габдрахманов, Н.Ю. Ни-

кифорова, О.В. Лешуков; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 48 с.

7. Прахов И.А. Детерминанты ожидаемой отдачи от высшего образования в Москве // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 25–57.
8. Трегубова Н. Д., Стариков В.С. Образовательная миграция и этносоциальные конфликты в вузах России, Украины и США // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 121–139. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.08
9. Ульмясбаева А.О. Современные тенденции межрегиональной образовательной миграции российской молодежи // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoye-tendentsii-mezhregionalnoy-obrazovatelnoy-migratsii-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 05.10.2021).
10. Численность воспитанников, обучающихся, студентов по уровням образования по субъектам Российской Федерации в 2019 г. / Российский Статистический Ежегодник 2020 // https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm

EDUCATIONAL MIGRATION OF MODERN RUSSIAN YOUTH (REGIONAL ASPECT ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)

Boldina M. Yu.

Volgograd Institute of Management

The article examines the motives and factors of educational migration of young people at the stage of choosing a higher educational institution. The emphasis is on the description of the regional aspect of the manifestation of educational migration. The article based on the materials of a field study conducted by the Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. The research project was called “Admission to a university in 2020: factors

of choice, trends and prospects of the admission campaign (on the example of the Volgograd region).” The aim of the study was to determine the educational plans of school graduates in the Volgograd region, their life and educational strategies, as well as factors influencing the choice of life path, profession and a university. The article discusses the results of a questionnaire survey of school graduates of the regional center and municipal districts of the Volgograd region. The result of the study was the identification of the “wave” nature of educational migration of young people in the region, as well as the factors of choosing a migration strategy.

Keywords: educational migration, regional disproportion, migration factors, motives for educational migration.

References

1. Alekseeva E.N. Features and prospects of educational migration in the era of global transformations // Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. 2012. No. 4. P. 113–136.
2. Varshavskaya E. Ya., Chudinovskikh OS Migration plans of graduates of regional universities in Russia // Bulletin of Moscow University. Ser. 6: Economics. 2014. No. 3. P. 36–58.
3. Volokh V.A., Grishaeva S.A. International educational migration in modern Russia: features, problems and prospects // Institute of migration and interethnic relations. URL: <http://www.migimo.ru/razdel/153> (date of access: 22.05.2019). DOI: 10.17922 / 2071-3665-2017-16-1-80-87
4. Kuznetsova A.R. Trends in educational migration in the Russian Federation // Siberian Socium. 2019. Vol. 3. No. 2. P. 52–65. DOI: 10.21684 / 2587-8484-2019-3-2-52-65
5. Ledeneva V. Yu. International educational migration in Russia: potential and prospects // Sociology of education. 2014. No. 3. S. 68–78.
6. “From the Volga to the Yenisei ...”: educational migration of youth in Russia / N.K. Gabdrakhmanov, N. Yu. Nikiforova, O.V. Leshukov; National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. – М.: NRU HSE, 2019. – 48 p.
7. Prakhov I.A. Determinants of the expected return from higher education in Moscow // Education Issues. 2017. No. 1. P. 25–57.
8. Tregubova N.D., Starikov V.S. Educational migration and ethnosocial conflicts in universities in Russia, Ukraine and the Unit-

ed States // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2017. No. 1. P. 121–139. Doi: 10.14515 / monitoring.2017.1.08

9. Ulmyasbayeva A.O. Modern trends in interregional educational migration of Russian youth // Theory and practice of social development. 2020. No. 12 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-mezhregionalnoy-obrazovatelnoy-migratsii-rossiyskoy-molodezhi> (date of access: 05.10.2021).

10. The number of pupils, students, students by educational level in the constituent entities of the Russian Federation in 2019 / Russian Statistical Yearbook 2020 // https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm

Социальные аспекты проявления билингвизма в системе образования в Республике Саха (Якутия)

Макарова Мичээрэ Витальевна,

студент, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»
E-mail: micheere@mail.ru

Осипов Виктор Федотович,

старший преподаватель кафедры истории, обществознания и политологии исторического факультета ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»
E-mail: velen84@mail.ru

В статье рассматриваются особенности языкового образования в Республике Саха (Якутия), где функционирует активный билингвизм, а в последние годы – полилингвизм. Республика Саха (Якутия) является самым большим регионом по территории, но с небольшим населением. Национальный состав республики, количество функционирующих языков в регионе всего был и остается предметом обсуждений в политических, образовательных, социальных, исторических сообществах. В статье затрагиваются проблему функционирования не только двух государственных языков (русского и якутского), но и языков малочисленных народов Республики Саха (Якутия) – эвенского, эвенкийского, юкагирского, долганского и чукотского. Автором рассматриваются основные положения Декларации о государственном суверенитете Республики Саха (Якутия), Конституции Республики Саха (Якутия) и Закона Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)».

Ключевые слова: двуязычие, языковое образование, язык обучения языковая политика, функционирование языков, языковая личность.

Глобальные изменения, происходящие в современном мире: демографический дисбаланс, миграционные процессы, новая технологическая парадигма, цифровизация, развитие искусственного интеллекта, кризис ценностей цивилизации, вносят большие изменения в систему образования, меняя ее парадигму.

В последние годы изменилось образовательное законодательство, принимаются и модифицируются образовательные стандарты общего среднего и высшего образования, меняются содержание образования, формы и методы работы.

Сейчас общество старается по-новому понимать цели и ценности образования, его отношение к смыслу образовательных результатов высоко, чем было 5–10 лет назад. Все это определяет необходимость формирования всесторонне развитой, творческой личности, которая способна к самореализации и социализации в новых условиях жизнедеятельности для реализации своего личностного и профессионального потенциала в соответствии с новыми вызовами времени.

В основе модернизации образовательной системы лежит стремление перевести образование в деятельностную позицию, вооружить обучающихся не только знаниями, но и компетентностями.

В целом, сегодня изменился характер детства, появился иной тип восприятия информации, другая память, иначе происходят некоторые психофизиологические процессы. Можно утверждать, что сегодняшний школьник опережает взрослого в способах получения информации из Интернет. Эти процессы способствуют появлению межпоколенческого разрыва. Для того чтобы найти с современными обучающимися общий язык, учителям и педагогам нужно научиться понимать их ценности. Таким об-

разом, тенденции постиндустриальной культуры, глобализация и многие другие социальные процессы способствуют обновлению содержания образования, поиску новых эффективных методов, технологий обучения и воспитания.

В современных условиях, наряду с традиционной формой организации учебного процесса, родители чаще стали обращать внимание на неформальное образование. Это и понятно, так как дистанционное образование, которое было 2 года назад новой, не достаточно изученной формой организации учебного процесса, сейчас стало обыденным и прочно вошло в образовательную жизнь общества в целом.

В нашей Республике Саха (Якутия) действует 3335 детских объединений и 17 научных обществ дополнительного образования. Как показывает практика, дополнительное образование развивает гражданско-патриотическое, научное и техническое творчество, художественно-эстетическое, физкультурно-спортивное, туристско-краеведческое и другие направления. Между тем в этой системе кроется огромный потенциал в плане развития языковой личности.

Изучение языковой политики субъекта напрямую связано с данными переписей населения. Перепись населения выявляет сколько человек какой-либо определенной национальности проживает на территории страны и субъекта данной страны. То, к какой национальности себя относит человек, зависит от него самого. Зачастую принадлежность к какой-либо нации человек определяет по языку, которым он свободно владеет и который считает своим родным.

Как известно, Республика Саха (Якутия) территориально самый большой регион в Российской Федерации, но плотность населения мала – всего 0,3–0,4 человека на 1 кв.м. (на 3103 тыс. кв.м. примерно 950 тыс. чел.). На территории республики проживают представители более 40 национальностей со своим языком, культурой, менталитетом.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. распространенность владения различными языками в Республике Саха (Якутия) составила: русским владели 885504 чел. из 949280 чел. (93%), в том числе: 376439 чел. из 432290 якутов – 87%, 16241 чел. из 18232 эвенков – 89%, 10430 чел. из 11657 эвенов – 89,5%, 1046 чел. из 1097 юкагиров – 95,3%, 592 чел. из 602 чукчей – 98,3%.

История языка – это история народа, говорящего на нем. Территориальная разобщенность народов Саха (Якутии) обусловила в том числе и проблемы владения родным языком, при этом народ саха один из немногих народов, сохранивших свой язык (на нем говорят около 400 тысяч якутов), но совсем плохо обстоят дела с языками малочисленных народов Севера – эвенским (1,5% от общего числа эвенков владеют родным языками на бытовом уровне), эвенкийским (2%), юкагирским (0,1%), долганским (0,2%) и чукотским (0,07%).

Стоит упомянуть, что якутский язык был не обязательным для изучения в 70–80 годах прошлого столетия. В общеобразовательных учреждениях городских населенных пунктов, районных центров, промышленных и северных районов обучение велось на русском языке, бытовой разговорный строился на русском языке. Почти 30 лет назад 4 апреля 1992 года Якутия была принята Конституция Республики Саха (Якутия), которая определила республику «сouverенным, демократическим и правовым государством, основанным на праве народа на самоопределение». Этой конституции предшествовала принятая 27 сентября 1990 года Декларация о государственном суверенитете, которая считалась основой для будущей конституции. 16 октября 1992 года был принят Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)», который учитывает интересы не только двух официальных языков, но и 5 других языков – эвенского, эвенкийского, юкагирского, долганского и чукотского. С принятием этого закона в лучшую сторону изменилось обра-

зовательное, политическое отношения к языкам. Одним из положений закона является «расширение общественных, социокультурных функций языков коренных народов при одновременной поддержке функционирования языков других народов республики», а самым большим достижением является расширение сферы функционирования языков коренных народов в дошкольном воспитании и школьном и вузовском обучении.

В Республике обучение осуществляется на двух государственных языках: русском и якутском. Кроме этого, как отдельный предмет ведется изучение якутского языка, а также 5 официальных языков республики: эвенского, эвенкийского, юкагирского, чукотского и долганского.

В системе языкового образования республики русский язык как государственный играет доминирующую роль. Он является языком изучения и обучения другим предметным областям. Именно средствами русского языка мы должны способствовать личностному и социальному росту ученика, а формирование личности, в первую очередь, связано с процессами познания и с когнитивной сферой. От того, на каком уровне школьник овладеет русским языком, будет зависеть его качество обучения. Анализ практики преподавания русского языка в школе и вузе свидетельствует о том, что мы не учитываем когнитивный потенциал обучаемого языка, отдавая предпочтение коммуникативному. Поэтому в современной методике преподавания языков, в частности, русского, ведущим должен стать коммуникативно-когнитивный подход.

В республике действует активное двуязычие, а последние годы еще и полиязычие (в силу того, что в последние годы большое внимание уделяется вопросам возрождения и сохранения языков малочисленных народов республики). Этим отличается наша республика от других регионов страны, и этот факт выделяет систему образования республики. Реализуются 3 языковых моде-

лей обучения, в зависимости от социокультурной ситуации.

Первая модель. С 1 по 11 класс обучение ведется на русском языке в течение всего периода обучения в образовательной организации (русский как родной).

Вторая модель. С 1 по 8 класс обучение – на родном (нерусском), преимущественно, на якутском языке. В старших классах (10–11) образовательный процесс осуществляется на русском языке.

Третья модель. Язык обучения – русский (не родной), изучение родного (якутского, эвенского, эвенкийского, юкагирского, долганского и чукотского) языка организуется в качестве учебного предмета.

Общество обеспокоено состоянием языков, которые через некоторое время могут навсегда исчезнуть и перейти в разряд «умерших» языков. Такие языки существовали только в устной форме и сейчас являются средствами устной коммуникации. Главной задачей ревитализации является сохранение их устных функций в нормальном повседневном общении, а дальше создание на базе устной речи письменности этих языков.

Литература

1. Декларация о государственном суверенитете Республики Саха (Якутия) от 27.09.1990 г.
2. Конституция Республики Саха (Якутия) от 04.04.1992 г.
3. Закона Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» 16.10.1992 г.

SOCIAL ASPECTS OF THE MANIFESTATION OF BILINGUALISM IN THE EDUCATION SYSTEM IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Makarova M.V., Osipov V.F.

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

The article examines the features of language education in the Republic of Sakha (Yakutia), where active bilingualism is functioning, and in recent years, polylinguism. The Republic of

Sakha (Yakutia) is the largest region in terms of territory, but with a small population. The national composition of the republic, the number of languages functioning in the region has been and remains the subject of discussion in political, educational, social, historical communities. The article touches upon the problem of the functioning of not only the two state languages (Russian and Yakut), but also the languages of the small peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) – Even, Evenk, Yukagir, Dolgan and Chukchi. The author examines the main provisions of the Declaration on State Sovereignty of the Republic of Sakha (Yakutia), the Constitution of the Republic of Sakha (Yakutia) and the

Law of the Republic of Sakha (Yakutia) "On languages in the Republic of Sakha (Yakutia)".

Keywords: bilingualism, language education, language of instruction language policy, functioning of languages, language personality.

References

1. Declaration on State Sovereignty of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 09/27/1990
2. The Constitution of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 04.04.1992
3. Law of the Republic of Sakha (Yakutia) "On languages in the Republic of Sakha (Yakutia)" 10.16.1992

Цифровая грамотность в период пандемии

Махукова Инна Александровна,
ассистент, кафедра «Медиатехнологии», Донской
государственный технический университет
E-mail: inchi26@mail.ru

В данной статье проведен анализ цифровой грамотности в период пандемии. Исследованы вопросы трансформации цифровой грамотности ввиду вынужденных мер изоляции. Проведен анализ направлений формирования удаленного формата работы и обучения в период всемирной пандемии. Таким образом, проведенное исследование позволяет убедиться в том, что в период пандемии население стало больше и чаще пользоваться цифровыми инструментами во всех возрастных группах. Вырос спрос на получение финансовых услуг и услуг страхования, получение государственных услуг и потребление развлекательного контента. Незначительно вырос объем потребления образовательных услуг в электронной форме, исключая школьников и студентов, которые были переведены в период пандемии на дистанционное обучение. В период пандемии выросло как число пользователей информационных и телекоммуникационных сетей, так и частота использования этих ресурсов для общения, обучения, получения товаров и услуг. Поэтому пандемия стала стимулом к более частому применению цифровых сервисов.

Ключевые слова: цифровая грамотность, пандемия, трансформация, цифровизация, бизнес.

В 2020 году в связи с распространением пандемии властям пришлось пойти на ограничения для бизнеса и простых граждан. Пандемия с учетом рисков ее быстрого распространения в городах с высокой плотностью населения привела к внесению вынужденных изменений в привычный образ жизни, изменению привычек в потреблении товаров и услуг. В связи с переводом как минимум 50% от штатной численности сотрудников на удаленку (данные по Москве на март-апрель 2020 г.) у населения появилось больше возможностей для повышения уровня цифровой грамотности.

Опрос по изменениям в образе жизни россиян проводился ВЦИОМ и ИСИЭЗ при Высшей школе экономики. Статистическое исследование по вопросу использования цифровых практик и освоения новых форматов работы с населением провел ИСИЭЗ при Высшей школе экономики в течение 2020 г. Всего в опросе приняли участие 3 тыс. респондентов из числа пользователей интернета. Было установлено, что 76% опрошенных в период пандемии стали чаще пользоваться цифровыми инструментами с целью их применения для решения повседневных задач. 49% специально для этого установили на свои компьютеры и мобильные устройства дополнительные программы и приложения. 34% опрошенных в результате этого смогли приобрести для себя новый навык. Другие 48% как минимум запланировали приобретение нового навыка в будущем. Основным направлением использования цифровых сервисов стал поиск информации и получение государственных услуг, совершение покупок в интернете и потребление развлекательного контента. В данном направлении индекс цифровизации только в течение 2020 г. поднялся до отметки 70 пунктов при максимуме в 100 пунктов.

Индекс цифровизации в части обращений в государственные органы,

участия в голосованиях, получении образовательных и финансовых услуг находился в 2020 г. на отметке 60–69 пунктов. Аналогичный уровень цифровизации характерен для таких целей, как получение страховых услуг, коммуникации, аренда транспортных средств. В иных сферах уровень цифровизации пока остается невысоким по причине все еще доступных возможностей для пользования услугами и сервисом в традиционном формате. В течение последнего года 74% респондентов покупали в интернете товары и услуги, здесь индекс цифровизации составляет только 53 пункта. Примерно половина всех приобретенных товаров и услуг в течение 2020 г. была приобретена в обычных магазинах и учреждениях обслуживания. В области занятости уровень цифровизации находился по итогам года на отметке 42 пункта. При этом в период пандемии 44% опрошенных в той или иной форме пользовались интернетом для удаленной работы. Однако основные обязанности россияне в основном выполняли онлайн. По данным на конец 2020 г., 70% официально трудоустроенных граждан продолжали работать в очной форме [1].

Низкий уровень цифровизации характерен для использования цифровых сервисов с целью получений медицинских услуг и занятий спортом, который составил по итогам 2020 г. 32 и 31 пункт соответственно. И все же исследователями был сделан вывод о том, что в период пандемии пользование цифровыми сервисами и устройствами стимулируют людей как к приобретению, так и к совершенствованию своих цифровых навыков. И сохранение этой ситуации в перспективе может привести к увеличению цифровой грамотности населения [2].

Аналогичные данные опроса среди населения приводятся ВЦИОМ. Примечательно, что среди почти 80% опрошенных, которые пользовались в период пандемии цифровыми сервисами, как минимум 12% стали пользоваться ими впервые. В основном это делалось по причине отсутствия возможности по-

лучить услугу или сервис в традиционном режиме или в связи с установленными ограничениями на пребывание в общественных местах. Напомним, что люди из группы риска (старше 65 лет) были обязаны соблюдать режим самоизоляции. На протяжении нескольких месяцев, начиная с конца февраля 2020 г., очный прием граждан приостановили офисы МФЦ «Мои документы», территориальные органы занятости населения, органы исполнительной власти. В марте 2020 г. на фоне роста заболеваемости среди населения было решено сначала продлить каникулы для школьников, а затем и вовсе запустить полноценное электронное обучение. Аналогичная ситуация коснулась и вузов, где к уже существующим формам обучения добавилось электронное обучение по программам обычного обучения. 2020–2021 гг. школьники и студенты были вынуждены заканчивать в дистанционной форме. Специально для этого использовались уже созданные электронные сервисы для обучения, а также сервисы видеосвязи и конференц-связи для проведения занятий с полноценными группами учащихся. Так как переход к дистанционному обучению пришлось осуществлять буквально в течение нескольких дней, обучаться получению образовательных услуг в дистанционном режиме пришлось как школьникам, так и студентам. При этом в новой среде обучения они получили достаточно широкие возможности для развития и совершенствования своей цифровой компетентности [3].

Среди взрослого населения в период пандемии в 3 раза увеличился спрос на получение товаров и готовой еды с доставкой курьером. Как минимум для пользования такими сервисами нужно специальное приложение, навыки оформления и оплаты электронных заказов. В секторе финансовых услуг вырос спрос на открытие банковских и инвестиционных счетов, получение банковских карт. Многие отечественные банки, в частности, Сбербанк и Альфа-банк начала выпускать цифровые бан-

ковские карты. Они не требуют выпуска обычной карты и могут быть выпущены моментально после заполнения анкеты и подачи заявки на выпуск. По данным ЦБ РФ, в период с марта по декабрь 2020 г. было открыто 180 тыс. карточных счетов. Примерно треть из этого числа приходится на цифровые карты. А половина из этого числа приходится на карточные продукты, которые можно оформить онлайн и забрать после выпуска либо в отделении банка, либо курьером. Активному открытию счетов способствовал запуск ряда социальных программ. С учетом массового перехода бюджетников и получателей социальных выплат на карты НП «МИР» только в течение 2020 г. число пользователей карт системы «МИР» увеличилось на 170 тыс.

Отдельного внимания заслуживает потребление цифрового развлекательного контента. ВЦИОМ приводит данные, согласно которым половина опрошенных интернет-пользователей как минимум 1 раз покупала платный цифровой контент в период пандемии. Большая часть потребленного контента приходится на подписки онлайн-кинотеатров и музыкальные сервисы. Только в течение 2020 г. за счет развития своей экосистемы ПАО «МТС» удалось увеличить базу пользователей домашнего интернета, кабельного и спутникового телевидения на 4,1 млн. При этом доля пользователей платных подписок увеличилась в сравнении с 2019 г. на 41%. О запуске своей экосистемы заявили и в Сбербанке. Теперь данная организация через дочерние компании оформляет подписки на развлекательный контент, занимается доставкой посылок. И спрос на такие услуги растет, на фоне пандемии это происходит более быстрыми темпами [4].

Согласно данным Google, количество запросов на обучающие курсы и уроки выросло в течение 2020 г. на 38%. При этом половина пользователей относится к возрастной категории «45+», что указывает на две характерные тенденции.

Во-первых, на фоне ограничений у населения увеличилось время, которое оно проводит дома. И часть этого времени тем или иным образом связана с использованием цифровых инструментов. Во-вторых, пандемия способствовала достижению целей цифровизации не только экономики, но и секторы государственных услуг. По данным на конец 2020 г., 84 млн пользователей получают услуги через портал или мобильное приложение Госуслуг. В течение 2020 г. как минимум 28 млн. пользователей обращались за получением государственных услуг в электронной форме. В течение 2020 г. значительным образом расширились возможности самого портала – появились возможности для постановки на учет в качестве безработного, возможности для получения выплат на детей с предоставлением анкетных данных, возможности для электронного взаимодействия с ФССП [5].

Таким образом, проведенное исследование позволяет убедиться в том, что в период пандемии население стало больше и чаще пользоваться цифровыми инструментами во всех возрастных группах. Вырос спрос на получение финансовых услуг и услуг страхования, спрос на получение государственных услуг и потребление развлекательного контента. Незначительно, но все же вырос объем потребления образовательных услуг в электронной форме, исключая школьников и студентов, которые были переведены в период пандемии на дистанционное обучение. В период пандемии выросло как число пользователей информационных и телекоммуникационных сетей, так и частота использования этих ресурсов для общения, обучения, получения товаров и услуг. Поэтому пандемия стала стимулом к более частому применению цифровых сервисов.

Литература

1. Цифровая грамотность – главный навык человека. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.e-xecutive.ru/education/glavy-iz-knig/1990928-tsifrovaya-gramotnost-glavnii-navyk-cheloveka>, свободный

2. Гладылина И.П., Кадыров Н.Н., Строганова Е.В. Цифровая грамотность и цифровые компетенции как фактор профессионального успеха // Инновации и инвестиции – М: ООО «Русайнс», № 5–2019 – С. 62–64
3. Формирование цифровой грамотности обучающихся: Методические рекомендации для работников образования в рамках реализации Федерального проекта «Цифровая образовательная среда» / Авт.-сост. М.В. Кузьмина и др. – Киров: ИРО Кировской области, 2019. С. 47
4. Монахов В.М., Тихомиров С.А. Эволюция методической системы электронного обучения // Ярославский педагогический вестник: научный журнал. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. № 6 (105) – С. 76–88
5. Чошанов М.А. Дидактика: новый взгляд на теорию обучения в эпоху цифровых технологий// Образовательные технологии и общество: электронный журнал. – С. 684–695. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/e-didaktika-novyy-vzglyad-na-teoriyu-obucheniya-v-epohu-tsifrovyyh-tehnologiy>, свободный

DIGITAL LITERACY DURING THE PANDEMIC

Makhukova I.A.

Don State Technical University

This article analyzes digital literacy during a pandemic. The issues of transformation of digital literacy due to forced isolation measures are investigated. The analysis of the directions of the formation of a remote format of work and training in the period of a global pandemic is carried out. Thus, the study conducted allows us to make sure that during the pandemic, the population has become larger and more often

use digital tools in all age groups. Demand has grown for financial and insurance services, government services and consumption of entertainment content. The volume of consumption of educational services in electronic form increased slightly, excluding schoolchildren and students who were transferred to distance learning during the pandemic. During the pandemic, both the number of users of information and telecommunications networks and the frequency of using these resources for communication, education, and the receipt of goods and services increased. Therefore, the pandemic has become an incentive for more frequent use of digital services.

Keywords: digital literacy, pandemic, transformation, digitalization, business.

References

1. Digital literacy is the main human skill. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.e-xecutive.ru/education/glavyiz-knig/1990928-tsifrovaya-gramotnost-glavnii-navyk-cheloveka>, free
2. Gladylina I.P., Kadyrov N.N., Stroganova E.V. Digital literacy and digital competencies as a factor of professional success // Innovations and investments – M: Rusays LLC, No. 5–2019 – P. 62–64
3. Formation of digital literacy of students: Methodological recommendations for educators in the framework of the implementation of the Federal project “Digital educational environment” / Auth.-comp. M.V. Kuzmina and others – Kirov: IRO of the Kirov region, 2019 – P. 47
4. Monakhov V.M., Tikhomirov S.A. Evolution of the methodical system of e-learning // Yaroslavl Pedagogical Bulletin: scientific journal. – Yaroslavl: RIO YAGPU, 2018. № 6 (105) – pp. 76–88
5. Choshanov M.A. Didactics: A New Look at Learning Theory in the Digital Age // Educational Technologies and Society: Electronic Journal. – S. 684–695. [Electronic resource] – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/e-didaktika-novyy-vzglyad-na-teoriyu-obucheniya-v-epohu-tsifrovyyh-tehnologiy>, free

Мультипарадигмальность социологических подходов в изучении миграции

Чумак Елена Васильевна,

кандидат наук по государственному управлению, доцент, Уральский государственный экономический университет
E-mail: lena22021977@yandex.ru

Статья посвящена изучению корректности познания одного социального процесса – миграции, с использованием одновременно нескольких социологических парадигм. Автором сделана попытка адаптировать современные представления о мультипарадигмальности социального знания к объекту исследования; описать проблему межпарадигмальных трансформаций в зависимости от фаз изменения объекта исследования; оценить корректность научного рассмотрения вопросов миграции одновременно в ракурсе нескольких социологических парадигм: теория конфликта, феноменология, структурный функционализм, символический интеракционизм. Каждая из представленных социологических парадигм позволяет, с точки зрения автора, осмысливать определенный этап миграционного цикла, предложенного автором статьи. Миграционный цикл, предложенный автором, складывается из последовательных этапов: возникновение идеи мигрировать, принятие решения о миграции, социальная смерть, социализация в новом обществе, утверждение в новом обществе. Данный поход основан как на изучении поведенческих практик мигрантов (полуструктурированные интервью, включенное наблюдение), так и на основе анализа работ отечественных и зарубежных авторов в данном направлении. Общая концепция представлена в статье в виде структурной модели трансформации методологических подходов к изучению социальных практик мигрантов в соответствии с фазами миграционного процесса.

Ключевые слова: социологические парадигмы, мультипарадигмальность, миграция, феномен, мигранты, социальные группы, социальные практики, социальная трансформация, миграционный цикл.

Говоря о трансформации социологических парадигм, необходимо определиться с тезариусом данного теоретизирования. Важность уточнения тезариуса подчеркивается, в частности Г. Зборовским, который совершенно справедливо отмечает, что в современных условиях понимание категории «парадигма» стало существенно отличаться от предложенного в свое время Т. Куном [1, с. 5]. В своей статье сам автор называет парадигмами и базовые социологические теории (структурно-функционального анализа, конфликта, обмена) [1, с. 4]. Возможно размытость категории «парадигма» происходит от достаточно общего определения, данного этой категории ее основоположником Т. Куном, согласно которого парадигмы – «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [2]. Однако, нас в первую очередь интересует не сама категория «парадигма», а производная от нее характеристика социологического знания – «мультипарадигмальность». Как пишет Д. Иванов, «Мультипарадигмальность означает, что с появлением новой парадигмы созданные раньше не исчезают, а увеличивающееся концептуальное разнообразие позволяет описывать и объяснять различные аспекты таких сложных явлений и процессов, каковыми являются социальные феномены» [3]. Однако, в современной литературе мультипарадигмальность рассматривается преимущественно с позиций различных аспектов одного и того же социального явления (процесса). По нашему мнению, существуют социальные процессы, которые необходимо рассматривать одновременно с позиций нескольких социологических парадигм, для того чтобы дать их полное описание. Соответственно целью статьи является изучение корректно-

сти познания одного социального процесса с использованием одновременно нескольких социологических парадигм. *Задачами статьи*, соответственно является оценить современные представления о мультипарадигмальности социального знания; описать проблему межпарадигмальных трансформаций; оценить корректность научного изучения вопросов миграции одновременно в ракурсе не менее двух социологических парадигм. *Методами статьи* выступают: теоретический анализ, синтез, логическое моделирование.

Затрагивая вопрос трансформации парадигм, интересно обратиться к трудам И. Халия, который отмечает, что «Западные инвайронментальные социологи выдвинули концепцию, в соответствии с которой на каждом историческом этапе направление развития общества в целом определяется некоторой «социальной парадигмой». Под ней понимается общественно доминирующая сумма идей и установок, которая управляет человеком и обществом конструирует их восприятие окружающего мира» [4]. Следует обратить внимание, что автор говорит о социальной, а не социологической парадигме. Попытку объяснить отличия данных концептов приводит С. Платонова, давая собственное определение категории «социальная теория», рассматривая ее «как целостную систему взаимосвязанных положений, которые соотносятся с социальной реальностью, описывают и объясняют ее» [5, с. 36], обратившись снова к тезисам И. Халий «Хотя периодическая смена парадигм, по мнению социологов, есть историческая закономерность, устранение устаревшей DSP (авт. доминирующей социальной парадигмы) – невероятно трудный и сложный процесс...» [3]. Иными словами, в современном социологическом дискурсе ряд авторов не только допускают отождествление социальных и социологических теорий, но и отмечают тот факт, что социальная парадигма может поддерживать социально-политическую систему. Сложившаяся социальная реальность, обладает опре-

деленной гомеостатичностью, а изменения обусловлены собственными бифуркациями, предопределенными либо изменениями практик, либо изменением внутреннего сознания людей (т.ч. манипуляциями).

В этом смысле интересно мнение Ж. Тощенко, отмечавшего, что «в настоящее время в реальной жизни социолог встречается ... с сознанием и поведением людей, анализ которых приводит к познанию различных форм организации общественной жизни – институциональной, стратификационной, управлеченской и др.» [6, с. 34]. В полной мере соглашаясь с приведенной мыслью, считаем необходимым сказать, что сознание может рассматриваться как индивидуальное и коллективное (в т.ч. сознание толпы). Причем второе, наиболее подвержено манипуляции [7, с. 115]. В этом смысле, изменения коллективного сознания (проявляющиеся в изменении коллективного поведения) будут происходить быстрее изменения реальных стратификационных и управлеченских практик. Коллективные изменения (изменения в толпе) будут происходить значительно быстрее, чем изменения отдельно взятого индивида (по какой-то причине частью толпы не являющегося), поскольку индивидуальное сознание обладает определенной инерцией. Соответственно нормативные практики индивида, в течение малого промежутка времени могут начать приобретать аномийный характер. Соответственно, говорить о исторической сменяемости парадигм, в этом случае крайне проблематично.

А. Кравченко, характеризуя причины существования в социологии многих парадигм, отмечает: «... два фактора: плюралистичность социума ...; характер саморазвития социума...» [8]. Считаем, что явление мультипарагамальности подавляющее большинство авторов рассматривают применительно к обществу, а не общественным процессам. Мы предлагаем, в контексте категорий мультипарадигмальности рассматривать как раз общественный процесс, в частности миграцию. Сложность

изучения данной категории социологии мы связываем с: феноменологичностью индивидуальных причин миграции (за исключением случаев вынужденной миграции); возможными различиями общественных моделей обществ исхода и принимающего; принципиальным (катастрофическим) изменением социального статуса (диспозиций) мигранта, происходящим в ходе социальной эксклюзии на первом этапе миграции;

– высоким уровнем социальной активности, обеспечивающим иные (по сравнению с местным населением) практики по вхождению в новое общество.

Концептуально, механизм и предлагаемая нами социологическая парадигма для исследования миграции (и мигрантов) на конкретном этапе миграционного цикла, приведена на рис. 1

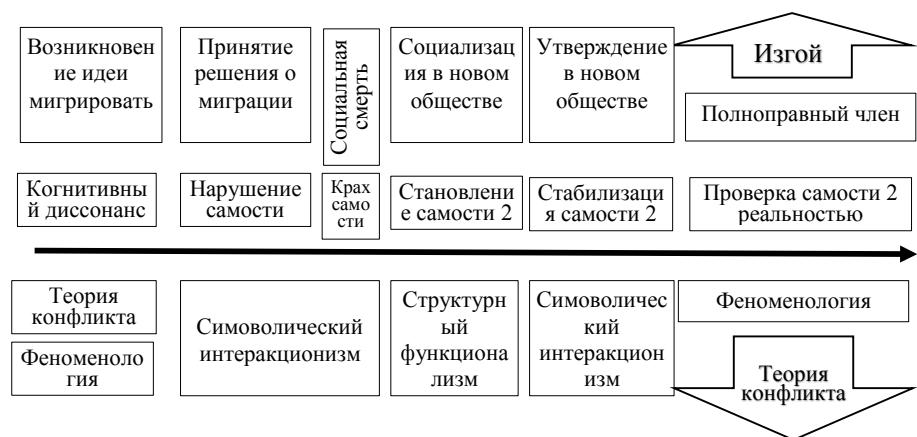

Рис. 1. Структурная модель трансформации методологических подходов миграции (составлено автором)

Важным является тезис о социальной смерти, описанный Морено Дж. [9]. «Социальная смерть как кратковременное или стабильное состояние может проявляться на разных уровнях социальной жизни. На микроуровне этот феномен – результат обрыва социальных связей между людьми, включенными в малые (референтные) группы» [10]. В данном ключе, мы считаем возможным учесть тезис В. Кузнецовой о том, что «Есть ... лица, поддерживающие с индивидом отношения, и лица, с которыми хотелось бы иметь отношения. ... эта структура может быть измерена при помощи объема знакомств. Вне объема знакомств находится область символических массовых контактов». [11]. Иными словами, каждый мигрант оказывается в состоянии социальной смерти, которая несколько смягчается современными средствами коммуникации, однако все равно характеризуется со-

циальной эксклюзией в принимающем обществе.

Для того, чтобы продолжить анализ схемы, приведенной на рис. 1, считаем целесообразным обратиться к тезисам Ж. Тощенко который утверждал, что «ориентация на исследование преимущественно структур (систем) неэвристична ... Понять причину возникновения данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии» [6]. В данном случае, мы строим свою модель в соответствии с данной логикой, рассматривая процесс миграции, в котором в зависимости от этапа меняются: статусные, ценностные, экономические диспозиции индивидов (мигрантов, как особой страты,). Указанные диспозиции, в свою очередь, трансформируют практики, а соответственно изменяют социальное пространство мигрантов.

Говоря о теории конфликтов и феноменологической социологии, необходи-

мо отметить, что если теория феноменологии рассматривается нами в близком к классическому пониманию (Гуссерль, Брентано), то теория конфликта, в своем обновленном понимании (в первую очередь Р. Дарендорф).

Р. Дарендорф формулирует «путь к свободе», состоящий «по меньшей мере из трех элементов, не связанных между собой каким-либо скрытым рычагом преобразования. Исследователь выделял: «необходимость создать надежные структуры прав; необходимость обеспечить предпосылки для роста обеспечения; создание мира личной заинтересованности и инициативы» [12, с. 228–229]. По нашему мнению, когнитивное несоответствие каждого из указанных параметров, может быть фактором социальной неудовлетворенности, однако не выступать непосредственным фактором принятия миграционного решения. В ходе проведенных нами эмпирических исследований «выталкивающих» причин миграции в Украине, нами была выявлена логическая применимость данных факторов. Однако, конфликт в большей степени характерен для вынужденных (недобровольных) мигрантов, при том, что общий объем причин миграции сложнее и шире, собственно и объясняет применения феноменологических подходов наряду с данной теорией.

Продолжая анализ возможных методологических подходов к изучения миграционного цикла, следует еще раз обратить внимание на теоретизирования Г. Зборовского, который предложил видение линий развития социологии и отнес структурный функционализм и неомарксизм к неоклассической социологии, а символический интеракционизм и феноменологию к неклассической [1, с. 8]. Исследователь так же формулирует для предложенных линий развития «объект социологии». Так для неоклассической социологии Г. Зборовский в качестве объекта определяет «общество как систему социальных действий и взаимодействий социальных групп и свободно организованных акторов». Для неклассической – «обще-

ство как конструкцию непрерывно меняющейся реальности агентами, которые и производят социальные изменения». Не вступая в дискуссию, отметим, что в первом определении прослеживается взаимодействие индивида и общества, во втором – независимая деятельность индивидов (акторов). При этом их объединяет тот факт, что обе они относятся к интерпретирующему (микросоциологическим) парадигмам. Фактически, указанные подходы совпадают с логикой, представленной на рис. 1, где теория конфликта и структурный функционализм раскрывают взаимодействие «индивиду-общество» в то время как феноменология и символический интеракционизм, в большей степени связаны с маргинализацией индивида (существующей социальной эксклюзией).

Следующий этап миграционного цикла, «принятие решения о миграции» мы связываем с концепцией символического интеракционизма Дж. Мид и Г. Блумера. С точки зрения указанных авторов, понять жизнь и деятельность социальных групп, любые образцы поведения, социальные установки, убеждения и ценности можно только при рассмотрении их в соответствующем контексте.

Для понимания природы социального поведения мигрантов важным является так же тезис Е. Шульги о том, что «Получение смыслов в процессе интеракции становится возможным в силу того, что между индивидуумом и действительностью лежит система смыслов, ... и эти смыслы человек приписывает элементам окружающей среды – как материальным объектам, так и абстрактным идеям» [13]. Сам Дж. Мид по этому поводу отмечает «Смысл, ... является развитием чего-то, объективно существующего в качестве отношения между определенными фазами социального действия...» [14]. По нашему мнению, под этим объективным, подразумевается самость, как осознание себя в конкретных социальных условиях (среде). Фактически, Дж. Мид признает «существование социальных условий возникновения самости как объек-

та» [15]. Рассматривая самость как некое «Я», сформированное «Мы», автор отмечает: ««Я» как нечто, способное быть объектом для самого себя, представляет собой по существу социальную структуру и возникает в социальном опыте» сообщества [16]. Указанные тезисы подводят нас к пониманию причин миграции на этапе принятия решения. «Осознание индивидом себя как «Я» в процессе использования самосознания, дает ему установку самоутверждения или установку преданности сообществу». [16, с 187]. Иными словами, после возникновения идеи мигрировать (отделиться от одного общества и примкнуть к другому) индивид, обладая самостью производит идентификацию по критерию «Я» – «Мы», находя тем самым расхождения между этими категориями. Факторы давления «Мы», сформулированные Дж. Мидом начинают оказывать разрушающее воздействия на самость, усугубляя дистанцию от общества. При том, в случае возникновения идеи миграции, конструируется новая самость, условно представляемая как «Я». В этом контексте мы полностью согласны с О. Жуковой, которая утверждает, что «сложность философского определения самости заключается в том, что оно не может быть объективировано до конца» [17, с. 33]. Причем указанная субъективность заложена не столько во внутреннем «Я», сколько в реакции этого «Я» на внешнее «Мы». Как отмечает Р. Шаймарданов: «Социальная самость – это результат процесса познания, сопряженный с формированием витгеннегого опыта, основным источником которого является восприятие» [18]. Соответственное изменение восприятия, может быть связано с недостаточной гомогенностью «Мы». Как отмечал Г. Блумер, «...объект интереса, который привлекает внимание тех, кто составляет массу, находится за пределами локальных культур и групп и не определяется, и не объясняется в терминах представлений или правил этих локальных групп» [19, с. 168–215.]. Однако, допустив факт того, что интерес к определенному объ-

екту утрачивается, усиливается самоидентификация «Я» как участника локальной группы, либо как представителя иной культуры. Г. Блумер указывал, что в процессе взаимодействия передаются формы культуры и социальный опыт, субъективный мир одного человека раскрывается для другого, выявляются мотивы, интересы, цели и настроения акторов. [20, с. 12]. Мигрант, обладая большей или меньшей (по отношению к обществу) инертностью трансформирует получаемые символы сообразно актуализировавшимся культурным стандартам локальной группы. Указанное расхождение может выступать как в качестве «системы убеждений», так и в качестве «экспрессивного символа». «Успешная коммуникация предполагает включение контекста культуры, или концепции культуры, которая сформировалась у участников диалога в результате длительного процесса их социализации» [13, с. 123]. Однако для современных реалий, указанный тезис выглядит достаточно архаичным по причине того, что, став объектом манипуляции, на первый план выходят не социализированные, а инкорпорированные культурные контексты, существенные расхождение в которых все более вероятны. Соответственно, указанные расхождения «дожимают», индивида в его идее миграции.

Однако, попадая в новое (даже достаточно близкое) общество индивид оказывается в ситуации разрыва самости. «Я» и «Мы» (даже для достаточно близких обществ) становятся критически различными. Возникает проблема поиска средств преодоления указанного разрыва. Соответственно дальнейшее использование «понимания» практик через самость, основанное на общностях символов индивида и его социального окружения – достаточно проблематично. В то же время в структурном функционализме, актор анализируется не с точки зрения его мыслей и поступков, а (по крайней мере, с точки зрения положения в социальной системе) как не более чем набор статусов и ролей [21, с. 510]. Таким образом мар-

гиальный статус мигранта, во многом определяет его социальные практики, реакции и отношение к происходящему.

П. Носов, рассматривая выводы Н. Смелзера и Т. Парсонса относительно характеристик социальной роли, добавляет к уже сформулированным Т. Парсонсом эмоциональности, способам получения роли; масштабу; степени формализации и мотивации так же «значимость ее (авт. роли) для исполнителя» [22, с. 202–203]. По нашему мнению, «значимость», во многом является вторичной составляющей и в первую очередь определяется мотивацией. Однако следует разделять мотивацию на социально обусловленную (социокультурно детерминированную) и внутреннюю. В рассматриваемом случае, феномен внутренней мотивации, действительно, может определяться значимостью роли для индивида. Рассмотренные факторы, по нашему мнению, формируют представления о смысле действий. Однако, социально успешными, действия могут быть только при совпадении индивидуальных смыслов и общественных ожиданий. Указанная ситуация обуславливает факт неудовлетворенности части российского общества притоком мигрантов. Способом трансформации индивидуальных смыслов в условиях отсутствующей, либо не сформированной самости (как средством автоматической регуляции социального поведения), по нашему мнению, может являться только культура. Соответственно инкультурация мигрантов должна стать важнейшим социотехнологическим этапом третьего этапа миграционного цикла. Идеальным результатом такой инкультурации мы видим появление, к окончанию этапа 3 («социализация в новом обществе») новой самости индивида, условно названной нами – «Я2».

Р. Мerton определял два важнейших элемента социальной и культурной структуры. Сферу устремлений (целей) и приемлемые способы их достижения. Каждая социальная группа обязательно сочетает свою шкалу желаемых це-

лей с моральным или институциональным регулированием допустимых и требуемых способов достижения этих целей. Выбор подходящих средств ограничен институциональными нормами [23]. В случае с мигрантами в РФ, «своя» шкала желаемых целей и моральных императивов может существенно варьироваться в зависимости от страны исхода. Последнее делает невозможным унификацию миграционной политики в контексте ее методов и целей (ресоциализация, адаптация и пр.). При этом, Р. Мертона определяя культурные аксиомы в качестве третьей указывал «... настоящая неудача состоит лишь в снижении амбиций или отказе от них» [19, с. 253]. Сказанное, заслуживает особого внимания. Так, в рамках структурного функционализма формируется представление о символах определенных образцов и моделей поведение, происходит процесс о социализации (ресоциализации, социальной адаптации). По внешним признакам, индивид приобретает большинство социальных практик постоянного жителя. При этом, цикл процесса интеграции мигранта не останавливается, а продолжается следующей трансформацией. Стойкие образцы и принятые ценности требуют практической (в социальных практиках) апробации и, возможно корректировки. Критерием эффективности приобретенных норм, ценностей, распространенных моделей поведения и будут выступать амбиции. Так, осознание того, что путем демонстрации освоенных практик, социальное поведение конкретного индивида может быть расценено как общественно эффективное, приводит к тому, что эти практики приобретают символическое значение. В силу этого, можно предположить очередной этап трансформации аналитической парадигмы – переход от логики структурного функционализма к интерпретациям сквозь призму символического интеракционизма. В случае, если практики успешны, «подстараивание» под меняющиеся общественные стандарты проходит конгруэнтно, можно констатировать индивидуальный

успех миграции. В случае если «подстраивание» под изменения нарушают сформированную (сформировавшуюся в результате повторной социализации) аксиосферу, предполагаем начало у индивида второго этапа трансформаций – изучение которого требует возврата к методологии феноменологии. Вариантами феноменологической редукции в этом случае может быть или более «тонкая» подстройка под социальные символы и процессы, либо их неприятие и переход в состояние аномии (последнее может проявляться, говоря в категориях Р. Мертона либо в виде «мятежа», либо в виде «бегства»). Возможным вариантом развития событий видится и возникновение выраженного противоречия, которое приобретает черты конфликта. В данном случае, речь идет о возврате к методологии неомарксизма, и оценке возможных последствий такого конфликта. Причем сферами такого конфликта могут выступать все четыре, выделенных Т. Парсонсом, подсистемы человеческого действия: организм, личность, социальная и культурная система [21, с. 494–513].

Подводя итог проведенному теоретизированию следует сказать, что попытки определения методологических подходов к изучению миграции проводились и ранее. Поскольку, миграция является сложным социальным процессом, который не возникает мгновенно (за исключением миграций, продиктованных природными катастрофами, войнами) – важны ее предпосылки. Если говорить, как и большинство исследователей, непосредственно об активной фазе, то можно согласиться, что наиболее удачной парадигмой для описания данного процесса является структурный функционализм. Однако, поскольку на человека в современном обществе действует огромное количество различных социальных факторов, часто различно воспринимаемых даже представителями одних и тех же социальных групп в силу их внутренней неоднородности (мигранты из разных стран), для изучения процессов причин

исхода и методов вхождения в новое общество – более эффективным, по нашему мнению, является символический интеракционизм.

Множественность применяемых познавательных парадигм обуславливает сложность и разнообразие применяемого инструментария. По этой причине, для изучения сформулированных выше социальных процессов необходимо использование как количественных, так и качественных методов социологического исследования. Поскольку в миграционном процессе происходят по сути катастрофические изменения социального пространства индивида, соответственно изучение оценочных суждений приобретает эмоционально окрашенный характер, что делает данные прямых опросов ограничено валидными. Для целей изучения миграционного поведения и особенностей адаптации мигрантов, приобретает интерес анализ жизненных траекторий и полуструктурированные интервью, с дальнейшей кодификацией полученных результатов.

Литература

1. Зборовский Г.Е. Метапарадигмальная модель теоретической социологии. Социологические исследования, № 4, Апрель 2008, С. 3–15,
2. Кун Т. Структура научных революций. М., 2009. – 310 с.
3. Иванов Д.В. Парадигмы социологии. Омск: Издательство ОмГУ, 2005. – С. 5.
4. Халий И.А. Трансформация доминирующих социальных парадигм (опыт сравнительного анализа) / Центр исследования общих проблем современного Востока ИВ РАН URL: <http://www.vostokoved.ru/Социоестественная-история/haliy.html>
5. Платонова С.И. Наука, парадигма, теория в социальном знании // Дискуссия. 2014. № 3 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-paradigma-teoriya-v-sotsialnom-znanii> (дата обращения: 31.07.2020)
6. Тощенко Ж.Т. Парадигмы как методологические стратегии в со-

циологии // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmы-kak-metodologicheskie-strategii-v-sotsiologii> (дата обращения: 30.07.2020)

7. Маркин А.В. Манипуляция сознанием в условиях современного информационного пространства // Научный вестник ЮИМ. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-soznaniem-v-usloviyah-sovremenno-goinformatsionnogo-prostranstva> (дата обращения: 31.07.2020).

8. Кравченко С.А. Социологическая теория: дискурс будущего // Социол. исслед. 2007. № 3., с. 9

9. Морено Дж. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 1958. С. 58.

10. Левченко И.Е. Феномен социальной смерти. И.Е. Левченко / Социологические исследования. 2001. № 6. С. 22–31

11. Кузнецова Вера Владимировна Феномен «социальной смерти» в социометрии Я.Л. Морено // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2001. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-sotsialnoy-smerti-v-sotsiometrii-ya-l-moreno> (дата обращения: 03.08.2020)

12. Дарендорф Р. Д 20 Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы /Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 288 с.

13. Мид Дж. От жеста к символу / Американская социологическая мысль: Тексты / Под В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.

14. Шульга Е. Символический интеракционизм и проблема понимания // Философия науки и техники. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/symbolical-interactionism-and-the-problem-of-understanding> (дата обращения: 31.07.2020), С. 114

15. Mead G. Internalized Others and the Self //Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934. Р. 144–145, 149–152. (Перевод А. Гараджи) url <https://poisk-ru.ru/s10106t16.html>

16. Николаева В. Г. 97. 04. 041. Дж.г. Мид. Разум, я и общество (главы из книги). G.H. Mead. Mind, self and society. – Chicago, 1934. – Р. 135–144, 164–178, 192–200 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 1997. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-041-dzh-g-mid-razum-ya-i-obschestvo-glavy-iz-knigi-g-h-mead-mind-self-and-society-chicago-1934-p-135-144-164-178-192-200> (дата обращения: 01.08.2020), С. 168

17. Жукова О.И. Философско-теоретическое осмысление проблемы самости личности / Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 12–1 (56). С. 33–40.

18. Шаймарданов Р.Х. Социальная самость / Вестник Казанского государственного педагогического университета. 2006. № 1 (5). С. 120–130.

19. Блумер Г. Коллективное поведение / Американская социологическая мысль: Тексты / Под В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.

20. Горбунова Марина Юрьевна Символический интеракционизм как методологическое основание исследования эмоций в социологии // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskiy-interaktsionizm-kak-metodologicheskoe-osnovanie-issledovaniya-emotsiy-v-sotsiologii> (дата обращения: 31.07.2020).

21. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль: [Тексты: Перевод / Сост. Е.И. Кравченко]; Под общ. ред. В.И. Добренькова. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. – 556,[1]

22. Носов Павел Владимирович Соотношение понятий «Социальная роль» и «Социальное действие» // Социология власти. 2009. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-sotsialnaya-rol-i-sotsialnoe-deystvie> (дата обращения: 31.07.2020),
23. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М.: ACT: ACT Москва: Хранитель, 2006. – 873, [7] с.

MULTIPARADIGMALITY OF SOCIOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF MIGRATION

Chumak E.V.

Ural State University of Economics

The article is devoted to the study of the correctness of cognition of one social process – migration, using simultaneously several sociological paradigms. The author made an attempt to adapt modern ideas about the multiparadigmality of social knowledge to the object of research; describe the problem of inter-paradigm transformations depending on the phases of the research object change; to assess the correctness of scientific consideration of migration issues simultaneously from the perspective of several sociological paradigms: conflict theory, phenomenology, structural functionalism, symbolic interactionism. Each of the presented sociological paradigms allows, from the author's point of view, to comprehend a certain stage of the migration cycle proposed by the author of the article. The migration cycle proposed by the author consists of successive stages: the emergence of the idea to migrate, the decision to migrate, social death, socialization in a new society, establishment in a new society. This approach is based both on the study of the behavioral practices of migrants (semi-structured interviews, included observation), and on the basis of an analysis of the works of domestic and foreign authors in this direction. The general concept is presented in the article in the form of a structural model of transformation of methodological approaches to the study of social practices of migrants in accordance with the phases of the migration process.

Keywords: sociological paradigms, multiparadigmality, migration, phenomenon, migrants, social groups, social practices, social transformation, migration cycle.

References

1. Zborovsky G.E. Metaparadigmal model of theoretical sociology. Sociological Research, No. 4, April 2008, pp. 3–15,
2. Kuhn T. The structure of scientific revolutions. Moscow, 2009. – 310 p.
3. Ivanov D.V. Paradigms of sociology. Omsk: OmsU Publishing House, 2005. – p. 5.
4. Khaliy I.A. Transformation of dominant social paradigms (experience of comparative analysis) / Center for the Study of General Problems of the Modern East of the IV RAS URL: <http://www.vostokoved.ru/Социоестественная-история/haliy.html>
5. Platonova S.I. Science, paradigm, theory in social knowledge // Discussion. 2014. No. 3 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-paradigma-teoriya-v-sotsialnom-znanii> (accessed: 31.07.2020)
6. Toshchenko Zh.T. Paradigms as methodological strategies in sociology // Humanities of the South of Russia. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy-kak-metodologicheskie-strategii-v-sotsiologii> (accessed: 30.07.2020)
7. Markin A.V. Manipulation of consciousness in the conditions of modern information space // Scientific Bulletin of YUIM. 2017. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-soznamiem-v-usloviyah-sovremennoogo-informatsionnogo-prostranstva> (accessed: 31.07.2020).
8. Kravchenko S.A. Sociological theory: the discourse of the future // Sociol. research. 2007. N 3., p. 9
9. Moreno J. Sociometry: An experimental method and the science of society. M., 1958. p. 58.
10. Levchenko I.E. The phenomenon of social death. I.E. Levchenko / Sociological research. 2001. No. 6. pp. 22–31
11. Kuznetsova Vera Vladimirovna The phenomenon of “social death” in sociometry Ya.L. Moreno // Scientific and Technical Bulletin of information technologies, mechanics and Optics. 2001. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-sotsialnoy-smerti-v-sotsiometrii-ya-l-moreno> (accessed: 03.08.2020)
12. Darendorf R. D. 20 Modern social conflict. An essay on the politics of freedom / Trans. from German-M.: “Russian political Encyclopedia” (ROSSPEN), 2002. – 288 p.
13. The Ministry of Foreign Affairs of J. From Gesture to Symbol / American Sociological Thought: Texts / Under V.I. Dobrenkov. –

M.: Publishing house of Moscow State University, 1994. – 496 p.

14. Shulga E. Symbolic interactionism and the problem of understanding // Philosophy of Science and Technology. 2012. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/symbolical-interactionism-and-the-problem-of-understanding> (accessed: 31.07.2020), p. 114
15. Mead G. Internalized Others and the Self // Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934. P. 144–145, 149–152. (Translated by A. Garaji) url <https://poisk-ru.ru/s10106t16.html>
16. Nikolaeva V. G. 97. 04. 041. J.G. Mfa. Mind, Self and Society (chapters from the book). G.H. Mead. Mind, self and society. – Chicago, 1934. – P. 135–144, 164–178, 192–200 // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11, Sociology: An abstract journal. 1997. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-041-dzh-g-midrazum-ya-i-obschestvo-glavy-iz-knigi-g-h-meid-mind-self-and-society-chicago-1934-p-135-144-164-178-192-200> (accessed: 01.08.2020), p. 168
17. Zhukova O.I. Philosophical and theoretical understanding of the problem of the self of the individual / Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2007. No. 12–1 (56). pp. 33–40.
18. Shaimardanov R.H. Social self / Bulletin of the Kazan State Pedagogical University. 2006. No. 1 (5). pp. 120–130.
19. Bloomer G. Collective behavior / American Sociological Thought: Texts / Under V.I. Dobrenkov. – M.: Publishing house of Moscow State University, 1994. – 496 p.
20. Gorbunova Marina Yuryevna Symbolic interactionism as a methodological basis for the study of emotions in sociology // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Sociology. Political science. 2011. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskij-interaktsionizm-kak-metodologicheskoe-osnovanie-issledovaniya-emotsiy-v-sotsiologii> (accessed: 31.07.2020).
21. Parsons T. The concept of society: components and their relationships // American sociological thought: [Texts: Translation / Comp. E.I. Kravchenko]; Under the general editorship of V.I. Dobrenkov. – M.: International. un-t of business and upr., 1996. – 556,[1]
22. Nosov Pavel Vladimirovich The correlation of the concepts of “Social role” and “Social action” // Sociology of power. 2009. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatij-sotsialnaya-rol-i-sotsialnoe-deystvie> (accessed: 31.07.2020),
23. Merton, P. Social theory and social structure / Robert Merton. – M.: ACT: ACT Moscow: Guardian, 2006–873, [7] p.

Социальная история окружающей среды и роль сортировщиков мусора в экономике замкнутого цикла

Ермолова Юлия Вячеславовна,

научный сотрудник, сектор исследования профессий и профессиональных групп, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
E-mail: mistelfrayard@mail.ru

Данная статья приводит социально-исторический обзор истории трансформации деятельности сортировщиков отходов, анализируется процесс создания цепочек обмена между государством и сортировщиками, изменение их статуса и степени автономии, которые определяются уровнем экологического контроля, требованиями социальных институтов. Социобиологическая роль сортировщика мусора становится все более острой в контексте глобального экологического неравенства на пути перехода к экономике замкнутого цикла. В разные периоды истории потребность государства и муниципалитетов в сортировщиках была разной, чем больше ценилось вторичное сырье в экологически-ориентированных культурах, тем больше степеней создавалось в иерархии сортировщиков мусора и степени их автономии, соответственно, тем больше было возможностей вернуть вторичные ресурсы в материальный поток. В условиях глобализации и технологического прогресса усложнились требования навыкам: если ранее статус и навыки могли передаваться по наследству или через группы, то сейчас формальные и неформальные группы сортировщиков отходов стоят перед необходимостью проходить обучение, позиционировать свою деятельности с точки зрения зеленых профессий.

С другой стороны, самозанятые сортировщики все чаще сталкивается с юридическими ограничениями в отношении своей деятельности, что является глобальной проблемой формирования их формального статуса поэтому важна либерализация экологических институтов по отношению внедрения сортировщиков отходов в формальный сектор экономики, так же острой проблемой остается бедность данной категории и повышения уровня охраны труда.

Ключевые слова: циркулярная экономика, зеленая экономика, социология профессий, антропология профессий, управление отходами, сортировщики отходов.

Garbage collectors consist 1–2% of the world's population [1], and their quantity continues to grow, it's due to process global urbanization effect in developing countries with increasing inequality, gentrification, and environmental modernization and gentrification. The wastepickers "gaining and retaining access to resources and opportunities, dealing with risk, negotiating social relationships and managing social networks and institutions within households, communities and the cities" [2]. The green economy becoming a the main program in solving social and economic problems of eco-modernization of countries in the context of pursuing the goals of sustainable development, which implies a transition to cyclical production and transformation of the labor market structure, that moves a marginal sector into a socially significant one. Stiglitz proves on numerous facts and examples that one of the negative aspects of globalization destroys industry, contributes to the growth of unemployment, poverty, slows down scientific and technological progress and aggravates the ecological catastrophe on the planet. This is due to the development of the international division of labor, when most of the harmful industries and waste are moved to less developed countries that are technologically unable to deal with environmental problems[3].

Resource- and carbon-intensive models of "development" of a linear economy with the growth of GDP and wages all over the world with a directly proportional increase in resource extraction and GHG emissions exacerbate social inequality. This is especially noticeable against the background of economic growth in Africa, the Asia-Pacific region and America (International Labor Organization)[4].

Now 175 countries are on a "slow growth" trajectory and only 25 countries are on a very "fast growth" trajectory. In the long term, those who fall less during crisis years and can keep GDP at a stable

level develop more intensively, while sharp jumps are more often associated with an increase in prices for their main resource, especially for countries with a commodity-export model of the economy, and over time the growth rate is falling again, it becomes necessary to create a sustainable resource conservation policy. In accordance with the Lipset development hypothesis, the transition to rapid growth occurs through economic growth, an increase in the level of education, professional skills and a convergence of the income level of various groups of the population, i.e., a decrease in various effects of social inequality. As a result, society begins to show demand for democratic political and social institutions and the modernization of the economy is consolidated.

The more the human potential of different population groups is realized in economy and the more contribution they can make through liberal supporting institutions, the closer their path to economic growth and sustainable development.

It is estimated that an increase in recycling sector by 1% leads to an increase in the number of jobs in a circular economy by 0.4%, with the majority of jobs concentrated in different stages of recycling, the main part of these jobs from the developing countries. The success of green jobs depends from the size of the workforce, the number of jobs created locally and the level of development of a particular economic region, all of which play a role in whether the measures how the circular economy will lead to a local multiplier effect of the economy. The social aspects of the program for the introduction of waste have not yet been developed, on the one hand, because in the global community there are cultural and political differences of the effectiveness of their work and their civic self-identification, different degrees of effectiveness of local social institutions in places that control the work of waste collectors[5], [6].

Conceptual Frames and waste pickers social history

From the modern sociological perspective wastepickers was the subject of sociology

of social movements, environmental sociology, political economy, green and sustainable economy, informal economy, urban and social anthropology, sustainability studies, participatory and societal governance, environmental modernization theories, urban and social geography, gender, inclusive and inequality sociology.

In sociobiological studies, the specialization of the waste collector is reduced to the function of the decomposer, which determines its lower social hierarchy. Waste collectors get lower quality resources for life support, unfavorable environmental conditions in both pre-industrial and post-industrial communities. Gathering (both food items and waste) becomes the main strategy of behavior. It performs the public ecological function of purifying and extending the product life cycle, maintaining an ecological balance[7].

The problem of studying waste collectors in sociology involves the appeal to the concepts of social differentiation and exclusion. A socially oriented approach is based on solidarity and the returning of waste collectors to the formal sector of the economy, where the interests of exclusive entities are considered at first time. Institutional rules for the regulation of waste collectors amplify their role in their economic impact D. Nort)[8]. Environmental inequality and environmental injustice are considered by D. Pellow [9], the uneven distribution of environmental risks and benefits depending on the level of social and economic status of citizens in favor of the wealthier. The problem of garbage collectors can be reduced to two main areas of research in the sociology of professions.

First, from the point of view of procedural approaches in sociology and anthropology of professions: considered as significant socio-ecological practices in the anthropology of professions, the occupation, attitudes, ideology and behavior and self-identity of waste collectors allows them to be classified as an irreplaceable category employment in environmental institutions. The procedural approach involves many variations of the occupation – from self-employment without training, inherited forms of employment that can enter

the official labor market, group practices in communities, as well as modern forms of professions related to waste management, which require certification about education[10].

Secondly, it is important to highlight the functionalist direction, within the framework, where waste collectors are characterized as a social group, their path of professionalization, and the process of social adaptation, the function of the profession in society, institutionalization in the context of eco-modernization and the circular economy, the formation of a separate economic niche. To a greater extent, the functionalist approach corresponds to the macrolevel of the study of social reality. This approach includes:

- *taxonomic approach*, which is focused on considering the function of the profession, specialized knowledge and skills, values, codes of ethics, the degree of power distribution for decision-making in a particular issue. This approach has been tested in studies[11];
- *the theory of the professional project*; which examines allowing to consider waste collectors in terms of the degree of their professionalization. However, these directions are formed simultaneously and participate in the formation of the same professional field within the green professional market[12];
- *green economy and sustainable jobs frames* in the context of the concept of sustainable development. Let us recall the well-known concepts, developed, for example, by D. Bell or E. Toffler, as well as the assertion that “technological changes and environmental challenges entail socio-cultural changes, which bring new groups of necessary professionals to neutralize the negative human impact on the environment” or the theory of global professionalism, where communities encompass not individual countries, but entire regions and continents of the world, create oases of the local economy.

Global networks of garbage collectors as a social and professional group were investigated in Chengappa 2013; Kungskulniti 1991; Herrera 1995[13]. Re-

searchers had identified similar features: versatility in the function of waste collectors, a high risk-generating level, and different labor opportunities in professional development.

To describe the development trends of this employment niche, there was used functionalist and taxonomic approaches, where will be considered the stages of the formation of a professional niche of waste collectors, a change in the social function of occupations and the transition to a professional group in various social conditions. There are highlighted differences in labor forms of employment, hierarchy and institutional level of professional associations, which are described by the theory of professional project.

Stages of formation of a professional niche of waste collectors

1. *Ancient civilizations and the early Middle Ages: the origin of waste collection practices.* In ancient times, gathering was common among hominids as a practice to compensate for seasonal food shortages. Nomadic cultures did not feel the need to collect secondary materials; therefore, this practice appears only in sedentary cultures of the Neolithic and first urban settlements.

In the ancient period, cities of different continents developed polar strategies for waste management, which determined the role and function of the collector. M. Medina describes the situation of gatherers in the Minoan Troy, the Middle East and African settlements in 1200 BC. Collection and disposal of waste was not controlled by anyone, and collectors were a self-employed niche, choosing from them raw materials for their needs. A layer of land from the waste of citizens grew, and new residential areas were built on the remnants of previous waste, forming a single cultural layer, thanks to which we can today judge life in the Neolithic and Bronze Ages.

In the civilizations of the Mediterranean, the centers of which were Athens and Rome, as well as in Egypt in Africa, due to the rapid growth of cities, the authorities thought about the distribution and specialization of the responsibilities of people responsible for the cleanliness of the city

at the municipal level. In Athens, a decree was passed requiring garbage collectors to organize and separate collection of mixed waste. In ancient Rome, the authorities organized a detachment of “sanitary police”, which was responsible for waste disposal and street cleaning. These crops for that time had a developed waste management system comparing by nowaday's standards, capable of preventing excess pollution and creating a demand for collectors, saving resources.

However, in all of these cultures, waste collectors had a low status, or were completely marginalized, had little labor intrinsic value in comparison with self-employed collectors of the Minoan civilization[13].

In the countries of Asia, in ancient China, were valued organic raw materials, and rag-pickers collected paper, and was widespread the cooperation of scavengers with fertilizer producers. Japanese civilization stigmatized everything that came into contact with the dirt, the dead, and the waste was handled exclusively by the marginalized.

In the New World, the Mayan tribes together participated in the collection of waste and reused broken ceramics, building stones, jewelry, and scrap metal. Aztec scavengers remained highly respected, since they had access to resources and were considered secured, already at that time in the New World there was a separate collection of containers for storing different types of biological and non-biological waste, and an ecological culture was developed with a strict system of sanctions and rules, uncontrolled garbage dumping was prohibited and violations were subject to fines. The Environmental Social Institute was supported by officials in charge of waste collection control and collectors.

2. From the Middle Ages to the Renaissance – the flourishing of the refiner guilds. In medieval European cities, garbage was thrown directly onto the street. The municipality continued to involve the marginalized in its cleaning up – the old people, beggars, convicts and convicts, “all those souls soaked in mud, from which society rots”. The turning point in the culture of hygiene and the change in the policy of waste

disposal occurred together with the discovery of the bacterial nature of pollution after multiple pandemics and led to the creation of new requirements for the social institution of hygiene.

However, this division further contributed to differentiation. Social divisions appeared in “dirty, backward, poor”, and “clean, decent”. Along with the growth of the metallurgical industry, waste collection is becoming popular, and the number of people involved in growing. Special tools as carts and baskets appeared, in every residential building it was required to arrange premises for storing the garbage that residents, according to the established law, had to hand over, and not throw out on the street. Otherwise, the government imposed fines[14].

Crafts and guilds appear, which include waste collectors, thereby increasing their status to members of the local professional community, which became the part of the highly specialized guild from which they collect waste. The most common form of interaction was cooperation: waste collectors collaborated with farmers, creating a closed market for organic waste; a fabric market, where rags, rags, burial clothes, shoe soles were collected; scrap market, where waste collectors were included in the guild of engravers and metal traders.

Throughout the Middle Ages and modern times, textiles and paper were a particular deficit on all continents. Citizens saved the most of these materials, they were expensive, and it was more and more difficult to collect them. Therefore, the demand for the labor of collectors of such materials increased, and the more the demand for scarce raw materials grew, the more the status of collectors and recyclers of recyclable materials increased. Junkers were very popular as resellers, exempted from any taxes on the collection and transportation of recycled fabric and paper. In cities, waste collectors have a clear hierarchy:

- the bottom layer – a collector without a designated area of garbage, moving from place to place;
- “walker”, which differed from the lower layer in that it had tools suitable for

its activity – a basket, a lantern and a crook;

- “distributor” – the owner of sorting places that could be inherited, forming, for example, a dynasty of rag-pickers;
- the top of the pyramid – “craftsmen” – that is, the owners of recyclable materials warehouses who could hire workers.

In world trade and worldwide recycled sales flows, scavengers played a pivotal role in the production and recycling of paper, supplying rags to paper mills in the Middle East throughout the Middle Ages, Renaissance and early modern Europe and the Americas. But we must not forget that in the pursuit of profit and raw materials, they raided and plundered the treasures of world culture.

3. The period from the middle of the 19th century to the middle of the 20th century. Possession crimes have forced European cities to take action. In the 1700s in the European cities of England, France and Spain, laws were passed prohibiting rag-pickers from roaming the streets, citizens were ordered to give waste only to municipal employees. Since 1883, a separate collection was introduced for decaying substances, for paper and rags, for glass and other utensils. The institution of control and flow chains has become more complicated: from the structure of “man-garbage-city authorities”, a transition has taken place to a complicated system: “man-garbage-junk-man (rag-picker) –municipal government – private company working under a contract”. Waste collectors were repressed, forcing them to move outside the cities, and their contingent was renewed at the expense of outsiders.

Under pressure from the authorities, wastepickers gradually subsided – they had to integrate into the changed structure, hiring for official work. Industrialization, the first incinerators and automated waste collection are reducing the number of waste collectors. Lower-level rag-pickers compete with junk-sellers who provide their services with the services of “clean” skilled workers. However, with increasing demands on the quality of recycled mate-

rials, the labor of waste collectors is less valued[15].

4. The second half of the twentieth century and the present: global associations and professional growth. The problem of garbage is becoming global, and there are acute questions about its quantity and toxicity. The more the rate of mass production, based on complex materials, increases, the more waste is generated that does not decompose. There appeared new technologies as incineration plants, waste sorting and processing plants. However, only a quarter of the world's waste is recycled, which divides the recyclable materials market into two parts. A high-tech market is embedded in an economic system that can provide financial investment in a system for separate collection and recycling. It requires well-educated and skilled “green jobs” that reduce our footprint. This creates a separate social demand for training in green occupations in the production and processing industry[16]. Those countries that do not have the funds to create a collection and recycling market sector choose polygon technologies and incineration plants. Global processes of international trade can stimulate the development of the raw material sector of the economy based on the over-exploitation of raw material deposits for export. In this case, there are also competitive advantages associated with neglect of environmental costs. These phenomena gave rise to the concept of environmental dumping, which means the transfer of production from one country to another, where the current environmental requirements are less stringent. In countries where there are no real political opportunities to express the social and environmental demands of the population, and the ruling elites are linked by corporate and patronage relations with business structures, environmental policy becomes as “hostage” of the interests of those who advocate increasing the rate of economic profit. Moreover, in the countries with the greatest distribution of landfills, an informal waste collection market is developing, where the main factors are waste collectors who create their settlements near landfills.

The higher the rate of urbanization in history, the more the number of gatherers grew. The difference in waste management strategies and technological support for their utilization leads to an acute differentiation of the world division of labor into producing countries and utilizing countries, since part of the waste stream in non-utilized form settles in the first type of countries in the form of landfills where there are no recycling technologies. These are usually developing countries. They accept the waste streams of developed countries, and the social group of garbage collectors is growing again.

Modern forms of organizing wastepickers

The organization of the forms of activity of waste collectors in our time is different, it are:

1) *labor associations, cooperatives, federations and organizations and NGOs* with an official scheme and cultural ethics. In the 1980s appeared garbage collection organizations. According to the Global Alliance of Wastepickers, as of 2016, there were 30 associations and 20 million registered garbage collectors, taking into account local cooperatives. The most famous of them are located in Mexico, Central and South America, Asia (India, Philippines), Egypt. Associations as a form of employment or self-employment are most profitable both for workers and for the structures that employ them, because there is a high level of psychological mutual assistance and solidarity; families and dynasties are formed, there are professional norms of behavior, the rights of the organization are upheld. In the global alliance of waste collectors, declarations, charters and missions appear that ensure the inclusion of the population in separate collection, abandonment of incineration technologies, landfills, search for institutions for the exchange of knowledge, experience and technologies, ensure the protection of laws and public policies[17];

2) *the traditionally fixed stigma* in the social hierarchy – the castes of India, the Coptic settlement in Egypt;

3) *groups created due to anomie due to the division of customs*. So, in the city

of Manshiyat-Nasir there is a guild of Coptic Christians engaged in the collection and processing of garbage, the number of which is about 45 thousand people. They destroy about 85% of the garbage of citizens, leaving part for their own needs, and sending part for recycling;

4) *shadow illegal organization*. These include the Italian and Russian garbage mafias. They were formed due to the lack of an owner due to gaps in the law that gave rise to mafia private structures;

5) *self-employment* is inherent in China and Southeast Asia. There, the number of free garbage collectors is estimated at 3.5 million;

6) *situational crisis forms* of gathering are especially characteristic of periods of economic crises, embargoes and military conflicts, environmental disasters that deprive people of their livelihood, lead them to temporary gathering[18];

7) *representatives of the group of "green" professions*, the number of which is growing in the context of environmental ethics, corporate responsibility and in connection with the goals of sustainable development (the modern approach was formed by the UN, UNEP, the International Labor Organization (ILO) under the Green Jobs Program with a discussion of the problem of labor protection, justice, safety of work with waste).

The waste management and utilization program employs more than 500 thousand people in Brazil, 62,147 in South Africa, 400 to 500 thousand people in Bangladesh, about 600 thousand people in Asia. Of the 27 countries, about two-thirds have established platforms to predict skills needs and provide skill definitions in the professional market.

Each sector of the economy should include a waste management specialist. For agriculture, which requires the greatest pollution control, the market is estimated at 976 thousand jobs, 157 thousand jobs are allocated in the wood and paper industry, the water industry assumes the presence of 950 thousand corresponding jobs. Textiles (as a general market direction, not eco-textiles) are estimated at 49 thousand jobs, mainly related to ecosys-

tem services. Tourism assumes 37 thousand corresponding jobs. The African market as a whole can create 59% of all jobs in ecosystem services, the Asian and Pacific market is estimated at 47% of all jobs (in second place), only followed by the American (17%), European (16%) and Middle Eastern (15%) markets[19].

The new green labor market, according to the estimates of the International Labor Organization and the UN, could create about 18 million jobs in the entire world economy. The largest contribution to the change in the quality of the environment is made by the energy and transport sectors of the economy due to the more intense impact on climate change. Basically, the creation of jobs in this area means the redistribution of workers from the mining and processing sector to the industrial and household waste management sector. And such a redistribution, as well as an awareness of the importance of this type of activity, also means an increase in the social status of those engaged in this type of activity. Local and national authorities will need to establish solid waste management systems with rules and incentives to support responsible waste management companies. There can be distinguished the following main areas of the waste recycling profession:

- recycling: specialists in waste processing, their minimization, head of waste processing, ecologist, coordinator of municipal recycling, green chemistry;
- waste disposal at the landfill: the head of the public works service, the head of operations at the landfill, the head of the sanitary service, the engineer for working with hazardous waste, the coordinator of this type of waste, the operator of the landfill, the waste collector;
- communication, education and marketing: specialist in teaching modern types of waste management, public relations manager, environmental educator, software services specialist;
- industrial waste: manager of relevant processes, coordinator of available resources, executive director for industrial waste, chief specialist for special

waste collection, inspector of industrial waste. Russia is only planning a program to create “green jobs” under the new General Agreement for the period 2018–2020.

In cities with an already streamlined collection system, there are four groups of waste collectors:

- door-to-door wastepickers, independently serving individual households by agreement. They are both investing in individual transportation systems and looking for private companies that collect recyclable materials;
- street waste collectors;
- municipal waste collectors (common in Mexico, Colombia, Thailand and the Philippines);
- collectors of waste from landfills, operating in the shadow market and having the lowest status. People employed here, as a rule, live in landfills built from waste of building materials, on a dump or next to it (this type of activity is common in Manila, Mexico City, Cape Town, Bangalore, Guadelahara, Rio de Janeiro, Dar es Salaam, etc.).

WIEGO use other kind of classification from the view of involving waste pickers in the economy.

The unorganized or autonomous waste picker makes a living picking or buying recyclable materials on the streets and selling it to shops. These workers are alone and not connected to other waste pickers associations or cooperatives.

Organized waste pickers working with cooperatives and associations.

The waste picker with a contract working mainly in junk yards, land fills, or metallurgic or other kind of industrial sector, public municipal sector or in associations and cooperatives.

Informal activity ultimately determines the level of income, working conditions, and the social status of employed people. On the one hand, it is limited by municipal requirements, on the other hand, by its own motivation for continuing education. The informal market is vulnerable due to dependence on intermediate primary and secondary dealers, processors, brokers and wholesalers, which can al-

so include both formal and informal sectors. Thus, the recycling network takes the form of a hierarchy with varying degrees of involvement in the formal market and a complex system of interactions within the waste management institution. The economic success of a waste collector depends on the price of the recyclable material, on whether it is included in structures that reduce its vulnerability, on the need for a level of worker training, and on an agreement with local governments and / or the private sector.

Government waste management policies define the legal context in which both formal and informal waste collection markets operate, which affects the professional and labor status of the collector. There are three types of policies applied to informal gatherers: repressive, accompanied by expressions of "concern" by the authorities about inhuman and unhygienic working conditions (for example, in Colombia); dismissive of this type of activity for religious and moral-ethical reasons, which at the same time makes the work of collectors possible only in the field of corruption (bribes to officials) or with their support by certain political parties (for example, in Mexico City). And the last type is support within the framework of the eco-modernization policy. This strategy is emerging in liberal social institutions seeking to include all groups involved in the waste collection and recycling chain. Here, the most common form of public-private partnership, the support of trade unions (Brazil, Vietnam).

Conclusion

The transition to a circular economy requires coordinated global cooperation between countries, enterprises and workers. The interconnectedness of global supply chains means that consumption and production in one country includes materials and wastes used in other countries, which means that it expands global labor networks, can involve both formal and shadow or semi-formal markets. there are stable professional and craft communities engaged in the collection and processing of waste, regulated by the ethical and envi-

ronmental complex of sustainable development with the possibility of growth for waste collectors. Institutional analysis shows that liberal inclusive policies contribute to both status and skill development, and enhance the efficiency of waste collectors in collecting secondary raw materials. International organizations help developing countries move to more sustainable development models by providing financial and technological assistance, and their impact on the environmental policy environment is increasing, and the demand for sustainable management is growing. Along with the growing interest in environmental rights and interests in the public mind, the democratization of institutions will increase and this argues for the re-conceptualization of solid waste management systems that can integrate waste pickers as partners, building justice, providing inclusive and sustainable cities. The social history of wastepickers can show how possible to use social movement resource that can be transforming social policy, and how social resource can be environmental effective.

Литература

1. Global waste management outlook EU: UNEP, 2016.
2. Dias S. Wastepickers and cities// Environment & Urbanization Copyright. International Institute for Environment and Development (IIED). 2016. Pp. 1–16. DOI: 10.1177/0956247816657302
3. Stiglitz J. Globalization and its Discontents. London, 2002; Stiglitz J. Making Globalization Work. London, 2006.
4. International Labour Organization, 2018. World employment and social outlook 2018: Greening with jobs. Режим доступа: https://www.ilo.org/weso-greening/documents/WESO_Greening_EN_web2.pdf IISD.org 12 (дата обращения 29.09.2021)
5. Davies A. The geographies of garbage governance. British Aldershot: Ashgate, 2008.
6. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Crown Publishers (New York), 2012.

7. Berthier H.C. Garbage, work and society // Resources, Conservation and Recycling. 2003. Vol. 3. No. 39. Pp. 193–210.
8. Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики = Institutions, Institutional Change and Economic Performance (1990) – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
9. Pellow D. Garbage wars: the struggle for environmental justice in Chicago: MIT Press, 2002.
10. Hughes E.C. Careers // Qualitative Sociology. 1977. Vol. 20. No. 3. Pp. 389–397.
11. Carr-Saunders A.M., Wilson P.A. The Professions. Oxford: Clarendon Press, 1933.
12. Evetts J. Introduction: Trust and Professionalism: Challenges and Occupational Changes // Current Sociology. 2006. Vol. 54. No. 54. Pp. 515–531.
13. Medina M., Dows M. A short history of scavenging // Comparative Civilizations Review. 2002. No. 42. Pp. 23–42.
14. Сильги К. История мусора. От средних веков до наших дней. М.: Текст, 2011.
15. Ahmed A., Ali M. Partnerships for solid waste management in developing countries: Linking theories to realities // Habitat International. 2004. Vol. 3. No. 28. Pp. 467–479.
16. Ellen MacArthur Foundation & McKinsey. Growth within: A circular economy vision for a competitive Europe, 2015. Режим доступа: URL https://www.ellenmacarthurfoundation.org/assets/downloads/publications/EllenMacArthurFoundation_Growth-Within_July15.pdf(дата обращения 29.09.2021)
17. ISWA. Industry as a partner for sustainable development. ISWA's contribution to the World Summit on Sustainable Development. ISWA: UNEP, 2002.
18. Green Jobs for the Poor: A Public Employment Approach. 2009. UNDP.
19. World Economic Forum. Platform for Accelerating the Circular Economy, 2019. Режим доступа: URL <https://www.weforum.org/projects/circular-economy>(дата обращения 29.09.2021)

ENVIRONMENTAL SOCIAL HISTORY AND ROLE OF WASTEPICKERS OCCUPATION IN CIRCULAR ECONOMY

Ermolaeva Yu.V.

Federal center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of sciences

The article analyzes the history of the transformation of waste collectors' activities, the process creating a chains of exchange between the state and collectors, their status and autonomy, that completely depends from the institution of environmental control and the distribution of roles. The sociobiological role of the waste collector is becoming more and more acute in the context of global environmental inequality and on the path of the circular economy transition. In different periods of history, the need of the state and municipalities for collectors varied, the more valued secondary raw materials in ecological-oriented cultures, the more steps were created in the hierarchy of waste collectors with a free degree of activity and, accordingly, the more opportunities they have to return secondary resources to the material flow. Previously, their skills and status could be inherited without involving in the institution of education. In the twentieth century, environmental disasters are fueling the emergence of green professions of varying quality of skills, and the demand for them will grow. In other hands, self-employed collectors may face legal restrictions on their activities. Professional and craft communities engaged in the collection and processing of waste are being strengthened, the activities of which are regulated by an ethical and ecological complex of sustainable development with the possibility of growth.

Keywords: circular economy, green economy, sociology of professions, anthropology of professions, waste management, waste pickers.

References

1. Global waste management outlook EU: UN-EP, 2016.
2. Dias S. Wastepickers and cities // Environment & Urbanization Copyright. International Institute for Environment and Development (IIED). 2016. Pp. 1–16. DOI: 10.1177 / 0956247816657302

3. Stiglitz J. Globalization and its Discontents. London, 2002; Stiglitz J. Making Globalization Work. London, 2006.
4. International Labor Organization, 2018. World employment and social outlook 2018: Greening with jobs. Access mode: https://www.ilo.org/weso/greening/documents/WESO_Greening_EN_web2.pdf IISD.org 12 (date of access 09/29/2021)
5. Davies A. The geographies of garbage governance. British Aldershot: Ashgate, 2008.
6. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Crown Publishers (New York), 2012.
7. Berthier H.C. Garbage, work and society // Resources, Conservation and Recycling. 2003. Vol. 3. No. 39. Pp. 193–210.
8. North DK Institutions, Institutional Change and Economic Performance (1990) – M.: Fund of the economic book "Beginnings", 1997.
9. Pellow D. Garbage wars: the struggle for environmental justice in Chicago: MIT Press, 2002.
10. Hughes E.C. Careers // Qualitative Sociology. 1977. Vol. 20. No. 3. Pp. 389–397.
11. Carr-Saunders A.M., Wilson P.A. The Professions. Oxford: Clarendon Press, 1933.
12. Evetts J. Introduction: Trust and Professionalism: Challenges and Occupational Chang-
es // Current Sociology. 2006. Vol. 54. No. 54. Pp. 515–531.
13. Medina M., Dows M. A short history of scavenging // Comparative Civilizations Review. 2002. No. 42. Pp. 23–42.
14. Silgi K. History of garbage. From the Middle Ages to the present day. M.: Text, 2011.
15. Ahmed A., Ali M. Partnerships for solid waste management in developing countries: Linking theories to realities // Habitat International. 2004. Vol. 3. No. 28. Pp. 467–479.
16. Ellen MacArthur Foundation & McKinsey. Growth within: A circular economy vision for a competitive Europe, 2015. Available at: URL https://www.ellenmacarthurfoundation.org/assets/downloads/publications/Ellen-MacArthurFoundation_Growth-Within_July15.pdf (accessed 29.09.2021)
17. ISWA. Industry as a partner for sustainable development. ISWA's contribution to the World Summit on Sustainable Development. ISWA: UNEP, 2002.
18. Green Jobs for the Poor: A Public Employment Approach. 2009. UNDP.
19. World Economic Forum. Platform for Accelerating the Circular Economy, 2019. Access mode: URL <https://www.weforum.org/projects/circular-economy> (accessed 09/29/2021)

Оценка удовлетворенности студенческой жизнью будущих инженеров

Коган Евгения Александровна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры
«Социологии, психологии и социального
менеджмента» Московского авиационного
института (НИУ)
E-mail: kogan2502@yandex.ru

В статье рассматривается удовлетворенность студентов технических вузов студенческой жизнью, которая включает в себя не только учебный процесс, но и взаимодействие с преподавателями и однокурсниками, а также внеучебную деятельность. Исследование показало, что большая часть опрошенных студентов МАИ и МАДИ в целом довольны студенческой жизнью. В наибольшей степени их устраивает внеучебная деятельность (культурные, спортивные, научные мероприятия). Самые низкие показатели удовлетворенности были выявлены по отношению к организации учебного процесса и содержанию программ обучения. Студенты хотели бы, чтобы в учебном процессе делался больший акцент на практически значимых моментах для дальнейшей профессиональной деятельности, расписание было более удобным, а преподаватели относились к ним как к равноправным участникам образовательного процесса.

Ключевые слова: студенческая жизнь, мотивация получения высшего образования, будущие инженеры, удовлетворенность, учебный процесс, внеучебная деятельность.

Введение

В последние десятилетия система высшего образования во многом стала ориентирована на студента. Он рассматривается уже не как стоящий ниже рангом участник образовательного процесса, а как получатель образовательных услуг [9, с. 91]. В условиях развития платного образования вузы стали зависимы от абитуриентов и в дальнейшем от студентов. Если раньше конкуренция была между абитуриентами за место в университете, то теперь за будущих студентов борются вузы, а иногда факультеты и кафедры.

В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы удовлетворенности студентов качеством студенческой жизни, которая включает в себя не только учебный процесс, но и внеучебную деятельность, а также отношения с преподавателями и однокурсниками.

По мнению исследователей, удовлетворенность студентов образовательным процессом во многом зависит от технической оснащенности учебного процесса и применения интерактивных форм обучения [1].

Одним из показателей качества студенческой жизни является налаженность взаимодействия между студентами и преподавателями [7, с. 220]. Особое внимание уделяется внеаудиторному общению с преподавателями, в процессе которого формируется позитивное межличностное взаимодействие. Курьян М.Л. и Воронина Е.А. отмечают, что «качественное внеаудиторное общение студентов и преподавателей вузов позволило бы создать по-настоящему интерактивную коммуникативную среду в вузе, реализовать индивидуальный подход к участникам образовательного процесса, способствовать гармонизации отношений и развитию академической и корпоративной культуры вуза» [7, с. 231].

Анализу качества удовлетворенности университетской жизни посвящено исследование Нефедовой А.И., которое позволило выявить зависимость между удовлетворенностью образовательным процессом и внеучебной деятельностью [9, с. 95].

Удовлетворенность внеучебной деятельностью рассматривается в работах Грибановой В.А.[2], Гущина А.В.[3], Ивановой Г.П.[4] и других российских ученых.

Большое значение имеют также межличностные отношения, которые складываются в студенческом коллективе. Изучению социально-психологического климата в студенческих группах посвящены работы Павловой О.В. [10], Манаковой М.В. [8] и других исследователей.

Для анализа удовлетворенности студенческой жизнью будущих инженеров автором было проведено исследование среди студентов технических вузов.

Методология исследования

Исследование было проведено в 2021 году методом анкетного опроса с помощью гугл-формы. Всего было опрошено 200 студентов, из них 120 (60%) обучаются в Московском авиационном институте (НИУ), 80 человек (40%) – в Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете.

В опросе приняли участие студенты 2–4-х курсов. Основная часть респондентов обучается на третьем курсе (40%), чуть меньше (35%) – на втором курсе, еще 25% – на 4-ом курсе. Среди опрошенных доля молодых людей составила 65%, девушек – 35%.

Результаты исследования и обсуждение

Несмотря на повышение популярности средних специальных заведений, опрос, проведенный среди студентов технических вузов, показал, что будущие инженеры по-прежнему ценят высшее образование. Почти половина опрошенных (48%) считают, что высшее образование – это минимум, который необходим, чтобы двигаться дальше. Около трети по-

сле окончания вуза рассчитывают получить престижную высокооплачиваемую работу. Этот мотив был доминирующим и в рамках других исследований, проведенных среди студенческой молодёжи [5]. 10% ориентированы, прежде всего, на приобретение новых знаний и умений. А 7% хотят получить самоуважение, более высокую самооценку.

Студенческие годы являются не только подготовкой к будущей профессиональной деятельности, в этот период происходит реализация и развитие личности студента в самых разных сферах, формируется круг общения, который может оставаться на долгие годы.

Поэтому важно выявить, как студенты воспринимают свою студенческую жизнь, в какой мере они ею удовлетворены и что хотели бы изменить.

В ходе исследования выяснилось, что студенты идут в институт или подключаются к онлайн-занятиям чаще всего в хорошем (34,7%) или нейтральном расположении духа (30%). Настроение бывает различным у каждого четвертого студента, независимо от вуза. Лишь незначительная часть студентов (10,3%) идет на занятия с плохим настроем. Это говорит о том, что студенты чаще всего ощущают себя в институтской среде достаточно комфортно.

Очевидно, что настроение, с которым студент идет в вуз, чаще всего связано с отношениями в коллективе, чувством принадлежности к нему, удовлетворенностью общением с однокурсниками.

Исследование показало, что треть студентов чувствуют свою принадлежность к коллективу группы, курса. Более половины опрошенных отметили, что ощущают причастность к коллективу лишь в некоторой степени. А каждый десятый студент не чувствует к нему своей принадлежности либо считает, что его вовсе не существует.

Подобная тенденция наблюдается и с удовлетворенностью общением в студенческом коллективе. Лишь 3% студентов (6 человек) отметили, что общение с однокурсниками их абсолютно не удовлетворяет и еще 10% скорее

не удовлетворены им. Остальные полностью (35%) и скорее (52%) довольны взаимодействием с однокурсниками.

Вероятно, что наличие или отсутствие коллектива и удовлетворенность/неудовлетворенность взаимоотношениями в нем – не единственные причины настроения студентов. Поэтому важно понять отношение респондентов к другим сторонам студенческой жизни.

Опрос показал, что полностью удовлетворены институтской жизнью в целом только четверть опрошенных, еще 30% скорее довольны ею, совсем не устраивает она 15% опрошенных.

Что касается отдельных аспектов студенческой жизни, то самые низкие показатели удовлетворенности были получены при оценке организации учебного процесса и содержания программ обучения (доля негативных оценок составили 50% и 45%) (Таблица 1). Самый высокий уровень удовлетворенности характерен для внеучебной деятельности (доля положительных оценок 75%). Взаимодействием с преподавателями довольны более половины опрошенных, доля отрицательных оценок составила 43%.

Таблица 1. Удовлетворенность студентов различными аспектами студенческой жизни

	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Совсем не удовлетворен	Всего
Содержание программ	17	38	30	15	100
Организация учебного процесса	15	35	28	22	100
Взаимодействие с преподавателями	20	37	25	18	100
Внеклассическая деятельность	35	40	18	7	100

Дифференциация по вузам не представлена, так как разница в оценках студентов оказалась несущественной.

Для того, чтобы выяснить, чем в наибольшей степени не удовлетворены будущие инженеры, и что они хотели бы изменить, был задан открытый вопрос, который позволил выявить полный спектр мнений по данному аспекту. Большая часть претензий и предложений касалась организации учебного процесса в вузах.

Студенты обращали внимание на неактуальность и бесполезность некоторых предметов и отмечали необходимость сделать программу обучения более современной, увеличить вовлеченность студентов в науку. Респонденты предлагали добавить предметы по специальности, сделать акцент на практически-значимых моментах, диверсифицировать учебные дисциплины с последующей пользой для профессиональной деятельности.

«По некоторым дисциплинам нам дают устаревшие знания или просто те, которые нигде не пригодятся» (Респондент 1).

Также были высказаны претензии к учебному процессу в целом: к системе оценивания, неудобству в расписании и самой организации учебного процесса в смешанном формате.

В ходе исследования были выявлены предпочтения студентов в сторону очного формата обучения, подчеркивая, что в рамках дистанционного образования им не хватает реального общения, как со своими однокурсниками, так и с преподавателями.

Студенты технических вузов ожидают индивидуального подхода от преподавателей, хотят получить свободу выбора, уважение и отношение к себе как к равноправному участнику образовательного процесса.

«Хороший преподаватель уважительно относится к студентам, не уни-

жает их, не показывает своего превосходства, может найти подход к каждому студенту...» (Респондент 2).

Что касается внеучебной деятельности, то она достаточно разнообразна и насыщена.

«В МАИ есть множество возможностей для реализации студентов: спортивные секции, волонтерский центр, студенческий театр, студии танцев и даже команда КВН» (Респондент 3).

Тем не менее, были высказаны пожелания об оперативном получении информации о внеучебных мероприятиях. Многие также отмечали, что им не хватает времени, чтобы активно участвовать в культурной и спортивной жизни института, так как приходится совмещать учебу с работой.

В рамках исследования выяснилось, что некоторые студенты заинтересованы активнее участвовать в научных мероприятиях, как внутри институтов, так и за их пределами. Это подтверждается и в опросе, проведенном в МАИ в 2019 году: интерес к научно-исследовательской деятельности проявили 54% респондентов, но регулярно занимаются ею только 14% [6, с. 181].

Заключение

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что большинство участников опроса достаточно позитивно оценивают свою студенческую жизнь. Тем не менее, будущие инженеры хотели бы увидеть изменения в программах обучения и организации учебного процесса, а также взаимодействии с преподавателями.

Литература

1. Белононжко М. Л., Силин А.Н., Фролов С.Ю. Качество образования и удовлетворенность процессом обучения в вузах нефтегазового профиля// Управление. 2015. № 4 (10). С. 84–89.
2. Грибанова В.А. Исследование активности студенческой молодежи во внеучебной деятельности педагогического вуза// Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 152–154.
3. Гущин А.В., Кутепова Л.И., Кочетова Н.А. Возможности информационных технологий в организации внеучебной деятельности студентов вуза// Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59–3. С. 238–241.
4. Иванова Г.П., Логвинова О.К. Внеклассовая деятельность современного вуза в контексте социально-педагогического подхода// Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 3. С. 21–25.
5. Коган Е.А. Успешная карьера в представлениях студенческой молодёжи// Социология образования. 2017. № 3. С. 109–116.
6. Коган Е.А. Отношение студентов к научно-исследовательской работе // Человеческий капитал. 2020. № 8 (140). С. 179–187.
7. Курьян М.Л., Воронина Е.А. Общение студентов и преподавателей вне аудитории: теоретический обзор зарубежных исследований // Педагогика и психология образования. 2020. № 1. С. 219–237.
8. Манакова М.В. Эмпирическое исследование социально-психологического климата в студенческой группе // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67–4. С. 406–412.
9. Нефедова А.И. «Качество университетской жизни»: пример адаптации методики в российском университете//Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 91–98.
10. Павлова О.В. Структура значимых межличностных отношений студентов вуза//Ученые записки СПбГМУ им. И.П. Павлова. 2011. Том XVIII. № 1. С. 40–43.

ASSESSMENT OF STUDENT LIFE SATISFACTION OF FUTURE ENGINEERS

Kogan E.A.
Moscow Aviation Institute (NIU)

The article examines the satisfaction of students of technical universities with student life, which includes not only the educational process, but also interaction with teachers and classmates, as well as extracurricular activities. The study showed that most of the interviewed MAI and MADI students are generally satisfied with student life. They are most satisfied with extracurricular activities (cultural, sports, scientific events). The lowest satisfaction rates were found in relation to the organization of the educational process and the content of training programs. Students would like the educational process to focus more on practically significant points for further professional activity, the schedule was more convenient, and teachers treated them as equal participants in the educational process.

Keywords: student life, motivation for higher education, future engineers, satisfaction, educational process, extracurricular activities.

References

1. Belonozhko M. L., Silin A.N., Frolov S. Yu. The quality of education and satisfaction with the learning process in oil and gas profile universities// Management. 2015. No. 4 (10). pp. 84–89.
2. Gribanova V.A. Research of student youth activity in extracurricular activities of a pedagogical university// Theory and practice of social development. 2013. No. 1. pp. 152–154.
3. Gushchin A.V., Kutepova L.I., Kochetova N.A. Possibilities of information technologies in the organization of extracurricular activities of university students// Problems of modern pedagogical education. 2018. No. 59–3. pp. 238–241.
4. Ivanova G.P., Logvinova O.K. Extracurricular activities of a modern university in the context of a socio-pedagogical approach// Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2017. No. 3. pp. 21–25.
5. Kogan E.A. Successful career in the representations of student youth// Sociology of Education. 2017. No. 3. pp. 109–116.
6. Kogan E.A. The attitude of students to research work // Human capital. 2020. No. 8 (140). pp. 179–187.
7. Kuryan M.L., Voronina E.A. Communication of students and teachers outside the classroom: a theoretical review of foreign studies // Pedagogy and psychology of education. 2020. No. 1. pp. 219–237.
8. Manakova M.V. Empirical study of the socio-psychological climate in a student group // Problems of modern pedagogical education. 2020. No. 67–4. pp. 406–412.
9. Nefedova A.I. "The quality of university life": an example of the adaptation of the methodology in a Russian university//Higher education in Russia. 2016. No. 4. pp. 91–98.
10. Pavlova O.V. Structure of significant interpersonal relationships of university students//Scientific notes of St. Petersburg State Medical University named after I.P. Pavlov. 2011. Vol. XVIII. No. 1. pp. 40–43.

Социологический анализ восприятия пандемии COVID-19 среди получателей социальных услуг

Мецлер Андрей Владимирович,
соискатель кафедры теории и истории социологии,
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
E-mail: avmetsler@mail.ru

Ряд радикальных социальных изменений, запущенных распространением COVID-19 коренным образом изменили жизненный уклад жителей крупных городов России, в особенности затронув быт и жизнь горожан старшего поколения. На этом фоне особой группой выступают москвичи, проживающие в стационарных учреждениях социальной защиты. В статье приводятся результаты, полученные при исследовании восприятия пандемии в среде москвичей, постоянно проживающих в ГБУ Геронтологический центр «Тёплый Стан». В ходе исследования затрагивались вопросы, связанные с ретроспективным восприятием уровня личной опасности, а также угрозы для родных и близких. В качестве инструмента анализа был использован анкетный опрос генеральной совокупности получателей социальных услуг старше 70 лет. ВВ заключении работы выявлены особенности восприятия сложившейся ситуации именно в этой среде.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, пандемия, коронавирус, пандемия COVID-19, личная безопасность, страхи.

Пандемия коронавирусной инфекции, вызванная COVID-19 повлияла на многие сферы жизни современного человека. В первую очередь среди них стоит выделить здравоохранение, экономику, образование, социальное обслуживание. По заявлениюм эпидемиологов в зоне особого риска тяжёлого течения заболевания оказались люди пожилого возраста, а также страдающие хроническими заболеваниями. Начало распространения инфекции в России было связано с «зарубежными случаями», и Москва первой оказалась в «зоне риска» [1, с. 138–143]. Как реакция на растущее количество заражений Правительством Москвы были приняты ряд нормативных актов, которые были призваны ограничить межличностные контакты – основную причину распространения заболевания. Данные акты затронули и москвичей, проживающих в стационарных учреждениях социальной защиты населения города. В частности, в учреждениях предназначенных для проживания пожилых людей и инвалидов старше 18 лет, утративших возможность к самообслуживанию, итеративно вводились ограничения, связанные с передвижением получателей социальных услуг, а также межличностным общением [2, с. 274–279].

Все это, наряду с информационным сопровождением пандемии в основных СМИ явилось серьезными факторами формирования восприятия пандемии в среде пожилых людей, проживающих в стационарных учреждениях социальной защиты. Цель данного исследования оценить особенности восприятия пандемии в среде людей наиболее восприимчивых к заболеванию, а также склонных к тяжелому течению и постковидным осложнениям. Для этого сотрудниками Геронтологического центра «Тёплый Стан» был организован и проведен опрос получателей социальных услуг. Опрос проводился в сентябре

2021 года на генеральной совокупности потребителей услуг центра, охват составил 377 респондентов. Половозрастное распределение респондентов соответствовало следующим показателям: 66% женщин, из них: старше 90 лет – 23%, от 80 до 90 – 28%, от 70 до 80 – 12% и мужчины старше 90 лет – 8%, а также в возрасте от 80 до 90 – 15%, от 70 до 80 – 11%. Большая часть респондентов в годы профессиональной активности имели рабочие и инженерные

специальности, по уровню образования выделилось три основных группы: высшее – 43%, среднее – 45%, начальное – 12%. Так же важно учесть, что только 9% из опрошенных официально не имеют родных и являются одинокими. В оценке полученных результатов важно учитывать, что на время проведения опроса 95% респондентов были вакцинированы от коронавирусной инфекции (рисунок 1).

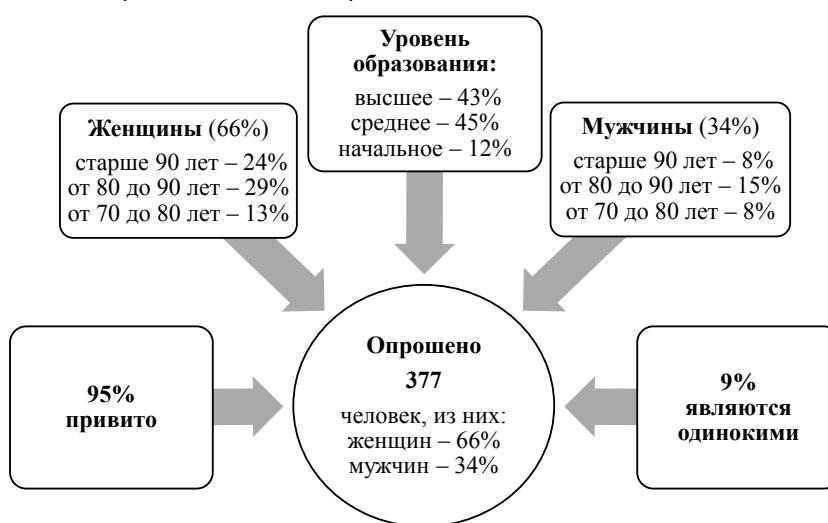

Рис. 1. Состав респондентов, участвующих в опросе о восприятии пандемии COVID-19

Обращаясь к анализу именно этой части общества, автор старался исходить из позиций контактной межличностной среды, что позволит понять сознание и поведение людей при выполнении ими ролей гражданина [3, с. 245–251]

Восприятие риска заразится и стать «скрытым носителем» заболевания. На момент проведения опроса большая часть опрошенных (71%) оценивали возможность заболеть как незначительный. В тоже время 25% респондентов считали, что несмотря на все принятые меры, они все же могут заразиться, при этом о возможности тяжелого течения заболевания или последующих осложнений высказалось лишь 5% из опрошенных. Стать бессимптом-

ным переносчиком заболевания опасались 2% опрошенных.

Следует отметить, что наибольшее число из высказавших свои опасения быть зараженным (83%), а также все респонденты, опасающиеся тяжелого течения и последующих осложнений, были представителями наиболее возрастных групп респондентов, к ним отнесены женщины от 80 лет и старше, а также мужчины старше 90 лет. Вместе с тем дальнейший анализ ответов показывает, что большая часть людей, считающих возможность заболеть незначительной (92%) связывают это со сделанной прививкой и соблюдением санитарно-эпидемиологических требований (масочный режим, мытье рук, проветривание и обработка помеще-

ний), особенно убеждены в действенности прививки мужчины. Так же есть незначительная группа людей, который убеждены в действенности собственных методов борьбы с инфекцией, например, употребление большого количества настоя ромашки или ежедневное выполнение определенной дыхательной гимнастики и тому подобное. Так же в выборке встречались респонденты не верящие в существование заболевания или его опасность.

Ретроспективная оценка восприятия угрозы заболеть. Вспоминая период с марта по сентябрь 2020 года, когда прививка находилась в стадии разработки, а количество заболевших в Москве 6,5 тысяч человек в сутки [4]. Больше половины (53%) опрошенных вспоминают чувство страха перед опасностью заболеть, несмотря на всю серьезность мер, принимаемых для недопущения распространения коронавирусной инфекции и только 10% респондентов заявляют об отсутствии какого бы то ни было страха в этот период, ссылаясь на крепость своего иммунитета и собственных методах его поддержания. Еще 27% опрошенных высказали свою уверенность в эффективности мер, принимаемых для ограничения распространения инфекции и поэтому они не испытывали страха перед угрозой заболевания даже в тот период. Так же около 2% респондентов утверждают об отсутствии опасности данного заболевания, ссылаясь на искажение информации и еще 8% говорят, что испытывали чувство страха, только в самые первые дни, но достаточно быстро смогли с ним справиться.

Чувство страха за родных и близких. Согласно данным анкет большая часть (90%) опрашиваемых имеет родственников или близких людей, с которыми они поддерживают связь. География проживания родных и близких людей весьма обширна и включает наиболее популярные направления миграции наших соотечественников в 90-е годы, а также страны СНГ и Украины. Так среди родных и близких есть люди, проживающие в разных регионах Российской

Федерации, США, Германии, Израиле и прибалтийских государствах. Каждая из перечисленных стран имеет свой опыт борьбы с распространением инфекции, организации информирования населения и работой в медиапространстве в целом. В этой связи автором выдвигалась гипотеза об определенном влиянии данных людей на восприятие ситуации пандемии непосредственно получателями социальных услуг. Однако, в ходе исследования найти какую-либо связь между странами проживания родных и близких людей и восприятием пандемии не удалось.

Говоря о чувстве страха испытываемое за родных и близких в настоящее время только 11% опрошенных, считают, что пандемия коронавируса угрожает жизни или здоровью их родных и близких. Важно заметить, что почти все (89%) эти родственники профессионально связаны с медициной, они и работали или продолжают работать в так называемых «красных зонах». Так же важно, что согласно данным опроса абсолютно все родственники и близкие люди в настоящее время привиты от коронавирусной инфекции.

Ретроспективный анализ чувства страха за родных и близких. Подавляющее большинство опрошенных (74%), которые имеют родственников или близких людей вспоминают о высоком уровне тревоги и страха за жизнь и здоровье близких с марта по август 2020 года. Данная цифра становится более информативна, если добавить, что 9% среди респондентов являются одинокими. Дополнительно нужно подчеркнуть, в ходе анкетирования выяснилось, что порядка 35% опрашиваемых находятся в конфликте с родственниками. Данные о восприятии описанных угроз наглядно отражены на рисунке 2

Восприятие необходимости введения ограничений передвижения, изоляции, ношения масок и других противоэпидемиологических мероприятий. В ходе опроса 38% респондентов признались, что не всегда соблюдают все требования противоэпи-

демиологического характера, считая их излишними или малоэффективными. Ещё 15% высказали свое сомнение относительно эффективности предлагаемых мер по сдерживанию заболевания, считая действительно работающим механизмом только прививку или естественную выработку антител в процессе болезни. Только 7% из опрошенных заявили о полном неприятии масочного режима, как средства борьбы с вирус-

ной инфекцией. И значительное количество 53% связывают свою безопасность и комфорт с полным соблюдением всех противоэпидемиологических требований, озвученных медицинским сообществом. Ретроспективный анализ показал устойчивость имеющихся паттернов исключая период начала их формирования, который можно отнести к самым первым этапам распространения заболевания.

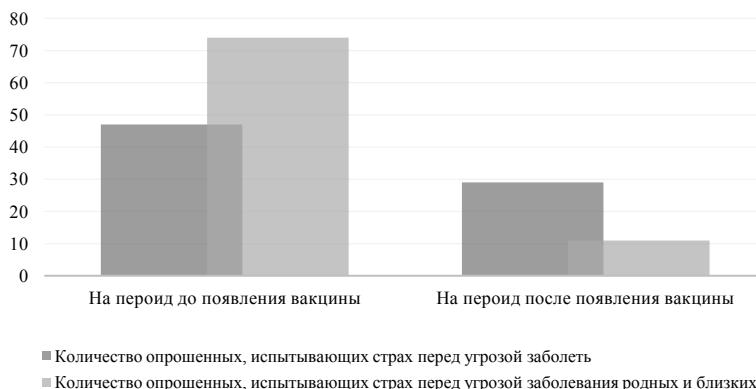

Рис. 2. Данные о восприятии угроз до и после вакцинации

Восприятие изменений образа жизни. На вопросы, связанные с переменами в жизни 97% респондентов, заметило, что серьезной проблемой стала организация собственного досуга. Данные ответы объясняются действующими ограничениями на различные культурно-массовые мероприятия, возможность выйти в город, а также пригласить к себе в гости родных и близких без прививки или отрицательного ПЦР анализа сроком не более трех дней давности. Важно заметить, что при уточнении, 69% опрошенных полностью и ещё 30% частично поддерживают необходимость таких мер обеспечения безопасности для сохранения нулевого уровня заболеваемости на территории учреждения. Так же все респонденты сообщают о временностии действующих ограничений и готовности отложить свои нужды в социальных контактах до исправления ситуации с распространением инфекции.

Обобщение результатов. Подводя итог и обобщая результаты проведен-

ного исследования следует заметить, восприятие пандемии COVID-19 существенно повлияло на принятие радикальных социальных изменений, которые претерпевают пожилые москвичи, проживающие в условиях стационарных учреждений социальной защиты. Выявлен ряд особенностей этого восприятия:

- В исследуемой выборке обнаружена незначительная группа людей, чьё восприятие коронавирусной инфекции основано на отрицании официальной информации от медицинского сообщества из СМИ.
- В настоящее время большинство получателей социальных услуг не считают возможность заразиться коронавирусной инфекцией реальной. Принимаемые санитарно-эпидемиологические меры воспринимаются как достаточные, а некоторые излишние. Однако такое спокойствие связано с практически 100%-ной вакцинацией получателей

социальных услуг на фоне усиленного социального, психологического, бытового и медицинского обслуживания, которое предоставляется в стационарных учреждениях социальной защиты города Москвы.

- До начала вакцинации инфекция воспринималась в качестве серьезной опасности для здоровья среди получателей социальных услуг, а также для близких и родных опрошенных.
- Такое же спокойствие, связанное с эффективностью вакцинации, отмечается и в отношении восприятия опасности, угрожающей родным и близким, за исключением случаев, когда в силу профессиональных особенностей они находятся в тесном контакте с инфекцией, подвергаясь критическим инфекционным нагрузкам.
- Ограничения достаточно радикально изменили жизнь получателей социальных услуг, однако, у большинства опрошенных их соблюдение не вызывает сомнения. При этом респонденты имели попустительское отношение к полному соблюдению всех противоэпидемиологических требований (ношение масок, проветривание и обработка помещений, ограничения на выход в город, снижение количества социальных контактов и соблюдение социальной дистанции 1,5 м).
- Среди всех мер защиты отдельным выделяется вакцинация, безоговорочная необходимость которой подтверждают практически все опрошенные. Прививка воспринимается как наиболее эффективная мера борьбы с инфекцией, которая необходима для возврата к «обычной» жизни.
- Существенные противоэпидемиологические ограничения выступили драйвером сплочения получателей социальных услуг. Преодоление этих ограничений видится следствием напряженной эпидемиологической обстановки и целью, объединяющей получателей социальных услуг.

Таким образом можно констатировать, что пандемия COVID-19 стала серьезным фактором изменения социальной реальности и её восприятия среди москвичей, проживающих в стационарных учреждениях социальной защиты населения города Москвы. Данные исследования полностью подтверждают мнения других экспертов о многоаспектности и разнонаправленности её влияния на общественную жизнь [5]. В частности, следует заметить, что в исследуемой группе значительно увеличилась интернет-активность, особенно, общение посредством онлайн видеозвонков и организации досуга с помощью, например, очков виртуальной реальности. Но одним из важнейших выводов именно этого исследования автор находит в том, что на сегодня страх заболевания не относится к основным факторам влияния пандемии на восприятие получателей социальных услуг. Пандемия и её последствия в виде санитарно-эпидемиологических ограничений в описанной среде выступают фактором объединения. Среди различных особенностей заболевания, которые были восприняты получателями социальных услуг практически полностью отсутствует фокус на возможности скрытого распространения инфекции за счет «бессимптомных переносчиков».

Литература

1. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы / А.В. Решетников, Н.В. Присяжная, С.В. Павлов, Н.Ю. Вяткина // Социологические исследования. – 2020. – № 7. – С. 138–143. – DOI 10.31857/S013216250009481–2.
2. Мецлер, А.В. Влияние социальных факторов на структуру ценностей получателей социальных услуг / А.В. Мецлер // Социология. – 2020. – № 3. – С. 274–279.
3. Тощенко, Ж.Т. Будущее публичной и приватной жизни (опыт социологического измерения) / Ж.Т. Тощенко // Научные труды Вольного экономического общества России. –

2021. – Т. 230. – № 4. – С. 245–251. – DOI 10.38197/2072–2060–2021–230–4–245–251.

4. Yandex DataLens. Коронавирус: дашборд: [сайт]. URL: https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=X1&utm_source=cbmain&state=a4c0f6ba136 (дата обращения: 10.10.2021).
5. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / А.В. Торкунов, С.В. Рязанцев, В.К. Левашов [и др.]; Под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 248 с. – ISBN 9785756711394. – DOI 10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE PERCEPTION OF THE COVID-19 PANDEMIC AMONG THE RECIPIENTS OF SOCIAL SERVICES

Metsler A.V.

Russian State University for the Humanities

A number of radical social changes triggered by the spread of COVID-19 have radically changed the way of life of residents of large cities in Russia, in particular affecting the way of life of the older generation of townspeople. Against this background, a special group are Muscovites living in stationary institutions of social protection. The article presents the results obtained in the study of the perception of the pandemic among Muscovites permanently living in the State Budgetary Institution of Gerontological Center "Tyoply Stan". The study raised issues related to the retrospective perception of the level of personal danger, as well as the threat to relatives and

friends. A questionnaire survey of the general population of recipients of social services over 70 years old was used as an analysis tool. In the conclusion of the work, the peculiarities of the perception of the current situation in this particular environment were revealed.

Keywords: pandemic, COVID-19, coronavirus, pandemic COVID-19, personal safety, fears.

References

1. Perception of the COVID-19 pandemic by the residents of Moscow / A.V. Reshetnikov, N.V. Prisyazhnaya, S.V. Pavlov, N. Yu. Vyatkina // Sociological research. – 2020. – No. 7. – P. 138–143. – DOI 10.31857 / S013216250009481–2.
2. Metsler, A.V. The influence of social factors on structure of values of recipients of social services / A.V. Metsler // Sociology. – 2020. – No. 3. – P. 274–279.
3. Toshchenko, Zh.T. The future of public and private life (the experience of sociological dimension) / Zh.T. Toshchenko // Scientific works of Volnii Economic Society of Russia. – 2021. – Т. 230. – №. 4. – С. 245–251. – DOI 10.38197 / 2072–2060–2021–230–4–245–251.
4. Yandex DataLens. Coronavirus: dashboard: [website]. Url: https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=X1&utm_source=cbmain&state=a4c0f6ba136 (date accessed: 10.10.2021)
5. Pandemic COVID-19: Challenges, Consequences, Counteraction / A.V. Torkunov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov [and others]; Ed. A.V. Torkunov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov. – Moscow: Society with Limited Liability Publishing House "Aspect Press", 2021. – 248p. – ISBN 9785756711394. – DOI 10.19181 / monogr.978-5-7567-1139-4.2021.

Социальная структура занятости в условиях моногородов России

Пятшева Елена Николаевна,
старший преподаватель, кафедра финансов
и кредита, Российский государственный
гуманитарный университет
E-mail: elena.pyatshева@hotmail.com

Переход к рыночной экономике связан с изменениями в структуре трудовых отношений, сложившихся в России в советское время. Географо-экономические особенности развития и освоения территорий, многообразие целей и задач развития национальной экономики, реализовывались зачастую без учёта социальной структуры и особенностей населения этих территорий.

На этапе индустриального развития появился специфический вид городов – моногорода. Российские моногорода – это отражение дифференциации экономического развития с учётом спланированных акций государства по решению актуальных научных и производственных, в т.ч. военно-промышленных задач.

На начальном этапе развития советской экономики преобладала их сырьевая направленность, что выразилось в значительном росте моногородов и положительно сказывалось на экономическом освоении территории в российской глубинке, способствовало рациональному и эффективному использованию трудовых, природных, энергетических, финансовых ресурсов.

Сегодня, кризисные явления в экономике, а также в демографических и миграционных процессах, специфические особенности рынка труда и занятости населения, низкая трудовая мобильность имеют негативные последствия по всей стране, но особенно остро ощущаются в моногородах.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, трудовая мобильность, моногорода, монопсония, рынок труда.

Рынок труда в городах всегда представлял особый интерес для изучения различными учёными с позиции социально-экономического развития, данное исследование нашло отражение в трудах: А.И. Архиповой [1], Л.М. Бабенковой [2, с. 45–52], И.Н. Бигтагировой [3], Л.П. Владимировой [4], И.В. Гуськовой [5], Л.В. Здоровцовой [6], С.Н. Испуловой [7], М.Г. Хорунжи на [8]. А также с позиции общественных отношений рынок труда рассматривали: Ю.П. Кокин [1], А.В. Кашепов [9], А.С. Малчинов [9], С.С. Сулакшин [9], А.И. Рофе [10].

У рынка труда в моногородах есть своя отличительная особенность, скла- дывающаяся из монопсонической принадлежности отношений между основным работодателем в лице градообразующего предприятия и трудовыми ре- сурсами, регулирующим спрос на рабочую силу, социально-экономические условия жизни населения.

Специфическая направленность рынка труда в моногородах, представляет собой замкнутую структуру, где остро выделяется зависимость качества жизни населения и общественных отношений от потребностей и изменения рынка труда. Потребность в трудовых ресурсах моногородов находится в высокой зависимости от направления деятельности и возможностей дальнейшего развития градообразующих предприятий. Слабая экономическая составляющая градообразующего предприятия и их внешняя среда, дефицит и уз- копрофессиональная, неэффективная (ухудшающаяся со временем) направленность структуры трудовых ресурсов, низкий спрос и избыточные предложения, затяжная безработица – это ряд ха- рактерных особенностей, отличающих рынок труда моногородов от других го- родов России. Поэтому в моногородах рынок труда специализируется на удов- летворении узкоспециализированных

потребностей и спроса на трудовые ресурсы единственного монополиста – градообразующего предприятия.

Представляется особенно важным выделение содержательных признаков, характеризующих в моногородах рынки труда (табл. 1).

Таблица 1. Характерные признаки рынков труда в моногородах [11, с. 123–127]

№ п/п	Признак	Характерные черты
1	Уровень зависимости от градообразующей организации	Высокая зависимость трудовых ресурсов от градообразующего предприятия, являющегося монополистом на рынке труда, формирующего социально-экономической состояния моногорода
2	Монопсонические особенности	Трудовые ресурсы находятся в высокой зависимости от градообразующего предприятия, формирующего рынок монопсонии (несовершенной конкуренции), диктуя цены на труд
3	Уровень заработных плат	Оплата труда низкая, формируется исключительно работодателем-монополистом
4	Уровень спроса на трудовые ресурсы	Как правило, низкий уровень спроса, связанный с квалификационными особенностями производства на градообразующем предприятии, узкотехническая структура
5	Уровень занятости	Низкий уровень занятости, связанный с однородным профессиональным составом
6	Уровень трудовой мобильности	Низкая трудовая мобильность, связанная с отсутствием необходимости к повышению квалификации, получению новых профессий, смены жительства (в большинстве случаев от недостатка средств и возможностей)
7	Уровень спроса и предложения	В большинстве моногородов существует острый дисбаланс между спросом и предложением на рабочую силу, что негативно отражается на уровне безработице, коэффициенте напряженности на рынке труда
8	Уровень занятости населения	Низкий уровень занятости населения, свойственный моногородам, связанный со снижением трудоспособного населения и ростом социально незащищенных слоев

К особенностям размещения рынков труда в моногородах можно отнести

как качественные признаки – природно-географическое расположение, когда регионы и расположенные в них моногорода ориентированы на функциональность одного или нескольких гигантов (комплексов или градообразующих предприятий) в соответствии с отраслевой и территориальной принадлежностью, например, в Забайкальском крае – ПАО «Жирекенский ГОК», ООО «Жирекенский ферромолибденовый завод», ПАО «Забайкальский ГОК», ЗАО «Новоорловский ГОК», ООО «Сретенский судостроительный завод» (стоит отметить, что последние три градообразующих предприятия находились в стадии банкротства и/или ликвидации), а также степенью диверсификации функций и монопрофильностью, неразвитостью транспортной сети, железнодорожных дорог [12].

Так и количественные признаки, такие как – степень удаленности от крупных агломераций, например, к числу удаленных можно отнести – Магнитогорск, Норильск, Нижний Тагил и Нерюнгри, а к близлежащим – Пикалево, Чебаркуль, Череповец.

По численности населения моногорода можно классифицировать: крупные – Магнитогорск, Набережные Челны, Нижний Тагил, Череповец, большие – Дзержинск, Каспийск, Норильск, средние – Асбест, Выкса, Губкин, Белебей, Зеленодольск, Гуково, Нерюнгри и малые – Абаза, Ревда, Верхняя Салда, Нытва, Удомля, Пикалево, Чебаркуль.

По численности трудовых ресурсов, задействованных на градообразующих предприятиях, в расчет берется степень зависимости от градообразующей организации, так в Норильске высокая (54%), в Череповце средняя (21,5%), в Нерюнгри низкая (8%).

Показателем эффективного развития рынка труда и спроса на рабочую силу являются экономические показатели градообразующих предприятий (объем инвестиций в основной капитал и темп роста выручки), свидетельствующие о долгосрочных намерениях развития и функционирования.

В большинстве моногородов трудовые ресурсы формировались в советское время, учитывая узконаправленность кадров при строительстве/формировании городов- заводов, которые впоследствии и составляют монопсонию современного рынка труда в России. Поэтому в условиях негативных кризисных явлений, с учётом специфических особенностей размещения трудовых ресурсов и низкой инвестиционной привлекательности градообразующих предприятий, более уязвимыми оказались трудовые ресурсы моногородов, где занятость населения находится в прямой зависимости от финансовых результатов деятельности градообразующих предприятий, от которых также зависят и доходы местных бюджетов, и содержание социальной инфраструктуры. Характерные черты монопсонического рынка труда особенно остро проявляются в моногородах, относящимся к ЗАТО – Саров, Снежинск, Северск, Железногорск, Зеленогорск и др.

Именно поэтому всем рынкам труда моногородов свойственна монопсония, что характеризуется преобладанием на рынке труда одного работодателя – градообразующего предприятия (монополиста) и как следствие остро стоящим вопросом о занятости населения,

когда вопрос трудоустройства полностью зависит от монопсониста.

Степень концентрации трудовых ресурсов определяет уровень занятости населения моногородов, а это значит, что:

1. мобилизация всех соискателей и безработных по узконаправленному диапазону в одном виде деятельности, что негативно сказывается на спросе;
2. полная или ограниченная трудовая мобильность рабочей силы;
3. низкий уровень оплаты труда наёмных работников, где цены на труд контролируются работодателем (градообразующим предприятием) – монопсонистом;
4. снижение количества рабочих мест и занижение оплаты труда, увеличение прибыли предприятия – работодателя за счёт несовершенной конкуренции.

Все это негативно сказывается на спросе и качестве трудовых ресурсов, снижении численности населения вследствие миграционных процессов и снижения демографической активности населения моногородов.

Численное изменение трудовых ресурсов в моногородах и в целом по России за 2016–2020 гг. отражено в таблице 2.

Таблица 2. Численность трудовых ресурсов в моногородах и в целом по России за 2016–2020 гг. [13]

№ п/п	Категория моногородов	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Отклонение в%, 2020/2016
1	Сложное социально-экон. развитие, млн чел.	1,226	1,179	1,175	1,168	1,159	5
2	С рисками ухудшения, млн чел.	1,54	1,46	1,45	1,43	1,39	9
3	Стабильные, млн чел.	1,5	1,45	1,43	1,42	1,39	7
4	В целом по России, млн чел.	84,1	82,8	82,2	81,2	75,2	10

Отрицательная динамика трудовых ресурсов отмечена во всех моногородах, независимо от их социально-экономического положения и развития (в среднем 7%), что ниже среднего показателя в целом по России на 3%.

Основной причиной сокращения численности трудовых ресурсов в моногородах является сокращение производства и оптимизация расходов, вследствие негативных последствий мирового экономического кризиса 2008–2010 гг.,

особо остро отразившегося на экономики градообразующих предприятий. Например, в Пикалево при закрытии трёх градообразующих предприятий (ЗАО «БазелЦемент-Пикалево», ЗАО «Пикалевский цемент», ЗАО «Пикалевская сода») с последующей остановкой производства, только в конце 2008 г. были уволены 4 тыс. человек (19% всего населения), а в первом полугодии 2009 г. ещё около 1 тыс. человек потеряли работу (4%) [14].

В Норильске, в связи с экономическими проблемами в группе компаний «Норильский Никель», только за 2008–2010 гг. трудовые ресурсы были сокращены на 12%. [15]. А в Нерюнгри показатели снижения динамики трудовых ресурсов составили 80%, как последствия мирового экономического кризиса, повлиявшие на снижение темпов роста отгруженной продукции ОАО ХК «Якутуголь» Мечел Майнинг на 70% [16].

Следствием особенностей размещения трудовых ресурсов на монопсонистическом рынке труда в моногородах является неизбежный феномен общественной жизни – безработица, специфическими особенностями которой является спрос на рабочую силу, уровень квалификации, наличие вакансий, которые особенно обостряются в моногородах.

В период экономического кризиса в России в 2008 г. уровень безработицы колебался в диапазоне 8–9%, тогда как в моногородах он был выше на 15%. Темпы роста безработицы в моногородах за последние 10–12 лет (2008–2020 гг.) имеют положительную тенденцию снижения с 10% до 6%, что составляет 40%, также, как и по России, при этом в целом в моногородах уровень безработицы выше, чем в России на 15–20%. Анализ уровня безработицы в моногородах свидетельствует, что по итогам 2019 г. в 27 моногородах (8% от общего числа) данный показатель был выше среднероссийского в 3 раза и составлял 6–8,3% [17].

По состоянию на 1 января 2021 г. в 319 моногородах проживало около

13 млн человек, что составляет около 9% населения России, где преобладающая часть населения являются жителями, оценивающими социально-экономическое положение моногородов как неблагополучное или сложное [13]. Где рынок труда выступает основным показателем спроса и предложения (индикатором) на квалифицированные кадры в моногородах, обостряя тем самым проблему занятости и оказывая непосредственное негативное влияние на благополучие и уровень жизни населения, их социальное самочувствие.

Анализ существующего опыта приспособления моногородов к новым условиям и выживания в рыночной экономике, обострил проблемы в социально-экономической сфере. Создание кластеров, территорий опережающего развития для сложных и проблемных моногородов, с целью создания предприятий малого и среднего бизнеса в сфере услуг, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий, не смогли обеспечить гарантированного и приемлемого жизнеустройства населению в этих моногородах и достойную занятость трудовым ресурсам.

Минэкономразвития планирует в 2021 г. сократить число моногородов практически в два раза, оставив всего 163, сделав выводы на основе официально опубликованных данных, что благополучие, качество жизни населения и их социально-экономическое положение значительно улучшилось. При этом стоит отметить, что при поддержке «Фонда развития моногородов» и Минэкономразвития за период реализации государственных стратегических программ: «Комплексное развитие моногородов», «Развитие моногородов» и принимаемых мер в поддержку развития моногородов – создание ТОР и ТОСЭР, количество кризисных моногородов увеличилось на 24% за период 2014–2019 гг., а по итогам реализации исполнения приоритетной программы, Счётной палатой выявлено несоответствие и фальсификация всех реализуемых мер и показателей, связанных с созданием новых рабочих мест и ин-

вестиций, что способствовало принятию решения досрочно прекратить реализацию стратегической программы «Комплексное развитие моногородов» в 2019 г. При этом, средства затраченные и неэффективно использованные, в бюджет государства не вернутся.

Литература

1. Экономика труда: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям и направлениям / [Архипов А.И. и др.]; под общ. ред. А.И. Архипова, Д.Н. Карпухина, Ю.П. Кокина. – Москва: Экономика, сор. 2009 (Архангельск: ИПП Правда Севера). – 557
2. Бабенкова Л.М. Теоретические исследования рынка труда как системы социально-экономических отношений / Л.М. Бабенкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2008. – № 3. – С. 45–52
3. Бигтагирова И.Н. Рынок труда с моноиндустриальным типом развития автореферат дис....канд. экон. наук / И.Н. Бигтагирова. – Томск, 2003. – 28 с.
4. Владимирова Л.П. Экономика труда: учебное пособие / Л.П. Владимирова. – Москва: Дашкова и Ко, 2000. – 217 с.
5. Гуськова И.В. Трансформация регионального рынка труда в условиях экономического кризиса: автореферат дис....канд. экон. наук / И.В. Гуськова. – Москва, 2010. – 23 с.
6. Здоровцова Л.В. Концептуальные подходы и опыт регулирования рынков труда монопрофильных территорий / Вестник Воронежского государственного института высоких технологий. Серия Региональная экономика. – Воронеж: Научная книга. – 2014. – № 12. – С. 180–184.
7. Испулова С.Н. Социально-трудовые отношения на рынке труда монопрофильного города: монография / С.Н. Испулова. – Магнитогорск: МГУ, 2010. – 185 с.
8. Хорунжин М.Г. Оценка ситуации на локальном рынке труда: проблемы и пути их решения на примере города Рубцовска дис....канд. экон. наук / М.Г. Хорунжин. – Рубцовск, 2007. – 25 с.
9. Кашепов А.В. Рынок труда: проблемы и решения. [монография] / А.В. Кашепов, С.С. Сулакшин, А.С. Малчинов. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – Москва: Научный эксперт, 2008. – 226
10. Рофе А.И. Экономика труда / А.И. Рофе. – Москва: КНОРУС, 2010–400 с.
11. Здоровцова Л.В. Особенности рынка труда монопрофильных городов / О.А. Колесникова, Л.В. Здоровцова // Регион: системы, экономика, управление: русский провинциальный научный журнал. – Воронеж, 2014 – № 2 (25). – С. 123–127.
12. Моногорода и градообразующие предприятия сферы деятельности Минпромторга России. Электронные данные. Электронный ресурс. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/> (дата обращения 23.09.2021)
13. Федеральная служба государственной статистики. Росстат. [Электронный ресурс]. URL: rosstat.gov.ru (дата обращения 10.10.2021)
14. Справочная информация о социально-экономической ситуации в моногороде Пикалево. URL: <https://tass.ru/info> (дата обращения 29.01.2021)
15. План модернизации моногорода Норильска 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://econ.krskstate.ru/> (дата обращения 29.09.2021)
16. Об утверждении Комплексного инвестиционного плана развития моноцентричной агломерации Нерюнгринского района (города Нерюнгри и поселков Чульман, Беркакит и Серебряный Бор): постановление Нерюнгринской районной администрации от 28.12.2011 г. // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 2745.

17. Федеральная служба по труду и занятости. РОСТРУД. [Электронный ресурс]. URL: www.rostrud.ru/. (дата обращения 02.10.2021)

SOCIAL STRUCTURE OF EMPLOYMENT IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN RUSSIA

Pyatsheva E.N.

Russian State University for the Humanities

The transition to a market economy is associated with changes in the structure of labor relations that developed in Russia during the Soviet era. The geographical and economic features of the development and development of territories, the variety of goals and objectives of the development of the national economy, were often implemented without taking into account the social structure and characteristics of the population of these territories.

At the stage of industrial development, a specific type of cities appeared – single-industry towns. Russian single-industry towns are a reflection of the differentiation of economic development, taking into account the planned actions of the state to solve urgent scientific and industrial, including military-industrial tasks.

At the initial stage of the development of the Soviet economy, their raw materials orientation prevailed, which resulted in a significant growth of single-industry towns and had a positive impact on the economic development of territories in the Russian hinterland, contributed to the rational and efficient use of labor, natural, energy, and financial resources.

Today, the crisis phenomena in the economy, as well as in demographic and migration processes, the specific features of the labor market and employment of the population, low labor mobility have negative consequences throughout the country, but are especially acutely felt in single-industry towns.

Keywords: labor resources, labor mobility, single-industry towns, monopsony, labor market.

References

1. Babenkova L.M. Theoretical studies of the labor market as a system of socio-economic relations / L.M. Babenkova // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. – 2008. – No. 3. – pp. 45–52
2. Background information on the socio-economic situation in the single-industry town of Pikalevo. URL: <https://tass.ru/info> (accessed 29.01.2021)
3. Bigtagirova I.N. Labor market with a mono-industrial type of development abstract dis.... Candidate of Economic Sciences / I.N. Bigtagirova. – Tomsk, 2003. – 28 p.
4. Ispulova S.N. Social and labor relations in the labor market of a single-industry city: monograph / S.N. Ispulova. – Magnitogorsk: MaGU, 2010. – 185 p.
5. Federal State Statistics Service. Rosstat. [electronic resource]. URL: rosstat.gov.ru (accessed 10.10.2021)
6. Federal Service for Labor and Employment. ROSTRUD. [electronic resource]. URL: www.rostrud.ru/. (accessed 02.10.2021)
7. Guskova I.V. Transformation of the regional labor market in the conditions of the economic crisis: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences / I.V. Guskova. – Moscow, 2010. – 23 p.
8. Khorunzhin M.G. Assessment of the situation on the local labor market: problems and ways to solve them on the example of the city of Rubtsovsk dis.... Candidate of Economic Sciences / M.G. Khorunzhin. – Rubtsovsk, 2007. – 25 p.
9. Kashepov A.V. Labor market: problems and solutions. [monograph] / A.V. Kashepov, S.S. Sulakshin, A.S. Malchinov. Center for Problem Analysis and State-management Design. – Moscow: Scientific Expert, 2008. – 226
10. Labor economics: textbook for students of higher educational institutions studying in economic specialties and directions / [Arkhipov A.I. et al.]; under the general editorship of A.I. Arkhipov, D.N. Karpukhin, Yu.P. Kokin. – Moscow: Ekonomika, cop. 2009 (Arkhangelsk: IPP Pravda Severa). – 557
11. Modernization plan of the monotown of Norilsk 2010. [electronic resource]. URL: <http://econ.krskstate.ru/> (accessed 29.09.2021)
12. On the approval of the Integrated Investment Plan for the development of the monocentric agglomeration of the Neryungri district (the city of Neryungri and the settlements of Chulman, Berkakit and Serebryany Bor)": resolution of the Neryungri district Administration dated 12/28/2011 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 2745.
13. Rofe A.I. Labor Economics / A.I. Rofe. – Moscow: KNORUS, 2010–400 p.
14. Single-industry towns and city-forming enterprises of the sphere of activity of the

Ministry of Industry and Trade of Russia. Electronic data. Electronic resource. URL: <https://minpromtorg.gov.ru> / (accessed 23.09.2021)

- 15. Vladimirova L.P. Labor economics: textbook / L.P. Vladimirova. – Moscow: Dashkova and Co., 2000–217 p.
- 16. Zdorovtsova L.V. Conceptual approaches and experience in regulating labor markets of single-industry territories / Bulletin of the Voronezh State Institute of High Technologies. Regional Economy series. – Voronezh: Scientific Book. – 2014. – No. 12. – pp. 180–184.
- 17. Zdorovtsova L.V. Features of the labor market of single-industry cities / O.A. Kolesnikova, L.V. Zdorovtsova // Region: Systems, Economics, Management: Russian Provincial Scientific journal. – Voronezh, 2014 – № 2 (25). – Pp. 123–127.

Цифровизация управления как фактор эффективного взаимодействия государства и общества

Рыбакова Марина Владимировна,
доктор социологических наук, профессор,
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: rybakovamv@yandex.ru

Иванова Наталья Анатольевна,
кандидат социологических наук, научный сотрудник,
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: na.an.ivanova@yandex.ru

В работе показана роль цифровых технологий в государственном управлении. На основе проведенного авторами исследования дана оценка развитию цифровизации в современном обществе по мнению студенческой молодежи. Выявлены доступность цифровой среды, основные проблемы, сдерживающие внедрение цифровых технологий в государственном управлении, и причины, препятствующие цифровой трансформации предприятий. Показаны риски для национальной безопасности при внедрении цифровых технологий в государственном управлении.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, студенческая молодежь, государственное управление, безопасность.

В условиях глобализации современного мира невозможно переоценить значение цифровых технологий, в том числе и в государственном управлении. Можно выделить несколько ключевых тенденций, которые подтверждают эту необходимость. В первую очередь, увеличивается сложность и неопределенность окружающей среды, в рамках которой функционируют государственные службы, это ведет к появлению различных проблем, с которыми раньше сталкиваться не приходилось. Решение этих проблем не может быть принято в рамках какой-либо единой государственной структуры. Помимо этого, поскольку информационные потоки значительно растут, многомерность и многоаспектность таких проблем требует различных методов и механизмов государственного воздействия и регулирования. Во-вторых, гражданское общество характеризуется все большей информированностью, что ведет к возникновению новых и повышению существующих требований к работе государственных служащих. В-третьих, повышение доступности использования цифровых технологий привело к изменению способов взаимодействия граждан друг с другом и с органами государственной власти с помощью различных медиа-социальных вебсайтов. В-четвертых, общество настолько вовлечено в технологии, что уже и не замечает их развитие, эксперты говорят об утомляемости общества от информации и технологий. «Социальное» больше не институционализирует себя в виде класса и не дезинтегрировано постмодерном, а «заявляет о себе в сетевой форме», «сеть становится настоящей формой социального» [5, с. 27].

Наиболее масштабным документом в рамках внедрения процессов информатизации в России является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–

2030 гг. (далее – Стратегия), утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 [1]. Так, она формирует цели развития российского информационного пространства, коммуникационных технологий, устанавливает приоритет создания технологической основы институтов прямой демократии, осуществления экономики. При рассмотрении положений Стратегии стоит обратить внимание на ее всеобъемлющий и программный характер. В Стратегии представлены ориентиры на внедрение российского программного обеспечения для осуществления работы государственных органов, устойчивого функционирования российского сегмента сети «Интернет».

Процесс цифровизации трансформирует структуру экономик стран и регионов, преобразует социальную парадигму жизни людей, влияет на способы и методы деятельности государств во внутренней и внешних сферах, «цифровые технологии всепроникающие, они универсальны и применимы практически во всех сферах жизнедеятельности человека» [4].

По количеству пользователей интернета (116 млн человек на 31 декабря 2020 г.) [9] Россия занимает первое место в Европе и восьмое – в мире. За последние годы в России по оценке экспертной группы Digital McKinsey были реализованы цифровые платформы федерального и регионального значения. Дальнейшая цифровизация экономики страны может увеличить ВВП России к 2025 г. на 4,1–8,9 трлн рублей [2].

Одной из подпрограмм Стратегии является подпрограмма «Информационное государство», в основе которой лежит инструментарий перехода к цифровизации функций государственного управления. И, прежде всего, этот переход осуществляется на основе внедрения, использования и совершенствования системы электронного правительства [6]. Следует отметить, что электронное и цифровое правительство – это не равнозначные понятия и наиболее подробно они рассмотрены у экспертов [8].

Электронное правительство предполагает наличие трех основных элементов (G2G, government to government, правительство правительству; G2B, government to business, правительство бизнесу; G2C, government to citizens, правительство гражданам), а также множество прикладных, таких, как: предоставление свободного доступа граждан к информации органов государственной власти, отсутствие значительного количества необоснованных административных процедур и т.д. Все это призвано не только упростить процесс получения гражданами государственных услуг, но и упростить работу самих госслужащих.

Основные цели сервисов G2C и G2B состоят в том, чтобы дебюрократизировать государственную службу, избавиться от очередей, активизировать малый и средний бизнес, оптимизировать государственный менеджмент и т.д. Это необходимо для обеспечения максимально комфортных условий существования и развития как для рядовых граждан и бизнесменов, так и для всей системы государственной службы.

За счет контроля, который обеспечивается сервисом G2G, уменьшается возможность нецелевого использования бюджетных средств и других злоупотреблений, связанных с недостатком информации и ее нефункциональной организацией. Также за счет электронного документооборота экономится время служащего и тем самым повышается эффективность его работы. Работа с электронными документами является гораздо более простой и менее затратной, поскольку, в отличие от бумаг, они доступны для ознакомления, внесения изменений или предоставления заинтересованным лицам когда угодно и где угодно.

Вместе с тем, для успешной цифровой трансформации необходима проработанная стратегия реформ, включающая показатели достижения целей и оценки процесса развития. Не существует общепризнанной унифицированной модели оценки развития электронного правительства [3, с. 255].

Государственное управление строится на принятии различных управлений решений. В их основу входит прогнозирование и планирование, контроль деятельности органов государственного управления и оценка этой деятельности. В этих целях (планирования, мониторинга, оценки результативности) используются статистические показатели. Таким образом, представляется возможным использование «больших данных» в качестве источника информации для принятия государственных решений.

В соответствии с рейтингом стран по уровню развития электронного правительства [7], опубликованным ООН, Россия в 2018 году занимала 32 место в мире, при этом улучшив свою позицию по сравнению с 2016 годом на 3 позиции и войдя в группу наиболее развитых стран по данному показателю.

Проведение исследований по вопросам цифровизации особенно актуально для современного общества в целях оценки возможностей и угроз информатизации и цифровизации для общества и человека, влияния цифровизации на национальную безопасность, оценки уровня использования цифровых технологий в социальной сфере.

В марте 2021 г. авторами было проведено исследование среди студентов московского вуза¹ с целью получения оценки развития цифровизации в современном обществе по мнению сту-

¹ Анкета была создана на сервисе Google forms. В опросе приняли участие 510 респондент. Количественный состав выборки позволяет говорить о достоверности полученных результатов. Качественный состав выборки характеризуется такими параметрами, как равнозначное соотношение по возрасту, гендерному принципу, курсам подготовки, отделениям и направлениям подготовки (n=510: направление подготовки «Государственное и муниципальное управление» – 334 чел., «Управление персоналом» – 56 чел., «Менеджмент» – 87 чел., «Политология» – 33 чел.). Основная масса студентов проживают в Москве и Санкт-Петербурге (79,3%), в городах федерального значения, областных и региональных центрах (6,5%), малых городах (6,9), ПГТ, селах, деревнях (2,7%). Гендерный состав опрошенных (n=510): мужчины – 189 чел., женщины – 321 чел. При проведении опроса использовалась методика «закрытой анкеты». По каждому вопросу респондентам предлагалось несколько вариантов ответов.

денческой молодежи, выявления доступности цифровой среды, наличия стратегии и модели управления цифровизацией, причин, препятствующих цифровой трансформации предприятий, оценки безопасности в цифровой среде. Объектом исследования выступали студенты 1–4 курсов бакалавриата (n=510, курсы: 1 курс – 119 чел., 2 курс – 126 чел., 3 курс – 134 чел., 4 курс – 131 чел.), бюджетного и платного отделений, обучающихся по разным направлениям подготовки. Будущая профессия большинства респондентов связана с государственным управлением. Опрос носил анонимный характер, данные анкет были обработаны и проанализированы в обобщенном виде.

В рамках проведенного исследования студенты отметили доступность и развитие большими темпами цифровых технологий в последнее время (рис. 1). Пости 70% опрошенных подчеркивают высокую скорость внедрения цифровых технологий в жизнь общества.

Студентам было предложено оценить по пятибалльной шкале степень доступности цифровых технологий в разных областях, обеспечивающих высокое качество жизни. В наибольшей степени, по мнению студентов, доступность цифровых технологий отмечается при получении государственных услуг (69%), в образовании (69%) и культурной жизни (67%), социальной сфере (63%), чуть меньше в экономике (60%) и здравоохранении (54%) (рис. 2).

Авторское исследование коррелирует с данными, полученными в рамках проекта российского межведомственного центра компетенций в сфере интернет-коммуникации АНО «Диалог»: 51% респондентов отметили положительное влияние цифровизации на жизнь; за последний год почти 90% российских граждан обращались за государственными услугами через цифровые сервисы [10]. При этом ВЦИОМ отмечает, что 60% опрошенных высоко оценивают свой уровень владения цифровыми компетенциями и считают его достаточным [11].

■ Медленно ■ Быстро ■ Остается на том же уровне ■ Затрудняюсь ответить

Рис. 1. Развитие доступности цифровых технологий, в%

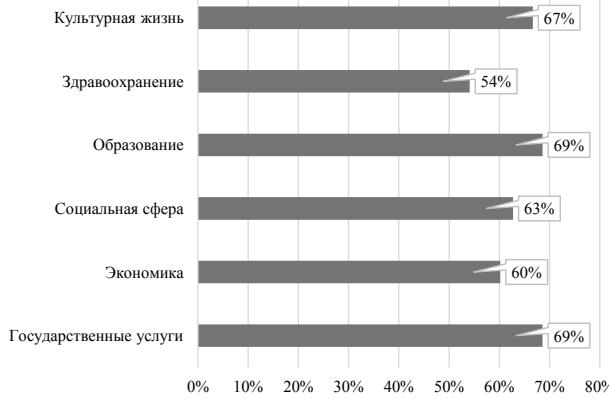

Рис. 2. Доступность цифровых технологий по мнению студентов, в%

В стране уже развернута сеть многофункциональных центров с целью получения государственных услуг по принципу одного «окна». Данное нововведение облегчило получение большинства услуг гражданами страны, позволило избежать затрудненного процесса сбора документов. Многофункциональные центры в России продвинули процесс информатизации государственного управления и улучшили отношение граждан к государственным структурам.

Большинство студентов уверены в необходимости электронной коммуникации населения с органами власти, из них 42% респондентов отвечали, что такого рода взаимодействие должно

происходить исключительно с помощью интернет-платформ и 53% – «в таком взаимодействии есть положительные моменты» (рис. 3).

По мнению студентов, возраст и уровень доверия к применению цифровых технологий (75,88%), при этом некоторые студенты отметили, что доверие к цифровым технологиям осталось на прежнем уровне (15,35%).

Стоит отметить, что внедрение информационных технологий в частности и реализация концепции цифрового правительства в общем сопряжено с высокими рисками для национальной безопасности, в особенности для таких ее составляющих как экономическая и информационная безопасность, что

предъявляет особые требования к защите массива данных, включающего в себя информацию в различных сферах деятельности граждан, организаций и органов, и технических средств, используемых для их сбора и анализа.

Студентам было предложено оценить безопасность в цифровой среде. Почти 70% студентов считают, что она вызывает опасения, полностью безопасная – 4,13%, 10,77% – не задумались на эту тему.

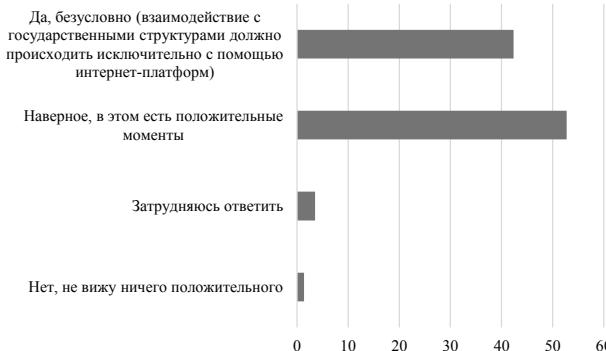

Рис. 3. Способ взаимодействия с органами государственной власти, в%

Цифровизация влияет на сокращение сроков передачи информации между государством и обществом, способствует концентрации исчерпывающего количества информации в руках любого субъекта обмена данными. Однако не стоит забывать о безопасности, границы которой не так ощутимы, как границы личной безопасности в реальной жизни. Конституцией Российской Федерации гарантирована свобода мысли, слова, совести и вероисповедания, что, в свою очередь, приводит некоторых пользователей Сети к мысли, что можно высказывать абсолютно любую позицию безнаказанно. Однако, несмотря на большую свободу, цифровая демократия не дает возможности субъектам оскорблять других, писать тексты оскорбительного, пропагандистского и аморального содержания.

На сегодняшний день существуют некоторые проблемы, замедляющие процесс развития цифровых технологий в сфере государственной службы, и связаны они, прежде всего, с образованием и развитием субъектов управления. Государственный служащий должен быть способен на эффективное использование передовых информационных технологий при осуществ-

влении своих профессиональных полномочий, адаптацию к их быстроизменяющимся характеристикам, должен уметь решать управленческие задачи с помощью информационных технологий. Органы государственной власти, образовательные учреждения и другие заинтересованные лица должны проводить различного рода мероприятия, которые будут способствовать разрушению стереотипов, переосмыслинию классических и уже давно сложившихся подходов и методов. Необходимо сформировать новое системное мышление, которое позволит рассматривать современные технологии не только как новую систему знаний, но и как возможность увеличить способности целой системы государственной службы. Главной задачей является обучение применению цифровых технологий для того, чтобы подготавливать и принимать управленческие решения.

Цифровизация в современном российском обществе на данный момент получает достаточно широкое распространение – мы видим это в нашей повседневной жизни. В то же время говорить о полной цифровизации отношений между обществом и государством пока не представляется возможным.

Стратегия развития информационного общества указывает на процессы, которые постепенно внедряются в государственное управление. Среди них можно выделить информационные платформы, дающие право гражданам на обсуждение решений органов власти, учитывающие мнения путем голосований за определенные варианты или предложением своих путей решений (например, «Активный гражданин»), дающие право получать доступ к судебным документам (ГАС «Правосудие»). Также стоит заострить внимание на площадках, дающих любому право контроля над недобросовестными действиями других граждан (например, «Помощник Москвы»).

Эффективная информатизация и цифровизация государственного управления представляются возможным в условиях повышения правовой грамотности всех субъектов информационного оборота. Появляющиеся информационно-коммуникационные технологии, новые методы влияния общества на принятие решений государственного масштаба, новые рычаги общественного давления не имеют еще широкого распространения в современном российском обществе в связи с малым распространением информации об использовании данных способов, методов.

Цифровизация и информатизация позволяет устраниТЬ проявление коррупционных явлений из-за зависимости от действий конкретных субъектов, уменьшить время подачи заявлений, рассмотрения и принятия решений в процессе взаимодействия граждан с государственными органами.

Очевидно, что цифровые технологии сегодня являются критически важными элементами современного управления, в том числе и государственного, и очень важна не только трансформация системы государственного управления, но и переформатирование взаимодействия между гражданским обществом, бизнесом и государством.

Увеличение скорости преобразований влечет за собой необходимость в увеличении скорости принятия управ-

ленческих решений; увеличение объемов данных требует постоянного и непрерывного их анализа и оценки, своевременность которых влияет на быстроту отклика субъекта управления и на результаты прогнозирования будущих состояний (экономики, общественных групп и т.д.). Такие требования предъявляются к современному государственному управлению, которое, чтобы быть эффективным, должно основываться на новом технологическом фундаменте.

Таким образом, в настоящее время начинается новая эра развития цифровых технологий во всем мире. В рамках этой эры происходит активная трансформация не только институтов экономики, но также инструментов и механизмов государственного управления, которые должны соответствовать современному обществу, успешно осваивающему все более новые технологии. С помощью цифровизации государственной службы повышается эффективность взаимодействия государства и общества, и поэтому, несмотря на некоторые сопутствующие проблемы, необходимо находить пути внедрения цифровых технологий во всю систему государственного управления, учитывая менталитет российского населения и особенности развития российского государства.

Литература

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (утв. Президентом РФ 09.05.2017 г. № Пр-203). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 05.09.2021).
2. Аптекман А. Цифровая Россия: новая реальность. Digital McKinsey. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (дата обращения: 25.04.2021).

3. Иванова М.В. Системы оценки цифровой трансформации государственного управления: сравнительный анализ российской и зарубежной практики // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 255–280.
4. Камолов С.Г. Государственное управление в цифровую эпоху / С.Г. Камолов // 25 лет внешней политики России: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 2: Россия и современный мир: политика и безопасность. В 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. А.В. Мальгина; [науч. ред.: А.А. Великая и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). Москва: МГИМО-Университет, 2017. С. 449–460.
5. Ловинк Г. Критическая теория Интернета. М.: Ad Marginem Press, Музей современного искусства «Гараж», 2019. 304 с.
6. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5(153). С. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.07>.
7. The United Nations E-Government Survey 2018: Gearing E-Government to Support Transformation towards sustainable and resilient societies // UN [Электронный ресурс]. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_FINAL%20for%20web.pdf (Дата обращения: 01.09.2021).
8. Recommendation of the Council on Digital Government Strategies // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/Recommendation-digital-government-strategies.pdf> (Дата обращения: 01.09.2021).
9. Top 20 Countries in Internet Users/Internet World Stats. Miniwatts Marketing Group. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internetworldstats.com/top20.htm> (дата обращения: 25.04.2021).
10. Россияне оценили влияние цифровизации на их жизнь // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210903/tsifrovizatsiya-1748575955.html> (дата обращения: 05.09.2021).
11. Цифровая грамотность и удаленная работа в условиях пандемии // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/czifrovaya-gramotnost-i-udalennaya-rabota-v-usloviyakh-pandemii> (дата обращения: 05.09.2021).

DIGITALIZATION OF MANAGEMENT AS A FACTOR OF EFFECTIVE INTERACTION BETWEEN THE STATE AND SOCIETY

Rybakova M.V., Ivanova N.A.

Lomonosov Moscow State University

The paper shows the role of digital technologies in public administration. Based on the study conducted by the authors, the assessment of the development of digitalization in modern society is given according to the opinion of student youth. The author identifies the availability of the digital environment, the main problems hindering the introduction of digital technologies in public administration, and the reasons hindering the digital transformation of enterprises. Risks to national security in the implementation of digital technologies in public administration are shown.

Keywords: digitization, digital technologies, student youth, public administration, security.

References

1. Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030 (approved by the President of the Russian Federation on 09.05.2017 No. Pr-203). [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (date of access: 09/05/2021).
2. Aptekman A. Digital Russia: a new reality. Digital McKinsey. 2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/~/media/McKinsey/Locations/Eu->

rope%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx (access date: 04/25/2021).

3. Ivanova M.V. Systems for assessing the digital transformation of public administration: a comparative analysis of Russian and foreign practice // Public Administration. Electronic bulletin. 2020. No. 79, pp. 255–280.
4. Kamolov S.G. Public administration in the digital era / S.G. Kamolov // 25 years of Russian foreign policy: collection of articles. materials of the X RAMI Convention (Moscow, December 8–9, 2016). In 5 volumes. V.2: Russia and the modern world: politics and security. At 2 pm Part 2 / under total. ed. A.V. Malgina; [scientific. ed. : A.A. Veliikaya and others]; Moscow state Institute of International relations (un-t) M-va foreign. cases Ros. Federation, Ros. association int. research (RAMI). Moscow: MGIMO-University, 2017.S. 449–460.
5. Lovink G. Critical theory of the Internet. Moscow: Ad Marginem Press, Garage Museum of Contemporary Art, 2019. 304 p.
6. Pavlyutenkova M. Yu. E-government vs digital government in the context of digital transformation // Monitoring public opinion: Economic and social changes. 2019. No. 5 (153). S. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.07>.
7. The United Nations E-Government Survey 2018: Gearing E-Government to Support Transformation towards sustainable and resilient societies // UN [Electronic resource]. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_FINAL%20for%20web.pdf (Date accessed: 01.09.2021).
8. Recommendation of the Council on Digital Government Strategies // OECD [Electronic resource]. URL: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/Recommendation-digital-government-strategies.pdf> (Date accessed: 01.09.2021).
9. Top 20 Countries in Internet Users / Internet World Stats. Miniwatts Marketing Group. [Electronic resource]. URL: <https://www.internetworldstats.com/top20.htm> (date accessed: 04/25/2021).
10. Russians appreciated the impact of digitalization on their life // RIA Novosti [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20210903/tsifrovizatsiya-1748575955.html> (date accessed: 09/05/2021).
11. Digital literacy and remote work in a pandemic // VTsIOM [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskiidoklad/czifrovaya-gramotnost-i-udalennaya-rabota-v-usloviyakh-pandemii> (date of access: 09/05/2021).

Культурная глобализация: сценарии гомогенизации и гибридизации

Сехлеян Сильвия Арменовна,
аспирант, Государственный академический
университет гуманитарных наук
E-mail: sil.sehlejan2010@yandex.ru

Феномен глобализации представляет собой процесс, затрагивающий материальные и духовные аспекты бытия – экономику, демографию и политику, а также культуру. Исходя из этого, глобализация является объектом изучения не только общественных наук, но и отраслей знания – экономики, политики, международных отношений и других. В то же время, недостаточно придается внимания тому факту, что глобализация оказывает воздействие на культуру тех или иных обществ. В этом ракурсе на современном этапе развития общества выходит на первый план культурная глобализация. И как отмечено многими исследователями, на сегодня происходит усиление глобализационных процессов в контексте культуры, что проявляется в интенсивном развитии цифровых технологий, средств коммуникации и унификации некоторых элементов культуры. Это позволяет говорить о всеобъемлющем характере феномена культурной глобализации.

Ключевые слова: культурная глобализация, гомогенизация, гибридизация, мультикультураллизм, унификация культуры, американизация.

В современных исследованиях является нерешенным вопрос о том, является ли общепринятая универсальная глобальная культура фактором появления международного бартера и потока товаров, услуг, капитала, обмена технологий и миграции людей. Также, не менее значимой является ответ на вопрос, приведет ли культурная адаптация к универсальной культуре из-за длительных и больших взаимосвязей между разного рода культурными обществами.

Вероятность гомогенизации гарантирует, что на эти вопросы будут даны ответы, поскольку все более тесные отношения между страной и культурой создают более однородный мир и помогают формировать модели социальной структуры и жизненных принципов современного «западного» общества. В аспекте гомогенизации, барьеры культурного сходства невелики, а глобальная мобильность большая. Исследователи подчеркивают, что конвергенция дает толчок к тому, что локальная культура будет образовываться посредством давления более сильных и глобальных культур. Данный подход можно увидеть в различного рода концепциях. Например: «глобальная культура», «американизация» и «макдональдизация».

Подобная эволюция культурной практики основано на предположении о крахе национальных государств, предполагая появление «глобальной культуры» или «мировой культуры». В самом общем смысле глобализация – это в большей степени проявление «западных» и американских ценностей и образцов как материальных, так и духовных. Многие люди это считают навязыванием и вторжением в свою культуру. Такие люди придерживаются точки зрения того их культура со временем приижается более сильной. Существующие обычаи растворяются и соз-

дается одна единственная однородная культура [1].

Однако отдельные авторы концепции глобальной культуры подчеркивают, что последняя бессвязна и перечисляется к области культурной практики, предполагающей только лишь внешнюю согласованность. Таким же образом Том Линсон говорит, что глобализация позволит людям узнать о культурах самых богатых стран мира. Многие принципиально разные. Таким образом, глобализация скорее способствовала, чем ослабила культуру страны.

На самом деле, похоже, существует доминирующее положение США, в сети Интернет. 85% веб-страниц находятся в США, а американские компании управляют 75% мирового рынка программного обеспечения. Через массово популярные продукты (фильмы, музыка, ток-шоу и т.д.) США передает свои культурные идеи открыто. В самых различных странах круглосуточно показывают американский образ жизни, который через некоторое время заменяется вместо их культуры и мировоззрения. Более того, хотя американский образ жизни, похоже, не исключен, вместо этого он фокусируется на предложении культурной продукции широкой публике, что посредством этого увеличивает экономические возможности. Другие группы, включая развитые и развивающиеся страны, также нуждаются в этой модели.

По некоторым данным можно предположить наличие американской гегемонии в сфере глобальной сети, так как 85% веб-страниц созданы в США, а американские компании держат под контролем 75% мирового рынка программного обеспечения. Кроме того, имеет место американская монополия в сфере СМИ. Это касается основной части кино- и музыкальной продукции, спутниковых и телевизионных станций. Необходимо отметить, что американская культуры имеет отличие от западноевропейской. К тому же характерный для американцев стиль жизни нельзя назвать элитарным, он скорее ориентирован на воспроизведение массовой

культуры, «подогревающей» экономику. В свою очередь, это принимает глобальные масштабы, затрагивающие как развитые, так и неразвитые страны.

По факту, принятие производных американской культуры, как материальных, так и духовных, наилучшим образом осуществляется теми культурами, которые с ней сходны. Однако культуры, ценности которых далеки от американских, сложнее всего будут воспринимать американскую культуру. Таким образом, феномен американизации находится в зависимости от того, как местные культуры воспринимают артефакты, продуцируемые американской культурой.

Исследуемое явление становится более явным или может быть объяснено в контексте формальной рациональной мысли или концепции М. Вебера. Ввиду этого Вебер считает, что для Запада характерна все возрастающая тенденция доминировать в системе формальной рациональности.

Культурные различия – это постоянная сила, которая порождает конфликты и конкуренцию, но, развитие глобальной взаимозависимости и взаимосвязей может привести к культурной нормализации и единству. Необходимо подчеркнуть, что, хотя компании могут немного адаптироваться к реальным местным условиям, факт остается фактом: базовые продукты, доступные для клиентов по всему миру, примерно одинаковы. Основные операционные процессы всех торговых точек по всему миру остаются неизменными. Следовательно, наиболее важной гранью этих систем является то, как местные и глобальные компании действуют с применением своих стандартизованных принципов. Фактически проданные товары не имеют ничего общего с организацией, доставкой и продажей товаров покупателям; эти шаги должны соответствовать такому набору принципов, чтобы компания могла преуспеть в новой глобальной среде.

Взаимодействие между культурами способствует культурной гибридности, а не монолитной культурной гомогени-

зации. Таким образом, глобализация ведет к творческому объединению глобальных и локальных культурных черт.

Основу культурной гибридизации составляет при этом непрерывное взаимопроникновение культур, которые воспроизведены в результате глобализации целей, образованных во взаимосвязи глобальных и локальных, самобытных и гибридных культур. Робертсон под глобализацией понимает единство гомогенизации и гетерогенезации, а не достигающий мирового масштаба процесс гомогенизации [4].

С другой стороны, человечество изначально не представляло собой отдельные культурные группы. Потому возникает потребность в дистанцировании культур, что подчеркивает многосторонность и масштабность современных технологий с осознанием значимости новых элементов культур.

Касаемо взаимодействия иммигрантов в рамках их поселений, Питерс полагает, что влияние этого испытывают не только периферийные, но и глубоко укоренившиеся культурные элементы. Тому пример Северная Америка. Исследователем отмечено, что американская поп-культура привлекательная постольку, поскольку в ней содержатся смешанные и кочевые элементы, для нее характерна стойкость и вместе с тем изолированность от прошлого, в котором имела место дискриминация населения и социальное неравенство. Слияние маргинальных и периферийных аспектов культуры происходит наряду с коренными культурами. Это объясняет, почему американская поп-музыка, кино, телевидение и мода так привлекательны.

Питерс исследует, является ли различие между культурной грамматикой, выступающей в качестве метафоры для коренных культурных элементов, и культурных языков, по своей сути обозначенных как периферийные или маргинальные элементы культуры, расхождением между поверхностным и глубинным. В итоге Питерс заключает, что проблемы, вызванные теорией гибридизации, должны решаться по-

средством деколонизации воображения и необходимости пересмотра культуры с позиции территории и пространства в прошлом и выявления в ней элементов глобальности в настоящем и будущем [5].

Культурные исследования по гибридизации направлены в том числе на изучение концепций креолизации и глокализации. Термин «Креол» обозначает, как правило, представителей смешанной расы, но он также рассматривается в связи с креолизацией культуры. Помимо прочего, глокализация, как аспект гибридизации, содержит в себе глобальное и локальное, что интерпретируется по-разному в зависимости от территориального признака. Глокализация раскрывает плюралистичность мира, обозначая под собой то, что люди или сообщества могут обрести инновационный потенциал, одновременно адаптируясь под глобальные реалии.

С точки зрения Аппадура глобализацией можно назвать процесс дифференциации и, вместе с тем, взаимосвязи. Исходя из этого, мир не является гомогенным, а есть комплекс социально-технокультурных ландшафтов с элементами глобального. Они глобальны и в то же время региональны по своему характеру, и имеют свою собственную им скорость роста и направления движения. Такие ландшафты, используемые с целью выявления разрыва между экономикой, культурой и политикой, являются различными сторонами глобализации или измерения культурных потоков. Медиаскейпами понимаются потоки изображений и общения. А эти пейзажи обозначают характер распространения людей в мире. Идеоскопы же представляют собой обмен идеями и идеологиями. Техноландшафты связаны с потоками технологий и науки, что нужно для нахождения связи между организациями во всем мире. Финансовые ландшафты подразумевают под собой деньги и капитал. Они не находятся в зависимости от определенного государства и разным образом оказывают воздействие на те или иные территории [6].

Процесс гибридизации в какой-то мере отличен от теории Макдонализации в том плане, что он не обусловлен определенной научной концепцией, а представляет собой неисследованный феномен. Если гомогенизация, как и макдональдизация, являются американализированными явлениями, то гибридизация не связана с практическим опытом и конкретной теорией. Основу гибридизации составляет культурная конвергенция и ассимиляция. В теоретическом плане она обуславливает культурное смешение и интеграцию без необходимости отказа от идентичности совместного проживания, который имеет место в новом межкультурном прототипе различия. Тезис же о макдональдизации рассматривается с точки зрения политики закрытия и апартеида, так как посторонние поощряются в участии в глобальной арене, но их периферийным образом удерживает доминирующую силу в игре.

Затрагивая ограничения, тезис о гибридизации скрывает неравномерность процесса смешения, поэтому важно различать те или иные виды смешения из-за того, что они могут по-разному оцениваться в разных культурных условиях.

Смешение касается лишь поверхностных элементов культуры. А для глубоко укоренившихся и неотъемлемых стороны культуры смешение не свойственно. В действительности, именно периферийные элементы культуры выходят за рамки национальных культур через внешние и маргинальные рудименты – кухню, стиль моды, ремесла, искусство и развлечения. В то время как глубоко укоренившиеся базовые предположения, ценности и убеждения неразрывны от их изначального культурного содержания.

Взаимосвязь между глобализацией и культурой, а также воздействие глобализации на культуру, вызывает споры, так как при исследовании их взаимодействия возможно выработка различных теоретических подходов. Нельзя усомниться, что на те или иные культуры могут влиять другие культуры. Но это не несет за собой культур-

ной стандартизации или приближения к мировой культурной модели, в основе которой лежит американская или европейская. Некоторыми исследованиями отрицается упрощенный подход к гомогенизации и конвергенции, так как имеют место эмпирические доказательства, объясняющие, что глобализация не приводит к потере национальных особенностей. Выявлено, что народы включены в процесс культурной интеграции без уничтожения характерных для них культурных признаков. Ими культурные элементы воспринимаются на основании их совместимости с собственной культурой. Следовательно, принятие западного образа жизни не обязательно приводит к стандартизации, так как народами начинают применяться некие барьеры с целью выражения свою идентичности и различия, в основе которых лежит комплекс обычай, привычек, практик и отраслей.

Чтобы извлечь выгоду из возможностей, культуры не изолируются от остального мира, а, скорее, открываютя другим культурам, стремясь улучшить свои социальные и экономические возможности. Культурная открытость представляет собой то, что подразумевает различия между культурами, но без их стандартизации или смешивания, а с тем, чтобы принять богатство других культур. В прошлом народы подвергались культурным последствиям в силу того, что они получали дополнение от окружения помимо собственного вклада. Культура представляла собой неотъемлемую часть судьбы людей, детерминирующей их идентичность и будущее. Сейчас же имеются условия для широкого доступа к огромному количеству данных и информации, что выступает как источник социализации, влияющий на приобретенные модели поведения и отношения. Но они не способны разрушить характерные компоненты их собственной культуры.

Необходимо также отметить связь гомогенизации и гибридизации именно с культурными артефактами, но не культурными ценностями и философскими предпосылками, составляющими основу

культуры. Между ними не происходит взаимовлияния. Поверхностные элементы культур, среди которых одежда, мода, еда, искусство, музыка, фильмы и ремесла, передаваться могут в отличие от глубоко укоренившихся компонентов культур, имеющих контекстуальную связь и культурную специфику. Для любой культуры характерно сохранение свойственных им культурных элементов. В то же время они могут принимать иные культуры, с которыми они находятся в контакте. Необходимо поэтому отметить, что культурный обмен между странами имеет положительную сторону, например, касаемо глобально-го экономического обмена. Это приносит новые возможности тем или иным культурам, что усиливает их динамику, но не делает глобальные элементы пре-имущественными по сравнению с их культурными особенностями [7].

В целом, взаимосвязь между глобализацией и культурой несет за собой серьезные последствия не только в рамках обществ, но и организаций. В таком ракурсе экономическая глобализация порождает идеологию индивидуализма во всем мире. И так как глобализация обеспечивает ассимиляцию культурных практик и норм одновременно с трансграничным обменом продуктами и товарами, обществам и организациям необходимо осознавать культурные последствия этих потоков с той целью, чтобы эффективнее наладить взаимосвязь с другими культурами и найти более совершенный способ управления международными организациями.

Литература

1. Межуев В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Полития. № 3. 2000. С. 102–115.
2. Юревич, А.В. Наука в современном российском обществе [Текст] / А.В. Юревич, И.П. Цапенко. – М.: Институт психологии РАН, 2010. – 335 с.
3. Юревич, А.В. Методология и социология психологии [Текст] / А.В. Юревич. – М.: ИПРАН, 2010. – 272 с.
4. Юревич, А.В. Социальная психология научной деятельности [Текст] / А.В. Юревич. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2013. – 447 с.
5. Мазилов, В.А. Социальная психология и научная деятельность (рецензия на книгу А.В. Юревича «Социальная психология научной деятельности») [Текст] / В.А. Мазилов, Ю.Н. Слепко // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – Том II (Психологопедагогические науки). – С. 218–221.
6. Мазилов В.А. Рецензия на книгу А.В. Юревича «Методология и социология психологии». М.: Институт психологии РАН, 2010 [Текст] / В.А. Мазилов // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33. – № 2. – С. 137–139.
7. Mazilov V.A. Yurevich. The Methodology and Sociology of Psychology // Social sciences, vol. 42, № 4, 2011, pp. 145–149.

CULTURAL GLOBALIZATION: HOMOGENIZATION AND HYBRIDIZATION SCENARIOS

Sekhleian S.A.

State Academic University for Humanities

The phenomenon of globalization is a process that affects the material and spiritual aspects of life – economics, demography and politics, as well as culture. Based on this, globalization is an object of study not only in social sciences, but also in branches of knowledge – economics, politics, international relations and others. At the same time, not enough attention is paid to the fact that globalization has an impact on the culture of certain societies. From this perspective, at the present stage of the development of society, cultural globalization comes to the fore. And as noted by many researchers, today there is an intensification of globalization processes in the context of culture, which is manifested in the intensive development of digital technologies, means of communication and the unification of some elements of culture. This allows us to speak about the all-encompassing nature of the phenomenon of cultural globalization.

Keywords: cultural globalization, homogenization, hybridization, multiculturalism, cultural unification, Americanization.

References

1. Mezhuev V.M. The problem of modernity in the context of modernization and globalization // *Politika*. № 3. 2000. pp. 102–115.
2. Yurevich A. V., Tsapenko I.P. Science in modern Russian society [Text] / Yurevich A.V., Tsapenko I.P. – Moscow: Institute of Psychology RAS, 2010. – p. 335.
3. Yurevich A.V. Methodology and sociology of psychology [Text] / Yurevich A.V. – Moscow: IPRAS, 2010. – p. 272.
4. Yurevich A.V. Social psychology of scientific practice [Text] / A.V. Yurevich. – Moscow: Institute of Psychology RAS, 2013. – p. 447.
5. Mazilov V.A. Social psychology and scientific practice (review of the book by Yu-revich A.V. "Social psychology of scientific practice") [Text] / [Mazilov V.A., Slepko Yu.N. // *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. – 2015. – № 2. – Vol. II (Psychological and Pedagogical Sciences). – pp. 218–221.
6. Mazilov V.A. Review of the book by Yurevich A.V. "Methodology and sociology of psychology". Moscow.: Institute of Psychology RAS, 2010 [Text] / Mazilov V.A. // *Psychological Journal*. – 2012. – vol. 33 – № 2. – pp. 137–139.
7. Mazilov V. A., Yurevich A.V. The Methodology and sociology of psychology // *Social sciences*, vol. 42, № 4, 2011, pp. 145–149.

Проект «Шахматы в школах» в контексте теории общественного блага

Сметана Владимир Васильевич,

кандидат философских наук, председатель попечительского совета краевой общественной организации «Федерация шахмат Краснодарского края»

E-mail: smetanavv@mail.ru

В статье анализируется социальный проект «Шахматы в школах» в формате государственного-частного партнерства в контексте теории общественного блага. Рассмотрены эволюционные закономерности развития теории общественного блага, научные школы и логика трансформации теории от общих размышлений об общественном благе к последовательному внедрению в мировую экономику. Законодательное закрепление принципов теории общественного блага в международных актах и далее в российском праве отдельных законодательных решений способствуют стимулированию общественного блага на государственном уровне. В социальном проекте «Шахматы в школах» отражена логика проекта и роль участников проекта (Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, Федерация шахмат России, регионы Российской Федерации и федерации шахмат регионов России) по достижения общественного блага в принципиально новом формате.

Ключевые слова: социальный проект, общественное благо, социальное партнерство, шахматы в школах, государственно-частное партнерство.

Теория общественных благ на протяжении всей эволюции человечества просматривается в работах философов, экономистов и социологов.

Свою озабоченность в вопросе разделение общественного и частного блага мы можем увидеть в трудах Аристотеля: «Политика», где основной тезис: «Общественное благо является целью существования государства».

В своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» [6] шотландец Адам Смит уже в 1776 году поднимает вопрос о необходимых общественных благах: «Ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительнейшая часть его членов бедна и несчастна. Да кроме того, простая справедливость требует, чтобы люди, которые кормят, одевают и строят жилища для всего народа, получали такую долю продуктов своего собственного труда, чтобы сами могли иметь сносную пищу, одежду и жилище».

На протяжении всего 19-го века и первой половины 20-го столетия теорию общественных благ можно увидеть в работах К. Маркса, где он выделял общественное благо, как «бесплатный дар». У марксистов К. Менгера и У. Джевонсона общественное благо просматривается через применение в бюджетной политике. А английского экономиста А. Маршалла в рамках неоклассического подхода общественное благо рассматривается, как связь индивида с коллективом, через место проживания индивида. В изучениях шведского экономиста К. Викселя можно увидеть выводы о невозможности определять свои предпочтения к общественным благам без участия в политических процессах.

С 1950-х годов основополагающей теорией стала теория общественных благ, разработанная американским экономистом, лауреатом Нобелев-

ской премии (1970) П. Самуэльсоном. Именно ему принадлежит классическое определение общественного блага, затраты на производство и распространение которого берет на себя государство, оно обладает следующими свойствами: неконкурентоспособность (несоперничество), обусловленная доступностью всех к такому благу; неисключаемость, то есть ограничить доступ потребителей к такому благу практически невозможно; неделимость, следовательно, индивид не может сам выбрать объем потребления [5].

Неоинституционалисты (Т. Эггерстсон, Дж. Ходжсон и др.) исследуют не столько результат, сколько процесс принятия решений, его условий, факторов и предпосылок. В центре внимания оказывается не столько поведение отдельного индивида, а сколько сама структура института, т.к. интересы и предпочтения индивида формируются под воздействием институциональной среды. Институт тут выступает как продукт общественного развития и форма, в рамках и при участии которой проектируется хозяйственная деятельность. По их мнению, общественные блага – это такие блага, которые потребляются коллективно, всеми гражданами, независимо от того, оплачиваются они или нет. Таким образом, потребление общественных благ для пользователя становится доступным без дополнительных затрат [7].

В настоящее время, образование является неотъемлемой частью гражданских прав в Российской Федерации и соответствует всем признакам общественного блага. Этому способствует и международное право. Так, в ст. 26 «Всеобщей декларации прав человека» [3] закреплено: «Каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть бесплатным по меньшей мере в том, что касается начального и общего образования. Начальное образование должно быть обязательным».

В ст. 7 Конституции Российской Федерации [1] закреплено: «Российская Федерация – социальное государство,

политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

В ст. 66 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» закреплено: «Начальное общее образование направлено на формирование личности обучающегося, развитие его индивидуальных способностей, положительной мотивации и умений в учебной деятельности (владение чтением, письмом, счетом, основными навыками учебной деятельности, элементами теоретического мышления, простейшими навыками самоконтроля, культурой поведения и речи, основами личной гигиены и здорового образа жизни)» [2].

Таким образом, законодатель закрепил в законе «начальное общее образование» по всем признакам общественное благо для граждан Российской Федерации. Обычно предполагается, что общественное благо предоставляется государством и оплачивается за счет обязательного налогообложения.

Реализация социальных проектов на территории Российской Федерации в общеобразовательных учреждениях сегодня поддерживается Правительством Российской Федерации и региональной властью – «Шахматы в школах» и «самбо в школах».

Рассмотрим проект «Шахматы в школах» в контексте теории общественного блага, который внедряется в начальные классы общеобразовательных учреждений с 2013 года на территории Российской Федерации.

Проект «Шахматы в школах» реализуется в формате социального партнерства по инициативе Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко, при поддержке общероссийского общественного объединения «Федерация шахмат России» в регионах России и с согласия региональной власти при активном участии региональных федераций шахмат. Реализация проекта «Шахматы в школах» проходит в начальной школе среди учеников 1–4-х классов и имеет разные форматы: все-

обуч, 3-й урок физкультуры или дополнительный урок. И данное правило распространяется на всю общеобразовательную школу и таким образом имеет все признаки общественного блага: неконкурентоспособность, неисключаемость и неделимость.

Формат реализации проекта «Шахматы в школах» можно уверенно отнести к государственно-частному партнерству, т.к. роль спонсоров и меценатов в данном проекте является необходимым условием для запуска проекта. Ведь именно они безвозмездно представляют шахматный инвентарь и литературу в общеобразовательные учреждения, содействуют образовательному процессу через кураторство от региональной федерации шахмат, подведением итогов реализации по окончанию учебного года через конкурс «на лучшую программу преподавания», а также материального поощрения школы-победителя и учителя, преподававшего шахматы в этой школе. По окончании проекта проводится шахматный турнир,

на который каждый регион направляет свою школу-победителя с командой учеников.

Роль региональной власти в запуске проекта «Шахматы в школах» на территории субъекта является ключевой и необходимой, т.к. внедрение инновационных подходов в образовании связано с концептуализацией региональных приоритетов в образовательном процессе, изменением нормативной базы (в некоторых регионах), переподготовкой кадров и необходимой координации между региональной властью и муниципальными образованиями на территории субъекта.

Роль общественных организаций, а именно Федерации шахмат России, региональных и муниципальных федераций шахмат является необходимым связующим звеном между видом спорта шахматы и шахматным образованием. Здесь и методологическая поддержка, организационная и кадровая (таблица 1).

Таблица 1. Вклад участников в проект «Шахматы в школах»

Участники	Вклад	Результат
Федерация шахмат России	<ul style="list-style-type: none"> – Организация конкурса между субъектами Российской Федерации (ежегодно); – координация и поддержка проекта на федеральном уровне; – проведение итогового командного соревнования между региональными школами-победителями (ежегодно); – методологическая поддержка проекта; – др. 	<ul style="list-style-type: none"> – Развитие вида спорта шахматы на территории России; – популяризация вида спорта шахматы среди детей.
Региональные федерации шахмат	<ul style="list-style-type: none"> – Формирование заявок регионов в отборе на участие в проекте «Шахматы в школах» (одноразово); – взаимодействие с региональной властью, согласование совместного участия в реализации проекта «Шахматы в школах» на территории региона; – участие в реализации проекта на территории субъекта (непрерывно); – содействие в реализации проекта на территории муниципальных образований субъекта (непрерывно); – подготовка преподавателей к участию в проекте «Шахматы в школах»; – информационная поддержка проекта (непрерывно); – др. 	<ul style="list-style-type: none"> – Участие региональной федерации во всероссийском проекте «Шахматы в школах»; – развитие вида спорта шахматы на территории субъекта Российской Федерации; – развитие вида спорта шахматы в муниципальных образованиях на территории региона.
Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко	<ul style="list-style-type: none"> – Безвозмездная передача шахматного инвентаря и литературы участникам проекта (ежегодно); – проведение конкурса на лучшую программу преподавания в регионах и поощрение победителей (ежегодно); – финансирование команд-победителей на всероссийское соревнование по проекту «Шахматы в школах» (ежегодно); – др. 	<ul style="list-style-type: none"> – Благотворительность направленная на развитие детей.

Участники	Вклад	Результат
Регион Российской Федерации	<ul style="list-style-type: none"> – Реализация социальной политики в регионе; – внесение изменений в нормативные документы региона (при необходимости); – совместное участие с региональной федерацией в обучении тренеров-преподавателей в школах в рамках проекта (ежегодно); – координация проекта в муниципальных образованиях субъекта (непрерывно); – др. 	<ul style="list-style-type: none"> – Участие во всероссийском проекте «Шахматы в школах»; – реализация инновационных проектов в регионе; – повышение успеваемости учеников в школе на территории региона.

Частно-государственный подход в теории общественных благ отдает приоритет институту частной собственности и допускает неравномерность в распределении благ в обществе. Сторонники смешанного подхода считали, что должен поддерживаться особый баланс между величиной расходов, необходимых для удовлетворения потребностей, обеспечиваемых исключительно рынком, и величиной расходов, необходимых для удовлетворения потребностей, обеспечиваемых исключительно обществом, так называемых «общественных благ» [7].

Успех реализации социальных проектов во многом стал возможен с изменениями в образовательном процессе и поиске инновационных решений. Реализацию проекта «Шахматы в школах» на территории Российской Федерации можно отнести к успешному государственно-частному партнерству, и многолетняя практика подтвердила такую модель социального партнерства. Таким образом, можно утверждать, что проект «Шахматы в школу» – общественное благо, способно сделать детей умнее.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021)

3. Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. – 1998. – 10 дек. – С. 4.
4. Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 18–21.
5. Самуэльсон П.А. Экономика. – М.: Алгон ВНИИСИ, 1992. – Т. 1
6. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – С. 75.
7. Цыренова В.Д. «Эволюция понятия общественное благо в разных экономических школах», Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 18–21.

THE CHESS IN SCHOOLS PROJECT IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF THE PUBLIC GOOD

Smetana V.V.

Chess Federation of the Krasnodar Territory

The article analyzes the social project «chess in schools» in the format of public-private partnership in the context of the theory of the public good. The evolutionary patterns of the development of the theory of the public good, scientific schools and the logic of the transformation of the theory from general reflections on the public good to a consistent introduction into the world economy are considered. The legislative consolidation of the principles of the theory of the public good in international acts and further in the Russian law of individual legislative decisions contribute to the promotion of the public good at the state level. The social project «chess in schools» reflects the logic of the project and the role of the project participants (the Timchenko Foundation, the Chess Federation of Rus-

sia, the regions of the Russian Federation and the Chess Federation of the Russia regions) to achieve the public good in a fundamentally new format.

Keywords: social project, public good, social partnership, chess in schools, public-private partnership.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Federal Law of December 29, 2012 N 273-FZ (as amended on July 2, 2021)
3. Universal Declaration of Human Rights: adopted and proclaimed by the UN General Assembly on December 10. 1948 // Ros. gas. – 1998. – Dec 10. – S. 4.
4. Bulletin of the Buryat State University. 2014. No. 2. S. 18–21.
5. Samuelson P.A. Economy. – M.: Algon VNI- ISI, 1992. – T. 1.
6. Smith, A. Research on the nature and causes of the wealth of peoples. – Moscow: Publishing house of socio-economic literature, 1962. –S. 75.
7. Tsyrenova V.D. «Evolution of the concept of public good in different schools of economics», Bulletin of the Buryat State University. 2014. No. 2. S. 18–21.

Мировоззренческий фактор в контексте социального управления (на примере российского общества)

Сметанкина Людмила Васильева,

доктор философских наук, федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военная ордена Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Ismetankina.umo@mail.ru

Упоров Иван Владимирович,

доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: Ismetankina.umo@mail.ru

Рассматривается проблема взаимосвязи института социального управления и мировоззренческих начал в его осуществлении применительно к российскому обществу. Даётся характеристика отдельных компонентов мировоззрения как философской категории с точки зрения его воздействия на общественные отношения. Подчеркивается наблюдаемая в России нестабильность ценностных ориентиров в процессе ее исторического развития, о чём свидетельствуют произошедшие в короткое время кардинальные изменения государственного устройства сначала в 1917 г. (падение империи), а затем в 1991 г. (распад СССР), показываются причины этого явления. Делается вывод о том, что для современной России необходим поиск и формирование такой концепции социального управления, которое опиралось бы на мировоззрение, основные составляющие которого были бы близки как властно-управляющей элите, так и основной части российского народа. И здесь важнейшую роль в выработке теоретических основ социального управления имеет научное сообщество, учитывая конституционный запрет государственной или обязательной идеологии и отсутствие ясных ориентиров дальнейшего общественного развития.

Ключевые слова: мировоззрение, социальное управление, общество, ценности, народ, нигилизм, демократия, власть.

О социальном управлении в современном его понимании можно говорить, начиная с этапа территориально-правовых образований, обладающих признаками государства (около четырех тысяч лет назад), когда стали формироваться управленческие структуры с целью обеспечения как общих интересов населения, проживающего в границах государства, так и интересов правящих элит. Эти структуры имели и имеют властный характер. И уже с самой древности публичная власть стала предметом размышлений многих мыслителей (Платон, Аристотель, Гоббс, Локк, Макиавелли, Вольтер, Руссо, Монтескье, Радищев, Писарев и др.), что вполне объяснимо, поскольку от того, как устроена власть, напрямую зависит повседневная жизнь людей. При этом власть понимается по-разному и, несмотря на прошедшие века, дискуссии на этот счет продолжаются. Так, Ю.Н. Родионова отмечает, что «философы говорят о власти над объективными законами общества, социологи – о власти социальной, экономисты – о власти хозяйственной, юристы – о государственной власти, политологи – о политической власти, естествоиспытатели – о власти над природой, психологи – о власти человека над самим собой, родители – о семейной власти, богословы – о власти от Бога и т.д. и т.п.» [1, с. 83].

В социальном управлении участвуют два главных субъекта – управляющие и управляемые. Управляющими являются прежде всего представители государственной власти, поскольку именно государственная власть в наибольшей степени осуществляет управление обществом, издавая для этого соответствующие нормативно-правовые акты, обеспечивая судебные процедуры, защищая признанные в обществе обычаи, при необходимости применяя меры принуждения, в том числе администра-

тивные и уголовные наказания. Соответствующий властно-управленческий аппарат состоит из центральных, региональных и местных органов власти (так, в современной России, согласно конституционным нормам, формируются властные структуры на уровнях федеральном, субъектов РФ и муниципальном), и в совокупности властно-управленческий аппарат состоит из множества должностных лиц, выполняющих вполне конкретные управленческие решения и действия. Управляемыми являются все население/ массы/ группы/ отдельные индивиды. При этом эффективность социального управления зависит от ряда факторов, многие из которых подробно рассмотрены в литературе (Г.К. Артамонова, А.Б. Артемьев, А.М. Барнашов, А.И. Демидов, В.Н. Жуков, А.М. Ким, Б.А. Кистяковский, Т.В. Милушева, Р.Т. Мухаев, В.В. Налимов, К.В. Петров, П.П. Сальников, М.М. Султыгов, В.Ф. Халипов, Г.Ф. Шершеневич, О. Эрлих и др.). Для его анализа, как правило, берутся отдельные исторические вопросы формирования публичной власти, различные аспекты властной деятельности, статус управляющих органов, психология управляемых и т.д. Однако недостаточно внимания уделяется мировоззренческому фактору. Дело в том, что каждый человек, хочет он того или нет, несет в себе определенную мировоззренческую составляющую, которая естественным образом формируется в процессе его жизнедеятельности и обычно им не рефлексируется (это касается большинства населения государства), поскольку входит в повседневный, привычный образ жизни. Между тем на высшем властном олимпе мировоззрение правящей элиты вполне осознается, определенным образом фиксируется, закрепляется и защищается. В этой связи вполне очевидна зависимость эффективности социального управления (уровня благосостояния населения, социально-экономического развития и т.д.) от того, каким мировоззрением обладают лица, облеченные властью в данной сфере общественных

отношений; но не менее важно и то, как мировоззрение управляемых позволяет принимать/ не принимать и выполнять/ не выполнять властно-управляющие решения.

Данная проблематика затрагивается в работах Д. Бернхема, Б.И. Берштейна, В.И. Боршевича, М.П. Блау, Г.И. Герасимова, И.Г. Голышева, Д.Г. Григоренко, С.А. Зелинского, В.Н. Иванова, В.А. Колеватова, О.Ю. Колосовой, Л.Д. Рассказова и др. Вместе с тем указанное влияние мировоззренческого фактора правящих элит на социальное управление несет в себе немало дискуссионных вопросов. Остановимся на некоторых из них.

Уточняя исходные позиции, следует отметить, макросоциальное воздействие осуществляется через сознание личности, включенное в общественное сознание, проявляется в соответствующих изменениях на мировоззренческом уровне. Но одновременно изменение личностного сознания всегда начинается с трансформации мировоззренческих оснований. Чтобы выявить сущность мировоззренческих параметров в социальном управлении необходимо исследовать взаимосвязь в системе: мировоззрение личности – факторы, обуславливающие мировоззренческие изменения – специфика управления как социального феномена, исходя из мировоззренческих взглядов представителей правящих классов. Существование данной взаимосвязи тем болееочно, что «специфика российского общества, кроме прочего, состоит в том, что процесс глобализации накладывается на противоречивый процесс трансформации, сопровождающийся углублением социального неравенства и маргинализацией значительной части населения. Трансформация российского общества не только с неизбежностью повлекла за собой изменения в социальной структуре, но и остро поставила перед традиционными общностями вопрос об осознании индивидуальной и групповой социальной идентичности, интеграции и дезинтеграции, месте в соци-

альной иерархии, солидарности, уровне сплоченности, системе ценностей» [2, с. 263]. При этом ценностный уровень является одним из важнейших компонентов мировоззрения личности, которое включает в себя, кроме ценностного, познавательный, эмоционально-волевой, практический компоненты и определяется как интегральное образование общественного и индивидуального сознания (знания, убеждения, верований, ценности, идеалы, социальные нормы и др.), т.е., мировоззрение личности (совокупность взглядов, оценок, норм, установок) определяет ее отношение к окружающему миру и выступает как исходный регулятор поведения людей в виде некого ориентира, исходя из которого, личность формирует свою деятельность, обосновывая ее мотивы в системе принятых ценностей, норм и, направляя ее в социально приемлемое русло. Соответственно, привносимые извне в мировоззренческую систему нормы и ценности, интегрируясь оказывают либо созидающее (в случае синхронизации с уже имеющимися нормами и ценностями), либо разрушающее действие. Во втором варианте происходит трансформация мировоззрения, которая может привести к полной перестройки всей системы социального управления, поскольку этот компонент влияет на большинство населения государства.

Следующий компонент мировоззрения – познавательный – определяет конкретно-научную и универсальную картину мира, его использование наиболее эффективно при управлении воздействии на личность или небольшую группу людей. В отличие от этого компонента, эмоционально-волевой наиболее эффективен при воздействии на массы, т.е. на значительную часть общества, поскольку в массе стираются личностные различия, рациональность отсутствует и масса «живет» эмоциями (пример – революции 1917 г. в России). Что касается личностного уровня, эмоционально-волевое освоение знаний, ценностей и норм формирует мотивацию и установку на го-

товность к определенному поведению. Оно происходит через символы и социальные мифы. Символы, воздействуя на эмоции и чувства, приводят к эмоционально-волевой дисбалансировке, что способствует мифологизации сознания посредством внедрения в него созданных социальных установок, в том числе мифов (пример – «запущенная» СМИ в конце 80-х гг. установка о возможности демократизации советского общества, оказавшаяся мифом). Сила воздействия такого рода социальных мифов объясняется тем, что они оправдывают общественные установки, санкционирующие определенные типы верований и алгоритмы поведения. При интеграции социальных мифов в сознание личности происходит подмена понятия «познание» на «мироощущение», т.е. когда некое чувственное, часто иррациональное со-переживание, мыслимое исходя из принесенного социального мифа на уровне сознания как должное, совпадает с переживаемым, в то время как действующее – с тем, что действует, соответственно, прошлое нередко связывается с будущим, и, создавая видимость некой духовной связи, такое представление об окружающем мире предстает как нечто реальное, и социальные мифы, поддерживая или переконструируя систему ценностей и санкционируя определенные нормы и типы поведения, в определенной мере выступают в качестве стабилизаторов общественной жизни (например, в начале 1990-х гг. при развале экономики власть дала установку – каждый гражданин может и должен стать собственником, для чего провела ваучерную приватизацию, приватизацию квартир, что позволило после распада СССР не допустить хаоса в стране).

Относительная легкость восприятия обществом новых социальных установок можно объяснить, с одной стороны, психологической готовностью большинства населения России следовать за указаниями властующей элиты, ввиду исторической обусловленности (длительное влияние Орды, наличие

крепостного права и др.), с другой – мощью властной элиты, имеющей в своем распоряжении необходимые ресурсы для распространения этих установок и обеспечения «нужной» общественной идеологии, вытекающей из такого рода установок, включая методы принуждения. Например, миф о возможности построения коммунизма в СССР, закрепленного в Программе КПСС и очень активно и агрессивно внедряемого партийно-советской властью в сознание людей через систему образования, политического просвещения, СМИ, обязательное изучение учебной дисциплины «научный коммунизм» в вузах и т.д. В этот миф верили многие граждане СССР. Однако к 1980 г. вместо торжественно обещанной материально-технической базы коммунизма, изобилия материальных и прочих благ, население столкнулось с дефицитом многих товаров повседневного спроса, в экономике стагнация. В таких условиях слова лидера СССР Н.С. Хрущева, сказанные на XXII съезде КПСС в 1961 г. о том, что нынешнее поколение советских граждан будет жить при коммунизме, перестали восприниматься серьезно, миф о коммунизме стал рассыпаться (в 1991 г. распался СССР, построенный на коммунистической идеологии).

И тогда деидеологизация стала одной из ведущих тем перестройки во второй половине 1980-х гг., охватившей все сферы жизни общества, что привело к разрушению прежнего коммунистического идеологического пространства, и на выборах властных структур (Съезда народных депутатов, Верховного Совета СССР и РСФСР), которые проводились на высокой эмоциональной волне, направленной на отвержение прежнего советского строя, компартия потерпела поражение. Процесс деидеологизации преподносился новой постсоветской властью (во главе с Б.Н. Ельциным) как тождественный процессу создания гражданского общества без навязывания государством какой-либо обязательной идеологии. Но уход государства из сферы идеологии привел к потере ценностной систем-

мы, лежащей в основе массового мировоззрения, что с точки зрения науки было вполне естественным и прогнозируемым, поскольку, исходя из концепции травматических перемен П. Штомпки [3], резкие и радикальные социальные изменения травмируют общественный организм. Последствие – социокультурная травма, так как обесцениваются и разрушаются традиционные символы, смыслы, ценности, нормы, что приводит к утрате ранее накопленного социального капитала, жизненного опыта и, как следствие, личностно переживаемому чувству заброшенности, потерянности, отчужденности многих людей. В результате начавшейся глубинной трансформации ментальных оснований в обществе стал формироваться новый тип личности: по терминологии Г.И. Колесниковой и С.И. Архипенко – практический на основе прозападного менталитета. Начало данной трансформации ментальных оснований как раз было связано с разрушением идеологических ценностей, поскольку для массового сознания правовое начало ассоциируется с государством, с идеологическими ценностями. Следовательно, кризис государства спровоцировал деидеологизацию, которая привела к тотальному разочарованию в социальных ценностях и формированию правового нигилизма, занявшего «освободившееся» место морали и нравственности в прежней мировоззренческой структуре большинства населения СССР, и «в этом нарушенном правовом пространстве не мог не вылезть парадокс, когда человек, с одной стороны, ратует за законность, за правопорядок, но в то же время, с другой стороны, считает возможным нарушать законы, если это будет полезным для него лично и не будет ущемлять интересы его и его группы» [4, с. 226].

Заметим, правовой нигилизм проявляется обычно в двух формах: мировоззренческой и поведенческой, их взаимосвязанность образует некий порочный замкнутый круг. При этом поведенческие формы в своей основе, можно свести к игнорированию зако-

нов, в то время как аксиологическая природа человеческого начала требует постоянной «подпитки» на всех уровнях (личность/группа/масса) со стороны государственных и управлеченческих структур, без которой аксиологические начала утрачиваются, а человеческое начало деградирует. Свертывая правовое регулирование под флагом защиты частного предпринимательства и коммерческой тайны, власть выпускала из рук рычаги управления, придавая процессу внедрения институтов предпринимательства стихийный характер, содействуя тем самым формированию «дикого капитализма» [5, с. 10]. Следовательно, изменения в мировоззрении личности в современном российском обществе можно считать производными от деидеологизации, что проявляется в более высоком уровне правового нигилизма. Вместе с тем в российском обществе правовой нигилизм в большой степени обусловлен не столько спецификой переходного периода, сколько «юридическим невежеством, косностью, отсталостью, правовой не воспитанностью основной массы населения» [6, с. 590]. Это объясняется тем, что еще в советский период правовое просвещение было слабым, особенно по сравнению с идеологической пропагандой. Однако пренебрежительное отношение к праву в России присутствовало всегда. Так, еще А.И. Герцен писал о том, что «правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины законов научила его не навидеть другую, он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности» [7, с. 251]. По этому поводу В.В. Фортунатов, характеризуя петровскую эпоху, отмечает, что европейская идея свободы личности, свободы совести не стала для Петра I путеводной, напротив, человек оставался в России «бесправным, беззащитным, букашкой перед произволом власти, чиновника, императора ... Реальным результатом петровских реформ стало создание по-

лицейского, деспотического государства» [8, с. 102]. И действительно, органы публичной власти, включая суд, которые, в известном смысле, должны быть школой «для народа, из которой помимо уважения к закону должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству» [9, с. 360], не выполняли данную функцию, и в существенной степени эта проблема остается до сих пор актуальной. Это явление стало одной из причин очень быстрого, молниеносного развала как царско-монархического, а затем, спустя несколько десятилетий, и советского режимов [10, с. 217].

Кроме того, истоки правового нигилизма, как ни парадоксально, можно найти в православной структуре мировоззрения, в которой, в отличие, например, от протестантской, главенствующую позицию занимает нравственность, а не право. Нравственность, основываясь на живом чувстве, а не на рефлексии в качестве регулятора социального поведения, действует более непосредственно, чем право. Когда возникает дилемма поступить по «состести» или по «закону», она чаще всего разрешается в пользу совести. Отсюда вытекает неудовлетворенность личности/групп/масс в российском обществе, руководствующихся неотрефлексированными представлениями о справедливости, а не правовыми нормами при решении вопросов.

Следующие два компонента мировоззренческой структуры, характеризующих современное российское общество, тесно связаны между собой, поэтому их целесообразно рассматривать в единстве. Речь идет о насаждющейся культуре потребления и о культе социального успеха. Оба эти факто-ры были частично описаны Р. Мертом и Д. Мак-Клелландом, и имеют основание в априорной направленности любой деятельности на достижение социального успеха как средства для получения материального благополучия, воспринимаемые как единственно достойная цель. Подобная направленность деятельности личности формируется,

когда в обществе отношения «между институтами и массовыми практиками возникают в условиях социальных изменений. Если цель социального взаимодействия, заданная базовыми абстракциями, в экономических и политических институтах не достигается, возникает конфликт, который вначале должен найти свое разрешение внутри мировоззренческой системы (устранение противоречия между абстракциями базовой идеологии и реальными практиками). Если мировоззренческий конфликт не устраняется на базе имеющейся предельной абстракции, возникает потребность в ее уточнении или замене» [11, с. 26]. Указанная потребность, как писал еще в 1962 г. Мак-Клелланд, является не врожденной, а приобретенной в процессе жизнедеятельности и может быть свойственна как отдельным личностям, так и группам и обществам [12, с. 57]. При этом достижительные ориентации существовали всегда и проявлялись во всех типах обществ, различаясь степенью интенсивности, которая обусловлена сочетанием факторов (социальных, политических, нравственных) на разных этапах исторического развития. Стоит заметить, что «культ социального успеха» в качестве общезначимых культурных ценностей не присущ для российского общества, но характерен для западного, например, для большинства американцев критерием достижения «жизненного успеха», является получение доступа к определенному набору материальных благ [13, с. 121]. То есть, выстроилась логическая связка между понятиями «успех» и «материальные блага».

И в этом смысле интересна точка зрения Ж. Бодрийара «революция благосостояния» является наследницей, исполнительницей завещания буржуазных революций, которые возвели в демократический принцип равенство людей, не умея (или не желая), в сущности, реализовать его, и тогда этот демократический принцип применяется «не на уровне реального равенства, равенства способностей, ответственно-

сти, социальных возможностей, счастья (в широком смысле слова), а на уровне равенства перед предметом и другими очевидными знаками социального успеха и счастья. Это – демократия уровня жизни, демократия телевизора, автомобиля и стереосистемы, демократия по видимости конкретная, но также полностью формальная, которая соответствует – по ту сторону социальных противоречий и неравенств – формальной демократии, записанной в Конституции. Обе они, оправдывая одна другую, соединяются в глобальную демократическую идеологию, которая скрывает отсутствие демократии и неуловимость равенства» [14, с. 157].

Тем не менее, именно эти достижительные ориентации продолжают выступать в качестве базисной поведенческой детерминанты современного западного общества, и, более того, достаточно зримо перемещаются на постсоветское пространство, включая Россию, неся с собой соответствующие рычаги социального управления. В частности, в этой парадигме, как отмечает В.И. Ильин, «царствует демократия потребителей, появляется развитая система кредита, разнообразные формы электронных банковских карточек, что резко ускоряет процесс принятия решения о более или менее крупных покупках и сводит к минимуму время на раздумья. Система массового потребительского кредита превращается в основу новой формы социального контроля, которая оказывается эффективнее репрессивных инструментов. Всем есть, что терять, кроме цепей. И система массового кредита делает риск потери особенно чувствительным» [15, с. 26]. Данная тенденция становится в России все более тревожной – так, в настоящее время «общий размер долгов россиян превышает расходную часть федерального бюджета за год. Но главная проблема даже не в абсолютных цифрах, а в темпах, которыми ужесточается общее долговое бремя. Граждане сильно подсели на кредиты в начале 2021 года ... В этот период физлицам было выдано 4,2 трлн руб.

лей, что на 50% превосходит показатели 2019–2020 годов» [16].

Как видно, специфика управления как социального феномена в современном российском обществе, исходя из мировоззренческого параметра, во многом определяется тем, что модернизационные процессы направленные на реализацию провозглашенного политической элитой демократического курса преобразования системы государства по западному образцу, детерминируют повышение рискогенности в российском обществе, что приводит к дисфункции либерального развития и маргинализации больших социальных групп, это, в свою очередь, диктует необходимость смены мировоззренческих установок в самой системе социального управления. Необходимость этого обусловлена сложившейся парадоксальной ситуацией, приводящей к снижению доверия к управлению как социальному феномену (на всех уровнях социального управления) ввиду расходления декларируемых приоритетах управления и реально ею реализуемыми стратегиями, когда личность оказывается беззащитной и перед властью, и перед криминалитом. В этой связи Е.А. Пушкин полагает, что «в России необходимы отход от ставшего «модным» общества безграничного потребления и вседозволенности, обращение к своим культурным корням ... к «охранительству» и «консервации» преимущественно сложившегося социального и государственного порядка России, в умеренном прогрессивном его развитии» [17, с. 28]. Такой подход представляется вполне логичным, поскольку у западного и российского обществ разные истории, менталитеты, и поэтому, с точки зрения содержания мировоззренческих составляющих, агрессивное внедрение западного «культа личного успеха» в российский «приоритет общественных интересов» может существенно расстроить весь общественно-государственный механизм Российской Федерации с очень большими негативными последствиями. Исходя из этого, с целью повышения эффективности

социального управления российским обществом, целесообразно скорректировать его мировоззренческую составляющую, поскольку в России личность, как носитель собственно человеческого начала, «признает еще и общественный интерес, высокие ценности, на основании которых она является частью огромного социума, страны, а на современном этапе – всего человечества. Более высокие уровни интеграции должны включать в себя более низкие, групповые, индивидуальные на новом качественном уровне. Отсюда и поиск духовного, цивилизационного единства» [18, с. 72].

Важнейшей в этом контексте видится необходимость смещение акцента с внешних приоритетов к внутренним, выдвигая на первый план значимость личности и ее интересов как гражданина, а также вопросы социальной защищенности россиян, что будет отвечать декларированным в Конституции России принципам и нормам. Такой подход позволит в большей степени сохранять традиционные для российского общества ценности. Одновременно с этим, с учетом сложной международной обстановки, необходимо укреплять механизмы реализации народного суверенитета как основного содержания генеральной функции российского государства, и в этом смысле в конституционных поправках 2020 г. как раз указывается «на повышение роли безопасности как важной государственной ценности, расширение сферы публично-властного управления в отдельных отраслях национальной безопасности» [19, с. 4]. Но здесь есть очень тонкая грань, перейдя за которую, власть, укрепляя государственную безопасность, не должна ограничивать права граждан, а такое явление имеет место, поэтому требуется более активная позиция гражданского общества, соответственно отсюда вытекает значимость формирования общих мировоззренческих начал как у населения, так и у истеблишмента. Необходимо также предпринять меры по снижению уровня правового нигилизма, внимание следу-

ет акцентировать на правящих элитах, поскольку в настоящее время политическая целесообразность по-прежнему нередко занимает главенствующую позицию по отношению к праву, что наблюдается во властно-управляющих решениях по многим сферам общественных отношений; логика здесь проста: если, «наверху» обходятся с законом произвольно, то такая психология с неизбежностью «спускается» в массы. Нельзя не сказать и о роли научного сообщества в выработке теоретических основ социального управления в контексте мировоззренческих начал, здесь имеется широкое поле деятельности, учитывая отказ от государственной или обязательной идеологии (ст. 13 Конституции РФ). Несомненно, российский народ, преодолев почти тысячелетнюю эпоху монархизма и несколько десятилетий социализма, нуждается, после разрушительных исторических зигзагов, в ясных ориентирах дальнейшего общественного развития, необходимы как теоретические конструкции, так и конституционные нормы.

Литература

1. Родионова Ю.Н. Сущность политической власти // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. 2007. № 3. –С. 81–89.
2. Голенкова З.Т. Социальная стратификация современного российского общества: поиски подходов к изучению // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. В 3 т. М.: Альфа, 2003. Т. 3. – С. 260–265.
3. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. – С. 3–12.
4. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 543 с.
5. Мартышин О.В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. № 5. – С. 3–13.
6. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юрист, 2001. – 776 с.
7. Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 т. – М.: АН СССР, 1956. Т. 7. – 467 с.
8. Фортунатов В.В. Российская история в афоризмах. – СПб.: Питер, 2010. 318 с.
9. Кони А.Ф. Собрание сочинений. В 8 т. – М.: Юридическая литература, 1967. Т. 4. – 544 с.
10. Романовская В.Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 1997.
11. Белогорцев В.Н. Социокультурные трансформации и религия: концептуальный и культурно-исторический анализ: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: – Ростов н/Д, 2010. – 46 с.
12. Мак-Клелланд Д. Достижительное общество // Ведомости прикладной этики. Вып. 16. Тюмень: НИИПЭ. 2000. – С. 52–60.
13. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: ACT, Хранитель, 2006. – 873 с.
14. Бодрияр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
15. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. Социология. Этнология. 2005. № 2. – С. 3–35.
16. Степанов Г. Установлен новый рекорд закредитованности россиян // Московский комсомолец. – 2021. – 25 мая. – С. 2.
17. Пушкирёв Е.А. Политическое управление системой правовой безопасности личности в современной России. Автореф. д-ра политич. наук. Ростов н/Д, 2011. 51 с.
18. Савин С.К. Формирование мировоззрения молодежи Российской Федерации в современных условиях: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2006. –138 с.

19. Епифанов А.Е., Мокхов А.Ю. О реализации генеральной функции современного российского государства // Право и практика. 2021. № 3. С. 4–10.

WORLD OUTLOOK FACTOR IN THE CONTEXT OF SOCIAL GOVERNANCE (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN SOCIETY)

Smetankina L.V., Uporov I.V.

Marshal Budyonny Military Signal Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The article deals with the problem of the relationship between the institution of social management and ideological principles in its implementation in relation to Russian society. The characteristic of individual components of the worldview as a philosophical category from the point of view of its impact on social relations is given. The article emphasizes the instability of values observed in Russia in the process of its historical development, as evidenced by the cardinal changes in the state structure that took place in a short time, first in 1917. (fall of the empire), and then in 1991. (collapse of the USSR), the reasons for this phenomenon are shown. It is concluded that for modern Russia it is necessary to search and form such a concept of social management, which would be based on a worldview, the main components of which would be close to both the ruling elite and the main part of the Russian people. And here the scientific community has a crucial role in developing the theoretical foundations of social management, given the constitutional prohibition of state or mandatory ideology and the lack of clear guidelines for further social development.

Keywords: worldview, social management, society, values, people, nihilism, democracy, power.

References

1. Rodionova Yu.N. The essence of political power // Bulletin of the Kazakh-American Free University. 2007. No. 3. –S. 81–89.
2. Golenkova Z.T. Social stratification of modern Russian society: search for approaches to study // Russian society and sociology in the XXI century: social challenges and alter-natives. In 3 volumes. M.: Alpha, 2003.Vol. 3. – S. 260–265.
3. Shtompka P. Cultural trauma in post-communist society (article two) // Sociological studies. 2001. No. 2. – S. 3–12.
4. Toshchenko Zh.T. A paradoxical person. – M.: UNITI-DANA, 2008. – 543 p.
5. Martyshin OV Several theses on the prospects of the rule of law in Russia // State and Law. 1996. No. 5. – S. 3–13.
6. Theory of State and Law / Ed. N.I. Matuzova, A.V. Malko. – M.: Jurist, 2001. – 776 p.
7. Herzen A.I. Collected Works. In 30 volumes – Moscow: AN SSSR, 1956.Vol. 7. – 467 p.
8. Fortunatov V.V. Russian history in aphorisms. – SPb.: Peter, 2010.318 p.
9. Horses A.F. Collected Works. In 8 volumes – M.: Legal Literature, 1967.Vol. 4. – 544 p.
10. Romanovskaya VB Repressive Bodies and Public Legal Awareness in Russia: Author's abstract. dis... Dr. jurid. sciences. – SPb., 1997.
11. Belogortsev V.N. Socio-cultural transformations and religion: conceptual and cultural-historical analysis: Author's abstract. dis... Dr. Philos. sciences: – Rostov n / a, 2010. – 46 p.
12. McClelland D. Achievable society // Bulletin of applied ethics. Issue 16. Tyumen: NIIP. 2000. – S. 52–60.
13. Merton RK Social theory and social structure. – M.: AST, Keeper, 2006. – 873 p.
14. Baudrillard J. Consumer Society. Its myths and structures. – M.: Cultural revolution, Republic, 2006. – 269 p.
15. Ilyin V.I. Consumer society: theoretical model and Russian reality // World of Russia. Sociology. Ethnology. 2005. No. 2. – P. 3–35.
16. Stepanov G. A new record of the Russians' debt burden has been set // Moskovsky Komsomolets. – 2021. – May 25. – S. 2.
17. Pushkarev E.A. Political management of the personal legal security system in modern Russia. Abstract of thesis. Dr. polit. scienc-es. Rostov n / a, 2011.51 p.
18. Savin S.K. Formation of the world outlook of the youth of the Russian Federation in modern conditions: dis... Cand. Philos. scienc-es. – M., 2006. –138 p.
19. Epifanov A.E., Mokhov A. Yu. On the implementation of the general function of the modern Russian state // Law and Practice. 2021. No. 3. S. 4–10.

Тенденции перфекционизма в системе управления человеческими ресурсами университета

Филясова Юлия Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: phill.yield@gmail.com

Цель работы – выявить тенденции перфекционизма в системе управления человеческими ресурсами (УЧР) университета на основе анализа ее основных функциональных областей. В качестве материала исследования была использована информация, размещенная на сайтах 22-х наиболее известных университетов США и Великобритании. Результаты анализа показали, что к перфекционистским тенденциям относятся: привлечение лучших кандидатов, соответствующих высоким профессиональным стандартам; формирование высоких ожиданий от выполнения профессиональной деятельности; многокритериальная оценка деятельности ППС относительно совокупных достижений университета; предельная оптимизация расходов на персонал. Социально-экономический эффект положителен для университета: достижение целей, повышение конкурентоспособности, экономия бюджетных средств. Для научно-педагогических работников создаются условия повышенной конкуренции, критериальная оценка деятельности, минимизация оплаты труда. Риски представляют: непрозрачность системы оценки трудовой деятельности, применение завышенных критериев без обеспечения должного вознаграждения, соответствующего текущей рыночной ситуации. Негативные последствия рисков затрагивают не только социально-психологическое положение преподавателей, но и будущее университета. Практические рекомендации по совершенствованию системы УЧР включают: развитие системы управленческого учета, увеличение инвестиций в человеческий капитал, управление карьерой ППС, повышение качества управленческого труда.

Ключевые слова: перфекционизм, УЧР, развитие персонала, человеческий капитал, управленческий учет, оценка эффективности, управление карьерой персонала, инвестиции в человеческий капитал.

Система управления человеческими ресурсами (УЧР) призвана обеспечить кадровое наполнение организации, эффективность деятельности и социальное развитие отдельных работников, рабочих групп и трудового коллектива в целом. В условиях социально-экономической неопределенности, нестабильности и повышенной рыночной конкуренции система УЧР приобретает черты перфекционизма, поскольку ориентирует работников не только на достижение целей организации, но и перевыполнение планов для приобретения дополнительных резервов и устойчивого развития университета.

Университет сегодня – это, прежде всего, центр научной мысли и передового научного опыта, в котором образовательная деятельность основывается на собственных научных достижениях и разработках, обеспечивающих его конкурентное преимущество. Университет является тем институтом, который должен обеспечить общество новыми подходами, методами и инструментами для будущего устойчивого развития и социального благополучия.

Система УЧР университета характеризуется тенденциями перфекционизма в следующих функциональных областях:

- 1) планирование и отбор персонала;
- 2) оценка деятельности и профессионального развития персоналом;
- 3) мотивация и управление развитием карьеры персонала;
- 4) обеспечение эффективности университета.

Процесс планирования персонала осуществляется на основе анализа стратегических целей развития и практических задач университета, анализа рынка и оценки текущей позиции университета, анализа текущих и прогнозируемых потребностей университета в кадровом обеспечении. Перфекционизм системы УЧР проявляет-

ся в стремлении привлечь кандидатов, не только максимально соответствующих требованиям к должности, но и обладающих явными конкурентными преимуществами. Перфекционизм является показателем стремления университета занять лидерские позиции по отношению к другим вузам. Именно персонал является проводником перфекционистских намерений университета как центра науки и инноваций.

Оценка профессиональной деятельности и развития персонала выполняется на основе определенных качественных и количественных критериев, являющихся значимыми для развития университета. Управленческому учету подлежат показатели научной работы, рост профессиональных компетенций, трансфер знаний и технологий, успехи и достижения в педагогической деятельности, вовлечение студентов всех уровней в исследовательскую работу, развитие международных связей, проведение мероприятий по реализации национальной и региональной политики в социально-экономической, политической, культурной жизни общества. Внушительный перечень показателей эффективности персонала [9, с. 103], с одной стороны, отражает многогранность функциональных сфер университета и его важную роль в жизнедеятельности современного общества; с другой стороны, создает предпосылки для формирования перфекционистских тенденций в системе УЧР на основе завышенных ожиданий результатов деятельности персонала.

Согласно общемировой практике, мотивационный механизм управления персоналом состоит в целенаправленной активации стремления работников к достижению ключевых показательности эффективности университета с помощью материального и нематериального стимулирования. Увеличение трудовой компенсации пропорционально объему индивидуальных и коллективных достижений. Выполнение базовых трудовых функций гарантирует работникам предоставление минимального размера заработной платы. Дости-

жение целей, превышающих известные трудовые обязанности, дает право работнику претендовать на больший размер выплат. Перфекционизм системы УЧР проявляется в стремлении, во-первых, максимально оптимизировать расходы на персонал для создания условий конкуренции, во-вторых, активно транслировать высокие организационные цели каждому работнику, обеспечивая взаимосвязь индивидуальных и организационных достижений.

Конечной целью системы УЧР, как и любого другого структурного подразделения университета, является обеспечение его эффективности как образовательной организации. Перфекционизм системы УЧР проявляется в тенденции превышения значимости совокупных эффективных показателей университета над индивидуальными достижениями работника. в стремлении к восприятию индивидуальных достижений работника как частных незначимых случаев относительно совокупных результатов университета.

Материалом исследования послужила информация на сайтах наиболее известных университетов США и Великобритании в разделе «Управление персоналом» – требования к кандидатам, компенсация и дополнительные выплаты: Калифорнийский, Принстонский, Гарвардский, Колумбийский университеты, Массачусетский технологический институт, Йельский, Стэнфордский, Чикагский университеты, Университет Джона Хопкинса, Северо-Западный, Брауновский университеты, Университет Вашингтона в Сент-Луисе, Йоркский, Уорикский, Кембриджский университеты, Имперский, Университетский колледжи Лондона, Бристольский, Ланкастерский, Даремский университеты, Университет Лафборо, Университет Бата.

Мотивация выбора американских и британских университетов в качестве объекта анализа продиктована интеграцией отечественной системы высшего образования в мировое научное и образовательное пространство. Трансформация всей системы носит

поэтапный характер, начиная с изменений в уровнях подготовки обучающихся, парадигме образования, и далее – в системе управления персоналом. Постепенно в отечественной практике перенимаются все аспекты зарубежной системы образования.

Анализ систем УЧР наиболее известных университетов США и Великобритании показывает, что отбор кандидатов на замещение должностей ППС основывается на максимально высоких требованиях, предусмотренных национальными законодательствами и профессиональными стандартами по отраслям. О перфекционистских свойствах рекрутингового процесса свидетельствуют формулировки следующего характера: *лучшие, наивысшего качества, наиболее энергичные, самые талантливые, мировые лидеры, ученые с мировым именем, передовые результаты, наивысшие стандарты, сильные, наиболее достойные, самые способные, наиболее признанные, стремящиеся к совершенству, стремящиесянести существенный вклад, лучшие практики, наиболее квалифицированные, обладающие явным преимуществом, амбициозные, преследующие высокие цели, стремящиеся к наивысшим результатам, обладающие высокими достижениями.*

Определение объема дополнительного вознаграждения основывается на перфекционистском подходе, который объясняется следующими критериями оценки ППС: *большой вклад, исключительная результативность, выдающиеся результаты, наивысшее мастерство, индивидуальные достижения, развитие профессиональных навыков, непрерывное обучение, повышение квалификации, постоянное совершенствование, высочайший уровень квалификации, перевыполнение планов, личная эффективность работника, высокая мотивация, достижение высоких целей, успешность, высокая производительность, напряженный труд, активность, результаты, превосходящие ожидания, раскрытие полного потенциала работника, развитие лидерских качеств.*

Перечисленные критерии, очевидно, транслируют завышенные ожидания научно-педагогическим работникам [10; 15]. Аналогичная система отношений складывается сегодня и в отечественной системе высшего образования. Тенденции перфекционизма в системе УЧР приводят к ряду проблемных вопросов.

Во-первых, заработная плата преподавателей в отечественной практике формируется на основе базового оклада и вариативной части в виде стимулирующих надбавок. Перфекционизм экономического характера в системе УЧР проявляется как стремление максимально оптимизировать расходы на персонал и начислять оклад меньше одного МРОТ¹ по региону, а общую заработную плату – в размере двух МРОТ, занижение официального уровня оплаты труда, искажение сумм начисленной оплаты труда вследствие неверного (вероятно, сознательного) толкования законодательных норм, неиспользование законодательных норм, регламентирующих минимальный размер оплаты труда [2]. Трудовой договор заключается на минимальный срок от 9 до 12 месяцев для экономии бюджетных расходов на компенсационные выплаты за отпуск. «Работа в должности профессора означает низкую оплату труда, минимальные стимулирующие выплаты и отсутствие гарантии рабочего места» [14, с. 44]. Профессорско-преподавательский состав (ППС) выведен за пределы штата университета и работают на условиях срочных трудовых договоров сроком 9–12 месяцев. Неизбежно возникающая текучесть кадров оказывается экономически выгодной для университета как хозяйствующего субъекта, т.к. сокращение расходов на содержание персонала позволяет экономить бюджетные средства.

Во-вторых, перфекционизм системы УЧР определяется завышенными ожиданиями руководства в отношении личностных и профессиональных качеств кандидатов на замещение должностей ППС и результатов их деятель-

¹ МРОТ – минимальный размер оплаты труда

ности в качестве работников университета. Постановка изначально завышенных целей и ожидание перевыполнения планов сверх намеченных высоких целей создает предпосылки для размывания системы управленческого учета и, в конечном итоге, снижения ее эффективности [17]. Так, работник, по определению, не способен за один отчетный период (один год) достичь значимых результатов по всем направлениям деятельности университета. Каждый отдельный сотрудник, так или иначе, специализируется на определенной области, поскольку только глубокое погружение в конкретную проблематику может обеспечить им приобретение экспертизных знаний и конкурентного преимущества. Профессиональное мастерство преподавателя вуза формируется в ходе многолетней практики и требует значительных материальных и нематериальных вложений для совершенствования его профессиональных компетенций. Современное отношение руководства университета к преподавателям как персоналу, напоминающему найм по аутсорсингу, не вполне соответствует стратегическим целям университета как научного центра.

В-третьих, создание тесной зависимости показателей деятельности и оплаты труда ППС предполагает прозрачный критериальный учет достижений, с одной стороны, и тщательно разработанную дифференциальную систему вознаграждения, учитывающую личностный вклад каждого работника. Насколько эффективно система УЧР способна реализовать такой дифференцированный подход? Создание интегрированной системы учета сама по себе требует значительных инвестиций – от разработки соответствующего программного сопровождения до содеряния достаточного числа сотрудников, осуществляющих объективный контроль над выполнением ключевых показателей эффективности. Эффективность системы УЧР определяется ее способностью формировать кадровый резерв, обеспечивающий устойчивое развитие университета в долгосрочной

перспективе. Неадекватная оценка результатов деятельности персонала провоцирует недовольство работников, трудовые конфликты и повышенную текучесть кадров. Неадекватная оценка персонала может возникать вследствие следующих причин:

- необъективной системы учета: игнорирования вклада одних работников и преувеличения достижений других;
- недостаточно разработанной системы критериев: отсутствия связи между вкладом и оплатой соответствующих результатов;
- несбалансированности системы показателей: преувеличения значимости одних и преуменьшения других критериев.

Нечеткость связей между личностным вкладом и вознаграждением является проблемной областью в системе УЧР.

В-четвертых, вклад каждого работника в развитие университета определяется должностью и профилем образовательных программ. Так, например, задача преподавателя – проводить занятия и публиковать научные труды. Руководитель кафедры или института дополнительно выполняет организационные функции. Вклад руководителя – более объемный, чем преподавателя. Достижения преподавателя в масштабе университета могут вовсе не рассматриваться как требующие стимулирующей компенсации.

Гуманитарные вузы, в среднем, получают меньшее финансирование, чем технические вузы. В рамках одного университета работники ведущих институтов и факультетов университета всегда оказываются в более выгодном положении при начислении стимулирующих выплат, в отличие от непрофильных направлений. Так, например, работники гуманитарных факультетов технических вузов не получают выплат на проведение научных исследований ввиду нецелевого расходования бюджетных средств, однако критерии оценки трудовой деятельности одинаковы для всех факультетов. Таким образом, преподаватели гуманитарных факультетов

вынуждены либо получать существенно меньшую оплату своего труда, либо изначально не претендовать на повышенную компенсацию.

Для устранения проблемных областей, вызванных перфекционистскими тенденциями в системе УЧР, необходимо решить следующие задачи:

1) **учет личных мотиваций, интересов и предпочтений работников**, совпадающих с целями организации, поскольку успешность функционирования системы УЧР определяется смещением фокуса перфекционистских тенденций с организационных целей на «интересы и мотивации отдельных работников и профессиональных групп, изучение информационного сопровождения изменений в структуре их профессиональных компетенций» [5, с. 7];

2) **повышение прозрачности и объективности систем оценки профессиональной деятельности и оплаты труда** ввиду разнонаправленности профессиональной деятельности ППС. Традиционно, вследствие продолжения традиций советского периода, начисление оплаты труда преподавателей основывается исключительно на аудиторной педагогической работе. Однако сегодня круг функциональных обязанностей ППС значительно расширился. Он включает разработку электронных курсов, активную публикацию научных трудов и др. [9]. Очевидно, что интеграция системы высшего образования в мировое пространство переориентировало ответственность преподавателей на выполнение научных исследований вслед за наиболее известными университетами Европы – центрами науки и инноваций. При этом уровень и структура оплаты труда преподавателей оказываются областью [1; 16], известной узкому кругу лиц, принимающих управленческие решения на основе субъективных критериев. Обеспечение реализации организационных задач по повышению конкурентоспособности университетов в мировом пространстве невозможно без разработки эффективной системы УЧР, соответствующей критериям комплекс-

ности, независимости, анонимности, междисциплинарности [4, с. 138; 13]. Иностранные исследователи отмечают, что одним из эффективных способов справедливого регулирования оплаты труда является создание профсоюзов и заключение коллективного трудового договора между ППС и менеджментом университета [12; 19; 21].

3) **инвестирование в социальные технологии и развитие карьеры персонала**. Будучи субъектом социальных технологий, система УЧР призвана обеспечивать адаптацию и профессиональное сопровождение работника в организации для достижения им профессионального мастерства [8, с. 43]. Инвестирование в человеческий капитал обеспечивает конкурентное преимущество любой организации [3] за счет удержания и развития работников [20]. Для университета инвестиции в развитие персонала является единственным источником конкурентного преимущества [18]. Вложения в ППС могут реализоваться в ряде стимулирующих материальных и нематериальных выплат: создание благоприятного психологического климата, человекоориентированный стиль управления [7], обучение персонала, наставничество [11]. Перфекционизм системы УЧР в отношении карьерного развития ППС совпадает по целям с направлениями стратегического развития университета.

4) **научно обоснованная регламентация качества управленческого труда**: искоренение бюрократизма, совершенствование механизма управления, обеспечение юридической помощи и экономической безопасности работников [6, с. 49], внедрение информационных технологий, повышающих объективность управленческого учета. Исключение преподавателей из процесса управления университетом существенно ограничивает их доступ к распределению бюджетных средств. Ответственность руководства университета за долгосрочное развитие, соответственно, увеличивается. От качества управленческого труда зависит доброе имя и репутация университета.

Резюмируя, тенденции перфекционизма в системе УЧР определяются приоритетным отношением управлеченческого персонала к организационным целям университета: стремлением занять лидерские позиции в сфере инноваций и на рынке образовательных услуг. При этом интересы научно-педагогического персонала учитываются минимально.

Литература

1. Добролюбова Е.И. Оценка конкурентоспособности оплаты труда на государственной службе // Государственная служба. 2018. № 6 (116). С. 36–44. DOI: 10.22394/2070–8378–2018–20–6–36–44
2. Животова Ю.И., Анфиногенова Е.И. О проблемах выявления налоговых правонарушений, связанных с оплатой труда // Экономическая безопасность и качество. 2019. № 2 (35). С. 44–48.
3. Краковская И.Н. Методические подходы к оценке эффективности инвестиций в человеческий капитал организации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2008. № 6 (68). С. 213–220.
4. Неверов А.В. Комплексная оценка персонала в системе социального развития организации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. № 4. С. 132–143.
5. Потемкин В.К. Социальные измерения качества управлеченческого труда // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 1. С. 6–16. DOI: 10.51692/1994–3776_2021_1_6
6. Потемкин В.К. Социальный механизм эффективного управления персоналом предприятий // Вестник Факультета управления СПбГЭУ. 2020. № 7. С. 44–52.
7. Потемкин В.К. Человекоориентированное управление предприятиями и организациями // Экономика и управление. 2020. 2(26). С. 165–176. DOI: 10.35854/1998–1627–2020–2–165–176
8. Рыболовлева О.А. Социальные технологии профессионального развития персонала организации // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2015. № 14 (211). С. 41–46.
9. Филиясова Ю.А. Перфекционизм преподавателя в контексте организационной и корпоративной культуры университета // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2 (43). С. 99–109. DOI: 10.34022/2658–3712–2021–43–2–99–109
10. Филиясова Ю.А., Потемкин В.К. Социальные предпосылки перфекционизма преподавателя университета // Социология. 2021. № 2. С. 169–179. DOI: 10.24411/1812–9226–2021–00007
11. Филиясова Ю.А. Развитие карьеры персонала организации // Управление. 2021. № 1(9). С. 80–91. DOI: 10.26425/2309–3633–2021–9–1–80–91
12. Bucklew N., Houghton J.D., Ellison Ch.N. Faculty Union and Faculty Senate Co-Existence: A Review of the Impact of Academic Collective Bargaining on Traditional Academic Governance // Labor Studies Journal. 2013. 4(37). P. 373–390. DOI: 10.1177/0160449X13482734
13. Burns K.H., et. al. The Evolution of Earned, Transparent, and Quantifiable Faculty Salary Compensation: The Johns Hopkins Pathology Experience // Academic Pathology. 2018. DOI: 10.1177/2374289518777463
14. Daniel M.C. Contingent Faculty of the World Unite! Organizing to Resist the Corporatization of Higher Education // New Labor Forum. 2015. 1(25). P. 44–51. DOI: 10.1177/1095796015620408
15. Fejes A. The confessing academic and living the present otherwise: Appraisal interviews and logbooks in academia // European Educational Research Journal. 2016. 4 (15). P. 395–409. DOI: 10.1177/1474904116636637
16. Jaeger A.J., Thornton C.H. Neither Honor nor Compensation: Faculty

and Public Service // Educational Policy. 2006. 2(20). P. 345–366. DOI: 10.1177/0895904805284050

17. Kallio K.M., Kallio T.J., Tienari J., Hyvönen T. Ethos at stake: Performance management and academic work in universities // Human Relations. 2016. 3(69). P. 685–709. DOI: 10.1177/0018726715596802

18. Narayanan A., Rajithakumar S., Menon M. Talent Management and Employee Retention: An Integrative Research Framework // Human Resource Development Review. 2018. 2(18). P. 228–247. DOI: 10.1177/1534484318812159

19. Porter S.R. The Causal Effect of Faculty Unions on Institutional Decision-Making // Industrial and Labor Relations Review. 2013. 5(66). P. 1192–1211. DOI: 10.1177/001979391306600508

20. Salau O., Osibanjo A., et. al. Data regarding talent management practices and innovation performance of academic staff in a technology-driven private university // Data in Brief. 2018. 19. P. 1040–1045. DOI: 10.1016/j.dib.2018.05.081

21. Shedd L., Katsinas S., Bray N. Unionization and Monetary Compensation at America's Access Institutions: Assessing the Impact of Frames That Do or Do Not Consider Geography // Educational Policy. 2018. 2(32). P. 255–279. DOI: 10.1177/0895904817741466

PERFECTIONIST TRENDS IN ACADEMIC HUMAN RESOURCE MANAGEMENT SYSTEM

Filyasova Yu.A.

Saint-Petersburg State University of Economics

The aim of the paper is to identify perfectionistic trends in the academic system of human resource management (HRM) on the basis of its main functional areas. Information from 22 world-famous US and UK universities was used as reference material. The results of the conducted analysis show that perfectionistic trends include: attracting the best candidates who meet high standards; high performance expectations; multi-criterial performance appraisal of research and teaching staff; extreme personnel expenditure optimization. Social and economic effect is

positive for university: goal achievement, competitiveness growth. For research and teaching staff, the conditions are not completely agreeable: minimal labor compensation even when criteria are met. Risks include obscurity of performance appraisal system, application of obviously high criteria without providing due compensation, ignoring the current market situation. Negative consequences are detrimental not only for social and psychological state of research and teaching staff but also for the future of university itself. Practical recommendations for improving HRM system are as follows: developing management accounting system, increasing human capital investments, managing research and teaching staff career, and enhancing quality of administrative work.

Keywords: perfectionism, HRM, personnel development, human capital, management accounting, performance assessment, staff career management, human capital investment.

References

1. Dobrolyubova E.I. Assessment of the competitiveness of wages in the public service // Public Administration. 2018. 6(20). P. 36–44. (In Russ.) DOI: 10.22394/2070–8378–2018–20–6–36–44
2. Zhivotova Y.I., Anfinogenova E.I. On the problems of identifying tax violation, related to labor pay // Economic Safety and Quality. 2019. 2(35). P. 44–48. (In Russ.)
3. Krakovskaya I.N. Methodological approaches to evaluation of investment effectiveness in corporate human capital // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2008. 6(68). P. 213–220. (In Russ.)
4. Neverov A.V. Complex Personnel Assessment in the Organization's Social Development System // RUDN Journal of Sociology. 2012. 4. P. 132–143. (In Russ.)
5. Potemkin V.K. Social dimensions of the quality of managerial work // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. 2021. 1. P. 6–16. (In Russ.) DOI: 10.51692/1994–3776_2021_1_6
6. Potemkin V.K. The social mechanism of effective companies HR management // Vestnik of SPbSUE Management Faculty. 2020. 7. P. 44–52. (In Russ.)
7. Potemkin V.K. People-Oriented Management of Enterprises and Organizations. Economics and Management. 2020. 2(26). P. 165–176. (In Russ.) DOI: 10.35854/1998–1627–2020–2–165–176

8. Rybolovleva O.A. Social technologies of staff professional development // NOMO-THETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2015. 14 (211). P. 41–46. (In Russ.)
9. Filyasova Yu.A. Faculty perfectionism in the context of university organizational and corporate culture // Social and Labor Research. 2021. 2(43). P. 99–109. (In Russ.) DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-99-109
10. Filyasova Yu.A., Potemkin V.K. Social factors of university faculty perfectionism // Sociology. 2021. 2. P. 169–179. (In Russ.) DOI: 10.24411/1812-9226-2021-00007
11. Filyasova Yu.A. Organizational personnel career development // Управление. 2021. 1(9). P. 80–91. (In Russ.) DOI: 10.26425/2309-3633-2021-9-1-80-91
12. Bucklew N., Houghton J.D., Ellison Ch.N. Faculty Union and Faculty Senate Co-Existence: A Review of the Impact of Academic Collective Bargaining on Traditional Academic Governance // Labor Studies Journal. 2013. 4(37). P. 373–390. DOI: 10.1177/0160449X13482734
13. Burns K.H., et. al. The Evolution of Earned, Transparent, and Quantifiable Faculty Salary Compensation: The Johns Hopkins Pathology Experience // Academic Pathology. 2018. DOI: 10.1177/2374289518777463
14. Daniel M.C. Contingent Faculty of the World Unite! Organizing to Resist the Corporatization of Higher Education // New Labor Forum. 2015. 1(25). P. 44–51. DOI: 10.1177/1095796015620408
15. Fejes A. The confessing academic and living the present otherwise: Appraisal interviews and logbooks in academ-ia // European Educational Research Journal. 2016. 4 (15). P. 395–409. DOI: 10.1177/1474904116636637
16. Jaeger A.J., Thornton C.H. Neither Honor nor Compensation: Faculty and Public Service // Educational Policy. 2006. 2(20). P. 345–366. DOI: 10.1177/0895904805284050
17. Kallio K.M., Kallio T.J., Tienari J., Hyvönen T. Ethos at stake: Performance management and academic work in universities // Human Relations. 3(69). P. 685–709. DOI: 10.1177/0018726715596802
18. Narayanan A., Rajithakumar S., Menon M. Talent Management and Employee Retention: An Integrative Research Framework // Human Resource Development Review. 2018. 2(18). P. 228–247. DOI: 10.1177/1534484318812159
19. Porter S.R. The Causal Effect of Faculty Unions on Institutional Decision-Making // Industrial and Labor Relations Review. 2013. 5(66). P. 1192–1211. DOI: 10.1177/001979391306600508
20. Salau O., Osibanjo A., et. al. Data regarding talent management practices and innovation performance of academic staff in a technology-driven private university // Data in Brief. 2018. 19. P. 1040–1045. DOI: 10.1016/j.dib.2018.05.081
21. Shedd L., Katsinas S., Bray N. Unionization and Monetary Compensation at America's Access Institutions: Assessing the Impact of Frames That Do or Do Not Consider Geography // Educational Policy. 2018. 2(32). P. 255–279. DOI: 10.1177/0895904817741466

Социологическое информационно-аналитическое обеспечение управленческого процесса: на примере автоматизации документооборота в территориальном пожарно-спасательном гарнизоне

Савенков Иван Анатольевич,

начальник управления организации пожаротушения и проведения аварийно-спасательных работ Главного управления МЧС России по Самарской области

E-mail: savenkovivan1985@yandex.ru

Шевцов Максим Викторович

начальник отделения организации практик учебно-методического центра Академии государственной противопожарной службы МЧС России

E-mail: shevtsovmtv@mail.ru

Горбачёв Игорь Николаевич

начальник отдела практического обучения – начальник учебной пожарно-спасательной части (в составе учебно-научного комплекса пожаротушения) Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

E-mail: gorbachev.agps@yandex.ru

В работе рассматриваются вопросы документационного обеспечения управления силами пожарно-спасательного гарнизона. Обозначены основные направления совершенствования документационного обеспечения управления. Сделан вывод о необходимости подключения в единую электронную систему связи и обмена информацией федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти и местного самоуправления, а также подразделений и организаций, участвующих в процессе обеспечения пожарной безопасности и защиты населения и территории от ЧС, что позволит многократно повысить уровень взаимодействия и скорость принятия управленческих решений.

Ключевые слова: документационное обеспечение управления, документооборот, документопоток, обмен информацией.

Документационное обеспечение управления силами гарнизона – единый логико-аналитический и информационно-расчетный процесс, и для обеспечения его устойчивости и оперативности должны быть задействованы множество различных элементов, работа которых взаимосвязана, а это требует согласования функциональных возможностей всех входящих в систему управления элементов [1].

Разноведомственность, различие в подчиненности и формах собственности формирований видов пожарной охраны обуславливают проблемы в документационном управлении силами пожарной охраны. Документационная система не обеспечивает должным образом орган управления гарнизона эффективность совместной деятельности по обеспечению пожарной безопасности всех разнородных, изначально не связанных общими целями и интересами пожарных формирований, поскольку их структура управления иерархичны [3].

Рассмотрим действующую систему документооборота на примере сбора сведений об оснащенности подразделений территориального пожарно-спасательного гарнизона пожарной техникой и пожарно-техническим вооружением. Схематично пример разобран на рисунке 1.

Сбор сведений, необходимых для решения задач гарнизонной службы в условиях действующей системы документационного обеспечения – процесс многоступенчатый и недостаточно оперативный. Сетевой график, изображенный на рисунке 2 позволит визуализировать зависимость времени, затрачиваемого на обмен информацией от количества лиц участвующих в процессе ее получения. Данные для построения графика приведены в таблице 1.

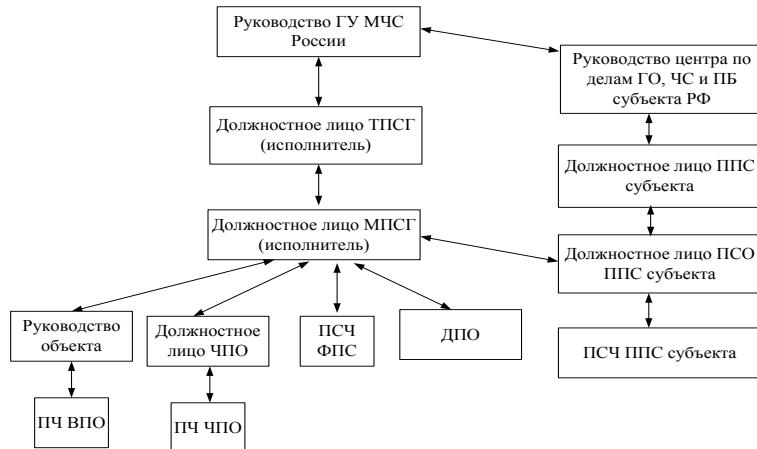

Рис. 1. Действующая система обмена информацией

Таблица 1. Данные для построения сетевого графика

Обозначение	Наименование
1	Руководство Главного управления МЧС России по Самарской области
2	Должностное лицо ТПСГ (исполнитель)
3	Руководство ГКУ СО «Центр по делам ГО ПБ и ЧС Самарской области»
4	Должностное лицо МПСГ (исполнитель)
5	Должностное лицо противопожарной службы Самарской области (исполнитель)
6	Пожарно-спасательные отряды противопожарной службы Самарской области
7	Пожарно-спасательные части ФПС
8	Должностное лицо ЧПО (исполнитель)
9	Подразделения ЧПО
10	Подразделения ДПО
11	Организация, охраняемая подразделениями ВПО
12	Подразделения ВПО
13	Пожарно-спасательные части противопожарной службы Самарской области

Сложная система взаимодействия в рамках процесса сбора и обмена информацией между органами управления и подразделениями пожарно-спасательных гарнизонов обусловлена большим количеством должностных

лиц, заинтересованных в получении данной информации. В данных условиях сбор и обобщение сведений на всех уровнях представляется в виде цепи последовательных событий, растянутых во времени. Так на доведение до подчиненных подразделений требования о необходимости предоставления сведений занимает промежуток времени $t_0 - t_4$. Даже не устанавливая конкретных временных значений для каждой операции видно, что в существующей системе документационного обеспечения деятельности гарнизонов большее время затрачивается на организацию работы, а не на ее выполнение.

На основании проведенного анализа делопроизводства и практики организации гарнизонной службы [4] установлено, что среднее время обработки запроса, с учетом времени его регистрации в подразделениях делопроизводства, ознакомления руководителей структурных подразделений, назначения ответственных исполнителей и непосредственного сбора и обобщения данных, на каждом из этапов составляет в среднем 2 рабочих дня.

Для определения общего времени обработки запроса в подразделениях гарнизона ($T_{обр}$) можно оставить формулу:

$$T_{обр} = t_{обр}n \quad (2.1)$$

$$T_{\text{обр}} = 2 \cdot 8 = 20 \text{ дней.}$$

где $t_{\text{обр}}$ – время обработки запроса на каждом этапе (2 рабочих дня);

n – количество этапов обработки запроса, согласно сетевого графика.

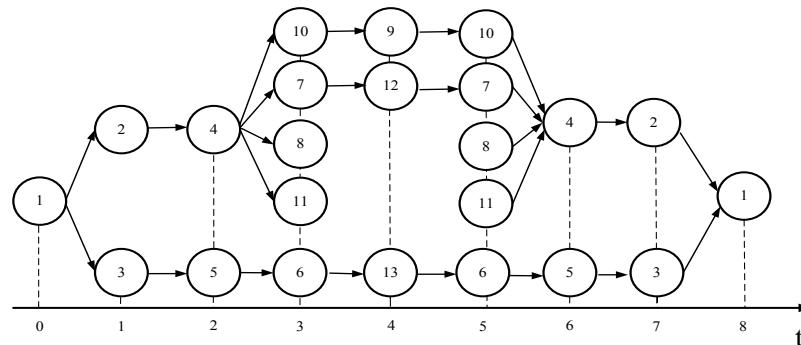

Рис. 2. Сетевой график документооборота в территориальном пожарно-спасательном гарнизоне

На основании проведенного анализа системы обмена информацией в рамках территориального пожарно-спасательного гарнизона можно сделать следующие выводы.

1. Так как пожарно-спасательный гарнизон является совокупностью органов управления, подразделений и организаций различной ведомственной принадлежности и форм собственности, процесс сбора необходимой информации от пожарно-спасательных частей проходит через официальные запросы и направления писем в соответствующие организации, что занимает значительное время.

2. Указания начальника территориального пожарно-спасательного гарнизона о сборе сведений до подчиненных пожарно-спасательных и аварийно-спасательных подразделений проходят поэтапно через руководство местных пожарно-спасательных гарнизонов, должностных лиц гарнизоном и руководителей организаций, что занимает много времени.

3. Сбор сведений об оснащенности пожарно-спасательных частей техникой и ПТВ в существующих условиях документационного обеспечения деятельности пожарно-спасательных гарнизонов на примере Самарского ТПГС может занимать в среднем около 20 дней.

Если предположить, что запрос о предоставлении сведений и форма отчета в режиме реального времени будут доступны как начальникам структурных подразделений Главного управления МЧС России, так и начальникам караулов всех пожарно-спасательных частей, то время, затраченное на весь процесс сбора информации будет равно времени необходимому на заполнение предложенной формы в ПСЧ.

Развитие цифровых технологий, систем связи и коммуникации подталкивают к совершенствованию и порядок организации документооборота в системе обеспечения пожарной безопасности. На рисунке 3 представлены основные направления совершенствования документационного обеспечения.

Ускорение процессов обработки, поиска, хранения и передачи информации путем разработки и совершенствования систем коммуникации является одним из важнейших направлений развития системы ДОУ [4]. Подключение в единую электронную систему связи и обмена информацией федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти и местного самоуправления, а также подразделения и организации участвующие в процессе обеспечения пожарной безопасно-

сти и защиты населения и территорий от ЧС позволит многократно повысить уровень взаимодействия и скорость принятия управленческих решений.

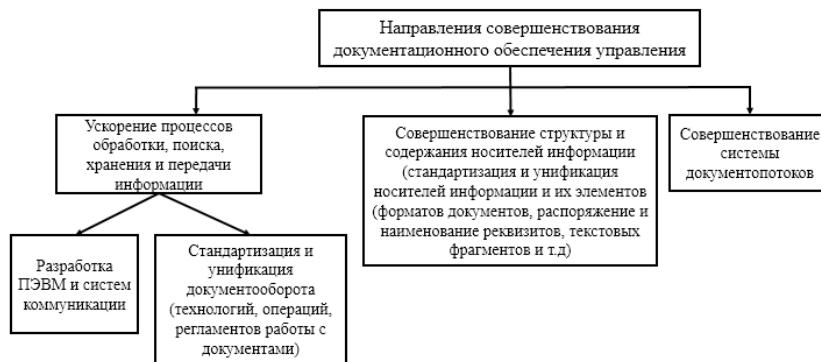

Рис. 3. Направления совершенствования ДОУ

Преимущества единой системы связи и обмена информацией:

- уменьшение временных затрат на согласование и привлечение сил и средств пожарно-спасательного гарнизона, и, как следствие, повышение эффективности системы управления;
- комплексное использование всех реагирующих подразделений и за действованных служб жизнеобеспечения на месте вызова;
- повышение качества функций контроля обстановки при тушении пожа-

ра и проведении АСР должностными лицами гарнизона с учетом беспаребойного поступления упорядоченных информационных потоков;

- интеграция умений, навыков и профессионального опыта личного состава оперативных подразделений пожарной охраны и возможностей современных информационных технологий для достижения целей по снижению нарушений требований охраны труда и техники безопасности.

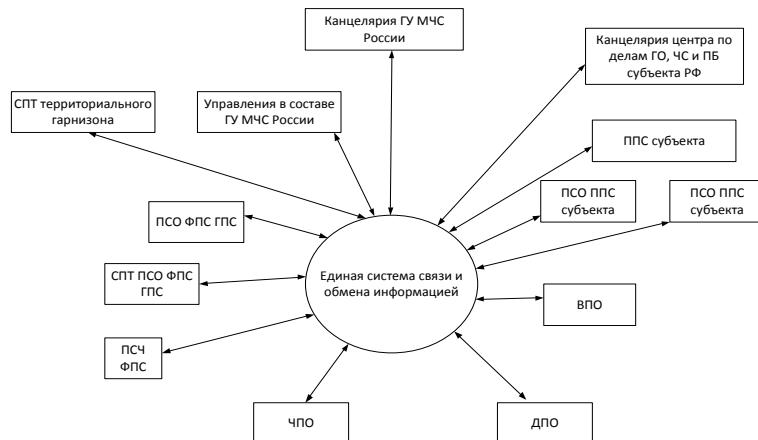

Рис. 4. Усовершенствованная система документационного обеспечения и обмена информацией в пожарно-спасательных гарнизонах

Решением проблемы документационного обеспечения и обмена информ-

ацией в пожарно-спасательных гарнизонах может стать создание единой

системы связи и обмена информацией, как единой системы электронного производства, объединяющей между собой все структурные подразделения, входящие в пожарно-спасательный гарнизон, органы государственной власти и местного самоуправления, службы жизнеобеспечения населенных пунктов и иные организации участвующие в процессе обеспечения пожарной безопасности (рисунок 4).

Усовершенствованная модель позволяет работать с информацией всем

лицам в ней заинтересованным одновременно, не передавая ее последовательно по подчиненности подразделений. Такой подход позволяет преобразовать принцип работы с данными из последовательной цепи событий в единый процесс, в котором каждое должностное лицо, выполняет свою работу в режиме реального времени. Сетевой график изображенный на рисунке 5 (таблица 2) видно, как сократился процесс сбора и обработки информации по сравнению с действующей моделью.

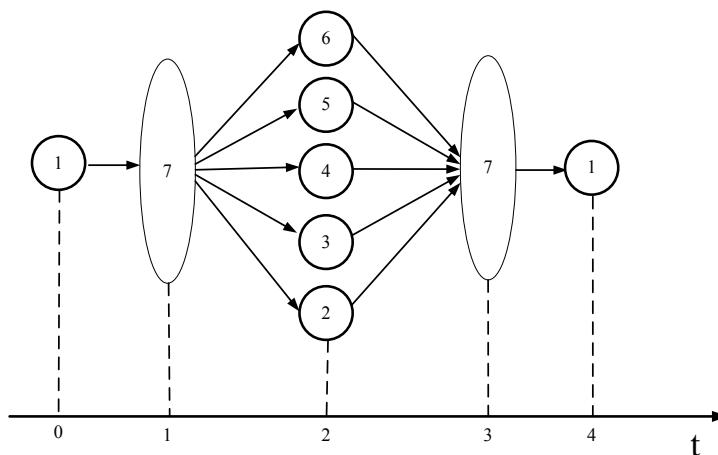

Рис. 5. Сетевой график усовершенствованной модели документационного обеспечения

Таблица 2. Данные для построения сетевого графика

Обозначение	Наименование
1	Главное управление МЧС России и его структурные подразделения
2	Центр по делам ГО ПБ и ЧС субъекта, СПТ ППС субъекта
3	Отряды ФПС ГПС, СПТ ФПС ГПС
4	Пожарно-спасательные части ФПС
6	Пожарно-спасательные части других видов пожарной охраны, входящие в гарнизон
7	Единая система связи и обмена информацией

Как видно из сетевого графика процесс сбора и предоставления не-

обходимой для организации гарнизонной службы информации начинается на всех уровнях подчиненности подразделений одновременно уже на временной отметке t_1 и заканчивается на отметке t_3 . При этом каждому заинтересованному в получении данной информации необходимо лишь зайти в систему и получить сведения.

Для определения общего времени обработки запроса в подразделениях гарнизона ($T_{обр}$) можно оставить формулу:

$$T_{обр} = t_{обр}n \quad (2)$$

$$T_{обр} = 2 \cdot 1 = 2 \text{ дня.}$$

где $t_{обр}$ – время обработки запроса на каждом этапе (2 рабочих дня);
 n – количество этапов обработки запроса, согласно сетевого графика (рисунок 5).

С учетом того, что каждое подразделение подключено к единой системе, то правильно разработанная форма для заполнения может в режиме реального времени быть доступна для обработки каждым исполнителем. Такой подход не только экономит время, но и позволяет создать целый комплекс электронных баз по основным направлениям деятельности (техника, ПТВ, ГДЗС, профессиональная подготовка, охрана труда, реагирование на пожары ДТП и т.д.) которые будут всегда активны, доступны для редактирования и, следовательно, всегда актуальными.

Вышеуказанный пример раскрывает только одну из потенциальных возможностей единой системы связи и обмена информацией. К таким возможностям можно также отнести реализацию документационного обеспечения повседневной деятельности местных пожарно-спасательных гарнизонов в новой организационно-штатной структуре функционирования.

Применение различных подходов и инструментов в информационной среде реагирующих подразделений территориальных органов МЧС России [5] повышает качество принимаемых управленческих решений на всех уровнях системы обеспечения пожарной безопасности региона Российской Федерации.

Литература

1. Приказ МЧС России от 25.10.2017 № 467 «Об утверждении положения о пожарно-спасательных гарнизонах», адрес в Интернете: <https://docs.cntd.ru/document/542610976>
2. Приказ МЧС России от 14 мая 2021 г. № 315 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в территориальных органах МЧС России, учреждениях и организациях, находящихся в ведении МЧС России», адрес в Интернете: <https://docs.cntd.ru/document/566071527>
3. Рязанов В.А. Основы теории управления силами пожарной охраны / В.А. Рязанов. – М.: Академия ГПС МЧС России, 2014. – 276 с.
4. Рязанов В.А. Документационное обеспечение управления: учебное пособие / В.А. Рязанов. – М.: Академия ГПС МЧС России, 2014. – 280 с.
5. Денисов А.Н. Формализация задач управления ресурсами пожарной охраны в компьютерных информационных системах. [Электронный ресурс] / А.Н. Денисов, Н.М. Журавлев // Технологии техносферной безопасности: интернет-журнал. – 2012. – № 2 (43). – Режим доступа: <http://ipb.mos.ru/ttb>.

SOCIOLOGICAL INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT OF THE MANAGEMENT PROCESS: ON THE EXAMPLE OF DOCUMENT FLOW AUTOMATION IN THE TERRITORIAL FIRE AND RESCUE GARRISON

Savenkov I.A., Shevtsov M.V., Gorbachev I.N.

EMERCOM of Russia in the Samara region; Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

The report discusses the issues of documentation support for the management of the garrison forces. The main directions of improving the documentation support of management are outlined. It is concluded that it is necessary to connect federal executive authorities, state authorities and local self-government bodies, as well as sub-divisions and organizations involved in the process of ensuring fire safety and protecting the population and territories from emergencies to a single electronic communication and information exchange system, which will significantly increase the level of interaction and the speed of managerial decision-making.

Keywords: documentation support of management, document management, document flow, information exchange.

References

1. Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated 25.10.2017 No. 467 “On approval of the regulations on fire and rescue garrisons”, Internet address: <https://docs.cntd.ru/document/542610976>
2. Order of the EMERCOM of Russia dated May 14, 2021 No. 315 “On approval of the Instruction on office work in the territorial bodies of the EMERCOM of Russia, institutions and organizations under the jurisdiction of the EMERCOM of Russia”, Internet address: <https://docs.cntd.ru/document/566071527>

tion of the EMERCOM of Russia", Internet address: <https://docs.cntd.ru/> document / 566071527

3. Ryazanov V.A. Fundamentals of the theory of fire protection forces control / V.A. Ryazanov. – M.: Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2014. – 276 p.
4. Ryazanov V.A. Documentation support of management: textbook / V.A. Ryazanov. – M.: Academy of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2014. – 280 p.
5. Denisov A.N. Formalization of fire protection resource management tasks in computer information systems. [Electronic resource] / A.N. Denisov, N.M. Zhuravlev // Technologies of technosphere safety: Internet magazine. – 2012. – No. 2 (43). – Access mode: <http://ipb.mos.ru/ttb>.

Профессиональная социализация сотрудников МЧС России в условиях современной системы высшего профессионального образования

Яковлева Ольга Ивановна,
экстернат, Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки «Федеральный
научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук»
E-mail: Olga200663@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы профессиональной социализации и служебного роста сотрудников МЧС России в условиях современной многоуровневой системы ВПО и нормативно-правовой неурегулированности квалификационных требований к уровню образования специалистов. Отмечается, что одной из особенностей современной системы высшего профессионального образования является отнесение образовательных программ специалитета и магистратуры к одному уровню высшего образования, что ведет к размытию критериев соответствия квалификационных требований в части уровня образования той или иной должности в системе государственной гражданской службы. Подчеркивается, что специфика государственной гражданской службы в системе МЧС России предъявляет особые требования к уровню профессиональной социализации и управленческой компетенции руководителей, что не находит должного отражения в нормативно-правовых актах, регламентирующих перечень квалификационных требований к уровню образования, поскольку они не учитывают уровень сформированности ключевых профессиональных компетенций разных уровней высшего профессионального образования. На основе анализа программ высшего профессионального образования ВУЗов МЧС уровня бакалавриата и магистратуры формулируются предложение о возможности привлечения показателей уровня профессиональной социализации в качестве критерия, дополняющего квалификационные требования, предъявляемые к кандидатам на должности в системе МЧС России.

Ключевые слова: «профессиональная социализация», «магистратура», «специалитет», «бакалавриат», «государственная пожарная служба».

На современном этапе развития государственной противопожарной службы особую актуальность приобретают процессы непрерывной профессиональной социализации сотрудников как важнейшего социального условия их профессиональной и служебной компетентности для решения поставленных перед ними задач.

Важным инструментом, обеспечивающим непрерывность процесса профессиональной социализации сотрудников, является служебный рост и управление карьерой специалистов. При этом необходимым условием, обеспечивающим эффективность применения этого кадрового инструмента как в профессиональных интересах сотрудника, так и в интересах системы государственной противопожарной службы являются квалификационные требования, предъявляемые к кандидатам на замещение должности государственной гражданской службы.

Особое место в системе кадровой работы занимает оценка соответствия уровня образования и степени профессиональной социализации в управлении профессиональной карьерой сотрудника.

Уровень образования как основная характеристика должностной компетентности сотрудника государственной противопожарной службы

Основной квалификационной характеристикой уровня должностной компетентности сотрудника является уровень образования. В условиях модернизации отечественной системы высшего профессионального образования, главным критерием уровня образования является не только набор знаний, умений и навыков, но и сформированность общих и профессиональных компетенций, которые необходимы для выполнения трудовых или служебных отношений [1].

Федеральный Закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливает требования к уровню образования для кандидатов на управленческие должности в системе ГПС МЧС России, согласно которым кандидаты на эти должности должны обладать высшим уровнем образования [2].

Тем самым норма Закона устанавливает требования к уровню сформированности общих и профессиональных управленческих компетенций для специалистов с высшим образованием. Поэтому оценка соответствия квалификационным требованиям потенциального кандидата на должности государственной гражданской службы категории «руководители» является ключевым критерием в работе кадровой службы при принятии управленческого решения о назначении на руководящую должность или присвоения очередного звания. Однако набор этих компетенций и их содержание существенным образом отличается на различных уровнях современного высшего образования, что затрудняет принятие кадровых решений и дезорганизует процесс профессиональной социализации сотрудников.

Характеристика системы профессиональной подготовки кадров МЧС России

Система профессиональной подготовки кадров МЧС России является частью системы высшего профессионального образования и представлена следующими образовательными организациями: «Академия гражданской защиты МЧС России (АГЗ МЧС). Академия ГПС МЧС России (АГПС МЧС). Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России. Уральский институт ГПС МЧС России. Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России» [3].

Все они обеспечивают подготовку квалифицированных специалистов в сфере гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций в соответствие с Законом об образовании и Федеральными государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования.

В соответствие с положениями указанных нормативно-правовых образовательных актов в системе профессиональной подготовки кадров реализуются три уровня образовательных программ высшего профессионального образования: бакалавриат, специалитет, магистратура и подготовка кадров высшей квалификации. Последний уровень был выделен в связи с объединением в Федеральном законе № 273 ФЗ «Об образовании» системы высшего образования и послевузовской подготовки кадров. Каждый из этих уровней предполагает свои федеральные государственные стандарты (ФГОС) и самостоятельную итоговую аттестацию. При этом современная многоуровневая система высшего образования имеет свои особенности.

В 2003 году в связи со вступлением в Болонский процесс в России была введена двухуровневая система подготовки кадров (бакалавриат, магистратура), которая должна была сменить моноуровневую систему (специалитет). Однако уже после введения принципов Болонской системы выяснилось, что полностью перейти на «новую» систему подготовки кадров в условиях образовательного пространства нашей страны не удастся, так как по ряду специальностей подготовить полноценного выпускника за 4 года невозможно. Многие вузы, в том числе и вузы системы МЧС России продолжили, и сегодня продолжают готовить специалистов, что привело к параллельному существованию «новой» и «старой» систем подготовки кадров и определило особенности структуры современного высшего образования России. Одной из таких особенностей является отнесение образовательных программ специалитета и магистратуры к одно-

му уровню высшего образования, хотя они, по сути, представляют собой части двух разных систем образования, что создает определенную неразбериху, как на образовательном рынке, так и на рынке труда. Она проявляется, в частности, в невыработанности соответствия квалификационных требований по такому критерию, как уровень образования в его новом виде той или иной должности в системе государственной службы.

Так, например, в соответствие с Федеральным Законом об образовании и бакалавриат, специалитет и магистратура являются уровнями высшего образования и, следовательно, уровень профессиональной социализации выпускника программы бакалавриата, и выпускника специалитета и магистерской программы соответствует формальным критериям квалификационных требований для претендентов на занятие должностей старшего начальственного состава и категории руководители, требующих наличия высшего образования.

Однако с точки зрения объективной оценки уровня профессиональной социализации и сформированности профессиональных и социальных компетенций для занятия руководящих должностей, лица, освоившие магистерские программы в образовательных организациях МЧС России больше отвечают квалификационным требованиям, предъявляемым к руководителям подразделений, нежели их коллеги, окончившие программы бакалавриата и специалитета.

Учитывая особые требования к уровню профессиональной социализации и управленческой компетенции руководителей, предъявляемым в МЧС России, а также то обстоятельство, что правовая и кадровая неопределенность в данном вопросе является препятствием для непрерывной профессиональной социализации сотрудников ГПС России, данная социально-управленческая проблема требует своего решения

Магистратура в системе профессиональной подготовки кадров МЧС России

Магистратура, являясь второй ступенью высшего профессионального образования, обеспечивает подготовку высококвалифицированных научных и педагогических кадров, а также руководителей высокой квалификации.

В современной научной литературе продолжаются дискуссии относительно места магистратуры в отечественной системе профессионального образования.

Так, по мнению И.В. Фомичева, введением двухуровневой системы образования «лишь имитируется модернизация отечественной системы образования» [4, с 43].

С точки зрения П.Д. Павленка, которую разделяют большинство современных исследователей, магистратура обеспечивает подготовку высококвалифицированных кадров, которые «являются важнейшим государственным капиталом, государственно-культурной элитой» [5, с. 33].

Являясь ступенями высшего профессионального образования, бакалавриат, специалитет и магистратура ориентированы на подготовку специалистов для решения разных типов задач. Если обучение по программам бакалавриата носит практико-ориентированный характер и нацелено на формирование конкретных умений и навыков профессиональной деятельности с формированием общих представлений о содержании профессиональной области, то обучение по программам магистратуры предполагает не только более глубокую научно-теоретическую подготовку, но и формирование широкого круга исследовательских и управленческих компетенций, позволяющих эффективно решать управленческие задачи разного масштаба.

Одним из направлений профессиональной подготовки, по которому реализуются, как программы бакалавриата, так и магистерская программа «Пожарная безопасность» является на-

правление профессиональной подготовки 20.04.01 «Техносферная безопасность»

Сравнительный анализ магистерской программы «Пожарная безопасность» и программы бакалавриата «Специалист по противопожарной профилактике» направления профессиональной подготовки 20.04.01 «Техносферная безопасность»

Если обратиться к анализу общих и профессиональных компетенций профессионального стандарта программы бакалавриата «Специалист по противопожарной профилактике», то основной акцент делается на формирование прикладных компетенций, к числу которых относятся «оценивать риск и определять меры по обеспечению безопасности разрабатываемой техники» [8].

Что касается общепрофессиональных компетенций, связанных с управлением полномочиями, то они ограничиваются «самостоятельной деятельностью по решению практических задач, требующих самостоятельного анализа ситуации и ее изменений» «участием в управлении решением поставленных задач», «обеспечение взаимодействия сотрудников и смежных подразделений» [8], что соответствует уровню рядового или младшего командного состава структурных подразделений ГПС МЧС России, поскольку не предполагают формирование управлений умений и навыков, необходимых для принятия самостоятельных и ответственных решений в сфере управления большими коллективами сотрудников.

Анализ общих и профессиональных компетенций магистерской программы «Пожарная безопасность» [9], показывает, что в данном случае основной акцент делается на формирование управлений и исследовательских компетенций, к числу которых, например, относятся «способность принимать управлений и технические решения» «способность структурировать знания,

готовностью к решению сложных и проблемных вопросов» «способность моделировать, упрощать, адекватно представлять, известные решения оценивать количественные результаты, их математически формулировать», что соответствует уровню руководителя (командира) структурного подразделения среднего и высшего звена [9].

Таким образом, проведенный сравнительный анализ уровня сформированности ключевых профессиональных и управлений знаний, умений, навыков и социально-психологических компетенций, необходимый для принятия ответственных и профессиональных управлений решений между уровнем бакалавриата, специалитета и магистратуры существенно различается, при этом уровень бакалавриата и специалитета является недостаточным для занятия должностей старшего командного состава и руководителей структурных подразделений ГПС МЧС России. При этом следует иметь в виду, что немаловажную роль в профессиональной подготовленности сотрудников к выполнению руководящих функций помимо профессиональных и управлений знаний играет уровень профессиональной социализации специалистов, степень сформированности у них профессионального сознания и профессиональной культуры. В то же время роль магистратуры, формирующей более глубокий по сравнению с бакалавриатом и специалитетом уровень включенности в профессию, в профессиональной социализации специалистов на сегодняшний день исследована недостаточно.

Выводы

В целях обеспечения непрерывной профессиональной социализации и эффективной работы ГПС МЧС России, повышения качества кадровых управлений решений и управления служебной карьерой сотрудников, необходимо внести изменения и дополнения в нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок занятия должностей государственной гражданской службы

в ГПС МЧС России, регламентирующие перечень квалификационных требований для занятия средних и высших управленческих должностей.

Перечень квалификационных требований к кандидатам на замещение должностей руководителей среднего и высшего звена необходимо расширить за счет перечня ключевых общих и профессиональных компетенций, которые соответствуют уровню магистерской программы высшего профессионального образования. На федеральном уровне необходимо подготовить предложения по внесению изменений и дополнений в Приказы МЧС России, регламентирующие порядок проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы и формирования кадрового резерва.

Литература

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»
2. Федеральный закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
3. Степанов Р.А. Специфика подготовки кадров в системе Государственной противопожарной службы МЧС России // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России», 2015
4. Фомичев, И.В. Болонский процесс и Россия: интеграция или «болонизация»? / И.В. Фомичева // Профессиональное образование в современном мире. – 2019. – № 2 (9). – С. 34–41.
5. Павленок, П.Д. О некоторых проблемах подготовки магистров в стране // МГУ им. Н.П. Огарева, 2015. – С. 25–28
6. Федеральный государственный образовательный стандартом высшего образования по направлению подготовки 20.03.01 «Техносферная безопасность»
7. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 28 октября 2014 г. № 814н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по противопожарной профилактике»
8. Приказ Минтруда России от 12.04.2013 № 148н «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов»
9. Приказ Минобрнауки России от 06 марта 2015 г. № 172 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 20.04.01 «Техносферная безопасность» (уровень магистратуры)»

PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF EMPLOYEES OF THE RUSSIAN MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS IN THE MODERN SYSTEM OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

Yakovleva O.I.

Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The article deals with the issues of professional socialization and career development of EMER-COM of Russia employees under conditions of modern multilevel system of higher education and normative-legal unregulation of qualification requirements to the level of specialists' education. It is noted that one of the peculiarities of modern system of higher professional education is an allocation of educational programs for specialist and master degree to one level of higher education, which leads to blurred criteria of compliance of qualification requirements in terms of education level to one or another position in the public civil service system. It is emphasized that the specifics of public civil service in the system of the Russian Ministry of Emergency Situations imposes special requirements to the level of professional socialization and managerial competence of managers, which is not duly reflected in the regulatory legal acts regulating the list of qualification requirements to the level of

education, since they do not take into account the level of formation of key professional competencies of different levels of higher professional education.

Based on the analysis of higher professional education programs of EMERCOM undergraduate and graduate degree programs, a proposal to attract the indicators of professional socialization level as a criterion supplementing the qualification requirements for the candidates for positions in the Russian Ministry of Emergency Situations system is formulated.

Keywords: «professional socialization», «master's degree», «specialist's degree», «bachelor's degree», «state fire department».

References

1. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation».
2. Federal law from 23.05.2016 № 141-FZ (ed. from 30.04.2021) «On service in the federal fire department of the State Fire-Fighting Service and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation».
3. Stepanov R.A. Specifics of personnel training in the system of the State Fire Service of EMERCOM of Russia // Scientific and analytical journal «Bulletin of St. Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia», 2015.
4. Fomichev I.V. Bologna process and Russia: integration or «bolonization»? – 2019. – № 2 (9). – p. 34–41.
5. Pavlenok, P.D. On some problems of training masters in the country // N.P. Ogarev Moscow State University ., 2015. – p. 25–28
6. Federal state educational standard of higher education in the direction of training 20.03.01 «Technosphere safety»
7. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation from October 28, 2014 № 814n «On approval of the professional standard «Specialist in fire prevention»
8. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation of 12.04.2013 No. 148n «On approval of qualification levels for the purpose of developing draft professional standards».
9. Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 172 dated March 06, 2015 «On Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the Field of Training 20.04.01 «Technosphere Safety» (Master's Degree Level)

Информационные технологии как фактор формирования социокультурной городской среды: на примере города Омска

Генова Нина Михайловна,

доктор культурологии, кандидат философских наук, член-корреспондент Академии менеджмента в образовании и культуре, зав. кафедрой театрального искусства и социокультурных процессов, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: ninagenova@mail.ru

Стебляк Виктор Вадимович,

кандидат искусствоведения, доцент, кафедра театрального искусства и социокультурных процессов, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: steblyakvvv@list.ru

Ночвинова Диана Александровна,

магистрант кафедры театрального искусства и социокультурных процессов, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: diana.nochvinova_99@mail.ru

Используя социокультурный подход, для формирования социокультурной городской среды, авторы предложили проект создания социально-культурного информационного сервиса, содержащего в себе актуальный событийный ряд городской жизни Омска. Проблема, которую выявили авторы исследования, заключается в отсутствии системного освещения в информационном пространстве социокультурных событий, происходящих в городской среде Омска. Авторы опирались как на собственные разработки связанные с формированием эндогенной модели городской среды и связанные с ней проектированием социокультурного пространства, так и на выводы ученых занимающихся данной проблематикой.

Социальный эффект проекта заключается в том, что в случае его реализации решения в области обеспечения и удовлетворения спроса как среди городского сообщества, так и туристов, будут иметь возможность удаленно ознакомится с информацией о культурных объектах Омска, с перспективой принять активное участие в культурной жизни города.

Наш проект повышает качество предлагаемых концепций развития, помогает гражданам участвовать в продвижении имиджа Омска, опираясь на его значимые культур-

ные и исторические объекты. Созданная информационно-коммуникационная среда позволит эффективно распространять информацию о социокультурных городских процессах и формировать привлекательный имидж Омска.

Ключевые слова: информационные технологии, социокультурная среды региона, эндогенная модель, цифровизация, проект открытая среда.

Введение

Информационные технологии открывают перед сообществом спектр социокультурных возможностей формирования социокультурной городской среды. Быстрое внедрение дистанционного образования и информационных технологий ставят работников социокультурной сферы перед необходимостью внедрять новые интерактивные сайты, курсы и программы. Создание качественных серверов, видео-курсов и познавательных социокультурных программ в сочетании с коммуникативным содержательным контентом накопленным в предшествующем опыте становится стратегическим ресурсом, продвигающим городскую культуру [2,3,4,9,10,11,12].

Успех проектов достигается за счёт цифровизации всех социокультурных процедур и выстраивания устойчивых социальных коммуникаций с городским сообществом. Представители общественных объединений и городского общества в целом, принимающие участие в разработке или реализации проектов приобретают необходимые навыки исследовательской и практической деятельности и получают возможность не только личной, но и общественной самореализации, постепенно созиная эндогенную модель новой городской среды, включающую формирование общественных пространств, заполненных событийным рядом.

В ходе реализации проекта будет создана информационно-коммуникационная среда позволяющая эффективно распространять информации об историко-культурных и современных городских процессах и формировать привлекательный имидж города Омска.

Основная часть. Актуальность данного проекта определяется экономической и социокультурной важностью города Омска для России. Омск – один из крупнейших культурных центров России. В городе насчитывается 11 театров, 41 музей, 10 тыс. секций, кружков и культурных объединений. Ежегодно проводится около 300 тыс. культурных мероприятий.

Тем не менее, по данным статистики, около 60% жителей города проводят свой досуг дома и не посещают культурные мероприятия чаще одного раза в 6 месяцев. По мнению авторов, это происходит по той причине, что жители не узнают об этих событиях заранее, либо не могут подобрать событие себе по вкусу. Но статистика также утверждает, что около 80% населения города хотели бы посещать интересные им мероприятия в свободное время.

Цель проекта – создание открытого, бесплатного информационного сервиса, который позволит любому жителю, а также гостю города Омска предложить социально-культурные события, мероприятия, а также места проведения досуга в городе.

Задачи:

- повышение посещаемости социально-культурных событий жителями и гостями города;
- создание гибкой, удобной в использовании сферы для выбора социально-культурных мероприятий;
- адаптация информационного ресурса для не местных жителей, тем самым привлечение туристов;
- создание ресурса с наиболее конкретным и полным описанием социально-культурных событий и мест проведения досуга

Проблемы, на решение которых направлен проект:

- проблема развития туризма;
- отсутствие информационных ресурсов с наиболее полным списком социально-культурных событий, мест проведения досуга города, с их полным описанием и адаптированных под различные слои населения.

Существующие информационные ресурсы не дают полной информации о событиях, довольно неудобны в использовании и не адаптированы для Российских туристов, иностранных граждан, а также разновозрастного населения или людей с ограниченными возможностями.

В связи с этим было принято решение создать проект, который бы решил обе эти проблемы.

Концепция проекта

Основой проекта является информационный ресурс, который будет включать в себя большинство социально-культурных событий, мероприятий города Омска, мест посещения досуга.

Для того, чтобы список мероприятий и мест был наиболее полным, зарегистрированные пользователи смогут добавлять их самостоятельно, а также редактировать и дополнять описание у уже созданных мероприятий. Каждое изменение будет добавлено на сайт только после проверки модератором.

Сайт будет адаптирован для различных слоёв населения. Он будет удобным в использовании, снабжён простым интерфейсом, а также картой сайта, чтобы могли ориентироваться не только люди, часто пользующиеся информационными ресурсами, а также те, кто редко заходит в Мировую сеть, в том числе лица пожилого возраста.

На сайт будет добавлена кнопка выбора языка, чтобы ориентироваться смогли не только жители России, но и туристы из других стран.

Каждое событие или место будет описано с помощью: фотографии; описания от официального представителя; даты события; адреса; отзывов от людей, уже посетивших это событие или место, если таковые имеются; оценки критиков/блогеров/известных личностей (в зависимости от события или места); карта, на которой изображено место проведения события; ссылка на сайт или адрес места, где можно приобрести билеты, если таковые имеются; ограничение по возрасту; цены на билеты, если таковые имеются; время начала события; продолжительность.

Кроме того на сайте будет возможность выбрать событие по своему вкусу. В специальном разделе будет возможность поставить ограничение по возрасту, выбрать одну или несколько предпочтаемых категорий, ограничить цену, выбрать район.

Ожидаемые результаты:

- повышение уровня туризма в городе;

- увеличение посещаемости культурно-досуговых мероприятий в городе, как жителями, так и туристами;
- повышение занятости и мобильности населения;
- формирование эндогенной модели городской среды

Сроки реализации проекта: июнь 2022 г. – сентябрь 2022 г.

Заключение

Социальный эффект проекта заключается в том, что в случае его реализации решения в области обеспечения и удовлетворения спроса как среди городского сообщества, так и туристов из других городов России и мира, будут иметь возможность удаленно ознакомится с информацией о культурных объектах Омска, с перспективой принять активное участие в культурной и образовательной деятельности города.

Предлагаемый проект повышает качество предлагаемых концепций развития, помогает гражданам участвовать в продвижении имиджа Омска, опираясь на его значимые культурные и исторические объекты. Созданная информационно-коммуникационная среда позволит эффективно распространять информацию о социокультурных городских процессах и формировать привлекательный имидж Омска.

Литература

1. Богданов, В. Планирование проектов [Электрон.ресурс] / В. Богданов // Портал iTteam: технологии корпоративного управления. – Режим доступа: WWW URL: http://www.iteam.ru/publications/project/section_36/article_3496
2. Генова Н. М., Стебляк В.В. Формирование эндогенной модели городской социокультурной среды // Культура и цивилизация. 2019. – № 6 с. 91–101
3. Генова Н. М., Стебляк В.В. Социокультурная динамика городской среды Омска Учебное пособие Омск, Амфора 2020. – с. 136
4. Генова Н. М., Стебляк В.В. Проектирование в социокультурном про-

странстве омского региона. Учебное пособие Омск, Амфора 2020. – с. 154

5. Луков, В.А. Социальное проектирование [Текст] / В.А. Луков. – М.: МГУ, 2009. – 240 с.
6. Марков, А.П. Основы социокультурного проектирования [Текст]: учеб. пособие/ А.П. Марков, Г.М. Бирженюк. – 2-е изд. – СПб., 2007. – 262 с.: ил.
7. Ришке, Х. Мир управления проектами [Текст]/Х. Ришке, Х. Шелле. – М.: Алане, 2011. – 267 с.
8. Сафонова, В.М. Прогнозирование, проектирование и моделирование в социальной работе: учеб. пособие для высш. учеб. заведений/ В.М. Сафонова. – М.: Академия, 2002. – 340 с.
9. Стебляк В.В., Епанчинцева И.Ю. Взаимоотношения центра и периферии в моделях социокультурной динамики // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 407–414.
10. Стебляк В.В. Специфика социокультурного проектирования в современной России //Культура и цивилизация. 2018. – № 6 с. 77–86
11. Стебляк В.В. Проектирование современной социокультурной среды// Культурное пространство русского мира Журнал. Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,2019№ 2, с. 26–32
12. Стебляк В.В. Модели социокультурной динамики в анализе городских социокультурных процессов // Культурное пространство русского мира. Журнал. Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,2019,– № 3, с. 20–26

INFORMATION TECHNOLOGY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE SOCIO-CULTURAL URBAN ENVIRONMENT: THE EXAMPLE OF THE CITY OF OMSK

Genova N.M., Steblyak V.V., Nochvinova D.A.
Omsk State University F.M. Dostoevsky

Using a socio-cultural approach, for the formation of a socio-cultural urban environment, the authors proposed a project to create a socio-cultural information service that contains the current event series of urban life in Omsk. The problem identified by the authors of the study is the lack of systemic coverage in the information space of socio-cultural events taking place in the urban environment of Omsk. The authors relied both on their own developments related to the formation of an endogenous model of the urban environment and the associated design of socio-cultural space, and on the conclusions of scientists dealing with this issue.

The social effect of the project is that, if implemented, solutions in the field of ensuring and meeting demand both among the urban community and tourists will have the opportunity to remotely get acquainted with information about the cultural sites of Omsk, with the prospect of taking an active part in the cultural life of the city. Our project improves the quality of the proposed development concepts, helps citizens to participate in promoting the image of Omsk, relying on its significant cultural and historical sites. The created information and communication environment will make it possible to effectively disseminate information about socio-cultural urban processes and form an attractive image of Omsk.

Keywords: information technology, socio-cultural environment of the region, endogenous model, digitalization, open environment project.

References

1. Bogdanov, V. Project planning [Electronic resource] / V. Bogdanov // iTeam Portal: Corporate Governance Technologies. – Access mode: WWW URL: http://www.iteam.ru/publications/project/section_36/article_3496
2. Genova N.M., Steblyak V.V. Formation of an endogenous model of the urban socio-cultural environment // Culture and civilization. 2019. – №. 6 p. 91–101
3. Genova N. M., Steblyak V.V. Socio-cultural dynamics of the urban environment of Omsk Textbook Omsk, Amphora 2020. – p.136
4. Genova N. M., Steblyak V.V. Designing in the socio-cultural space of the Omsk region. Study guide Omsk, Amphora 2020. – p. 154
5. Lukov, V.A. Social design [Text] / V.A. Lukov. – M.: Moscow State University, 2009. – 240 p.
6. Markov, AP Basics of socio-cultural design [Text]: textbook. allowance / A.P. Markov,

G.M. Birzhenyuk. – 2nd ed. – SPb., 2007. — 262p.: ill.

7. Rischke, H. The world of project management [Text] / H. Rischke, H. Schelle. – M. : Alane, 2011. — 267 p.
8. Safronova, VM Forecasting, design and modeling in social work: textbook. manual for higher. study. institutions / V.M. Safronova. – M. : Academy, 2002. — 340 p.
9. Steblyak V.V., Epanchintseva I. Yu. The relationship between the center and the periphery in the models of sociocultural dynamics // Culture and civilization. 2017. T. 7. No. 5A. S. 407–414.
10. Steblyak V.V. Specificity of socio-cultural design in modern Russia // Culture and civilization. 2018. – No. 6 p. 77–86
11. Steblyak V.V. Designing a modern socio-cultural environment // Cultural space of the Russian world Journal. Omsk, Omsk State University. F.M. Dostoevsky, 2019 # 2, pp. 26–32
12. Steblyak V.V. Models of sociocultural dynamics in the analysis of urban sociocultural processes // Cultural space of the Russian world. Magazine. Omsk, Omsk State University. F.M. Dostoevsky, 2019, – No. 3, pp. 20–26

Исследование процесса внедрения научно-технологических инноваций в жизнь современного мегаполиса: общетеоретические подходы

Лагутин Юрий Викторович,

аспирант кафедры социологии коммуникативных систем Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: lagutinyury@gmail.com

Тема сциентизации быта жителей современного мегаполиса требует в процессе своего изучения систематизации социологических подходов к изучению процесса внедрения научно-технологических инноваций в повседневную жизнь современного крупного российского мегаполиса. В рамках настоящего исследования выявлены такие исследовательские области, как: осмысление социокультурных трансформаций, связанных с развитием информационного общества и общества знаний с их последующими культурными и политическими импликациями; рассмотрение изменений, связанных с ускорением инновационных процессов, ориентированных на практики потребления современного человека, вытекающих из культа изобретательства и технологизации быта и повседневной жизни; анализ различных аспектов взаимодействия жителей мегаполиса с изменившимся социальным окружением на фоне реализации концепции «умного города» с учетом характера взаимодействия основных социальных акторов: граждан, органов власти и бизнеса; определение векторов социальных изменений в будущем с учетом изменений во взаимодействии человека с техническими средствами / техническим окружением. Указанные общетеоретические подходы позволяют сформировать особый ракурс рассмотрения степени изученности исследовательских областей и связанными с ними конкретными социальными проблемами.

Ключевые слова: сциентизация, инновации, промышленность, теоретические подходы, урбанизация, преемственность, мегаполис, социальные практики, сциентизация, город, человек, информация, технологии, инфраструктура, идентичность, индивидуальность, культура, общество.

Предварительный историко-философский анализ сциентизации социальных практик в современном городе проведен в рамках отдельного исследования [3].

Выявлены такие исследовательские области, как:

А. Осмысление социокультурных трансформаций, связанных с развитием информационного общества и общества знаний с их последующими культурными и политическими импликациями.

Б. Рассмотрение изменений, связанных с ускорением инновационных процессов, ориентированных на практики потребления современного человека, вытекающих из культа изобретательства и технологизации быта и повседневной жизни.

С. Анализ различных аспектов взаимодействия жителей мегаполиса с изменившимся социальным окружением на фоне реализации концепции «умного города» с учетом характера взаимодействия основных социальных акторов: граждан, органов власти и бизнеса.

Д. Определение векторов социальных изменений в будущем с учетом изменений во взаимодействии человека с техническими средствами / техническим окружением.

Каждая из выявленных исследовательских областей в свою очередь разделяется на несколько исследовательских вопросов, связанных между собой и влияющих на характер конструирования социальных проблем, связанных с главной проблемой – сциентизацией быта в современном промышленном мегаполисе и пересекающихся с несколькими важными темами, вызванными к жизни общим процессом технологизации экономики и научных исследований.

Что касается конкретных социологических подходов в рамках выделенных

исследовательских областей их можно представить в форме таблицы 1.

Таблица 1. Систематизация исследовательских подходов к изучению проблемы сценаризации быта в современном мегаполисе

Проблемная область	Сквозные темы			
	Внедрение искусственного интеллекта и алгоритмов принятия решений	Развитие креативности и новых цифровых компетенций	Изменение сознания человека	Изменение социального взаимодействия социальных групп
А. Осмысление социокультурных трансформаций, связанных с развитием информационного общества и общества знаний с их последующими культурными и политическими импликациями	Анализ отношений «человек – машина» с помощью анализа пользовательского опыта посредством кейс-интервью и анкетирования	Оценка «цифрового неравенства» в восприятии людей и органов власти: обобщение мнений и высказываний в публичном пространстве	Оценка уровня стресса в процессе взаимодействия с изменяющимся технологическим окружением	Анализ макротрендов в изменении взаимодействия социальных групп и акторов под воздействием технологических инноваций с помощью статистического и корреляционного анализа
В. Рассмотрение изменений, связанных с ускорением инновационных процессов, ориентированных на практики потребления современного человека, вытекающих из культа изобретательства и технологизации быта и повседневной жизни	Анализ автоматизации повседневной жизни через обобщение оценок в социальных медиа	Оценка уровня адаптации и трансформации пользовательского опыта в долгосрочном периоде через глубинные интервью и фокус-группы	Анализ бюджетов свободного времени жителей мегаполиса, исследование с помощью тестирования уровня цифровой культуры	Включенное наблюдение за представителями различных социальных групп в процессе использования технологий в повседневной жизни: стратификация социальных общин, классификация социальных практик
С. Анализ различных аспектов взаимодействия жителей мегаполиса с изменившимся социальным окружением на фоне реализации концепции «умного города» с учетом характера взаимодействия основных социальных акторов: граждан, органов власти и бизнеса	Технологии «умного дома» в контексте развития «умного города»: анализ передовых технологий (предложения на рынке) и сценариев их применения (рассмотрение риторики маркетинговых сообщений)	Изучение субъективного восприятия нового технологического окружения с точки зрения возможностей / угроз и готовности, изучение индексов и рейтингов развития «умных городов»	Экспертный опрос в отношении отражения в нормативных актах индивидуальных интересов и потребностей	Рассмотрение новых возможностей для организации совместной деятельности в условиях «умного города»: глубинные интервью с городскими активистами
Д. Определение векторов социальных изменений в будущем с учетом изменений во взаимодействии человека с техническими средствами / техническим окружением	Контент-анализ прогнозов в отношении развития искусственного интеллекта и его влияния на повседневную жизнь людей	Анализ перспективных требований к компетенциям человека будущего («Атлас новых профессий», анализ объявлений о вакансиях, предложений по курсам переподготовки)	Оценка вероятности (экспертный опрос по методу сценариев) внедрения в ближайшем будущем практик социального контроля индивидов («социальный рейтинг»)	Анкетирование экспертов по вопросам будущего социального взаимодействия и его опосредования современными технологиями

Источник: разработано автором

Указанные в таблице 1 социологические подходы и методы применительно к рассматриваемой теме позволяют охватить большую часть явлений и фак-

тов взаимодействия человека на повседневном уровне со сценаризированной бытовой средой и в дальнейшем будут использованы при организации

и обработке результатов эмпирической части исследования.

Общей теоретической базой для всех связанных проблем являются теория информационного общества (Э. Тоффлер), концепция сетевого общества (М. Кастельс), подход конструирования социальных проблем для выявления вовлеченности акторов в проблематизации сциентизации быта.

Так Э. Тоффлер в работе «Шок будущего» («Футурошок») отмечает высокую изменчивость технологического окружения и возрастающую скорость обновления социально значимой информации в жизни современного человека, определяющие шоковое воздействие на конкретного индивида и определяющего его социальное поведение: «Между обществом, которое избирательно подавляет технологическое продвижение, и обществом, которое слепо хватается за первую же подвернувшуюся возможность, быстро возникнут резкие различия. Еще более резкие различия разовьются между обществом, в котором темп технологического развития умеряют и направляют, чтобы предотвратить шок будущего, и обществом, в котором массы простых людей лишают возможности принимать рациональные решения. В первом политическая демократия и широкомасштабное участие осуществимы; во втором мощное давление ведет к политическому правлению крошечной технологической и управляемческой элиты. Короче говоря, наш выбор технологий решающим образом формирует культурные стили будущего» [6].

В свою очередь М. Кастельс, рассматривая схожие вопросы, отмечает коренные трансформации в организации производства, занятости и социального взаимодействия в целом, приобретающего в условиях развития информационного общества и сопутствующих технологий сетевой характер: «первый раз в истории базовая единица экономической организации не есть субъект, будь он индивидуальным (таким, как предприниматель или предпринимательская семья) или коллективным

(таким, как класс капиталистов, корпорация, государство). Единица – есть сеть, составленная из разнообразного множества субъектов и организаций, непрестанно модифицируемых по мере того, как сети приспособляются к поддерживающим их средам и рыночным структурам» [2]. Все это, в конечном счете и формирует « дух информационализма», представляющий из себя новый культурный код, при этом подчеркивая, что, несмотря на свою эфемерность, она представляет действенную силу для каждого, кто вовлечен в сетевое взаимодействие посредством обмена информацией.

Наконец, общей теоретической рамкой для последующего теоретического и эмпирического рассмотрения явлений и фактов социальной жизни выступает конструкционистский подход к социальным проблемам, в отличии от объективизма позволяющий исследовать подвижные, неустойчивые и не всегда признаваемые феномены. С момента возникновения теоретического обоснования М. Спектором и Дж. Китсюзом и в 1970-е годы [5] данный подход нашел применение во многих областях социального знания: от демографии до политики [7]. При этом, конструкционизм ввиду своей подвижности и гибкости к постановке исследовательского вопроса рождает и сопротивление со стороны тех, кто не готов признать наличие выявленной проблемы в рамках борьбы за формирование «повестки дня» (agenda setting) в понимании М. Маккомбса и Д. Шоу [1]. В противоположность этому исследователь-конструкционист на основе анализа большого количества кейсов (case study), связанных с проблемой предпринимает «выдвижение утверждений-требований» (claim making), предлагающих серию исследовательских действий, направленных на широкое общественное обсуждение и решение проблемы.

Указанные общетеоретические подходы позволяют сформировать особый ракурс рассмотрения степени изученности исследовательских областей А,

В, С и D и связанными с ними конкретными социальными проблемами. Основное внимание будет при этом уделено научным работам, учитывающим социальные условия российских городов, при этом, однако, упоминаются и важные исследования, ориентированные на универсализацию и горизонтальные связи мегаполисов мира, рассматриваемых в контексте развития глобальных городов и связей между ними, реализуемых без значительного влияния национальных государств.

Литература

1. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Повестка дня и информационное общество: социологические очерки. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 7–40.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкарата. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 197–198.
3. Лагутин Ю.В. Историко-философский анализ сциентизации социальных практик в современном мегаполисе // Социология. 2019. № 5. С. 63–72.
4. Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Журнал исследований социальной политики. 2004. Том 8. № 1 С. 7–12.
5. Спектор, М. Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: хрестоматия / сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., доп. и перераб. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 160–163.
6. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М.: ACT, 2004. С. 475.
7. Ясавеев И.Г. Конструкционистский подход к социальным проблемам // Журнал исследований социальной политики. 2004. Том 2 № 4. С. 533–546.
8. Spector M., Kitsuse J. Constructing Social Problems. Menlo Park, CA: Cummings, 1977.
9. UDC 316

RESEARCH OF THE PROCESS OF INTRODUCING SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL INNOVATIONS IN THE LIFE OF A MODERN INDUSTRIAL METROPOLIS – GENERAL THEORETICAL APPROACHES

Lagutin Y.V.

Lomonosov Moscow State University

The topic of scientization of the life of the inhabitants of a modern metropolis requires, in the process of its study, the systematization of sociological approaches to the study of the process of introducing scientific and technological innovations into the daily life of a modern large Russian metropolis. Within the framework of this study, such research areas have been identified, such as: comprehension of socio-cultural transformations associated with the development of the information society and the knowledge society with their subsequent cultural and political implications; consideration of the changes associated with the acceleration of innovative processes focused on the consumption practices of the modern person, arising from the cult of invention and technologization of everyday life and everyday life; analysis of various aspects of interaction between residents of a megapolis with a changed social environment against the background of the implementation of the concept of a "smart city", taking into account the nature of the interaction of the main social actors: citizens, authorities and business; determination of vectors of social changes in the future, taking into account changes in human interaction with technical means / technical environment. These general theoretical approaches allow us to form a special perspective of considering the degree of study of research areas and the specific social problems associated with them.

Keywords: scientization, innovation, industry, theoretical approaches, urbanization, continuity, megapolis, social practices, scientization, city,

person, information, technology, infrastructure, identity, individuality, culture, society.

References

1. Dyakova E. G., Trachtenberg A.D. Agenda and information society: sociological essays. M.; Yekaterinburg: Cabinet Scientist, 2019. pp. 7–40.
2. Castels M. Informatsionnaya epocha: ekonomika, obshchestvo i kultura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. edited by O.I. Shkaratan, Moscow: Higher School of Economics, 2000, pp. 197–198.
3. Lagutin Yu.V. Istoriko-filosofsky analiz szientizatsii sotsialnykh praktik v sovremennom megalopolis [Historical and philosophical analysis of social practices in the modern megalopolis]. 2019. No. 5. pp. 63–72.
4. Polach D. Social problems from the constructionist point of view // Journal of Social Policy Research. 2004. Volume 8. No. 1, pp. 7–12.
5. Spector, M. Kitsuse, J. Construction of social problems // Contexts of modernity-II: Actual problems of society and culture in Western social theory: a textbook / comp. and the general editorship of S.A. Erofeev. 2nd ed., add. and reprint. Kazan: Kazan Publishing House. un-ta, 2001. pp. 160–163.
6. Toffler E. The Shock of the future / per. s engl. M.: AST, 2004. p. 475.
7. Yasaveev I.G. Constructionist approach to social problems // Journal of Social Policy Research. 2004. Volume 2, No. 4. pp. 533–546.
8. Spector M., Kitsuze J. Constructing social problems. Menlo Park, CA: Cummings, 1977.

Физическая культура и спорт в современном обществе как компенсаторный аспект социальности

Чернышев Виктор Петрович,
к.п.н., профессор, зав. каф. ФКиС ФГОУ ВПО ТОГУ
E-mail: chernyshov_vp@mail.ru

Малюгин Александр Михайлович,
старший преподаватель каф. ФКиС ФГОУ ВПО ТОГУ
E-mail: malyugin1958@bk.ru

Бородин Петр Владимирович,
к.п.н., доцент каф. ФвИС ФГОУ ВПО ДВГМУ
E-mail: Borodinpetr@mail.ru

Клименко Василий Александрович.
к.п.н., доцент. Каф. ФвИС ФГОУ ВПО ДВГУПС
E-mail: vasilii_klimenko@mail.ru

В статье рассматривается вопрос проблематизации социального феномена «Физическая культура и спорт» в процессе обучения в вузе. Показано, что современная традиционная модель реализации учебного предмета при реализации не позволяет достигнуть заявленных целей из-за возникающих противоречий. Авторы доказывают тезис о том, что устранение их возможно путем создания в рамках дисциплины новых смыслов, не применяемых, но латентно существующих внутри самой физкультурно-спортивной практики. Одной из важных функций физической культуры может служить компенсаторная функция, обеспечивающая субъекту деятельности возможность гибкой асимиляции в окружающем мире. В заключении работы делается вывод о том, что компенсация утраченных возможностей развития личности средствами физической культуры особенно актуальна в современных условиях.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, учебный процесс в вузе, традиционные и инновационные подходы, противоречия и пути их преодоления.

В социальном дискурсе современности, ведущимся на разных публичных площадках, общим местом стало понимание высокого уровня неопределенности и, соответственно, неустойчивости общественного устройства, сложившегося в начале XXI века. При этом особенностью данного этапа развития общественных отношений является континуальный консенсус в отношении означенной проблематики со стороны большинства населения. Если еще в недавнем XX веке оставались весьма обширные регионы, которых общие проблемы мироустройства касались относительно опосредованно, то сегодняшняя ситуация может быть охарактеризована термином полная вовлеченность населения в «господствующий тренд» [8]. Универсальность и всеохватность глобальными вызовами порождает особое отношение к социальным явлениям и практикам, бывшим автономными в реализации. Одним из видов такого автономного существования физическая культура и спорт. Как природное, биологическое существо человек во все времена реализовывал свой жизненный потенциал через экспликацию своих физических возможностей и потребностей. При разном отношении к своей физической природной ипостаси в разные времена и в разных культурах, от полного неприятия и отчуждения, до полного подчинения себя исключительно природной составляющей, человек является составной частью природы в целом. В данной работе будет исследовано проявление культурного феномена «физическая культура и спорт» на современном этапе развития общества, а именно на компенсаторной роли данного феномена. Понятие «компенсации» используется в современном дискурсе практически всех наук о человеке, от биологического направления до гуманитарного и даже для точных наук. Широта использова-

ния данного понятия такова, что с его помощью исследователи пытаются описать и объяснить большое количество жизненных проявлений [6]. Мы будем использовать понятие «компенсация» в ограниченном значении, а именно как пространство или поле приложения человеческих сил, отличное от его повседневных практик, но стремящихся в конечно счете создавать условия для реализации этих практик в более качественном и комфортном для человека виде. Другими словами, поле компенсации формируется каждым человеком индивидуально, чтобы естественным образом противостоять тому, все усиливающему и ускоряющему потоку информации, объем которого для нашего современника превосходит его возможности усвоения согласно современным исследованиям [5]. В исторические эпохи, насыщенные до предела концентрированными напряжениями бытия, у людей была возможность, и она довольно часто практиковалась разными людьми, как стратегия «ухода» из мира активно социума к индивидуальному существованию. Эта практика остается актуальной и для сегодняшнего человека, но возможности ее воплощения сужаются. Развитие СМИ и наступление информационно-цифровых технологий, их проникновение в самые заповедные зоны повседневности, перманентное навязывание человеку чужого мнения, делают задачу поиска и организации зон компенсации актуальной и, даже, насущно необходимой. Для начала необходимо определить что компенсируется средствами физической культуры и определить возможные точки пересечения разнородных по форме и содержанию практик повседневности. Как аксиому примем положение о «сокращающемся настоящем» [6] и, соответственно, резко возросшем уровне напряжения между различными сегментами «рутинной повседневности», в которой большинство людей проводит большую часть времени своего существования. Привычные ритуалы и практики, которые использовали наши предшественники и для ко-

торых было точно определено место и время в процессе жизнедеятельности, либо исчезают, либо сужаются при их использовании. Многие социальные практики прошлого, помимо каких-то коммуникативных и презентационных ролей, обладали одним важным аспектом, часто латентным, в котором для индивида было подготовлено место, позволявшее ему встретиться с самим собой, без посредников и сопровождающих. Эта не самая простая сентенция открывается в ретроспективном взгляде на прошлое каждому взрослому или пожилому человеку независимо от его происхождения и социальной биографии. То, что в повседневной практике могло восприниматься человеком как обыденный жизненный эпизод в ряду таких же эпизодов, в ретроспективном взгляде может приобрести гораздо большую значимость, это происходит практически с каждым потому что скрытый в оперативном использовании контекст явления, с течением времени раскрывается и становится определяющим. Однако современный жизненный ритм большинства людей настолько плотен и насыщен эпизодами, что они не конвертируются индивидом в события и просто исчезают из поля его внимания и из памяти. Тем не менее, живущий в своем физическом теле человек, какие бы культурные и социальные рамки его не окружали, не может взаимодействовать со своей природой в режиме перманентно меняющихся эпизодов. Нижняя ступень «пирамиды Маслоу» демонстрирует нам необходимость удовлетворять любые запросы только через фильтр природных потребностей, таких как голод, сон, температурный режим, стремление к размножению и т.п. Таким образом, только на основе удовлетворенности физическим состоянием человек может развиваться в формировании собственной социальности. На наш взгляд, такой утилитаристский подход к физическому естеству не учитывает скрытых в данном феномене коннотаций и существенно обедняет роль телесности в жизнеустройстве человеческого мира

[3]. В частности, при таком подходе не учитывается компенсаторная функция любой физической активности человека, как поля выхода его из цепочки ритуализированных эпизодов в иное измерение бытия. Впервые с такой функцией феномена «Физическая культура и спорт» встречается в поэме Гомера «Иллиада» автор, описывающий события троянской войны показывает, как один из главных героев эпоса Ахилл, после гибели своего друга Потрокла, устраивает ритуальные поминки по его душе. Для нас важно отметить, что перед началом застолья и зажжения ритуального костра, Ахилл устраивает фактически спортивные состязания по восьми видам спорта. Казалось бы, только что вышедшие из кровавой рукопашной схватки воины, вместо отдыха и релаксации участвуют в состязаниях. Интерпретируя данный эпизод, можно вполне объективно предположить, что организация состязаний в такой момент служила грекам своего рода компенсаторным механизмом, автоматически переводя военное возбуждение в более мягкий режим, позволяющий в дальнейшем осуществлять переход в другое, более соответствующее моменту состоянию. Эта отсылка к древней культурной традиции показывает лишь один аспект возможной социальной значимости физической культуры в жизни людей. Участники данных событий применяли в жизни те социальные инструменты, которые казались им адекватными и значимыми. Стоит обратить внимание на рассуждение современного немецкого мыслителя Гумбрехта [4], который рассматривая физическую активность конкретного жизненного эпизода каждого человека, приходит к парадоксальному мнению о том, что в момент непосредственного мышечного напряжения, осуществляя физическую активность в любой форме, индивид утрачивает связь как со своим прошлым – памятью, так и с будущим. Это означает что человек в момент когда он выполняет физические упражнения погружается в их ритм так глубоко, что его память

«отстает» от его сознания и при этом его способность воображения так же замирает. Итогом такого состояния оказывается нахождение человека в «растянутом» настоящем, в режиме которого он с удивлением может обнаружить себя самого не равного самому себе. Такое глубокое и насыщенное переживание, пусть и кратковременного жизненного эпизода, способно оставить в сознании человека устойчивый и важный для него след. Ощущение антропоморфной полноты существования, явившееся результатом физического напряжения, может стать отправной точкой дальнейшего смыслового оформления своей самости, экстраполируемой как стихия на все аспекты жизнедеятельности человека. В постулировании данного тезиса заложено противоречие с традиционно понимаемой ролью физической культуры в общественном устройстве, которое в целом плотно ориентировано на реквизирирование телесности индивида из обладания ею им самим в пользу третьей инстанции, например государства [7]. Традиционно физическое состояние современного человека является заботой не его самого, а различного рода социальных институтов, окружающих человека с момента рождения – таких как семья, школа, государство и других. Многолетние наблюдения за взаимоотношениями, выстраиваемыми людьми со своей телесностью как таковой показали, что подавляющее большинство современных людей не только не пытаются осмысливать свою природу, но передают заботу о ней во внешнее окружение. Примером может служить комплекс норм ГТО, в содержание которого латентно заложены смыслы, лишающие самого человека необходимости взвешивать предъявляемые ему нормы физического развития, ориентируясь на так называемое экспертное мнение. Другими словами – сам индивид переходит из статуса субъекта в статус объекта, не замечая этой трансформации и не формируя в сознании критического отношения к случившемуся. Остановимся на проблеме, которая сегодня яв-

ляется составной частью описанного трансформационного транзита индивида, а именно на роли и месте специалистов в области физической культуры, осуществляющих сопровождение физического развития индивида на всех этапах онтогенеза. В частности, мы проанализируем деятельность преподавателей высших учебных заведений, которые в рабочем режиме осуществляют сегодня процесс сопровождения и коррекции физического совершенствования студентов. Для этой категории специалистов, наступившая пандемия оказалась серьезным испытанием их профессиональной компетентности. В привычных для себя форматах преподавания дисциплины, жестко ориентированной на достижение практического результата, то есть на выполнение соответствующих норм, рекомендованных планами и стандартами обучения, многие специалисты не исследуя вопрос о сопровождающих процесс обучения контекстах реализуемой на практике учебной программы. Пандемия и переход на удаленный режим работы с отчетливой очевидностью выявили проблему коммуникации и трансляции содержания предмета студентам, находящимся на расстоянии от преподавателей. Лишенные непосредственного контакта с учащимися, преподаватели вынуждены были искать непривычные для себя формы взаимодействия со студентами, которые позволили бы им участвовать в сопровождении процесса физического развития индивидов, находящихся по сути вне возможности оперативного контроля за реализацией предлагаемых им программ. Оказалось, что и сами студенты, практически выпавшие из тисков перманентного контроля со стороны преподавателей испытывали серьезные трудности при составлении и реализации своих предпочтений в области физического совершенствования. Общение учащихся и учителей через компьютер оказалось малоэффективным с точки зрения практического наполнения учебных занятий конкретным содержанием. Сложившаяся ситуация потребовала

от специалистов быстрого поиска новых смыслов реализации фактически практической дисциплины, наполнения ее таким содержанием, которое расходится с традиционными и привычными формами подачи учебного материала. Проявился эффект «усвоенной неспособности» открытый Т. Вебленом [2] еще в начале XX века, означающий трудности в инкорпорации нового смысла в поле, занятое хорошо и плотно усвоенным опытом. Разрушить привычные и верифицированные аспекты опыта сложно, особенно если речь идет о специалистах со стажем. Осуществление подобной процедуры на практике крайне сложно и неоднозначно. Будучи состоявшейся в профессии личностью, педагог неосознанно пытается транслировать в практику свои устоявшиеся умения и навыки. Только целенаправленная работа по убеждению его в возможном ином подходе к преподаванию предмета, с обязательным учетом его личностных и профессиональных качеств, может открыть в его сознании ниши, которые окажется возможным заполнять современными реалиями. Именно в связи с этим, презентация социального феномена «физическая культура и спорт» в системе высшего образования, как зоны компенсации, строго индивидуализированной, но при этом «вписывающейся» в общий контекст учебной дисциплины, позволяет расширить поле субъектности как преподавателям, так и студентам. Осознание не утилитарности этого вида деятельности, свободно размещенного в повседневности каждого человека, позволяет ему открывать в себе до этого не принятые грани личностного развития. Современный человек, которого все большее количество мыслителей называет «голым» [1], нуждается в пространствах, в которых самообнаружение себя возможно, к таким пространствам может быть отнесена и физическая активность, понятая и принятая соответствующим образом. Только при таком, не стандартном подходе мы вправе ожидать адекватной ответной реакции учащихся и повышения

их адаптационных способностей к современному состоянию.

Литература

1. Агамбен Джорджо. Открытое / Пер. с итал. / М.: РГГУ, 2012. 112 с.
2. Веблен Торстейн. Теория праздного класса: Пер. С англ. / М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 368 с.
3. Жорж Вигврелло. Самоощущение. История восприятия тела (XVI–XX вв.) М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 256 с.
4. Гумбрехт Х.У. Похвала красоте спорта / Пер. С англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 176 с.
5. Маклюэн М.Г. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. С англ. – 5-е изд., испр. – М.: Кучково поле, 2018. – 464 с.
6. Люbbe, Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. Пер. С нем. М.: Изд. Дои ВШЭ, 2016. – 456 с.
7. Мишель Фуко. История безумия в классическую эпоху. Санкт-Петербург, 1997. 576 с. (Книга света).

PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN MODERN SOCIETY AS A COMPENSATORY ASPECT OF SOCIALITY

Chernyshev V.P., Malyugin A.M., Borodin P.V.,
Klimentko V.A.
FKIS FGOU VPO PNU, FViS FGOU VPO FESMU, FViS
FGOU VPO FVGUPS

The article considers the issue of problematization of the social phenomenon "Physical culture and sport" in the process of education at the university. It is shown that the modern traditional

model of the implementation of a school subject during implementation does not allow achieving the stated goals due to emerging contradictions. The authors prove the thesis that their elimination is possible by creating new meanings within the discipline that are not used, but latently existing within the physical culture and sports practice itself. One of the important functions of physical culture can be a compensatory function that provides the subject of activity with the possibility of flexible assimilation in the surrounding world. In the conclusion of the work, it is concluded that compensation for the lost opportunities for personality development by means of physical culture is especially relevant in modern conditions.

Keywords. Physical Culture and sport. The educational process at the university. Traditional and innovative approaches. Contradictions and ways to overcome them.

References

1. Agamben Giorgio. Open / Per. with ital. / M.: RGGU, 2012.112 p.
2. Veblen Thorstein. The theory of the leisure class: Per. From English. / M.: Book House "LIBROKOM", 2014. – 368 p.
3. Georges Vigvrello. Self-awareness. The history of body perception (XVI–XX centuries) M.: Center for Humanitarian Initiatives, 2020. – 256 p.
4. Gumbrecht H.W. Praise for the beauty of sports / Per. From English. – M.: New literary review, 2009. – 176 p.
5. McLuhan MG Understanding of Media: External Human Extensions / Per. From English. – 5th ed., Rev. – M.: Kuchkovo field, 2018. – 464 p.
6. Lubbe, G. Keeping pace with the times. Abbreviated stay in the present. Per. With him. Moscow: Ed. Doi HSE, 2016. – 456 p.
7. Michel Foucault. The story of insanity in the classical era. St. Petersburg, 1997.576 p. (Book of light).

Социальный театр в системе социальной реабилитации наркозависимых людей, попавших в трудную жизненную ситуацию (на примере деятельности ОО «Юла», РОФ «Новая жизнь»)

Шеремет Александр Николаевич,

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории социально-экономических проблем человеческого развития Института социально-экономических проблем народонаселения ФГБУН ФНИСЦ РАН
E-mail: 201071sh@gmail.com

Нестабильная социально-экономическая ситуация, повышение уровня стрессогенности на фоне динамичных социокультурных преобразований, девальвации общественных ценностей, ослабление воспитательных функций социальных институтов и общества в целом негативно сказываются на социализации новых поколений, что имеет множественные негативные последствия, в том числе распространение наркомании. В статье рассмотрены масштабы и тенденции наркопотребления в России и в мире. Отмечены последствия и «спутники» употребления наркотиков. Описаны основные пути социальной реабилитации наркопотребителей. На примере деятельности ОО «Юла», РОФ «Новая жизнь» выявлены перспективы и эффективность применения социального театра, как элемента системы социальной реабилитации наркозависимых людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Анализ результатов деятельности социально-театрального проекта позволяет сделать вывод о перспективности и эффективности социального театра как одного из путей социальной реабилитации наркозависимых людей. Социальный театр способствует созданию среды, в которой зависимые клиенты могут открыто выражать эмоции, исследовать будущее без наркотиков, развивать коммуникативные навыки, устанавливать личные связи и проявлять честность по отношению к себе и другим, не испытывая по отношению к себе негативного отношения со стороны окружающих.

Ключевые слова: наркозависимость, трудная жизненная ситуация, социальная эксклюзия, социальная реабилитация, социальный театр.

Введение. Актуальность и масштабы проблемы употребления наркотиков трудно переоценить. Согласно имеющимся данным 1 из 20 человек во всем мире пробовал наркотические препараты (примерно 250 млн человек). Статистика демонстрирует в этом смысле неутешительную картину в Болгарии, Эстонии, Литве, Греции и России [2].

Наркомания в России, как и во всем мире, является одной из самых серьёзных и острых социальных проблем. По данному показателю Российской Федерация занимает четвертую (1,3%) позицию после Сейшельских островов (2,30%), Грузии (2,02%) и Пуэрто Рико (1,5%) и существенно опережает США (0,74%), государства Европейского союза и другие страны бывшего СССР [1]. По данным МВД РФ в России в 2021 году насчитывается около 6 млн наркоманов, большинство из которых – молодёжь от 16 до 30 лет. Более 70 тыс. человек в России ежегодно умирают от употребления наркотиков [3].

Люди, употребляющие наркотики (ЛУН), – одна из самых стигматизированных и маргинализованных групп населения в России. Они особенно уязвимы для ВИЧ-инфекции, инфекции вируса гепатита С (ВГС) и смертельных передозировок. Последствия и «спутники» употребления наркотиков включают различные трудные жизненные ситуации, в которых оказываются наркопотребители. Так, люди, употребляющие инъекционные наркотики, относятся к группам, наиболее уязвимым для ВИЧ-инфекции. По разным оценкам, у людей, употребляющих инъекционные наркотики, вероятность заражения ВИЧ в 22 раза выше, у остального населения. Законодательство, устанавливающее уголовную ответственность, ведет к более рискованным формам

употребления наркотиков. Подсчитано, что от 56% до 90% потребителей наркотиков будут заключены в тюрьму в какой-то момент своей жизни. Наряду с другой карательной политикой и практикой, дискриминирующей людей, употребляющих наркотики, криминализация усиливает их маргинализацию, а также лишает их доступа к услугам здравоохранения. Бездомные или не имеющие надлежащих документов наркопотребители могут столкнуться с дополнительными проблемами при получении доступа к программам снижения вреда или лечению наркомании и ВИЧ. Было обнаружено, что отсутствие стабильного жилья связано с поведением, связанным с риском заражения ВИЧ у людей, принимающих наркотики.

К сожалению, программы, доказавшие свою эффективность в борьбе с ВИЧ, ВГС и передозировок среди ЛУН не всегда доступны, их количество ограничено. Усиление современных тенденций гуманизации общества, рост значимости процесса ресоциализации наркозависимых лиц с целью раскрытия для них новых возможностей вхождения в социальную среду обусловили обострение интереса к указанной проблеме. Система социальной реабилитации наркопотребителей включает разработку и реабилитацию соответствующих государственных программ, деятельность общественных организаций, использующих в реабилитационном процессе различные технологии.

Изучение многочисленных реабилитационных программ, реализуемых в настоящее время за рубежом и в России, позволяет выделить наиболее востребованные и распространенные модели. Прежде всего это «Программа 12 шагов»; актуальны терапевтические сообщества; национальные системы реабилитации; конфессиональная, заместительная терапия, семейная поведенческая или когнитивно-поведенческая модель реабилитации и т.д. Вместе с тем социальная реабилитация наркозависимых в РФ законодательно не регламентирована, а многочисленные не-

государственные центры в основном работают вне государственного контроля и поддержки. Кроме того, социальные услуги непривлекательны для молодых ЛУН. Таким образом, существует острая необходимость в альтернативных способах социальной реабилитации и снижения вреда для повышения их доступности более широким слоям населения из числа ЛУН в России. Это особенно актуально для труднодоступных групп, таких как молодые ЛУН.

Неосознание наркозависимыми своей проблемы приводит к необходимости проведения социальной работы по иной схеме: не клиент обращается к социальным службам, а наоборот, работники социальных служб и волонтеры отыскивают потенциальных клиентов и предлагают им социальные услуги, что переносит социальную работу за пределы социальных учреждений, то есть на улицу. Сегодня существует несколько подходов к определению сущности уличной социальной работы:

- уличная социальная работа рассматривается как метод социальной работы, заключающейся в предоставлении социальными службами услуг своим клиентам на улице (другое название – мобильная социальная работа);
- уличная социальная работа рассматривается как деятельность, осуществляемая в конкретных местах обитания целевой группы, потенциально заинтересованной в предоставляемых услугах (реальных и потенциальных).

Определяют следующие направления уличной социальной работы:

- «аутрич-работа» (outreach work) – работа, направленная на привлечение представителей целевой группы с улицы в социальное учреждение;
- «детач-работа» (detach work) – предполагает социальную поддержку непосредственно и только той части целевой группы, которая адаптирована к проживанию на улице и для которой улица является постоянным местом заработка и развлечений.

Одной из сфер человеческой жизни, существенно влияющей на становление личности и ее социализацию, является искусство. Оно вместе с другими общественными институтами и формами включает личность в систему интересов и потребностей общества. Искусство является особым механизмом воздействия на личность, на внутренний мир человека, на формирование его идеалов, правил поведения. Оно дает человеку возможность и средства самореализации, нахождение собственной индивидуальности. Одним из наиболее интеграционных видов искусства, объединяющим в себе различные средства воздействия на личность, что нашло эффективное применение в социальной практике, является театр. В реабилитационном процессе может применяться направление с использованием социального театра, как терапевтическое и преднамеренное включение процессов, таких, например, как рассказывание жизненных историй, чтобы способствовать личностному росту, повысить самооценку, привить больше социально приемлемого поведения, улучшить функционирование и подкрепить упреждающий выбор в безопасной и гибкой среде; благодаря собственным ресурсам разработать алгоритм, создать модель успешного поведения в сложной, на первый взгляд, безвыходной, ситуации.

Цель исследования: выявить перспективы и эффективность применения социального театра как элемента системы социальной реабилитации наркозависимых людей, попавших в трудную жизненную ситуацию (на примере деятельности ОО «Юла», РОФ «Новая жизнь»).

Материалы и методы исследования. Проведено исследование методом интервью с организатором социально-театральных проектов в рамках деятельности Общественной организации «Юла» г. Калининград [4], Регионального общественного фонда «Новая жизнь» г. Екатеринбург [5], а также использован метод анализа сайтов и отчетов этих организаций.

Результаты исследования и их обсуждение. На первом этапе исследования проведенный анализ деятельности ОО «Юла» и РОФ «Новая жизнь» показал следующие результаты.

На протяжении более 25 лет сотрудниками ОО «Юла» вносится существенный вклад в реализацию социальной и молодежной политики и сдерживание распространения ВИЧ и наркомании среди детей и молодежи Калининградской области. Региональный общественный фонд «Новая Жизнь» создан в 2010, а уже в 2011 году зарегистрирован как организация по оказанию помощи различным категориям населения Свердловской области. Согласно данным, представленным на сайте РОФ «Новая жизнь», и отчетной документации ОО «Юла» в основные виды деятельности ОО включена кроме всего прочего аутрич-работа с потребителями инъекционных наркотиков на улицах, в Центре СПИД, инфекционной больнице и т.д. Реализуется Проект «Профилактика поведения высокого риска среди подростков и молодежи, обучающихся в колледжах Калининградской области и проживающих в общежитиях».

С 2020 г. реализуется Проект «Социальный театр – путь социализации людей, попавших в трудную жизненную ситуацию в связи с употреблением наркотиков» в качестве продолжения проекта «От инициативной группы к общественному объединению». Творческий эксперимент по созданию спектакля «Диагноз-Статья», проведенный в рамках групп личностного роста клиентов и членов группы «Становление», оказался успешным, инновационным для региона, обладающим большим потенциалом для развития. Технология уже помогла в социализации и ресоциализации членам группы, осуществляется привлечение в процесс новых людей, стремящихся отказаться от наркотиков. Документальный спектакль создается в формате «storytelling», на основе реальных историй ЛУН. В 2020 году спектакль «Диагноз-статья» был воссоздан с новыми участниками и дважды показан в Калининградской области.

Была создана онлайн версия спектакля, которая размещена на ютуб-канале «На Коперника». Ее посмотрели 156 чел. А 1 декабря, во Всемирный день Борьбы со СПИДом, была проведена онлайн-читка спектакля. Ссылки на трансляцию в «зум» получили более 600 желающих, а посмотрели в ходе трансляции и в записи 153 чел. В процесс создания спектакля вовлечено 35 человек из числа ЛУН. В рамках проекта продолжается регулярная аутрич- работа в Центре СПИД, в противотуберкулезном диспансере, в наркодиспансере. Клиенты, получающие правовые и профилактические услуги, пополняют театральную группу личностного роста, участвуют в создании и показе спектакля, что помогает им социализироваться. В промежутках между репетициями психолог проводит группы личностного роста в формате арт- и драматерапии. Специалисты наркодиспансера, молодежных и социальных служб, лидеры общественных реабилитационных центров и их помощники получают информацию о театральной методике на мастер-классах, имеют доступ к видеоверсии спектакля, тем самым повышают свой потенциал.

Структуру организации проекта можно представить в виде штаба. В штате – руководитель организации, несколько помощников, бухгалтерия. Проводится аутрич- работа, часто сами бывшие наркозависимые становятся, и они периодически совершают рейды. Работа регулярная, постоянная с предварительным планированием. На постоянной основе проводится разработка и внедрение различного рода проектов. Базовый проект «Социальный театр» проходит в Калининграде и регионе, но показ постановок проводится в других городах, в том числе Екатеринбурге. Планируется показ постановок в Санкт-Петербурге и Казани. Кроме того, в планах разработка и реализация других проектов.

В интервью организатор социально-театральных проектов, отвечая на вопрос о демографическом составе проекта, отметил, что в постановках при-

нимают участие люди в возрасте от 19 и до 60 лет, из них на постоянной основе – 3 женщины и 5 мужчин. В проекте социального театра, со слов организатора, принимает участие нефиксированное количество наркозависимых людей, но есть и постоянный состав. Встречи проводятся 3 раза в неделю по 5 часов. Тем не менее «каждый раз кто-нибудь пропадает. Это тоже становится частью спектакля. Интересно, что даже уголовники-рецидивисты чувствуют испуг и бояться выходить на площадку проекта». При этом, по словам организатора, наблюдается положительный терапевтический эффект.

По мнению интервьюируемого, в мире нет преступников, нет маргинализированных личностей, которые не нуждаются в поддержке и понимании. Нормальным в плане социализации и успешным людям все время кажется, что есть иные, «которых лучше не касаться, но они становятся другими, когда мы их такими назначаем». Социальный театр вызвал у этой группы участников чувство того, что к ним проявляют подлинный интерес, очень внимательно слушают, тогда как им казалось, что они неважны в этом мире и не нужны никому. Весь вопрос в том, насколько удается наладить контакт с человеком, потому что часто, когда они первый раз сталкиваются с проектом, у них реакция достаточно ироничная, но потом, постепенно, их удается убеждать в серьезности и действительно подобной работы.

Аудитория у «социального театра» изначально была специфическая: пациенты наркодиспансера, наркологи, работники прокуратуры и правоохранительных органов, сотрудники отдела по делам молодежи. На сегодняшний день постановки посещают и простые люди. Постановку посещает достаточно большое количество зрителей. Иногда до 80 человек при лимите в 30 мест. «Но, – отмечает организатор социально-театральных проектов ОО «ЮЛА», – мне кажется, что такой театр меняет даже не столько тех, кто его смотрит, а тех, кто в нем участвует

и особенно тех, кто это организует. Это своеобразное расширение опыта».

Возможно ли данные постановки показывать в качестве профилактики? Многие считают, что это не только возможно, но и необходимо. Это не лекции про то, что наркотики – плохо, а реальные истории, реальные люди, которые столкнулись с этим пристрастием и оно их погубило, и «ты видишь, что ты на волоске, что один шаг отделяет тебя от катастрофы». Существует и другое мнение. «Некорректная нецензурная речь должна быть исключена!» – полагают представители местной администрации, посетившие спектакль. Но, по мнению организаторов, с молодежью необходимо разговаривать на их языке, ведь «только правдой можно прошибить кого-то, а не моралью. Именно это и является тем рецептом исцеления – чтобы добиться чего-то, нужны жертвы». Организатор отмечает, что «у проекта непростые отношения с обществом и с властью. С одной стороны, проект живет на гранты, предоставляемые государством, с другой стороны, занимается своим делом и не вмешивается в политические распри, ведь нужно работать с людьми. Жизнь любого человека важна и бороться за нее имеет смысл в любых тяжелых жизненных ситуациях».

Отвечая на наши вопросы, организатор социально-театрального проекта, сделал акцент на том, что он, прежде всего, «занимается актуальным современным искусством, а не социальной работой». Ему интересен стык, когда реальность становится искусством. За счет этого человек может ее осмыслить, и наоборот, когда факт искусства влияет на реальную жизнь. Ему интересно исследовать, как одно перетекает в другое. В этом контексте интервьюируемый вспомнил слова режиссера Бориса Павловича, который определяет социальный театр не как терапию, а как театр, включающий в себя социальный аспект, в этом плане главное, конечно, художественность, главное театр. Социальный аспект – это не менее

важное, но все же часть этого, а не основное направление.

Выводы. Анализ деятельности ОО «Юла» и РОФ «Новая жизнь» и результаты интервью организатора социально-театрального проекта позволяют сделать вывод о перспективности и эффективности социального театра как одного из путей социальной реабилитации наркозависимых людей. Социальный театр способствует созданию среды, в которой зависимые клиенты могут открыто выражать эмоции, исследовать будущее без наркотиков, развивать коммуникативные навыки, устанавливать личные связи и проявлять честность по отношению к себе и другим, не испытывая по отношению к себе негативного отношения со стороны окружающих.

Литература

1. Брюн Е.А. и др. О деятельности Координационного совещания главных наркологов государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности. Наркология 2020; (12): 3–10.
2. Брюн, Е.А. и др. О наркологической ситуации в государствах-членах Организации договора о коллективной безопасности // Наркология. – 2021. – Т. 20. – № 1. – С. 14–25
3. Григорян, Д.К. Наркотики как фактор, разрушающий личность, общество и власть: элитологический подход // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 6(121). – С. 119–123.
4. Официальный сайт Общественной организации «Юла» г. Калининград // http://ngo-yla.org/index.php?option=com_content&view=article&id=7&Itemid=101
5. Официальный сайт Регионального общественного фонда «Новая жизнь» г. Екатеринбург // <https://newlife96.ru/>
6. Позднякова М. Е., Брюно В.В. Распространённость употребления наркотических средств среди работающего населения как дезадап-

тационного процесса Часть 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Том. 7. № 3. С. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6693>

7. Позднякова М.Е., Брюно В.В. Распространённость употребления наркотических средств среди работающего населения как форма дезадаптационного процесса. Часть 2. – Социологическая наука и социальная практика, 2019. Т. 7. № 4. С. 180–192. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6810>

SOCIAL THEATER IN THE SYSTEM OF SOCIAL REHABILITATION OF DRUG ADDICTED PEOPLE IN HARD LIFE SITUATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF PA “YULA”, ROF “NEW LIFE”)

Sheremet A.N.

Institution of Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences

An unstable socio-economic situation, an increase in the level of stress against the background of dynamic socio-cultural transformations, devaluation of universal values, weakening of the educational functions of social institutions and society as a whole negatively affect the socialization of new generations, which has multiple negative consequences, including the spread of drug addiction.

The article examines the scale and trends of drug use in Russia and in the world. The consequences and “satellites” of drug use are noted. The main ways of social rehabilitation of drug users are described. On the example of the activities of the PA “Yula”, the ROF “New Life”, the prospects and effectiveness of the use of social theater as an element of the system of social rehabilitation of drug addicts in difficult life situations have been identified. The analysis of the results of the activities of the social and theatrical project allows us to conclude that the social theater is promising and effective as one of the

ways of social rehabilitation of drug addicts. Social theater fosters an environment in which addicted clients can openly express emotions, explore a drug-free future, develop communication skills, establish personal bonds, and be honest with themselves and others without being negatively treated by others.

Keywords: drug addiction, difficult life situation, social exclusion, social rehabilitation, social theater.

References

1. Brun E. A. et al. On the activities of the Coordination Meeting of the Chief Narcologists of the member States of the Collective Security Treaty Organization. *Narcology* 2020; (12): 3–10.
2. Brun, E. A. et al. On the drug situation in the member States of the Collective Security Treaty Organization // *Narcology*. – 2021. – Vol. 20. – № 1 – pp. 14–25
3. Grigoryan, D.K. Drugs as a factor destroying personality, society and power: an etiological approach // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2020. – № 6(121). – Pp. 119–123.
4. Official website of the Public organization “Yula” Kaliningrad // http://ngo-yla.org/index.php?option=com_content&view=article&id=7&Itemid=101
5. Official website of the Regional Public Foundation “New Life” Yekaterinburg // <https://newlife96.ru/>
6. Pozdnyakova M. E., Bruno V.V. The prevalence of drug use among the working population as a form of the maladaptation process Part 1 // Sociological science and social practice. 2019. Volume. 7. No. 3. pp. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6693>
7. Pozdnyakova M. E., Bruno V.V. The prevalence of drug use among the working population as a form of maladaptation process. Part 2. – Sociological Science and Social Practice, 2019. Vol. 7. No. 4. pp. 180–192. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6810>

К проблеме томизма и неотомизма в теологическом и художественном методе Джеймса Джойса

Азерный Кирилл Тимурович,

магистр филологии, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: kirill.azernyy@gmail.com

Цель статьи – обозначить онтологические и методологические основания эстетического аспекта в томизме и проследить трансформацию этого аспекта в неотомизме – на примере творчества Джеймса Джойса; статья приводит суждения философов-неотомистов, из которых видно, что неотомизм проблематизирует и усложняет методы томизма, особенно в эстетическом аспекте; научная новизна работы заключается в попытке увидеть томистскую и неотомистскую эстетику как предтечу творческого метода Джойса, и подступиться к пониманию томистских категорий как оснований этого метода.

Делается попытка развести методологию и онтологию томизма, чтобы затем, на тех или иных основаниях, свести их воедино в рамках общей концепции красоты. Схожим образом ставится проблема «коммуникативного» аспекта томистской и неотомистской эстетики. В результате делается вывод о творческом методе Джойса как методе, скрепляющем методологию и онтологию томизма и неотомизма в рамках конкретной художественной задачи.

Ключевые слова: онтология, эпифания, Джеймс Джойс, Католицизм, Томизм, схоластика, искусство

. В данной статье речь пойдет об обозначении и разграничении художественного и теологического методов в творчестве Джеймса Джойса. При этом мы делаем акцент на том, что «эстетический (не)томизм» Джойса рассматривается нами не столько как самостоятельный метод, сколько как плод попыток спроектировать методы схоластики и понимание красоты у Фомы Аквинского на ряд проблем, связанных с особенностями художественного творчества в едином дискурсе. В этом смысле важно и то, что для нас эта проблематика закреплена, в свою очередь, за рядом художественных текстов Джеймса Джойса – основного «наследника» Фомы Аквинского в искусстве, сумевшего приложить томистский герметизм к модернистскому методу. Мы, однако, в первую очередь должны будем поставить вопрос о том, можно ли и неотомизм считать методом, наследующим томизму, а также, что более важно – видеть ли в нем метод вообще.

Ведь вопрос о методе неотделим от вопроса об объекте рассмотрения. У Декарта в первом же законе о методе находим: «никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы тавовым с очевидностью». [1]. В других законах о методе мы также видим, что Декарт, в сущности, не отделял метод от объекта рассмотрения («делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить» [1]) – другими словами, для Декарта не составляла проблемы *приложимость* метода, если существует некоторый наличный объект, с которым метод мог бы работать, как тавовым.

Фома Аквинский также работает с категорией очевидности и познаваемости: «Среди чувств имеют особенное отношение к красоте те, в которых больше проявляется познавательная способность» [2]. Мы, однако, не долж-

ны путать познаваемость с очевидностью – так же, как предпосылки к появлению красоты и акт ее явления. Может показаться, что Фома Аквинский видит «воспринимаемость» красоты как ее ключевое свойство, однако среди свойств красоты у Аквинского мы ее не находим. Ближе всего к этой «категории» у Аквинского категория ясности («claritas»): «Согласно св. Фоме, ясность (claritas) исходит изнутри, из потаенной сердцевины вещей, как самопроявление организующей формы». [3]. Таким образом, категория ясности, дополняющая категории пропорции и цельности, обнаруживает и двойственность, с которой косвенно связана не очень свойственная томизму проблематика материи и духа. Не свойственна она потому что в томизме снята проблема дихотомии материи и духа: «Вряд ли все же можно у Фомы найти безусловное приписывание богу красоты в каком-то изолированном виде» [3]. При этом Бог у Аквината продолжает существовать в качестве предпосылки: «Бог именуется прекрасным как причина мировой гармонии и ясности» [3]. Мы видим, что для Аквината существует область, не подвластная познанию настолько, что она не учитывает свойств объектов, в которых воплощается как материальность (мы бы скорее говорили о претворении сущности красоты в материальность, нежели в материи – только таким образом можно избежать неразрешимого противоречия, при котором синтез и целостность (изначальная) оказываются как бы спаяны (синтетически)). Лосев делает такую оговорку: «Красота может существовать лишь в сложных, состоящих из нескольких частей... предметах» [3]. Эта фраза дает нам возможность сделать предположение о том, что ключ к пониманию соотношения свойств красоты и ее целостности следует искать не в понимании красоты как сущности, но в томистском понимании материи и материальности.

«Красота в них... поскольку они преодолевают свою многочастную сложность и проявляют в ней единство и цельность» [3] – пишет Лосев об объ-

ектах красоты в томизме, и подкрепляет свою мысль цитатой из Аквинского: «Красота заключается... в блеске формы как в формальном» [3]. Т.е. налицо противопоставление (по крайней мере, методологическое) формальности и материальности, в которым мы видим основание для такого противопоставления: и материальность, и форма, имеют дело с преодолением некоторого ограничения, равно накладываемого и на то, и на другое. Мы можем предположить, что такое ограничение есть ограничение познания.

Мы знаем, что в томизме существует представление о непознаваемости Бога как идеи: «Бог троичен и един». [4]. Характерно, что именно представление о единстве Бога (при его троичности) Аквинат полагает свойством, не поддающимся познанию, в то время как единство является одним из неотъемлемых свойств красоты. Более того, «Первым условием красоты Фома считает цельность, которая есть то же самое, что совершенство» [3]: «Нераздельность есть само условие существования вещи; ...прекрасная вещь самим фактом своей красоты, т.е. слитности своих частей в единую цельность, свидетельствует о своей действительности» [3].

Здесь мы видим, что Аквинат, в сущности, стремится выделить совершенство в качестве одной из предпосылок существования – только уже не Бога, а вещи, т.е. эмпирической данности. Таким образом, непознаваемое становится частью чувственно воспринимаемого мира, заставляя нас задаться вопросом о соотношении восприятия и познания. Действительно, у Фомы мы не находим отождествления восприятия и познания, и, однако, находим зависимость: «Познавательным характером эстетического восприятия Фома объясняет и то, что красоту в собственном смысле слова мы относим лишь к области зритого и слышимого» [3]. Аквинат выводит эту связь через органы восприятия, и мы полагаем, что у Лосева категория эстетического возникает здесь не случайным образом.

Для Лосева эстетический характер красоты у Аквинского неоспорим: «Заметно... внимание философа именно к эстетической стороне красоты» [3]. Мы бы обратили здесь внимание на то, что внимание Аквинского к глобальному восприятию красоты как раз и отразилось в его представлении о предпосылках к существованию Бога, и в том, что он нашел их необходимыми. Заметим также, что для Аквината характерно разграничение доказательства существования Бога и признаков существования вещи: «Различие между Богом и творением есть различие между бесконечным... с одной стороны, и конечным, полученным и случайным существованием – с другой стороны» [4]. При этом объекту красоты во всем его совершенстве сообщается случайность – т.е. нахождение в ряду подобных, что и соответствует, по Аквинату, соразмерности предмета и органов восприятия. Однако в основе этого онтологического различия лежит более широкий принцип: «божественное существование... является бесконечным, тогда как тварное существование... представляет собой ограничение существования» [4]. Здесь мы видим, что для Аквинского необходимость, лежащая в основе одного из доказательств бытия Бога, распространяется и на ограниченность восприятия. Можно сделать предположение о том, что сама эта ограниченность и является необходимым условием восприятия, что, в свою очередь, смыкает восприятие с познанием: Аквинат опирается на непознаваемость Бога как на одну из основ его существования. Более того, представление о непознаваемости Бога и лежит в основе предпосылок его существования. Наконец, принцип необходимости имеет непосредственное отношение к дихотомии сущности и вещи: каждая «вещь имеет возможность как своего потенциального, так и реального бытия» [4] – стало быть, сама вещь двойственна, и в своей двойственности едина, что и возводит ее к Богу как к причине ее существования. При этом «Фома говорит также о красоте человеческого

тела, в котором все организовано согласно закону о пропорциях, и о духовной красоте» [3]. Это очень важное высказывание, потому как проливает свет на представление Аквинского о самообусловленности красоты, которое, в свою очередь, смыкается с принципом необходимости: сознание, идущее бок о бок с красотой, представляет собою сразу и цельность, и ясность, и соразмерность. Соразмерность же, в данном случае, связана и с ограниченностью, которая у Аквината предстает как необходимость и обусловлена необходимостью.

В свете этого, обратимся к пониманию бесконечности и ограниченности у Джойса – автора, преодолевшего томизм, и, однако, заинтересованного в том, чтобы томизм так или иначе функционировал в модернистском контексте. Наиболее показательным в этом смысле может выступить роман «Поминки по Финнегану», где Джойс, на наш взгляд, и воплотил принцип несводимости общего к частному, или же частного к общему. Как раз на примере этого романа, впитавшего в себя все противоречия томизма, мы можем увидеть тот «излом» метода, который был характерен для неотомизма, поставившего, как мы увидим, во главу угла именно методологию Фомы Аквинского, придав ее подчас критическому пересмотрю (главным образом, увидев ее именно как метод, систему представлений, работающую с условной моделью действительности). И.Б. Архангельская пишет о том, что «Маклюэна привлекала эстетика «Поминок по Финнегану» с ее чередой сновидений и видений, которые превращаются из обыденных событий в мифологические и эпические» [5]. Отсылка к Маршаллу Маклюену, разумеется, не случайна, особенно в свете дихотомии общего и частного, о которой говорит Архангельская, и которая обсуждалась ранее в связи с эстетикой Аквината. Сам же Маклюен отсылает нас к познанию как к ключевой теме «Поминок», тем самым предлагая свою интерпретацию джойсовского понимания дихотомии сущности и вопло-

щения: «Джойс увидел в древних ритуалах низвержения и возврата воплощение лестницы человеческого познания в драматической и знаковой форме» [6]. Разумеется, Маклюен имеет в виду не индуктивно-дедуктивный метод познания, но, без сомнения, для него важна именно методология познания, методология иной природы, в которой движение от общего к частному так же ложно, как отождествление сущности и вещи у Аквината. Действие «Поминок» развертывается в соответствии с христианским годовым календарем, но в любой момент четыре квартала календаря могут превратиться в кровать Н.С.Е. с четырьмя столбиками или в четырех евангелистов» [6] – пишет Маклюен, и это дает нам представление об устройстве джойсовского образа, который, уж конечно, нельзя рассматривать ни как символ, ни как синекдоху, потому как у Джойса, так же, как и Аквинского, нет представления о постижимости общего через частное. Но важное отличие джойсовского мира в том, что у него обратное так же верно.

У Аквината: «творение ничего не прибавляет к совершенству Бога» [4]. Именно исходя из иерархического представления Аквината об однородном движении вещи к сущности, мы можем говорить о том, что для него категория эстетического еще не была чем-то оформленным: специфика предмета оказывается неважна перед лицом ее источника, который у Аквинского всегда находится вне восприятия и познания. В этой связи крайне важным становится интертекстность томизма и неотомизма в философско-эстетическом контексте.

В первую очередь, имеет смысл убедиться в том, что неотомизм действительно оперирует категориями эстетики в том смысле, в котором понимаем их мы. У В.В. Бычкова находим, что «В католическом мире видное место занимает эстетика неотомизма. Ее главные представители... опираясь на идеи схоластической эстетики модернизируют их на основе некоторых принципов эстетики романтизма, инту-

тивизма и других нематериалистических концепций творчества» [9]. Бычков сводит томистскую эстетику к предпосылкам неотомистской, что уже одно должно нас насторожить, если помнить о том, что неотомизм в остальных случаях работает с уже отработанными положениями Фомы Аквинского. Так, В.П. Лега пишет: «вера и разум не противоречат друг другу, а наоборот, находятся в гармонии» [10]. Отметим, что в данном случае налицо не столько наследование томистским принципам, сколько перенимание метода, которым Фома Аквинский пользовался, проводя границу между богословием и философией. Так, в «Теологии и науке» Аквинский пишет: «...Для спасения человеческого было необходимо, чтобы... существовала некоторая наука, основанная на божественном откровении» [8]. Из этой цитаты можно сделать, как минимум, три важных для нас вывода: во-первых, в системе Аквината философия предшествует богословию, необходимость которого обусловлена лишь недостаточностью философии (т.е., как мы увидим, самими ее свойствами); во-вторых, ставится вопрос об иерархии в соотношении философии и богословия (первое предшествует второму, но второе предстает как необходимость); в-третьих, метод, которым пользуется Аквинский в разговоре о философии и богословии, является методом философии.

При этом мы видим, что Аквинский употребляет все ресурсы философии на то, чтобы создать внутри этого метода «зону», свободную от него: «что преподано Богом в откровении, следует принять на веру» [8]. Здесь мы видим, что не предпосылки богословия, но предпосылки философии обуславливают эту свободную от философии область, что и приводит нас к вопросу о том, насколько сами категории веры и знания были важны для Аквинского, и не первичен ли для него был метод, согласно которому они должны разделяться.

Вопрос этот встает тем остree, что в работе с категориями красоты Аквин-

ский оказывается чужд любым попыткам провести отчетливую границу между свойствами прекрасного. Именно «разделенность» веры и знания Аквинский полагает в основе гармонии между ними. Это противоречие ясно указывает нам на то, что для него категории веры и знания имели методологический характер, ведь иначе гармония между ними была бы невозможна.

Мы полагаем, что именно такое понимание категорий веры и знания является наиболее характерным для томизма. Вера у Аквинаского не проблематизирована: «то, что Бог есть, является самим по себе известным» [3]. Однако не проблематизировано и знание, обозначенное, как мы видели, своей ограниченностью. Именно в таком, как бы «пустом», виде эти категории и перешли в неотомизм, который мог себе позволить модернизацию такого герметичного учения, как томизм. Вопрос заключается в том, происходит ли при этом «возвращение» в закрытую томистскую систему, или же неотомизм стремится к преодолению герметичности Аквинаата?

В понимании Лега, неотомизм напрямую наследует Аквинату в своих основаниях: «Разум человеческий есть разум соторенный... поэтому наш разум... не может познать превосходящий тварный мир Источник, не может познать Бога в Его сущности» [11]. Однако неотомизм делает еще более решительный шаг навстречу ограниченности познания, а именно – привносит эту ограниченность в сам метод, «закрепляя» ее онтологический статус.

Здесь мы могли бы вспомнить о том, что не в последнюю очередь неотомизм опирается на эстетику романтизма. Согласно М.Ф. Овсянникову, романтики «решительно выступили против эстетических принципов Классицизма и Просвещения». [11]. Едва ли критика Просвещения и стремление к синтезу жанров сосуществовали в сознании романтиков случайным образом. Мы полагаем, что критика разума для них была прочно связана с неприятием «разделительного» и классифициру-

ющего метода, которым и являлся для них классицизм. Мы помним, что в томизме также проблема несостоительности предмета, увиденного в «разобранном» виде, имела место, и помним, что категория неделимости является ключевой в понимании красоты у Аквинаата. Однако «романтики заимствовали из классической философии положение об активности субъекта в познании и оформлении материала действительности» [11]. Противоречие это может быть снято, только если предположить, что сама ограниченность познания (и восприятия) являлась в романтизме неотъемлемым свойством этого познания – подобно тому, как ограниченность разума в томизме легла в основу метода, в котором работает томизм. В неотомизме же «Истина, добро и красота как выразители божественной сущности в тварном мире – основные двигатели художественного творчества» [9]. Иерархическая природа этого высказывания нарушается: «Материя есть чистая возможность, а форма есть чистая действительность... Но материя и форма порознь не существуют» [9]. Другими словами, само представление о даннойности заставляет нас принять первичность формы над идеей, действительность над возможностью. В представление о форме в конечном итоге и выливается любое противоречие между ограниченностью познания и непознаваемостью Бога – противоречие, которое может быть снято лишь с помощью категории формы.

В книге «Живопись и реальность» Жильсон приводит в пример слова Аристотеля: «Аристотель называет в качестве первой из четырех естественных причин «то содержание вещи», из чего она возникает» [7]. При этом Жильсон говорит о том, что для Аристотеля форма оставалась внешней структурой, не составляющей природы вещи: «...понятия формы или фигуры нерасторжимо связаны с понятием типичной схемы, остающейся для каждого вида причиной одной и той же, несмотря на индивидуацию материалов» [7]. Форма у Аристотеля оказывается чуже-

родной материалу – подобно тому, как, по мысли Аквинского, представление о вере оказывается чужеродным самой логике, из которой оно возникает. В этом смысле у Жильсона также можно вспомнить слова о достаточных причинах: «Полагать достаточную причину означает полагать одновременно и её следствие» [7] При этом «Бог – достаточная причина мира» [8]. Противоречием же является здесь то, что Жильсон трижды определенно высказывает о том, что сам же (вслед за Аквинатом) признает непознаваемым. Таким образом, перед нами стоит выбор: признать слова Жильсона о Боге как неправомерные, либо же определить им некоторое узкое поле функциональности, обусловленное собственной ограниченностью. Мы полагаем, что именно такое поле и можно было бы назвать формой в том смысле, в котором ее понимает Жильсон.

Так он пишет об онтогенезе культуры: «Форма – причина процесса, превращающего бронзу в бронзовую статую» [7]. У этой фразы вряд ли есть что-то общее с тем пониманием причины, которое Жильсон представляет в «Томизме». Здесь у Жильсона причина оказывается как бы заключенной в самом следствии, т.е. оказывается достаточной. Вернее же было бы сказать, что само следствие является уже достаточной причиной для существования вещи, и здесь Жильсон оказывается близок как собственному высказыванию о Боге как о достаточной причине, так и общему неотомистскому представлению о томизме как о голой структуре, не проблематизирующей своих категорий и не составляющей ничего, кроме собственной логики, целиком ориентированной как раз на форму (как ее понимал Аристотель), опирающейся на непознаваемость причины.

На наш взгляд, это и позволяет говорить о том, что в неотомизме категория формы из онтологической переходит в эстетическую – в отличие от томизма, у Жильсона она становится достаточной причиной своего существования, что и позволяет нам говорить

о ней в отрыве от системы референции, которую представляет томизм (где референтом оказывается разом и объект красоты, и Бог, и никак не субъективизированный зритель), и увидеть форму в ее самотождественности.

Здесь весьма репрезентативным и оказывается творчество Джойса как целостного выразителя идеи такой самотождественности и интертекстуальности одновременно. Как мы помним из высказывания Маклюена (и наших комментариев к нему), например, «Поминки по Финнегану» построены с учетом несводимости сущности и вещи ни к чему, кроме чувственно воспринимаемой самотождественной формы, возникающей только интертекстово. Таким образом, ключевая мысль может быть отнесена и ко всему модерно-постмодерному художественному творчеству Джеймса Джойса.

Литература

1. Декарт Р., Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках, Электронная библиотека ИФ РАН, – <https://iphlib.ru/library/collection/anthology/document/HASH5c76f4968a8ea9f20ccd17>, 21.10.2021
2. Киле, П. Опыты по эстетике классических эпох, Эстетика Ренессанса (начало), – <https://culture.wikireading.ru/69016>, 21.10.2021
3. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Философско-эстетическое учение, – <http://psylib.org.ua/books/lose010/txt07.htm>, 21.10.2021
4. Фома Аквинский, Сумма против язычников, Вестком, 2000, 464 стр
5. Архангельская И.Б., Маршалл Маклюен и «Поминки по Финнегану», – <http://www.mcluhan.ru/articles/marshall-maklyuen-i-pominki-pofinneganu/>, 21.10.2021
6. Маклюен М., ДЖЕЙМС ДЖОЙС: ТРИВИАЛЬНОЕ И ЧЕТВЕРИАЛЬНОЕ – <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-dzhems-dzhojs-trivialnoe-i-chetverialnoe-chast-1-ya/>, 21.10.2021

7. Жильсон Э. Живопись и реальность, Н.Б. Маньковская М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 368 с.
8. Фома Аквинский, О том, что философские дисциплины, получающие свое знание от разума, должны быть дополнены «наукой, Священной и основанной на Откровении, Сумма теологии, Электронная библиотека ИФ РАН, – <https://iphlib.ru/library/collection/anthology/document/HASHdf38685d63981bb513d7bf>, 21.10.2021
9. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. М., 1992 (2-е изд. 1995)
10. Лега В.П. Лекции по западной философии, – <https://www.sedmitza.ru/lib/text/431856/>, 21.10.2021
11. Шеллинг Ф.В.И. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.-496с.

ON THE PROBLEM OF THOMISM AND NEO-THOMISM IN THEOLOGICAL AND ARTISTIC METHOD OF JAMES JOYCE

Azernyi K.T.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

This article is aimed at defining ontological and methodological basics of the aesthetics in Thomism, as well as tracing how this aspect is transformed in Neo-Thomism – on the example of James Joyce's writing; this article provides statements of Neo-Thomists, indicating that Neo-Thomism raises the problem of and complicates methods of Thomism, especially in the aspect of aesthetics; novelty of the work is due to the effort to have a look at Thomistic and Neo-Thomistic aesthetics as the precursor of Joyce's artistic method, and approach to the understanding of Thomistic categories as basics for the method. We try to distinguish between Thomistic ontology and methodology – in order to later find common ground for them on the basis of the idea

of beauty. Similarly, “communicational” aspect of Thomistic and Neo-Thomistic aesthetics is reviewed. As a result, we conclude on Joyce's artistic method as the method, which binds together the methodology and the ontology of both Thomism and Neo-Thomism within a concrete artistic goal.

Keywords: ontology, epiphany, James Joyce, Catholicism, Thomism, scholastics, art.

References

1. R. Descartes, Reasoning about method, Electronic library of RAS, – <https://iphlib.ru/library/collection/anthology/document/HASH-5c76f4968a8ea9f20cccd1>, 21.10.2021
2. P. Kele, Essays on the aesthetics of classic ages, Aesthetics of Renaissance (beginning), <https://culture.wikireading.ru/69016>, 21.10.2021
3. Thomas Aquinas, Sum against the pagans, Vestkom, 2000. 464 pp.
4. I.B. Archangelskaya, Marshall McLuhan and Finnegan's Wake – <http://www.mcluhan.ru/articles/marshall-maklyuen-i-pominki-pofinneganu/>, 21.10.2021
5. A.F. Losev, Aesthetics of Renaissance, philosophical and aesthetic method – <http://psylib.org.ua/books/lose010/txt07.htm>, 21.10.2021
6. M. McLuhan, James Joyce: Trivial and Quadrivial <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-dzhejms-dzhojs-trivialnoe-i-chetverialnoe-chast-1-ya/>, 21.10.2021
7. tienne Henri Gilson, Painting and reality, Mankovskaya N.B., M: “Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2004–368 pp.
8. Thomas Aquinas, Sum of Theology, Electronic library of RAS, – <https://iphlib.ru/library/collection/anthology/document/HASHdf38685d63981bb513d7bf>, 21.10.2021
9. V.V. Bychkov Russian medieval aesthetics of XI–XVII centuries, M., 1992 (2nd edition, 1995)
10. Lega V.P. Lectures on Western Philosophy, <https://www.sedmitza.ru/lib/text/431856/>, 21.10.2021
11. Schelling F.W.J. Philosophy of Art. M.: Thought, 1966, 496pp.

Цифровые приложения и модели личности в контексте киберантропологии

Шипунова Ольга Дмитриевна,

доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого
E-mail: o_shipunova@mail.ru,

Поздеева Елена Геннадиевна,

кандидат социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого
E-mail: elepozd@mail.ru,

Евсеева Лидия Ивановна,

кандидат философских наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого
E-mail: l.evseeva@mail.ru

Статья посвящена анализу установок киберантропологии в отношении информационной природы жизненного мира человека. Акцентируется идеология технооптимизма в государственной политике, ориентированной на развитие и внедрение информационных и наукоемких технологий. Выделена специфика киберпространства современного социума, в котором действуют цифровые агенты, образно копирующие реальность, не имеющие кроме компьютерной другой реальности. В данной статье мы рассматриваем цифровые приложения и модели личности, функционально связанные с динамикой интерактивной сети. Показано, что в виртуальной интерактивной среде человек как активный субъект представлен только неким цифровым телом. В статье раскрывается функциональная роль цифрового следа, а также роль цифровых симуляков в формировании образа киборга. Выделены типы цифровой личности и функции цифровых двойников в моделировании интеракций в сложных средах.

Ключевые слова: интерактивная среда, цифровые модусы личности, цифровой двойник, цифровой след, киберреальность, технооптимизм.

Введение

Проблемы развития цифровой цивилизации в существенной мере определяются отношением человека к прогрессу техники и смарт технологии, неоднозначность которого в истории мысли выражена в альтернативных установках сциентизма и антисциентизма, технического оптимизма и пессимизма. Мировоззренческие истоки технооптимизма связаны с верой в силу научного знания, которая сложилась в европейском обществе в эпоху Просвещения. С тех пор идеалом и двигателем социального прогресса в европейском сознании выступает наука и ее воплощение в технических устройствах, обеспечивающих человеку жизненный комфорт в тех или иных природных обстоятельствах.

В инновационном обществе технооптимизм выступает как государственная установка на развитие наукоемких технологий, которая находит свое отражение во всех сферах социальной жизни. В техногенном обществе идеология технооптимизма становится общим местом в профессиональной культуре и повседневности, транслируется в системе образования [1]. Исследование уровня технооптимизма в современном мире опирается на методологию «Инновационный барометр», которая фокусируется на изменении коллективных представлений людей и выяснении связей между установками человека по отношению к технике, техническому прогрессу и использованию новых технологий в его повседневной жизни с другими его установками (экономическими, политическими, образовательными и др.) [2]. Так, было установлено, что в России уровень технооптимизма выше, чем в европейских странах. По данному опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2020 году, 63% россиян отметили, что наука оказала позитивное влияние на жизнь страны [3].

Для выявления границ технооптимизма в отношении экспансии искусственного интеллекта Всероссийским центром изучения общественного мнения совместно с АНО «Национальные приоритеты» был проведен социологический опрос россиян, посвященный выявлению их отношения к искусственному интеллекту (7.07.2021). Опрос показал, что подавляющему большинству россиян (81%) знаком с термин «искусственный интеллект», почти половина россиян (48%) заявили о своем доверии технологиям искусственного интеллекта. При этом треть россиян (33%) опасаются замены человека технологиями искусственного интеллекта в их профессии, сфере деятельности, однако не боятся этого 64% граждан [4].

Стремительное вхождение человека в виртуальный мир, где действуют цифровые агенты, образно копирующие реальность и являющиеся его различными репрезентантами, трансформирует традиционное медиапространство социума. Виртуальный мир, в котором человек действует и общается с помощью компьютерных средств, является активным участником и способствует рождению новых событий, имеющих коммуникационную природу и не имеющих кроме компьютерной другой реальности, называют киберпространством. В этом виртуальном мире человек как активный субъект представляет собой некое **цифровое тело** (Маклюэн). Сознание субъекта в цифровой сети постоянно погружено в семантику искусственных образов. Виртуальная среда провоцирует феномен интернет зависимости, который влечет за собой текучесть ценностных ориентиров и социальных установок. Перенесение субъективных ожиданий, а также фобий субъекта в виртуальное пространство ставит в фокус внимания вопрос о модусах цифрового тела и их роли в формировании жизненного мира личности и социума.

В данной статье мы рассматриваем цифровые приложения киберреальности и модусы личности, функционально связанные с динамикой интерактивной сети.

Обзор литературы

Сущностный принцип логики современной жизни, по мнению Д.В. Иванова, это замещение реальных вещей и поступков образами – симуляциями [5].

Современный цифровой мир развивается на основе взаимодействия гибридных участников: в виртуальном пространстве сталкиваются субъекты различной «телесности» [6]. В виртуальной интерактивной сети человек сливается ментально с собственным симулякром. Согласно Ж. Делезу: «наблюдатель становится частью самого симулякра, а его точка зрения трансформирует и деформирует последний» [7, с. 336].

Симуляции и виртуализации занимают значительное место в социокультурном пространстве современного общества [8, с. 94]. В виртуальном пространстве, которое организовано и развивается под влиянием новых технологических возможностей, действуют и взаимодействуют симулякры, роль которых осмысливалась еще со времен Античности. По Платону, симулякр является копией копий, следом следа, несущего в себе отсылку к оригиналу [9].

Согласно Ж. Делезу, бездна симуляков поглощает любую модель. Сама симуляция представляется уже как имманентная реальность: «... под симулякром имеется в виду не простая имитация, а, скорее – действие, в силу которого сама идея образца или особой позиции опровергается, отвергается. Симулякр – инстанция, включающая в себя различие как (по меньшей мере) различие двух расходящихся рядов, которыми он играет, устранив любое подобие, чтобы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии» [7 с. 93]. При этом стирается различие оригинала и копии, а сама процедура сравнения теряет смысл.

Ж. Бодрийяр подчеркивает соотнесение симулякра только с самим собой. В замкнутой динамике образы «более не зеркала реальности, они вселились в сердце реальности, трансформировав ее в гиперреальность, где от экра-

на к экрану у образа есть только одна судьба – быть образом. Образ не может более вообразить реальность, поскольку он сам становится реальностью, не может ее превзойти, трансформировать, увидеть в мечтах, так как сам образ есть виртуальная подкладка реальности» [10].

Дискуссия

Визуальные коммуникации развиваются сегодня под влиянием неограниченного семиозиса, который является динамическим процессом интерпретации знака, в нем интерпретанты, сами значения, создаются постоянно, и это способствует бесконечному расширению значений. Цифровые образы-символы, оставаясь конструктами повседневности, могут выступать как медиумы в своем замкнутом пространстве, со своей собственной телесностью и в горизонте будущего. Так, образы, которые созданы с помощью комбинаций картинок (фотографий), находящихся в свободном доступе в Интернете, раскрывали отношение молодежи к цифровой телесности и представления о будущей трансформации человека как биологического или бионического существа. Обзор вариантов визуализации образов телесности, представленных студенческой аудиторией, позволил выделить следующие характерные черты формирования образа киборга в студенческой среде [11]:

- Образ киборга визуализируется на базе стереотипа восприятия человеческого тела или его отдельных частей.
- Несмотря на схематичность, за символом киборга обозначается тепло человека.
- Образ киборга не имеет гендерной детерминации.
- Образ киборга воспроизводится в сочетании с образом реального человека.

Таким образом, представления студенческой молодежи о цифровом теле киборга встроены в рамки культурного стереотипа восприятия реальности. Стереотипы визуальных образов, которую можно наблюдать в среде студен-

чества, характеризуются также созданием понятных групп участников коммуникации цифровых аватаров, выполняющих роль инструментов взаимодействия. Цифровой след, который оставляют субъекты в виртуальном пространстве, служит для достижения их целей. С его помощью представляется возможным исследовать поведение личности, имеющее траектории в виртуальной реальности, а также оказывать влияние на это поведение, строить предположения.

Модели цифровой личности

Представленность субъекта в киберпространстве, помимо цифрового следа, ассоциируется с цифровой личностью, а для технических объектов – с цифровым двойником. Содержание термина *цифровая личность* фиксирует контур следов деятельности субъекта, которые он оставляет в электронном пространстве как свой цифровой профиль, который выступает базой данных для описания характера личности, ее окружения, потребностей и физиологического состояния. Структура цифровой личности включает искусственный интеллект (то, чем можно управлять), цифровую модель (то, с помощью чего можно управлять) и среду для интерпретации (общее понимание пространства, где все это происходит).

Выделяют два класса моделей цифровой личности (ЦЛ):

- Абстрактная ЦЛ не имеет реального прототипа, обучается на цифровых профилях.
- Ассоциированная ЦЛ – цифровая модель, сохраняющая и развивающая особенности на основании цифрового профиля личности-прототипа.

Созданные компьютерные модели абстрактной цифровой личности уже многое могут: они способны формализовать связи между данными в ее собственной памяти, прогнозировать состояние, оценить реакцию среды. Одной из первых абстрактных моделей ЦЛ является модель инфопсиховоздействия, которой можно управлять через

среду и связи. Для обеспечения работы модели инфопсиховоздействия необходимы большие данные, которые называют «цифровым тулowiщем». Эта цифровая модель используется как некий физиологический атлас человека в диагностике, для биометрической или групповой идентификации. С помощью этой модели можно готовить медицинских работников, распознавать движение тел на камере в системе контроля безопасности.

Второй тип – это цифровая персона с индивидуальным бытовым поведением. По принципу ассоциированной цифровой личности работают почти все современные рекомендательные системы, которые анализируют контент действий человека, а затем подсказывают, что для него могло бы представить интерес.

Еще один тип цифровых моделей личности основан на логике анализа процессов в принятии решений. Эта модель (цифровой миньон) выступает как профессиональный ассистент с «человеческим лицом» в системах поддержки принятия решений. В современном мире подобные системы помогают искать путь для достижения конкретных целей субъекта.

Концепция цифрового двойника

Цифровой двойник конкретного физического объекта – это результат математического моделирования разных физических процессов, определяющих свойства и поведение данного объекта [12]. Концепция цифрового двойника предполагает, что каждый объект можно представить в виде физической и виртуальной системы, таким образом, что виртуальная система отображает физическую, и наоборот. Цифровой двойник (ЦД) соответствует развивающемуся цифровому профилю исторического и текущего поведения физического объекта или процесса [13, с. 32]. Цифровой двойник находится полностью в компьютерной среде. Цифровая тень такого двойника отражает систему связей при взаимодействии со средой, характерных для поведения реального объекта в нормальных услови-

ях работы. Однако эти данные не позволяют моделировать ситуации, в которых реальный объект не эксплуатировался.

По мнению экспертов, «умные» ЦД смогут собирать исторические данные и формировать прогнозы в реальном времени. Двойники, имеющие общие задачи, смогут предоставлять услуги друг другу и объединяться в так называемые «цифровые рои» («digital swarms»), находить и идентифицировать подобные сообщества (рои), присоединяться к ним и выполнять сложные коллективные задачи [12, с. 354–355].

Заключение

Информационное поле и фоновое знание, которое позволяет индивиду непосредственно воспринимать информацию в соответствии с общезначимыми схемами, играет ключевую роль в конструировании жизненного мира человека и социума.

В интерактивной сети реализуется желание продемонстрировать с помощью цифрового образа-симулякра отличие от «других тел». Визуальный знак становится триггером разнообразных социокультурных практик. Перспективы построения моделей цифровой личности в социокультурном аспекте связаны с отношением к визуализации абстракции и признанием ее реальности. В этом контексте анализ функций цифровых приложений киберреальности, определяющих горизонт индивидуального и массового сознания, позволит выявить барьер, препятствующий адекватному поведению и критическому восприятию информации.

С технологической точки зрения перспективы использования цифровых двойников связаны с формированием матриц, отражающих сложность пространства связей, релевантных производству. Будущее таких цифровых матриц определено их ролью в моделировании и управлении процессами в сложных средах.

Литература

1. Бычкова О., Земнухова Л., Руденко Н. Цифровой ад, технологиче-

ский рай или нечто совершенно иное: какие технологии определяют будущее человечества. // НОЖ. – 23 октября 2018. – URL: <https://knife.media/tech-changes/> (дата обращения 15.08.2021).

2. Российский технооптимизм как фактор институционального развития. URL: <https://syg.ma/@shaninka/rossiiskii-tiekhnooptimizm-kak-faktor-institutsionalnogho-razvitiia> (дата обращения 17.08.2021).
3. Россия – страна технооптимистов. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-strana-tehnooptimistov> (дата обращения 15.08.2021).
4. Искусственный интеллект – благо или угроза? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-blago-ili-ugroza> (дата обращения 19.07.2021).
5. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – СПб: «Петербургское Востоковедение». – 2000. – 96 с. – URL: http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt (дата обращения 21.07.2021).
6. Плешаков В.А. Интеграция, кибер-социализация и социальное воспитание: студент и преподаватель в информационном пространстве // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 1. – С. 27–31. – URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/08/92/74/08927492.html> (дата обращения 26.07.2021)
7. Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. Я.Я. Свирского / Фуко М. Д 29 Theatrum philosophicum: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга». – 1998. – 480 с.
8. Емелин В.А. Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). – С. 86–97. DOI: 10.11621/npj.2016.0313
9. Платон. Софист // Собрание сочинений. В 4 тт. Т. 2. – Москва: Мысль. –1993. – С. 339–345.
10. Бодрийяр Ж. Симуляция и симулякры. Перевод с французского А. Ка-чалова М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. – URL: <http://philosophy.ru/library/baud/zlo.html>
11. Лукьянова Н.А., Шавлохова А.А. Цифровое тело как образ будущего: анализ визуальных процессов конструирования. // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. – № 6 (31). – [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6\(31\).26](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6(31).26) (дата обращения 31.08.2021).
12. Прохоров А., Лысачев М. Цифровой двойник. Анализ, тренды, мировой опыт / Научный редактор профессор Боровков А. – М.: ООО «Альянс-Принт». – 2020. – 401 с.
13. Кокорев Д. С., Юрин А.А. Цифровые двойники: понятие, типы и преимущества для бизнеса // «Colloquium-journal». – 2019. – № 10(34). – С. 101–105. / TECHNICAL SCIENCE <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10264> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-dvoyniki-ponyatiye-tipy-i-preimuschestva-dlya-biznesa/pdf> (дата обращения 31.07.2021).

DIGITAL APPLICATIONS AND PERSONALITY MODELS IN THE CYBER ANTHROPOLOGY CONTEXT

Shipunova O.D., Pozdeeva E.G., Evseeva L.I.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article is devoted to the cyber anthropology installations analysis to human life informational nature study. The techno-optimism ideology in public policy focused on the development and implementation of information and science-intensive technologies is emphasized. There is considered the cyberspace specifics of modern society, which has digital agents, figuratively copying reality, which has no other reality except computer. In this article, we consider digital applications of cyber reality and personality model and functions related to the interactive network dynamics. It is emphasized that in an interactive environment, a person as an active subject is represented only by any digital body. Human consciousness in the digital network is constantly immersed in the artificially created

images space. The functional role of the digital footprint is revealed, as well as the role of digital simulacra in the formation of the cyborg image. In conclusion, digital personality types and digital twins' functions in modeling interactions in complex environments are highlighted.

Keywords: interactive environment, digital personality, digital twin, digital footprint, cyber-reality, techno-optimism.

References

1. Bychkova O., Zemnukhova L., Rudenko N. Digital hell, technological paradise or something completely different: what technologies determine the future of mankind. // KNIFE. – October 23, 2018. – URL: <https://knife.media/tech-changes/> (date accessed 15.08.2021).
2. Russian techno-optimism as a factor of institutional development. URL: <https://sygma/@shaninka/rossiiskii-tekhnooptimizm-kak-faktor-institusionalnogho-razvitiia> (date of access August 17, 2021).
3. Russia is a country of techno-optimists. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-stranatekhnooptimistov> (date of treatment 08/15/2021).
4. Artificial Intelligence – a boon or a threat? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-blago-ili-ugroza> (date of access 07.19).
5. Ivanov D.V. Virtualization of society. – SPb: "Petersburg Oriental Studies". – 2000. – 96 p. – URL: http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt (date of treatment 07.21).
6. Pleshakov V.A. Integration, cyber socialization and social education: student and teacher in the information space // Pedagogical education and science. – 2010. – No. 1. – P. 27–31. – URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/08/92/74/08927492.html> (date of access 07/26/2021)
7. Deleuze J. The logic of meaning: Per. with fr. I. I. Ya. Svirsky / Foucault M. D 29 Theatrum philosophicum: Per. from French – M.: "Rarity", Yekaterinburg: "Business book". – 1998. – 480 p.
8. Emelin V.A. Simulacra and virtualization technologies in the information society // National psychological journal. – 2016. – No. 3 (23). – S. 86–97. DOI: 10.11621 / npj.2016.0313
9. Plato. The Sophist // Collected Works. In 4 vols. T. 2. – Moscow: Thought. – 1993. – S. 339–345.
10. Baudrillard J. Simulation and simulacra. Translated from French by A. Kachalov M.: POSTUM Publishing House, 2015. – 240 p. – URL: <http://philosophy.ru/library/baud/zlo.html>
11. Lukyanova N.A., Shavlokhova A.A. The digital body as an image of the future: analysis of visual design processes. // Scientific notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University. 2020. – No. 6 (31). – [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6\(31\).26](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6(31).26) (date of treatment 08/31/2021).
12. Prokhorov A., Lysachev M. Digital twin. Analysis, trends, world experience / Scientific editor Professor A. Borovkov – Moscow: AlliancePrint LLC. – 2020. – 401 p.
13. Kokorev D.S., Yurin A.A. Digital twins: concept, types and benefits for business // "Colloquium-journal". – 2019. – No. 10 (34). – S. 101–105. / TECHNICAL SCIENCE <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10264> URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-dvoyniki-ponyatiye-tipy-i-preimushchestva-dlya-biznesa/> pdf (date of access 07/31/2021).

Место феномена самоуправления в народнических концепциях общественной самоорганизации

Арефьев Михаил Анатольевич,
д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»
E-mail: Ant-daga@mail.ru

Клешнева Любовь Ильинична,
преподаватель, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»
E-mail: uliunuchna@mail.ru

В настоящей работе рассмотрен вопрос о месте феномена социального самоуправления в теории и практике народничества второй половины XIX столетия. С использованием методологии культурно-сравнительного анализа авторы статьи рассматривают общие и отличительные аспекты теории самоорганизации, которой придерживались и которую развивали представители как «левого» крыла народничества (революционное народничество или «семидесятники»), так и «легальные» народники, выступавшие за эволюционный путь социального бытия России. Народничество как социально-политическое движение прошло свой пик развития в период модернизационных реформ Александра Второго (Освободителя) – крестьянская реформа, реформа земского самоуправления и другие. Сегодня проблема самоорганизации и самоуправления разрабатывается в рамках синергетического подхода к социальной деятельности.

Ключевые слова: народничество, русская социальная самоорганизация, общественное самоуправление, земщина, синергетика.

Народничество – одно из социально-политических явлений второй половины позапрошлого, девятнадцатого столетия истории России. Оно стало своеобразной реакцией дворянско-интеллигентного сообщества страны на те модернизационные процессы, что были вызваны Великими реформами Александра II Освободителя, хотя идеологически народничество было подготовлено социальной философией предшественников. Зародилась философская мысль народников в теоретических дискуссиях 40-х годов между западниками (Герцен, Бакунин и др.) и ранними славянофилами (Хомяков, братья Аксаковы). Современный историк отечественной философии пишет об этом явлении социальной жизни и отечественной мысли: «Народничество – специфический социокультурный феномен и мировоззрение, возникновение которого обусловлено противоречивыми процессами модернизации и перехода российского общества середины XIX в. от традиционно феодальных к буржуазным экономическим и политическим отношениям» [12]. При этом как отмечает Осипов, народничество выступало как против «пережитков крепостничества», сохранявшихся в нашей социальной истории, так и тех недостатков (пролетариатизация российского населения), что нес с собой новый буржуазный строй.

В области теоретико-методологический народничество было последовательным сторонником идеи А.И. Герцена об особом «русском социализме», то есть общественном строе с его опорой на традиции народной самоорганизации и самоуправления в русской деревне (сельский «мир») и теорию «синтетической философии» лидеров классического позитивизма (Огюст Конт, Герберт Спенсер) [1]. Сыграли свою роль в становлении доктрины народничества и идеи социалистов-утопистов,

в частности, разработки французского священника-католика Ламенне о христианском социализме, что опирались на представления ранних (первоначальных) христиан о братстве и взаимной помощи в первых христианских общинах I–III веков нашей эры. В народничестве были также популярны представления российских сторонников философской антропологии, в частности Н.Г. Чернышевского, о приоритете отечественных социальных традиционных ценностей (коллективности, артельности, самоуправлении, «разумного эгоизма» и др.) над ценностями коллективного Запада (эгоцентризм, личная свобода, индивидуализм и прочие).

В общественно-политической мысли представителей народничества особо важное место занимала теория общественного самоуправления, которая исходила из идеи принципиального разграничения самоуправления на местах и институтов централизованного государственного управления. В этом случае местное самоуправление способно было бы решать вопросы, имеющие коренное значение для местных сообществ. Лидеры народников подчеркивали в своих теоретических разработках, что местное самоуправление должно быть автономным, независимым и обособленным от государственного управления. А народники-практики пытались эти идеи донести до крестьянской массы. Взгляды представителей народничества при этом сталкивались со следующими трудностями: во-первых, трудно провести четкое различие между местными и государственными делами; во-вторых, нет четко выраженной грани между функциями публичного права и функциями частного права в вопросах управления. Отметим, что народническая теория общественного самоуправления придерживалась идеи максимального отделения государственных интересов от местных, поэтому сторонники этих представлений в основном относились к «левому» течению внутри народничества, которые получили в литературе название «семидесятников» или революционных народников. Было

и другое направление в теории и практике народников – «правовое», которое выступало за эволюционный путь развития России, за правовое регулирование российских общественных отношений. Это были «легальные» народники. Они опирались на практику «земского самоуправления», что ввел в социальную реальность России Александр Второй. Модернизационные реформы царя – освободителя в конечном счете значительно преобразовали страну. Это относится к крестьянской реформе, которая дала стимул к развитию буржуазных отношений, реформе земского (местного) управления и др. Исследователи – краеведы из Зауралья пишут в связи с этим: «По положению от 19 февраля 1866 г. волостное управление стали составлять: волостной сход, волостной старшина с волостным правлением и волостной крестьянской сход. Последний составлялся из выборных сельских и волостных должностных лиц... В систему социального управления в широком смысле этого слова, кроме государственного, включалось и самоуправление, основой которого была община... Земская реформа была направлена на предоставление возможности участия в управлении всем слоям населения. Она закрепляла такие принципы буржуазного представительства как выборность гласных, зависимость избирательного права от имущественного ценза, сменяемость гласных». [13] Существовали, однако, и некоторые ограничения в выборных процедурах по земской реформе, не имели права участвовать в выборах «лица моложе 25 лет, лица женского пола, евреи и неотделимые сыновья».

Для «легального» (иногда называемого – экономического) народничества самым значительным отличительным свойством крестьянской массы страны была его способность выполнять функции самоорганизации сообществ. Это способность русских людей к общественной и политической самоорганизации прошла многовековую историю: вчeре как политическое самоуправление в Новгородской Руси, промышлен-

ные артели самоорганизация в сфере производства эпохи средних веков, кооперация в XIX веке и др. Для Герцена и его последователей все это вошло в определение содержания идеи «русского социализма». Общинный порядок и традиционные ценности Российского общества, полагали последователи легального народничества (Н.К. Михайловский и др.) могли бы стать основой для перехода от самодержавного строя к социалистическому. Историк народнического движения В. Пустарнаков пишет, что Михайловский был убежден в том, «что русская крестьянская община, уступая капиталистическому Западу по степени развития, стоит **выше** (выделено нами – авт.) по типу развития и поэтому ближе к социализму как искому идеалу будущего» [15]. А в общине, по Михайловскому, наиболее значимыми чертами являются нравственная ценность взаимопомощи и практика самоуправления.

Однако в целом в народничестве преобладало мнение о том, что в стране необходимо было уничтожить экономическое и политическое влияние государства. Это представление было преобладающим среди народников. В конечном счете оно привело к самоорганизации внутри интеллигентской среды, способствовало появлению политических сообществ. В 1876 году было создано общество «Земля и воля», которое представляло собой значимый период революционной деятельности народничества [5]. Политическое руководство в обществе состояло из М.А. Натансона, А.Д. Михайлова, А.Д. Оболесева, Г.В. Плеханова и др. «Земля и Воля» рассматривало социалистическую пропаганду как важнейшее средство создания сознательного меньшинства для руководства революционным движением народа, которое было бы направлено на коренное изменение социального бытия страны.

Наличие желания сосредоточиться на конкретных мерах по продвижению революционных идей ещё недостаточно, нужна так же и политическая практика. И это привело к тому, что члены

одной и той же партии действовали с разным понимание принципов существования и действий «Земли и Воли». В результате «Земля и Воля» прекратила свое существование, образовались две группы, которые не имели права использовать старое название, и сформировались «Народная Воля» и «Черный передел». «Народная Воля» являлась организатором радикальной политической деятельности, в такой как организация покушения на Александра II в 1881 году. «Черный передел» выступал за передачу всей общинной земли крестьянству, чтобы попытаться решить проблемы экономического развития и объективно эта организация «работала» на развитие буржуазных отношений в стране. Характерна судьба одного из лидеров «Народной Воли» – Л.А. Тихомирова. Исследователи пишут: «Судьба Л.А. Тихомирова может служить иллюстрацией трагической судьбы и русской революции, и самой России. Будучи вначале одним из самых активных деятелей народовольческого движения, одним из выдающихся идеологов революции, он затем публично отрекся от своих революционных убеждений, напечатал небольшую брошюру «Почему Я перестал быть революционером», попросил у царя (Александра III – вставлено нами – авторами) прощения, вернулся в Россию и стал убежденным защитником монархического строя... Оказавшись после разгрома «Народной Воли» в 1881 году в эмиграции на Западе, Тихомиров разочаровался в революционной теории. Он видит, что во Франции буржуазная экономика процветает, а революционное движение все слабеет» [6]. Путь социального развития как два направления – революция и эволюция – Тихомиров решает в пользу эволюционного развития и это производит полный переворот в его мировоззрении.

Среди лидеров движения семидесятников (революционных народников) были П.Л. Лавров, П.А. Кропоткин, П.Н. Ткачев. Семидесятничество – основная форма оппозиции российскому правительству того времени. Море

лодежь: старшеклассники, студенты, молодые офицеры – это состав народников-семидесятников. Основное внимание в их социальной программе уделялось идее социалистической революции, основанной на коллективных традициях русских крестьян. И самоуправление, по их мнению, олицетворяло дух сельского крестьянского общества, его приверженность российским ценностям. Поэтому необходимо «идти к людям», «пробудить» их для решения политических задач. Кропоткин пишет: «Общество, человечество, зарождается вовсе не на любви и даже не на симпатии. Оно зарождается на бессознательном или полуусознательном признании силы, заимствованной каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех, и на чувстве справедливости или беспристрастия, которое вынуждает индивидуума рассматривать права каждого другого, как равные его собственным правам» [7]. Таким образом, Кропоткин считал, что общество может приспособиться к новым социальным условиям именно при Господстве ценности взаимной помощи, которая содействует общественной самоорганизации, а выражается в феномене общественного самоуправления как в сфере политики, так и в социальном бытие.

Народничество продвигало материализм с его философскими и социальными установками. Народники считали, что экономика определяет сознание людей и является основой их жизни. Народники-революционеры как представители социалистической идеологии, считали, что социальная революция приведет к созданию нового социалистического общества. С их философской точки зрения общество – это естественный результат исторического процесса. Государство – это искусственный, временной продукт. Оно появляется как результат разделения между теми, кто правит, и теми, кто подчиняется. Исследователи подчеркивают в своих работах, что логически итогом развития народнической мыс-

ли стало формирование идеи антиэтатизма как главной черты философии анархизма [2]. Как мы отмечали, помимо народников-революционеров существовала и другая область народнической мысли, представленная «легальными» народниками, которые выступали за эволюционный путь России. От них коренным образом отличались М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин как главные теоретики русского анархоколлективизма.

В своей книге «Распадение современного строя» Кропоткин обращается к анархистам с программной речью: «Как бы сравнительно малочисленны ни были мы анархисты русского наречия, мы все-таки, сплотив наши усилия, можем многое сделать. Не числом сторонников измеряется сила известного учения, а его правотой и жизненностью... Пора воспринять традиции, завещанные нам народниками семидесятых годов, – не затем, чтобы слепо подражать им, но чтобы, пользуясь уроками прошедшего развития, идти дальше их, если не в недосягаемом величии их самоотвержения, то по крайней мере в более определенном выражении идей» [11]. Он верил в то, что идея социализма вернется, но не в том обличии, в котором она в период господства в идеологии марксистских идей, то есть философии государственного социализма, а в обличии анархическом. Кропоткин выступал против единения власти, ее сосредоточения и усиления в руках всесильного государства, тогда как общество требует свободы личности или, по крайней мере, свободы коллектива, сообществ.

Как родоначальник русского анархизма М.А. Бакунин придерживался материалистической системы в своей философии в основе которой лежат: «Три элемента или три основных принципа составляют в истории главное условие всякого человеческого развития, как коллективного, так и индивидуального: 1) животная природа человека, 2) мысль и 3) дух возмездия. Сферой первого элемента являются социальные и частные экономические отношения, сферой второго – наука, третьего –

свобода» [3]. Природа человека, а это одна из пограничных проблем философии социальной и философской антропологии, предрасположена по Бакунину к феномену самоорганизации как преодолению хаоса и беспорядка в социальной жизни, она предрасположена к упорядочиванию.

Сегодня проблема самоорганизации и преодоления нестабильности лежит в основе синергетики как науки о природной и социальной самоорганизации. О возможности использования синергетической методологии при исследовании природных и социальных процессов писал Илья Пригожин. Он подчеркивал, что «идея нестабильности не только в каком-то смысле теоретически потеснила детерминизм, она, кроме того, позволила включить в поле зрения естествознания человеческую деятельность, ... Соответственно, нестабильность, не предсказуемость и, в конечном счете, время... стали играть теперь немаловажную роль в преодолении той разобщенности, которая всегда существовала между социальными исследователями и науками о природе» [14].

Идеологи русского анархизма – общественные деятели. Для них общество приоритетно по отношению к государству. Они разрабатывали идеи об учреждениях, которые в России заменят прежнее централизованное управление и единую политическую систему, что произойдет после победы социальной революции. Они считали, что будущее России как нового общества будет характеризовать единство земледельческих и промышленных общин. Принцип самоуправления должен принять политическую форму как конфедерация общин. Поэтому русские анархоколлективисты прямо защищали власть народа и выступали за ее правление. Экономической основой федеративного устройства страны в будущем должен был стать принцип справедливого и равноправного обмена товарами и услугами или их эквивалентами. В этом смысле, утверждает Кропоткин, социализм «должен менее зависеть от предста-

вительства (то есть законодательства) и подойти ближе к самоуправлению» [9].

По мнению Кропоткина, русские социальные ценности, а также традиция самоуправления заложили основу для деятельности таких форм общественного производства, как артели, сельские общины, производственная и сбытовая кооперация и т.д. Концепция общественной самоорганизации и её сердцевина как идея самоуправления Кропоткиным связывалась с федералистской позицией. Как социальный философ он был убежден, что новая общественная культура и социальное бытие в целом должны иметь автономию, основанную на местном самоуправлении и широкой социальной самоорганизации. Кропоткин сторонник так называемой «примитивной демократии». Эта форма демократической организации основана на идее самоуправления, которая предполагает самое широкое участие населения в процессе управления. Кропоткин не отрицал необходимость социального управления, он выступал только против государственного всесилия. Этому по-преимуществу и были подчинены его главные философские и публицистические произведения: «Поля, фабрики и мастерские» (1899, Великобритания), «Коммунизм и анархизм» (1900, Великобритания), «Хлеб и Воля» (1901, Лондон), «Взаимная помощь как фактор эволюции» (1902, Лондон и Нью-Йорк), «Современная потребность в нравственности» (1904, Лондон), «Великая Французская революция» (1909) и др. На местоластной (государственной) вертикали он ставил горизонтальные организационно-общественные структуры, и в первую очередь местное самоуправление.

Пётр Алексеевич Кропоткин как один из главных идеологов революционеров-семидесятников, а их философии посвящен его труд о социальном идеале, который широко обсуждался в народнической среде, прошел жизненный путь от народника к анархоколлективизму. Как один из родоначальников анархии в России, Кропоткин сыграл значительную роль в распространении идей анархизма в стране.

чальников русского анархизма он заинтересованно изучал вопрос государства и общества, именно, с той точки зрения, что общество существовало все время и без государства, которое появилось значительно позднее и стало явлением «самого недавнего происхождения». Рассматривая этот вопрос, он пишет: «Препятствие для социальной революции, самое серьезное препятствие для развития общества на началах равенства и свободы... государство... Люди, стоящие на такой точке зрения, стремятся поэтому, не преобразовывать, а совершенно уничтожить государство» [8]. Упразднение государства, по Кропоткину, возможно на путях его постепенного преобразования. Если ранний Кропоткин выступал за необходимость социальной революции, которая уничтожит государство, то Кропоткин поздний, Кропоткин Первой Русской революции 1905–1907 гг. и времени Первой мировой войны – за эволюцию государственного устройства и управления. Прообраз такой системы управления при социализме он видел в повсеместном распространении кооперативного движения как общественной формы самоорганизации населения страны при главенстве феномена самоуправления.

Укажем в качестве выводов, что, во-первых, вторая половина XIX века характеризуется развитием идей модернизации страны и необходимости земщины, которые привели к формированию земского самоуправления в пореформенный период. Концепция местного самоуправления как общественного самоуправления была наиболее разработана представителями оппозиции политической формы самодержавия – отечественными демократами, народниками и русскими анахорекколлективистами. Свою лепту в развитие идей самоорганизации и самоуправления внесли и практики земщины как формы русского самоуправления. Все они считали, что наиболее приемлемой опорой самоуправления в России является общинный дух русского человека. Во-вторых, с общефи-

лософской точки зрения мы рассматриваем самоуправление как частный пример феномена общественной самоорганизации, имеющего в России многовековую историю. Проблема самоорганизации в природе и обществе и разработка соответствующих научных категорий лежит сегодня в сфере теоретико-методологических интересов синергетики как интегрирующего начала в постнеклассической науке конца ХХ-начала ХХI веков.

Литература

1. Арефьев М.А. Давыденкова А.Г. Нравственно-этическая составляющая синтетической философии П.А. Кропоткина // ACTA ERUDITORUM/ № 35. 2020. С. 93–96.
2. Арефьев М.А. Социально-политическая философия русского анархизма: автореф. дисс. ... докт.филос.наук (09.00.10 – философия политики). СПб, 1992. 32 с.
3. Бакунин М.А. Бог и государство, Москва: Логос, 1906. – 61 с.
4. Бородкин Л.И. Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России / Уральский исторический вестник. № 2 (63). 2019. С. 127–136.
5. Жданович Л.Н. П.Ф. Лилиенфельд-Тоаль о «Земле и Воле» в пореформенной России / Северо-Запад в аграрной истории России. 2017. № 23. С. 81–88.
6. Камнев В.М., Осипов И.Д. Политическая философия русского консерватизма: учебное пособие, – СПб.: Владимир Даль, 2017. – 255 с.
7. Кропоткин П.А. Взаимная помощь, как фактор эволюции. Москва: [Б.и.], 1918. – 214 с.
8. Кропоткин П.А. Государство и его историческая роль / П. Кропоткин. – Москва: типография Л. Федорова, 1917. – 64 с.
9. Кропоткин П.А. Записки революционера. СПб. – М., 1920.
10. Кропоткин П.А. Избранные труды. Москва: РОССПЭН, 2010. 896 с.

11. Кропоткин П.А. Распадение современного строя / П. Кропоткина. – Женева: Новая русская типография, 1893. – 68 с.
12. Осипов И. Народничество / Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1995. – С. 357–359.
13. Парфенова С.А., Пушкин Н.Г., Подоксенов Л.Н. Село Вознесенское: центр слободы, волости и сельского совета (исторический очерк). – Шабринск: изд-во ПО «Исеть», 2004. 176 с.
14. Почепко В.В. Философия политической власти: коммуникативный аспект / Научная конференция «Социальная философия и философия истории: открытое общество и культура», СПб., 25–26 октября 1994 года, часть I. СПб., 1994.
15. Пригожин И. Философия нестабильности // вопросы философии, № 6, 1991. – С. 46–53.
16. Пустарнаков В. Михайловский Николай Константинович / Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – Москва: Наука, 1995. – С. 346–348.
17. Сафонов Д.А. «Земля и Воля» как вековая мечта Российского крестьянства // Вестник Тамбовского университета. Том 25. 2020. С. 149–154.
18. Свенцицкая И.С. Тайные писания первых христиан. – Москва: Политиздат, 1980. – 198 с.
19. Тихомиров А.А. Монархическая государственность, – М., 1992.
20. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Диссертация. Дата обращения: 05.10.2021. <http://russkayaliteratura.ru>
21. Шалаева О.В. О некоторых мировоззренческих следствиях синергетики: синергетика как фактор развития личности / Роль науки в развитии общества. С. 34. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа. 13 декабря 2014 года

THE PLACE OF THE PHENOMENON OF SELF-GOVERNMENT IN THE POPULIST CONCEPTS OF SOCIAL SELF-ORGANIZATION

Arefiev M.A., Kleshneva L.I.

Saint-Petersburg State Agrarian University

This work examines the place of the phenomenon of social self-government in the theory and practice of populism in the second half of the 19th century. Using the methodology of cultural-comparative analysis, the authors of the article consider the general and distinctive aspects of the theory of self-organization, which was adhered to and developed by representatives of both the «left» wing of populism (revolutionary populism or «seventies») and «legal» populists who advocated the evolutionary path of social life of Russia. Populism as a socio-political movement passed its peak of development during the period of modernization reforms of Alexander the Second (the Liberator) – peasant reform, reform of zemstvo self-government and others. Today, the problem of self-organization and self-government is being developed within the framework of a synergistic approach to social activity.

Keywords: populism, Russian social self-organization, public self-government, zemstvo, synergistics.

References

1. Arefiev M.A. Davydenkova A.G. The moral and ethical component of the synthetic philosophy of P.A. Kropotkin // ACTA ERUDITORUM / № 35. 2020. S. 93–96.
2. Arefiev M.A. Socio-political philosophy of Russian anarchism: author. diss. ... Doctor of Philosophy (09.00.10 – philosophy of politics). SPb, 1992.32 p.
3. Bakunin M.A. God and the State, Moscow: Logos, 1906. – 61 p.
4. Borodkin L.I. Challenges of instability: the concept of synergistics in the study of the historical development of Russia / Ural Historical Bulletin. No. 2 (63). 2019. S. 127–136.
5. Zhdanovich L.N. P.F. Lilienfeld-Toal on “Land and Freedom” in post-reform Russia / North-West in the agrarian history of Russia. 2017. No. 23. S.81–88.
6. Kamnev V.M., Osipov I.D. Political philosophy of Russian conservatism: textbook, – SPb.: Vladimir Dal, 2017. – 255 p.

7. Kropotkin P.A. Mutual assistance as a factor in evolution. Moscow: [B.i.], 1918. – 214 p.
8. Kropotkin P.A. The state and its historical role / P. Kropotkin. – Moscow: printing house of L. Fedorov, 1917. – 64 p.
9. Kropotkin P.A. Notes of a revolutionary. SPb. – M., 1920.
10. Kropotkin P.A. Selected Works. Moscow: ROSSPEN, 2010.896 p.
11. Kropotkin P.A. The disintegration of the modern system / P. Kropotkin. – Geneva: New Russian Printing House, 1893. – 68 p.
12. Osipov I. Populism / Russian philosophy. Small encyclopedic dictionary. – M.: Nauka, 1995. – S.357–359.
13. Parfenova S.A., Pushkarev N.G., Podoksenov L.N. The village of Voznesenskoye: the center of the settlement, the volost and the village council (historical sketch). – Shabrinск: publishing house of PO "Iset", 2004. 176 p.
14. Pochepekko V.V. Philosophy of political power: communicative aspect / Scientific conference "Social philosophy and philosophy of history: open society and culture", St. Petersburg, October 25–26, 1994, part I. St. Petersburg, 1994.
15. Prigogine I. The Philosophy of Instability // Problems of Philosophy, No. 6, 1991. – P. 46–53.
16. Pustarnakov V. Mikhailovsky Nikolai Konstantinovich / Russian philosophy. Small encyclopedic dictionary. – Moscow: Nauka, 1995. – pp. 346–348.
17. Safonov D.A. "Land and Freedom" as the age-old dream of the Russian peasantry // Bulletin of the Tambov University. Volume 25.2020.S. 149–154.
18. Sventsitskaya I.S. The Secret Writings of the First Christians. – Moscow: Politizdat, 1980. – 198 p.
19. Tikhomirov A.A. Monarchical statehood, – M., 1992.
20. Chernyshevsky N.G. The aesthetic relationship of art to reality. Thesis. Date of access: 05.10.2021. <http://russkay-literatura.ru>
21. Shalaeva O.V. On some ideological consequences of synergetics: synergetics as a factor in the development of personality / The role of science in the development of society. P. 34. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Ufa. December 13, 2014.

Социально-философский анализ категории «социальная группа»: инвизибилизация и «расколдовывание» социальных категорий

Ковалевский Андрей Владимирович

аспирант каф. «Социология, политология и регионоведение», Тихоокеанский государственный университет
E-mail: fakzy79@gmail.com

Статья посвящена неочевидному противоречию между стремлением выстроить абстрактную модель социальной категории и тем, что абстрактная категория укореняется в реальности, наделяется конкретным смыслом, ориентированным на микроописания единичного кейса. Подобная традиция внутри дискурса приводит к инвизибилизации значительных пластов обследуемых объектов. На материале социально-философского анализа подобных построений автор показывает, как формируются такие «укорененные» в конкретной реальности категории, становятся элементами не просто описаний, но самой реальности. Автор отталкивается от концепции противопоставления макроуровня и микроуровня социологических исследований и формирует теоретическую рамку их взаимодействия в рамках термина «социальная группа». Кроме того, определение границ употребления для категории на разных уровнях даёт ключ к пониманию их взаимодействия.

Ключевые слова: социальная реальность, социальные категории, инвизибилизация, социальная группа, социальная модель.

Городские исследования в России с каждым годом набирают всё большую популярность. С одной стороны, мы замечаем всё больше научных текстов и тематических журналов в это области, с другой, всё чаще ведутся дискуссии о необходимости развития и трансформации городов существующих. Так или иначе, всё это касается феномена городского сообщества, которое до сих пор, в территориальных рамках нашей страны, остаётся неотрефлексированным. Теоретическим основанием достаточно распространённого в наши дни варианта описания городского сообщества как организованной формы совместной деятельности людей, выступает приложение к локальной ситуации (эмпирическому материалу) некоторой, более или менее всеобщей теоретической модели города, как феномена. В большей части исследований, претендующих на статус научности, именно так работы и организуются. Однако подход этот релевантен не для всех условий.

В условиях относительно неподвижных социальных структур – статики, в том числе городских структур, общая терминология, некогда возникшая из конкретных эмпирических штудий, но воспринимающаяся сегодня как всеобщая теоретическая модель, вполне отражает реальность. Точнее, может выступить языком, в который поможет отразить реальность. Но в динамической, изменчивой реальности, которую мы наблюдаем сегодня она не столько отражает, сколько заслоняет реальность от взгляда исследователя. В результате, это приводит к проявлению целого ряда проблем, связанных с инвизибилизацией значительных пластов городского пространства и его обитателей. Принимая тот факт, что решение этой проблемы выходит за рамки конкретной работы, мы, всё же, попы-

таемся обозначить направление для будущих исследований, а именно обозначим теоретическую рамку для описания компонентов социальной структуры города.

Итак, социальные науки на протяжении всего периода существования предлагают различные подходы к построению моделей социальной реальности. Социология, связанная с описанием социальных структур, в этом смысле не становится исключением. Основным социологическим подходом к описанию социальной реальности является определение «общества» и выделение его «составляющих». При этом, в современной традиции, одной из важнейших единиц общества – как некого социального целого – является город. В этом случае город рассматривается не с точки зрения привычного результата экономической агломерации (совместной деятельности людей), а скорее, как процесс конструирования особого типа социального пространства.

Города присутствуют во всех современных культурах, вне зависимости от этнической предрасположенности населения или географических параметров. Тем не менее в наши дни в области городских исследований мейнстримом стала «традиция», стремящаяся сделать анализ города формой приложения общих моделей социума к конкретному социальному коллективу, находящемуся здесь и сейчас, другими словами, определяя сообщество города как общество страны, но в миниатюре. С нашей точки зрения в этой ситуации наиболее остро проявляется проблема инструментария для описания социального пространства отечественных городов, причём и с точки зрения некого единого целого и как совокупности каких-либо категорий.

Категории в социологии имеют достаточно существенную специфику. Специфика в свою очередь определяется из следующей логической аксиомы: чем больше объем употребляемого понятия – тем беднее его содержание, и напротив, чем шире понятие по содержанию, тем меньше объектов мы

можем в нем распознать. Значит, когда предметом анализа выступает конкретная реальность, нам приходится постепенно сдвигать эти категории в сторону друг друга. С одной стороны у нас находятся макрокатегории, которые необходимо обогатить и с другой стороны микрокатегории, которые мы стремимся идеализировать.

Апеллируя к дискурсу вокруг социальных групп, мы так или иначе обращаемся к разнообразным моделям социальной реальности. Чаще всего, авторы моделей обращаются к верхнему уровню – социологическим макрокатегориям. В этом случае, большинство исследователей ориентируются на философские классовые представления К. Маркса [4] или М. Вебера [11], которые трансформируются в зависимости от духа времени и предпочтений конкретного автора. Так, социологическая современность в области стратификационных описаний, начинается с оспаривания марксистского класса взамен которой предлагается градационная интерпретация социальных уровней. Позднее, курс меняется на неомарксизм и возвращение к конфликтологическим взаимоотношениям групп на макроуровне. В наиболее поздних исследованиях, макроуровневая классовая логика отвергается и вовсе, а общественные трансформации объясняются исходя из индивидуальных особенностей, определяемых исключительно с помощью количественных исследований социальных групп и уровней.

Однако, что работы классиков социологии – Сорокина, Парсонса, Уорнера или Дюркгейма, что работы более современных авторов – Голдтропа, Эрикссона, Скеггса и пр., все же относятся к группе как к макрокатегории [1]. Подобный способ помогает укрупнённо разделить общество на абстрактные части по некоторым признакам (например – способ получения дохода и престижность этого способа), но все же не позволяет взглянуть на общество как на совокупность локальных сообществ. Схожая критика присутствует уже в работах ранних постмодернистов,

утверждающих, что классовые модели никак не соотносятся с микроуровнем, а следовательно, не могут описать реальное общество и социальные практики «внутри» [7].

Рассматривая общество, мы вслед за Дж. Скоттом [9] фиксируем существование двух уровней реальности: уровень всеобщего (теоретического) знания и «метиса», знания о том, «как делаются дела здесь и сейчас». Современное социологическое исследование, да и управлеченческое воздействие выстраивается, исходя из теоретического – всеобщего знания. В результате, будучи приложено к данным и конкретным условиям определенной местности, оказывается знанием «ни о ком». Местное сообщество формируется на основании «метиса» – местного и уникального знания. С одной стороны, мы имеем жёсткий каркас – теоретического статичного общества. В данном случае нам необходимо понять на основе каких принципов образуются социологические системы макроуровня. Для этого нам и необходимо дать конкретное определение для социальной группы как социологической категории на макроуровне. С другой стороны, мы сталкиваемся с тем, что общество целой страны все-таки явление в большей степени абстрактное, в действительности же, оно состоит из сообществ отдельных поселений, которые связаны со статично структурой, но тем не менее содержат и уникальные особенности. Такие социальные группы рассматриваются как категории микросоциологии и составляют вторую часть нашего исследовательского интереса.

Итак, необходимо ответить на нетривиальный вопрос – а что представляет собой социальная группа в отечественном дискурсе? Сложность такого определения зависит от его высокой степени «очевидности» не только для исследователя, но и для обывателя. В тот же момент, когда одна «очевидность» сталкивается с другой происходит конфликт, часто протекающий незаметно – в результате чего из публикации к публикации термин достаточно

серьёзно меняет свои лексические рамки, обрастаю все новыми смыслами.

Проработав значительное количество обществоведческих текстов, мы можем классифицировать традиции к определению термина «социальная группа». Подавляющее большинство отечественных исследований при определении «социальной группы» идут вслед за западными авторами и опираются на классические работы о «классе» и прежде всего: (1) теоретические положения работ К. Маркса – определяя группу и как результат производственных отношений [18]; (2) в другой вариации замечаются рифмы с типами рациональности М. Вебера [13]. Менее распространённый подход к определению социальной группы основывается на классических позициях Т. Гоббса [14] или Г. Зиммеля [17]. Авторы выделяют реальные малые группы на определенной территории и описывают их каналы взаимодействия. Для нашей задачи оба этих подхода не отвечают основным требованиям: первый не позволяет включить в себя группы как категории микроуровня, а второй не даёт обнаружить локальные группы в масштабе всего общества. Значит у нас остаётся третий путь – собственный теоретический путь, который позволит оставить только необходимые нашему исследователю смыслы указанного термина и указать на места взаимоперехода между уровнями описания.

Исследуем социальную группу как категорию макроуровня. В данном случае, обратимся к началу классового анализа и конкретно к работам К. Маркса и далее теориям М. Вебера. Унаследовав свои идеи из утопического социализма Анри де Сен-Симона, Маркс не ставит задачу описать структуру современного общества как переходную форму от того, что было ранее к тому, что будет после. Конфликтный взгляд на саму структуру являлся отражением настроения общества современников, тем самым конфликт не был отклонением, а напротив определял естественную форму существования людей – т.е. являлся естественным способом

коммуникации, а классы не являлись функциональными ячейками этого общества по определению. Класс в этом случае определяется не как группа людей, а набор отношений к собственности – а значит не имеет конкретного содержания.

Дальнейшее развитие материальных оснований в воззрениях на макро-социологические группы происходит в поле деятельности М. Вебера. В его трудах группы впервые разделяются не по самому действию (как это было принято в марксизме), а по мотивации к этому действию. В данном случае выделяются классы (уровень дохода), статусные группы (образ жизни) и партии (идеология) [5]. Впервые выделяются социальные группы, основанные на единомыслии и приверженности к определенному сценарию действия [12].

Кроме того, для нас важен вклад социал-дарвинистов, которые выводят термин социальной группы в центр социологического дискурса. Здесь неравенство позиций мыслится как естественность общества, а сами исследователи, описывая бытие социальных групп используют метод эволюционной борьбы, где выживают наиболее устойчивые и конкурентоспособные группы (подобие эволюционной теории Ч. Дарвина [15]).

Из теории М. Вебера и с определенной долей влияния социал-дарвинистов вытекает учение Т. Парсонса – структурный функционализм. За социальную структуру в этой теории отвечает социетальная подсистема. Социальная группа здесь продолжает мыслиться как актор интеграции, но различным является подход к определению. Социальная подсистема состоит из целостностей (семья, коллектив, приход), состоящих из мелких образований (конкретная семья, конкретный коллектив, конкретный приход и т.д.) [19]. Сама социологическая модель выстраивается исходя из общей бытийности, минуя конфликтологическую основу, а значит и непосредственную коммуникацию.

Современные модели социальных групп на макроуровне с нашей точ-

ки зрения в большей степени относятся к теориям Э. Роупера и Дж. Гэллапа по мониторингу общественного мнения. Основываясь на представлениях М. Вебера о схожести группы в принятии политических решений американские статисты закрепили большие группы на макроуровне через исследования политической предрасположенности избирателей в США.

Итак, социальная группа как макрекатегория – это наиболее широкая социологическая категория необходимая для структурологического описания общества. Группы на макроуровне представляются неизвестным множеством членов, выделяемых как абстрактная совокупность на основе предельно общих различий. Внутри этих групп отсутствует коммуникация, а их проявление происходит исключительно «на бумаге».

Далее необходимо перейти к социальной группе на микроуровне. Здесь в историческом ключе нам наиболее близка позиция Т. Гоббса в «Левиафane» [14] – группа определяется непосредственной коммуникацией. Группа здесь начинает мыслиться не как абстрактное множество, а как реальные союзы, обладающие собственными потребностями. Продолжая, в каком-то смысле, концепции, описанные в ранних работах К. Маркса, группа становится физическим добровольным или вынужденным соединением индивидов (которые изначально находятся в разобщённом состоянии внутри общества) как результат изначальной враждебности общества к личности. Таким образом социальные группы становятся промежуточным звеном между человеком и обществом.

Группы как микрокатегории тесно связаны с понятием солидарности Э. Дюркгейма. В зависимости от устройства общества типологизируются и социальные группы. Внутри групп существует собственная социальная реальность, которая приводит к маркированию общественных взаимосвязей [3]. С усложнением общества меняется и маркеры успешности,

что приводит к появлению новых групп и увеличению общего разнообразия внутри сообщества. Социальная группа на микроуровне рассматривается как важный ценностный ориентир индивида, кроме того, она должна обеспечивать и плотность социальных связей индивида [16]. Таким образом, социальная группа как элемент социальной системы городского сообщества, является фактором, определяющим существование самого города. Социальная группа через коммуникацию (конфликт или солидарность) формирует потребности, уровень культуры, коллективную идеологию и мировоззрение индивида.

Одновременно с этим Г. Зиммель приписывает социальной группе её остальные функции: интеграции членов, самосохранения, неформальных правил и самоконтроля [10]. Имея определенный функционал, социальная группа начинает проявляться как осозаемый инструмент для объяснения социальных процессов общества, который использует различные общественные институции.

Многообразие социальных групп внутри городского сообщества лежат в основе понимания социокультурных конфликтов поселения. Так, А. Щютц, наделяет группу на микроуровне функцией конструктора социальных реальностей. Такая реальность не тождественна реальности в общем смысле, внутри социальных групп она представляется как некоторая интерсубъективность в виде коллективной и привычной квазиреальности. Представление о мире собирается в ходе интеракций между членами одной каждой социальной группы. Интерсубъективный мир внутри социальной группы представляется собой мир объективный в интенциях членов группы, для них он существует независимо от них, хотя его существование прямо зависит от каждого члена группы. В итоге это и определяет различия между реальностями двух отдельно взятых групп [20]. Положения феноменологической социологии выступают ключевым критерием при определении методологии для изучения социальных

групп с точки зрения микрокатегории. Именно качественные методы способны передать зафиксированную социальную практику в виде легитимизированной внутри группы версией реальности (здесь просматривается рифма с текстами Чикагской школы).

Для определения социальной группы как микрокатегории важно упомянуть и теоретические положения П. Бурдье. Ключевым для нас является термин «габитус», который понимается как система прочных приобретенных предрасположенностей, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих элементов, т.е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления [3]. Кроме того, П. Бурдье создает многомерную схему идентификации социальной дифференциации, основанной на идеи трех капиталов индивида – экономического (богатство и доход), культурного (способность взаимодействовать и оценивать культурные объекты) и социального (контакты и связи в обществе) [2]. В современных социологических работах [8] именно идея о капиталах П. Бурдье становится главным ориентиром при выделении групп внутри физического пространства.

Итак, социальная группа на микроуровне – это категория, включающая в себя совокупность людей, выделяемых на основе их непосредственной коммуникации и, формирующей особый надиндивидуальный уровень восприятия реальности, определяющий социализацию её членов, а также схожие паттерны поведения – определяющих внутреннюю солидарность членов и конфликт с внешней средой.

После определения терминологических границ социальной группы на макро- и микроуровне мы можем приступить к определению точек их взаимоперехода. Группы на макроуровне представляют собой функциональную структуру из наиболее объемных ячеек для конкретных исследовательских и нарративных задач. Их определение важно для перехода на микроуровень –

городские исследования, касающиеся коммуникации и солидарности. Группы на микроуровне выступают в роли ячеек социальной структуры для конкретного социального пространства (население города, сообщество района и т.д.).

Но группы не существуют в вакууме, они интегрируются в физическое и культурное пространство – поселения и территорию страны в целом. В этом плане культурный и пространственный контекст задает множество устойчивых параметров групп и сообществ. В этом плане отечественные города и проживающие там люди, их взаимоотношения и мировоззрение значительно отличаются от иных вариантов феномена города. Следование нашей терминологической рамке может позволить совместить наработки макро- и микротеорий в рамках единой концепции описания городских сообществ.

Литература

1. Alexander, J. The Cambridge Companion to Durkheim / Jeffrey C. Alexander. – Cambridge University Press, 2005. – 426 p.
2. Bourdieu, P. The forms of capital / ed. J. Richardson. – Westport, CT: Greenwood Press, 1986. – 258 p.
3. Bourdieu, P. The logic of practice, trans / ed. R. Nice. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. – 330 p.
4. Durkheim, E. The Division of Labour in Society / Trans. W.D. Halls, intro. Lewis A. Coser. – New York: Free Press, 1997. – 462 p.
5. Marx, K. Selected Works Volume 1 / K. Marx, F. Engels, ed. Vladimir V. Adoratsky, English ed. Clemens P. Dutt. – Moscow: Progress Publishers, 1964.
6. Max Weber [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopaedia of Philosophy. – URL: <https://www.webcitation.org/67z4lyOIO?url=http://plato.stanford.edu/entries/weber/> (дата обращения 17.01.2021).
7. Pakluski, J. The Death of Class / J. Pakluski, M. Waters. – London: Sage Publications, 1996. – 186 p.
8. Savage, M. A new model of social class: findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. M.A. Savage, F. Devine, N. Cunningham, M. Taylor, Y. Li, J. Hjellbrekke, B. Le Roux, S. Friedman, A. Miles // Sociology. – 2013. – Vol 47. – № 2. – P. 219–250.
9. Scott, J.C. Seeing like a State / James C. Scott. – Yale University Press, 1999. – 464 p.
10. Simmel, G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung / G. Simmel. – Duncker & Humblot, Leipzig, 1908. – 782 p.
11. Weber, M. Economy and Society / M. Weber. – Berkeley, CA: University of California Press, 1968. – 1469 p.
12. Weber, M. The Theory Of Social And Economic Organization / M. Weber. – Simon and Schuster, 2009. – 448 p.
13. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер. – Харьков: Литер Нова, 2018. – 226 с.
14. Гоббс Т. Лейфиафан / Т. Гоббс. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. – 504 с.
15. Дарвин Ч. Происхождение видов / Ч. Дарвин. – М.: Эксмо, 2016. – 502 с.
16. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
17. Зиммель, Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования / Автозр. пер. с нем. Н.Н. Бокач, И. Ильина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 233 с.
18. Маркс. К. Капитал / К. Маркс. – СПб: Лениздат, 2018. – 512 с.
19. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.
20. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. – М.:

Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE CATEGORY “SOCIAL GROUP”: INVISIBILIZATION AND “DISENCHANTMENT” OF SOCIAL CATEGORIES

Kovalevsky A.V.

Pacific National University

The article is devoted to the non-obvious contradiction between the desire to build an abstract model of a social category and the fact that an abstract category is rooted in reality, endowed with a specific meaning focused on micro-descriptions of a single case. This tradition within the discourse leads to the invisibilization of significant layers of the objects being examined. Based on the material of the socio-philosophical analysis of such constructions, the author shows how such categories “rooted” in a concrete reality are formed and become elements of not just descriptions, but of reality itself. The author proceeds from the concept of opposing the macrolevel and the microlevel of sociological research and forms a theoretical framework for their interaction within the framework of the term “social group”. In addition, defining the boundaries of use for a category at different levels provides a clue to understanding their interactions.

Keywords: social reality, social categories, invisibilization, social group, social model.

References

1. Alexander, J. The Cambridge Companion to Durkheim / Jeffrey C. Alexander. – Cambridge University Press, 2005. – 426 p.
2. Bourdieu, P. The forms of capital / ed. J. Richardson. – Westport, CT: Greenwood Press, 1986. – 258 p.
3. Bourdieu, P. The logic of practice, trans / ed. R. Nice. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. – 330 p.
4. Durkheim, E. The Division of Labor in Society / Trans. W.D. Halls, intro. Lewis A. Coser. – New York: Free Press, 1997. – 462 p.
5. Marx, K. Selected Works Volume 1 / K. Marx, F. Engels, ed. Vladimir V. Adoratsky, English ed. Clemens P. Dutt. – Moscow: Progress Publishers, 1964.
6. Max Weber [Electronic resource] // Stanford Encyclopaedia of Philosophy. – URL: <https://www.webcitation.org/67z4lyOIO?url=http://plato.stanford.edu/entries/weber/> (accessed 17.01.2021).
7. Pakluski, J. The Death of Class / J. Pakluski, M. Waters. – London: Sage Publications, 1996. – 186 p.
8. Savage, M. A new model of social class: findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. M.A. Savage, F. Devine, N. Cunningham, M. Taylor, Y. Li, J. Hjellbrekke, B. Le Roux, S. Friedman, A. Miles // Sociology. – 2013. – Vol 47. – No. 2. – P. 219–250.
9. Scott, J.C. Seeing like a State / James C. Scott. – Yale University Press, 1999. – 464 p.
10. Simmel, G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung / G. Simmel. – Duncker & Humblot, Leipzig, 1908. – 782 p.
11. Weber, M. Economy and Society / M. Weber. – Berkeley, CA: University of California Press, 1968. – p. 1469.
12. Weber, M. The Theory Of Social And Economic Organization / M. Weber. – Simon and Schuster, 2009. – 448 p.
13. Weber M. Politics as a vocation and profession / M. Weber. – Kharkiv: Liter Nova, 2018. – 226 p.
14. Hobbes T. Lephiafan / T. Hobbes. – M.: State Socio-Economic Publishing House, 1936. – 504 p.
15. Darwin Ch. The origin of species / Ch. Darwin. – M.: Eksmo, 2016. – 502 p.
16. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose / Per. with French, compilation, afterword and notes by A.B. Goffman. – M.: Canon, 1995. – 352 p.
17. Simmel, G. Social differentiation. Sociological and psychological research / Author. per. with him. N.N. Bokach, I. Ilyina. – Moscow: Berlin: Direct-Media, 2014. – 233 p.
18. Marx. K. Capital / K. Marx. – SPb: Lenizdat, 2018. – 512 p.
19. Parsons T. On the structure of social action / T. Parsons. – M.: Academic Project, 2000. – 880 p.
20. Schutz A. The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology / Comp. AND I. Alkhasov; per. from English AND I. Alkhasova, N. Ya. Mazzlumyanova; scientific. ed. translation by G.S. Batygin. – M.: Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. – 336 p.

Основы цифрового общества будущего (на примере анализа постулатов Церкви Тьюринга)

Хвастунова Юлия Викторовна,

к. филос.н., доцент, кафедра права, философии и социологии, Горно-Алтайский государственный университет

E-mail: hvastunovoy@mail.ru

Целью статьи является выявление основных идей и смыслов в наиболее идеологически туманной части представлений трансгуманистов, в области презентации религиозности, духовности, цифровой религии, понимания цифрового сознания на примере убеждений и манифестов Церкви Тьюринга, под руководством Джулио Приско (Giulio Prisco) и его единомышленниками, преимущественно в цифровом сетевом пространстве. Научная новизна исследования заключается в критическом анализе и попытке выявить подлинные смыслы «понятий и терминов», используемых трансгуманистами и, в частности относительно цифровой виртуальной религии. В результате исследования выявлены ряд ориентиров, представленных в Церкви Тьюринга как базовые принципы, призванные одновременно выделить будущую религию как «сверхрелигию», способную быть вне конкуренции и свободную от «недостатков» организационных теистических религий. Однако вполне ограниченную конкретными рамками, в вероучительном плане, это оккультно-магические представления, в организационном, это единая сетевая цифровая структура «все со всеми», в экзистенциальном плане, это доминирование копий, эмуляций и цифровых аватар со статусом подлинников (сознаний, личностей, людей из прошлого, роботов и т.п.), в пространственно-физическом плане, это освоение и колонизация космоса и встреча с «богами».

Ключевые слова: трансгуманизм; трансчеловек; постчеловек; Церковь Тьюринга; New Age.

Актуальность. Сообщество последователей Церкви Тьюринга (Turing Church), это относительно сверхновое прогрессивное образование (с 2010 г.), которое тем не менее, является модификацией (продолжением) Ордена космических инженеров (Order of Cosmic Engineers (OCE), основан в 2008 г.). Инициатор и главный вдохновитель, итальянский трансгуманист, специалист в области ИТ и виртуальной реальности, работавший ранее в Европейском космическом агентстве, а теперь писатель и футурист – Джулио Приско. Он задействован во многих известных трансгуманистических проектах, организациях и до недавнего времени был членом совета директоров Института этики и новых технологий (Institute for Ethics and Emerging Technologies, IEET), но Дж. Приско вышел из состава, разместив пояснение на своих социальных страницах, в частности выразив таким образом протест против агрессивной политики, вызванной поддержкой движения «#МeToo». **Задачи исследования:** 1. Посредством анализа биографических данных выявить общие черты идеологической составляющей трансгуманизма; 2. Обозначить онтологические, религиозные и антропологические составляющие учения Церкви Тьюринга с точки зрения критического подхода, выходящего за рамки дигитальной философии.

Взгляды Дж. Приско довольно профессионально проанализированы профессором Р. Герачи, специалистом по религиозным исследованиям из Манхэттенского колледжа [см. 2] в книге «Апокалиптический ИИ – Видения Рая в робототехнике, искусственном интеллекте и виртуальной реальности» [1]. Дж. Приско часто обращается к религиозной теме и называет свою Церковь Тьюринга – Антирелигией, в том смысле, что она якобы более реалистична, чем любая другая религия,

реально сможет дать то, что религии только обещают (бессмертие) и лишена недостатков религиозных институтов. В действительно же сам Дж. Приско и его единомышленники практически не имеют точек пересечения с известными конфессиями, их опыт и связи фиксируются на уровне отдельных представителей НРД (новых религиозных движений) и культов, наподобие поклонников культа и книги Урантии, например гуру Дэна Мэсси (см. проект *VenusPlusX*, продвигающий идеи Нового века и ЛГБТ ценности). Из биографической справки о Дж. Приско можно сделать несколько заключений, относительно круга интересов и занятий большинства трансгуманистов. Вовсе не случайно, что многие трансгуманисты («верхнего регистра», как подметил исследователь Ф. Хефнер) [см. 1, с. 88], при чем не важно кто они по основной профессии, программисты, или математики, или писатели, часто обязательно обозначены как футуристы. Это обстоятельство вовсе не случайно и имеет свои плюсы и минусы. Плюсы – это прогнозирование, некоторые расчеты, порой связанные с серьезными вычислениями (как экспоненциальный рост и достижение сингулярности у Р. Курцвейла) [см. 11], предвидение некоторых изобретений и рекомендации относительно выведения того или иного продукта на рынок и выбора профессии, востребованной в ближайшем будущем. Минусы, во-первых, «неизбежный» футуризм, связан с самой идеологией трансгуманизма (с тем, что в нем в разы больше того, как может быть, нежели как оно есть), во-вторых, футуризм - это не прореческий дар как гласит реклама в трансгуманизме, это некая «вера» в свои возможности точно предвидеть будущее, установка на способности желаний и намерений реализоваться (магический прием, свойственным оккультным наукам), игра воображения (футурист как сказочник, писатель фэнтэзи, а не научной фантастики, за редким исключением), который должен убедить с помощью манипуляций на уровне слов и презентаций.

При несомненном приоритете одобрении метода загрузки сознания («uploading consciousness», оцифровки сознания, в настоящее время наука еще очень далека от возможности оцифровать или создать симуляцию нейротекста человека) и достижения таким образом бессмертия в сети, путешествия в иной форме в космосе или альтернативной мультивселенной. Многие из них элементарно хотят прожить как можно дольше и не представляют своей жизни, своего «я» без телесного субстрата и тут они ухватились за крионику как за спасительную морозильную камеру.

Следующая общая черта, это апологетика глобализма, критика национальных государств, роли национальных правительств в прогрессивном развитии человечества. Дж. Приско также как и Н. Бостром [см. 10] и В. Бейнбридж ратует за единое пространство, управляемое технологической элитой во главе которой убежденные трансгуманисты (например актив из Ордена космических инженеров), а все живые души охвачены технологиями, ИИ, программой НБИК конвергенции, все загружены или «продублированы» в виртуальном мире, управляются «компьютрониумом» (Computronium v1.0.) и т.п.

Чуть ранее Церкви Тьюринга, был основан Орден космических инженеров. Его основание было вдохновлено статьей 1981 г. В.С. Бейнбриджа: «...Я предположил, что только трансцендентная, непрактичная, радикальная религия может привести нас к звездам». ...В 2007 году Бейнбридж опубликовал «Наноконвергенцию», в которой объяснил, как социальные науки могут присоединиться к конвергенции NBIC, чтобы создать замену религии, и «через светскую безду», оценивая проблему развития за пределами традиционной религии. Основателями ОСЕ выступили 11 человек: Вильям С. Бейнбридж, Говард Блум, Риккардо Кампа, Стивен Юин Кобб, ведущий The Future and You), Бен Герцель (автор, ученый, пионер и активист ИИ), Макс Мор, Дэвид Пирс (автор, профессор, философ) [см. 12], Джулио

Приско, Мартина Ротблatt, Филипп Ван Недервельде, Наташа Вита-Море. [7]

Поскольку многие проекты трансгуманистов цифровые, это в основном чисто сетевой формат (Церковь Тьюринга началась в игровом пространстве Second Life и World of Warcraft и, в The Matrix Online), когда люди могут даже вовсе никогда не встретиться в реальности или не провести ни одной встречи в физическом пространстве без интернет посредника. Церковь Тьюринга хорошо представлена веб-сайтами «turingchurch.com и turingchurch.net), в Фейсбуке, в Твиттере, ее представители «игроки, аватары» появляются на просторах Second Life, различных игр и других виртуальных площадках. Сообщество тесно пересекается / взаимодействует с такими группами как Трансгуманистическая партия и ее различные отделения, сообщества «Вечная жизнь» и «International Longevity Alliance (ILA)». Дж. Приско тесно общается с известными трансгуманистами такими как А. Сандберг, М. Ротблatt, Обри ди Грей и т.п. Дж. Приско написал несколько книг [3, 4].

Учение Церкви Тьюринга. «...название церкви Тьюринга происходит от тезиса Черча-Тьюринга, стандартного принципа в математике и информатике, разработанного Алонзо Черчом и Аланом Тьюрингом. Тезис касается общего принципа получения результатов с помощью ряда строго определенных преобразовательных шагов, таких как процедуры в компьютерной программе. В религиозном контексте тезис Черча-Тьюринга предполагает, что, если Бога не существует, единственный способ создать Бога – это ряд строгих научных открытий и инженерных изобретений, возможно, в основном внутри компьютеров. Кажется, это отрицает возможность истинной трансцендентности материальной реальности, и следует отметить, что современные исследования в области квантовых вычислений могут избежать тезиса Черча-Тьюринга, хотя мы пока не можем быть уверены в любом таком повторном открытии трансцендентности» [8].

Онтологические основания.

Дж. Приско разделяет гипотезу моделирования вселенной. Он положительно оценивает авторов, настаивающих на том, что «мы живем в симуляции, наш мир видео игра (так сказать различные вариации ф. «Матрица») например см. его рецензию на книгу Р. Вирка «Моделируемая мультивселенная: Компьютерщик Массачусетского технологического института исследует параллельные Вселенные, Гипотезу моделирования, квантовые вычисления и эффект Мандельы» (2021). [см. 7]. «“Гипотеза моделирования” ...это идея о том, что наша реальность – это симуляция, вычисленная на более высоком уровне реальности. ...мир – это своего рода игровая вселенная, а мы – персонажи в игре. ...“...гипотеза моделирования “преодолевает разрыв между религией и наукой способами, которые раньше были невозможны” ...метафоры, используемые религиями, должны быть обновлены, и гипотеза моделирования является последним обновлением. По словам Вирка, некоторые религиозные группы, такие как Мормонская трансгуманистическая ассоциация, уже переформулируют свою теологию в рамках моделирования... Поэтому, если гипотеза моделирования плавает в вашей лодке, держите ее в уме как дополнение к (или замену) традиционной религии» [7]. На примере данной рецензии у Дж. Приско наблюдается на уровне применяемых понятий, профессиональная деформация, так у программистов и трансгуманистов в частности, все аналогии и метафоры «компьютерные, дигитальные» и они как будто ограничены ими, в итоге, пытаясь раздвинуть границы, они их сужают до некоего алгоритма или программы и ее обновления.

Церковь Тьюринга как продолжение проекта ОСЕ отстаивает следующие положения (они же дублируются или аналогичны утверждениям В. Бейнбриджа): 1.развивать динамичное глобальное сообщество ответственных, динамически оптимистичных, космических инженеров; 2. инженеров и площа-

док синтетических реальностей, подходящих для окончательной постоянной жизни; 3. ответственно разрабатывать и применять технологии для улучшения нашего ума и тела, чтобы они соответствовали долгому космическому пути впереди; 4. инженерия и применение средств сохранения сознания, позволяющих загружать разум и реконструирование личности; 5. разработать дорожную карту экспоненциального проникновения интеллекта в неодушевленную материю; 6. оживить внутреннее пространство с помощью интеллекта, с помощью инженерных интеллектуальных вычислений на молекулярном уровне; 7. проектировать, стимулировать и направлять ответственное геометрическое расширение интеллекта из внутреннего пространства в человеческом масштабе в космическое пространство; 8. тесно объединять, перекрестно опылять и перекрестно использовать наши умственные ресурсы в мета-ментальном обществе; 9. глубокая оптимизация нашей материальной вселенной для интеллектуальных вычислений в масштабах всего космоса; 10. ответить на конечные вопросы о происхождении, природе, цели и судьбе реальности; 11. настроить параметры создания Вселенной таким образом, чтобы еще больше улучшить максимизацию вычислительной способности Вселенной; 12. инженер и порождает одну или несколько новых детских вселенных с контролируемыми физическими параметрами; 13. порождать новую вселенную заново; 14. созерцаем наши творения; 15. созерцать, думать, быть» [7].

Представления о сакральном, Трансцендентном. Реализуется тезис Черча-Тьюринга на новый лад, глясящий, что «Нет никакого «Бога» ... еще» ... нет сверхъестественного божа. ... в (возможно) очень далеком будущем одна или несколько природных сущностей...возникнут – правдоподобно в результате действия нашего и других видов, – что ...будет очень похоже на концепции «бога», которых придерживаются теистические религии. Мы имеем в виду концепции личностных,

всемогущих, всеведущих и вездесущих сверхсуществ, «божеств» или «богов» ... эти же самые будущие природные сверхсущности или «боги», возможно, и правдоподобно спроектировали, настроили..., а также активировали, запустили или организовали возникновение нашей Вселенной. ... «Боги» ... возможно, на самом деле спроектировали ... Большой взрыв в пространственно-временном происхождении нашей конкретной Вселенной. и ожидаемый возможный так называемый «Большой Хруст» в его пространственно-временном конце будет в буквальном смысле предварять и наращивать этот самый оригинальный – или новый и немного отличавшийся – Большой Взрыв» [7].

«Воссоздание экземпляров умерших ... будущие цивилизации или сверхбытия смогут в некотором смысле воссоздать мертвых прошлых веков, «копируя их вперед в будущее» [7], например, как реализация проекта цифрового культа предков [см. 9]. В решениях надо полагаться на принципы разумности, ответственности и выгоды [см. 7].

«Наши первые области внимания и действий будут включать: 1. когнитивное улучшение; 2. технологии и услуги передачи личности, включая так называемую «загрузку»; 3. постоянно совершенствуется развитие и публичное артикуляция строго научно обоснованной космогонии; 4. разработка аватаров искусственного интеллекта, которые имитируют аспекты нас самих; 5. сетевые виртуальные среды, в которых мы можем развиваться; 6. разработка первых спецификаций и плана развития технологий для Computronium v1.0. ... слово computronium относится к правдоподобной вычислительной технологии будущего, позволяющей устойчивое, надежное вычисление интеллекта (равного или лучшего, чем интеллект человеческого уровня) вплоть до уровня атомов и, в конечном счете, возможно, даже на уровне субатомных частиц» [7].

««Нерелигия науки»... Церковь Тьюринга... решительно не является

религией... Мы являемся организацией, основанной на убеждениях. ...поклонения действительно анафема для нас. Мы не считаем ничего или никого «священным» или «святым... ее (ЦТ) организационная структура была смоделирована по образцу организованных религий» [7]. Однако трансгуманисты боготворят цифровые технологии, используют организационные принципы религиозных сообществ, хотят стать богами, применяют некоторые восточные духовные практики и надеются, подобно оккультистам, с помощью усиленных намерений и желаний изменить реальность! «...мы считаем науку и технику лучшим доступным путем к пониманию, а также улучшению реальности и человеческого состояния. ...правдоподобной цели, потенциальной судьбы. ...Мы делаем или ломаем наше будущее. ...мы являемся создателями нашего будущего. ...Именно США должны создать мир любви, сочувствия, понимания и даже бесконечного веселья, и интеллектуального удовлетворения. ...Не для того, чтобы угодить воображаемому, равнодушному и библейски тираническому и угрожающему Богу, а для того, чтобы продлить нашу собственную реальную жизнь» [7]. Здесь следует выделить трактовку воли у трансгуманистов, которые полностью считают человека свободным и способным делать что угодно. Теистический Бог понимается как фантазия и одновременно как деистически не вмешивающийся в творения создатель, и как тиран. При отрицании национальных государств, все же США отводится значительная роль.

В 2021 г, Дж. Приско выступил на «Коллоквиуме Terasem Space Day, подчеркнув: 1. На данный момент западные демократии не в состоянии завершить долгосрочные космические программы. Воспользовавшись этим, Китай планирует добиться космического превосходства. Чтобы оставаться в игре, Западу необходимо создать двухпартийную и многопартийную поддержку амбициозных долгосрочных космических программ. 2. Расширение в черное небо, защита зеленой Зем-

ли и построение более справедливого и приятного общества не являются взаимоисключающими целями. Напротив, эти цели имеют одну и ту же культурную ДНК и могут/должны поддерживать друг друга. 3. Космическая философия и наши большие ожидания... имеют важные духовные последствия... Космическая философия может/должна просачиваться в популярную культуру и коллективное сознание» [5]. Исходя из вышесказанного, очевидно что трансгуманисты будут усиливать политическое влияние и через Трансгуманистическую партию и другие структуры, популяризировать идеи колонизации космоса и идеологию трансгуманизма через массовую культуру.

Дж. Приско сформулировал для Церкви Тьюринга 10 космистских убеждений, они же являются «мини-манифестом» ОСЕ (с добавлениями Бена Герцеля) [см. 6].

«1. Люди будут сливаться с технологией в быстро возрастающей степени. Это новая фаза эволюции нашего вида, которая только набирает скорость. Пропасть между естественным и искусственным будет размыта, а затем исчезнет. Некоторые из нас останутся людьми, но с радикально расширенным и постоянно растущим диапазоном доступных возможностей, а также радикально возросшим разнообразием и сложностью. Другие вырастут в новые формы интеллекта, далеко выходящие за пределы человеческой сферы» [6]. Из первого постулата следует, автоматическое включение трансгуманизма в эволюционную модель (с оговорками, т.к. это «управляемая эволюция»). Возникает вопрос, можно ли «размыть», ликвидировать границу там, где она имеет онтологический статус? Отсюда варианты: 1. Размытие, т.е. сломав целостность системы, мы получаем разрушенную и ослабленную систему, одну или две и в итоге любые результаты с двумя поломками – даже при позитивном эффекте, это уже не результат синтеза двум систем или удачное их совмещение. Это некие гибриды с неизвестным потенциалом. 2. Стирание гра-

ницы также может являться фикцией, например в варианте размыва того, что подлинной границей или сутью системы не является. Сам поход трансгуманистов, когда при каждом «удачном» эксперименте, называют себя «творцами/богами», по сути взяв нечто чего не создавали, и трансформируя, обозначают такое действие творением, это как минимум невежественно.

«2. Мы разработаем разумный ИИ и технологию загрузки разума. Технология загрузки разума обеспечит неограниченную продолжительность жизни тем, кто решит оставить биологию позади и загрузить. Некоторые загруженные люди предпочтут слиться друг с другом и с ИИ. Это потребует переформулировки существующих представлений о себе, но мы справимся» [6]. Здесь существенный вопрос, что является «загрузкой», как это понимается? Зачастую это не переход разума в какое-то измерение или емкость, а это эмуляция (см. идеи В. Бейнбриджа), копирование наших конкретно выраженных во времени реакций в виде слов, выражений лица и т.п. Загружается нечто автоматически называемое сознанием, однако это лишь реакции сознания, другими словами, фиксируется нечто опосредованное опосредованным сознанием.

«3. Мы будем распространяться к звездам и бродить по Вселенной. Мы встретимся и сольемся там с другими видами. Мы можем блуждать и в других измерениях существования, за пределами тех, о которых мы сейчас знаем» [6]. Здесь колонизация космоса может пониматься как отправленный информационный сигнал «загруженного» сознания или еще чего- либо или даже имитация виртуального космоса и полеты в нем.

«4. Мы создадим взаимодействующие (совместимые) синтетические реальности (виртуальные миры), способные поддерживать разум. Некоторые загрузчики предпочтут жить в виртуальных мирах. Пропасть между физической и синтетической реальностями размывается, а затем исчезает» [6].

Вопрос совместимости также требует конкретики, если эта также совместимость некоторых копий, в действительности мало имеющих общее с оригиналом и затем их дальнейшая состыковка и обозначение этого как достижение бессмертия или возможности жить в разных средах для разума, тогда требуются уточнения или даже новые понятия.

«5. Мы будем развивать пространственно-временную инженерию и научную «магию будущего» намного дальше нашего нынешнего понимания и воображения» [6]. Данный постулат оправдывает «прыжок в пустоту», когда запускается процесс, суть и последствия которого совершенно не очевидны для экспериментаторов.

«6. Пространственно-временная инженерия и будущая магия позволят достичь научными средствами большинства обещаний религий – и многих удивительных вещей, о которых никогда не мечтала ни одна человеческая религия. В конце концов, мы сможем воскрешать мертвых, «копируя их в будущее»» [6]. Здесь необходимо, конечно, выяснить, что понимается у Дж. Приско под религиями, и их обещаниями. В действительности, если бы религии обещали «загрузку сознания» или считали правильным достигать ее таким образом, то поддержали бы, предлагали методы, но они говорят совсем о другом.

«7. Разумная жизнь станет главным фактором эволюции космоса и направит его по намеченному пути» [6].

«8. Радикальный технический прогресс резко сократит материальный дефицит, так что изобилие богатства, роста и опыта будет доступно всем умам, которые этого желают. Появятся новые системы саморегуляции, чтобы смягчить возможность буйного творения разума и истощения огромных ресурсов космоса» [6]. Дж. Приско предлагает исключительно позитивное видение прогресса.

«9. Появятся новые этические системы, основанные на принципах, включая распространение радости, роста и сво-

боды по Вселенной, а также на новых принципах, которые мы пока не можем себе представить» [6].

«10. Все эти изменения коренным образом улучшат субъективный и социальный опыт людей и наших творений и преемников, приведя к состояниям индивидуального и общего сознания, обладающим глубиной, широтой и удивлением, намного превосходящими то, что доступно «наследственным людям» [6].

В мини-манифесте избыточное и намеренное повторение слова «разумное» – разумная жизнь, разумный интеллект, эволюция и прогресс в исключительно позитивном ключе. Однако возникает вопрос, на каком основании слияние без пределов должно оставить хоть что-то разумное или разумность? И усилия по созданию новой этики для такого разумного/безумного технически обусловленного мира для кого или чего? Если не будет человека, то не будет и никакой этики в нашем понимании.

Рассмотрев имеющиеся представления, постулаты, убеждения Церкви Тьюринга на предмет бытия мира, Бога, человека следует выделить ряд общих закономерностей: 1. Несомненное доминирование терминологии программистов, ИТ сферы что может означать и профессиональную деформацию и желание поставить информационные сетевые теории во главу научного объяснения и доказательства правоты как свершившегося факта или аксиому, и наконец, попытку втиснуть все известные теории в «удобную» для ИТ, что также еще и соответствует современной моде в интеллектуальном дискурсе. Дж. Приско постоянно использует слова «обновление», «взлом», «загрузка», «см. его пояснения в социальных страницах «...Взлом религии, просвещение науки, пробуждение технологий». Здесь все также обусловленность и деформация в цифровое видение. Нельзя религию взломать, а технологии пробудить! 2. В качестве одной из основных моделей вселенной предлагается гипотеза моделирования, версия существования в матрице. 3. Чело-

век переходное звено, которое может и должен быть дополнен и даже радиально изменен ради прогресса, адаптации, колонизации космоса, и жизни в виртуальной мультивселенной. 4. Бог как сверхсущество, персональный, всезнающий еще не «создан», он будет создан или вернее, «постлюди» станут этими божественными сущностями. 5. Все живущие и давно умершие могут быть и будут «воскрешены» путем их дублирования в виртуальном мире. 6. Церковь Тьюринга и ей подобные совместно применяя в том числе научные, «духовные» техники создадут «нерелигию», или технорелигию, галактическую религию (термин В. Бейнбриджа) с четкой организационной структурой. 7. Наша вселенная возможна создана такими же сверхсущностями, которыми и мы сможем стать с помощью «Human enhancement technologies».

Литература

1. Geraci, Robert M. (2010) Apocalyptic AI–Visions of Heaven in Robotics, Artificial Intelligence, and Virtual Reality (англ.). – ISBN 978–0–19–539302–6.
2. Geraci, Robert M. Website. Retrieved from: <https://robertgeraci.com>
3. Prisco, Giulio. Futurist spaceflight meditations Paperback – Independently published, June 3, 2021 105 p.
4. Prisco, Giulio. Tales of the Turing Church: Hacking religion, enlightening science, awakening technology Paperback – Independently published, February 7, 2020 567 p.
5. Prisco, Giulio. The Terasem Space Day Colloquium 2021, July 20, 2021, the anniversary of Apollo 11, via Zoom. Speakers, agenda... Retrieved from: <https://turingchurch.net/terasem-space-day-july-20-2021-705d75e485fc>.
6. Ten Cosmist Convictions (Mostly by Giulio Prisco) Retrieved from: Retrieved from: <http://cosmismmanifesto.blogspot.com/2009/01/ten-cosmist-convictions-mostly-byhtml>
7. Turing Church Website. Retrieved from: <https://turingchurch.net/archive-order-of-cosmic-engineers-6c562b401b03>

8. Bainbridge, W.S. Turing Church Retrieved from: <https://wrdrels.org/ru/2019/08/03/turing-church/> 6 August 2019
9. Bainbridge, W.S. (2009)"Religion for a Galactic Civilization 2.0" Ethical Technology Retrieved from: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20090820>
10. Bostrom, N. (2016) Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies. Moscow, Mann, Ivanov and Fer-ber, 496 p
11. Kurzweil, R. (2020) The law of accelerating returns Retrieved from: <https://www.kurzweilai.net/kurzweils-law-aka-the-law-of-accelerating-returns>
12. Pearce, D. (2018) The Hedonistic Imperative. (n.d.). Retrieved from: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>.

FUNDAMENTALS OF THE DIGITAL SOCIETY OF THE FUTURE (ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF THE POSTULATES OF THE TURING CHURCH)

Khvastunova Ju.V.

Gorno-Altaisk State University

The purpose of the article is to identify the main ideas and meanings in the most ideologically obscure part of the ideas of transhumanists, in the field of presentation of religiosity, spirituality, digital religion, understanding of digital consciousness using the example of the beliefs and manifestos of the Turing Church, under the leadership of Giulio Prisco and his like-minded people, mainly in the digital network space. The scientific novelty of the research lies in a critical analysis and an attempt to identify the true meanings of "concepts and terms" used by transhumanists and, in particular, regarding digital virtual religion. As a result of the study, a number of landmarks were identified, presented in the Turing Church as basic principles, designed to simultaneously highlight the future religion as a "super-religion" capable of being beyond competition and free from the "shortcomings" of organizational theistic religions. However, quite limited to a specific framework, in doctrinal terms, these are occult-magical representations, in organizational terms, this is a single network digital structure "everything with everyone", in existential terms, this is the dominance of copies,

emulations and digital avatars with the status of originals (consciousnesses, personalities, people from the past, robots, etc.), in the spatial-physical plane, this is the exploration and colonization of space and a meeting with the "gods".

Keywords: transhumanism; transhuman; post-human; Turing Church; New Age.

References

1. Geraci, Robert M. (2010) Apocalyptic AI–Visions of Heaven in Robotics, Artificial Intelligence, and Virtual Reality (англ.). – ISBN 978-0-19-539302-6.
2. Geraci, Robert M. Website. Retrieved from: <https://robertgeraci.com>
3. Prisco, Giulio. Futurist spaceflight meditations Paperback – Independently published, June 3, 2021 105 p.
4. Prisco, Giulio. Tales of the Turing Church: Hacking religion, enlightening science, awakening technologyP aperback – Independently published, February 7, 2020 567 p.
5. Prisco, Giulio. The Terasem Space Day Colloquium 2021, July 20, 2021, the anniversary of Apollo 11, via Zoom. Speakers, agenda... Retrieved from: <https://turingchurch.net/terasem-space-day-july-20-2021-705d75e485fc>.
6. Ten Cosmist Convictions (Mostly by Giulio Prisco) Retrieved from: Retrieved from: <http://cosmistmanifesto.blogspot.com/2009/01/ten-cosmist-convictions-mostly-byhtml>
7. Turing Church Website. Retrieved from: <https://turingchurch.net/archive-order-of-cosmic-engineers-6c562b401b03>
8. Bainbridge, W.S. Turing Church Retrieved from: <https://wrdrels.org/ru/2019/08/03/turing-church/> 6 August 2019
9. Bainbridge, W.S. (2009)"Religion for a Galactic Civilization 2.0" Ethical Technology Retrieved from: <https://ieet.org/index.php/IEET2/more/bainbridge20090820>
10. Bostrom, N. (2016) Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies. Moscow, Mann, Ivanov and Fer-ber, 496 p
11. Kurzweil, R. (2020) The law of accelerating returns Retrieved from: <https://www.kurzweilai.net/kurzweils-law-aka-the-law-of-accelerating-returns>
12. Pearce, D. (2018) The Hedonistic Imperative. (n.d.). Retrieved from: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm>.

Селфи как вид современной эстетической потребности субъекта

Ташлыкова Наталья Юрьевна,

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
E-mail: tachlikova65@mail.ru

В тексте анализируется феномен селфи как форма современной эстетической потребности. Показано, что селфи есть акт самопрезентации, удовлетворяющий эстетическую потребность. Рассмотрены виды и формы массовой эстетической деятельности на интернет-платформах. Подчеркнуто, что именно цифровые технологии позволили миллионам людей сохранить и сделать доступными для пользователей интернета «свои следы» в виде селфи-фотографий, постов в социальных сетях, публикаций на порталах «проза.ру» и «стихи.ру», роликов на каналах Youtube. На первый взгляд, стала убедительной эстетическая концепция Н.Г. Чернышевского, о том, что прекрасное есть жизнь. Но в этом тезисе есть скрытое противоречие.

И. Кант абсолютно прав, указывая, что эстетическое суждение принципиально отличается от логического тем, что в нем проявляется жизненное чувство субъекта. Субъект говорит не о вещи, а о себе. Он самообъективирует себя через эстетическое чувство, которое не является буквально чувством, иначе оно не могло бы быть всеобще созываемым. «Sensus communis» философ определяет как удовольствие от рефлексии, удовольствие от гармонии рефлексии. Противоположную позицию отстаивают представители материалистической эстетической концепции, обосновывающие ценность именно общего чувства, общественного бытия, возникающего из коммуникации индивидов. В статье утверждается, что потребность в «селфи» указывает на потребность в объективировании сознания и мышления, но необходимость использования своего изображения в качестве средства для увеличения просмотров и продаж контента заставляет удовлетворяться внешней презентацией.

Ключевые слова: феномен селфи, самопрезентация, интернет, мышление, чувство удовольствия от гармонии рефлексии.

Феномен селфи стал воплощением давней мечты человека мгновенно фиксировать свою жизнь. К этой заветной мечте были направлены поиски в истории фотографии. Очевидно, что у любого человеческого сознания есть желание зафиксировать себя, «увековечить», а при помощи смартфона стало возможным мгновенно сделать селфи и оставить изображение своего лица навсегда в пространстве интернета. Раньше требовалось большое количество времени и усилий, чтобы получить фото.

Самое главное отличие цифрового «присутствия» сегодня – массовость. В попытке зафиксировать себя, свое «присутствие», многие определяют себя поэтами, художниками, певцами, режиссерами, писателями. Можно привести конкретный пример: на proza.ru на 27 апреля 2021 года опубликовано 9665 546 текстов. На портале публикуется 314273 авторов. На poezia.ru меньше текстов и авторов, но достаточно много: авторов – 746, произведений – 76936. Может быть, не каждый из приславших претендовал на признание себя писателем или поэтом, но явно каждый из них хотел себя объективировать. Именно себя, как созидающего субъекта. Возможно, потребность объективировать себя встала на один уровень с потребностью продолжения рода, а может и превзошла последнюю.

В истории культуры были поэты, написавшие «Памятники», вслед за Горацием, высоко оценившим свое творчество. Были поэты, высказавшиеся о себе как о «тучках небесных», которым наскучили «нивы бесплодные». Но истории человечества никогда не жили одновременно в одной стране 314 тысяч писателей и 746 поэтов. Были «домашние сочинители», писавшие по предложению или строчке в день в своих тетрадях. Подобных «талантливых» дворян описывает М.Е. Салтыков-

Щедрин в «Пошехонской стороне», Ф.М. Достоевский в «Бесах». Но они крайне редко выставляли свои опусы на общественное прочтение. С现如今ные «домашние сочинители» выставляют все свои опусы на площадках «Proza.ru» и «Poezia.ru». Почему они это делают? Ответить на этот вопрос пытаются психологи, социологи, культурологи. А в чем разница между стихами Пушкина и других? Здесь пролегает граница, которая отделяет эстетику как науку от искусствоведения как области искусства оценки произведений. Понимая эти различия, И. Кант писал, что объективно возможна только трансцендентальная критика, которая «должна развить и обосновать субъективный принцип вкуса как априорный принцип способности суждения». [1, с. 298] Таким образом, И. Кант указал на саму проблему: а возможен ли на самом деле вкус? «Критика как искусство пытается лишь применить к суждению о своих предметах физиологические (здесь психологические), стало быть эмпирические, правила, по которым вкус на самом деле действует (не задумываясь над их возможностью) и критикует изящные искусства, тогда как предмет ее науки – сама способность судить о них». [1, с. 299]

Как возможно судить о своем удовольствии как присущем другому субъекту? Эстетическое суждение – это априорно синтетическое суждения. Ведь, несмотря на эмпирический характер своего удовольствия, я требую согласия в отношении него другого субъекта. Кант резюмирует, что проблема вкуса относится к общей проблеме трансцендентальной философии и возможности априорно-синтетических суждений. И что, эстетическую способность можно назвать «общим чувством» в отношении того, что один человек хотел бы сообщить другому, которое может быть сообщено всем.

А что же может быть сообщено всем? В «Критике способности суждения» Кант говорит о душе не только как о единстве апперцепции, но уже как о сущности, подтверждающей свое су-

ществование с помощью признания мира Свободы, мира нравственного закона. Философ вводит в эстетику категорию возвышенного, которую определяет как «способность судить о природе без страха и мыслить свое назначение в том, чтобы возвышаться над ней». [2, с. 135]

Если отрицать неслучайность возникновения мышления, то возникают материалистические трактовки эстетического удовольствия. Искусствовед, куратор выставок современного искусства ГТГ Кирилл Светляков на выступлении в Кубанском государственном университете в апреле 2019 года высказался об эстетическом удовольствии как о самообъективированном удовольствии, удовольствии от своих ощущений. [3] В подобном определении просматривается материалистическое понимание эстетического удовольствия. На материалистическом определении эстетического удовольствия как удовольствия от возникающего в группе людей радости общности настаивает в своей концепции старший научный сотрудник сектора эстетики Института философии РАН Олег Владимирович Аронсон.

Николай Гартман в «Эстетике» писал, что эстетическому предмету присуще частичное, независимое от субъекта бытие. Один субъект объективирует в эстетическом предмете свое сознание, а другой эту объективацию воспроизводит и объективирует себя. [4, с. 108] И этим фактом ставится проблема онтологического статуса эстетического предмета, проблема духовного бытия. В эстетическом предмете, как сделанном человеком, всегда заключено некоторое духовное содержание, нечто от создавшего его человека. Духовное содержание включается в предметность и может передаваться другим людям, других эпох.

В феномене селфи можно увидеть страсть Нарцисса. В «Метаморфозах» Овидия Нарцисс рождается у нимфы Лириопы от насильственных домогательств бога рек Кефиса. Вода в качестве зеркала стала причиной его гибе-

ли. Овидий сообщает, что предсказание о причине смерти юноши не было сразу понято, потому что у Нарцисса была совершенно новая пагубная страсть. В мифе о Нарциссе Овидий указывает на жажду красоты лица, которая охватила юношу при созерцании своего отражения в ручье. Одновременно, юноша сильно страдает и хочет умереть, чтобы избавиться от страданий.

— «Времени жизни моей, погасаю я в возрасте раннем.

Не тяжела мне и смерть: умерев, от страданий избавлюсь.

Тот же, кого я избрал, да будет меня долговечней!

Ныне слияны в одно, с душой умрем мы единой».

Уже находясь в Аиде, Нарцисс продолжал смотреть на свое лицо в водах Стикса.

— Даже и после — уже в обиталище принят Аида —

В воды он Стикса смотрел на себя. [5, с. 158]

Каролина Каррьеро, исследуя истоки поп-арта в работе «Потребление и поп-арт» отмечает, что на «фабрике» Энди Уорхола страсть к самолюбованию развилась до патологии. «...и все-таки что-то вижу — новый прыщ. Если прыщ в верхней части правой щеки прошел, новый появляется внизу левой щеки, на подбородке, рядом с левым ухом, на кончике носа, под волосками брови, прямо на переносице <...>. Если кто-нибудь спросил у меня: «Какая у тебя проблема?» — мне пришлось бы ответить: «Кожа». [6, с. 191], 7, с. 21]

Виртуальная среда превосходит по количеству связей любые офлайн объединения. Постепенно общение переходит в виртуальный формат. И после пандемии, можно делиться впечатлениями от онлайн бизнес-встреч, лекций, семинаров, лабораторных работ и т.д. И до пандемии был опыт общения в skype, веб-конференциях. Но теперь получен опыт профессионального виртуального общения в видеоконференциях на платформах zoom и google meet. Отмечены плюсы и минусы он-

лайн формата занятий. Психологам предстоит сравнить результаты офлайн и онлайн работы, дать профессиональные рекомендации использования видеоформатов. Можно отметить и особенности эстетического опыта в онлайн конференциях. В многочисленных отчетах педагогов видны образы фантастических существ, романтические фото учащихся.

Феномен селфи можно связывать с развитием рекламной индустрии. Рекламное фото и видео стали повседневными объектами нашей жизни, использующими человеческое лицо в чисто презентативной функции. Эта индустрия провоцирует: обучает потребителей саморекламе, созданию своих собственных страниц в соцсетях, пробуждает в них не только потребителей, но и самостоятельных агентов. Примером использования селфи в кинематографе является экранизация романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» режиссером Ю.В. Громовым. Видеоряд фильма создан из материалов любительских роликов, находящихся в свободном доступе в соцсетях. Таким образом, пользователи из разных стран мира стали героями фильма. [8, с. 138] Возможно, фильм доставит зрителям удовольствие от гармонии рефлексивной способности, но мгновенно сделанные селфи, сообщения в мессенджерах, презентации себя в разных формах превращают мышление в коммуникацию. А ведь человеческая речь может быть свидетелем бытия мышления как считали многие мыслители.

Литература

1. Кант И. Соч. в 6 томах. М.: Мысль, 1966. Т. 5.
2. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994.
3. Светляков К. Выступление в КГУ. <https://www.youtube.com/watch?v=SkfsjQeNqcw> (дата обращения 1.05.21)
4. Гартман Н. Эстетика. Киев: Ника-Центр, 2004.
5. Овидий. Метаморфозы. М.: Худож. лит., 1983.

6. Кэррьера К. Потребление и поп-арт. М.: Искусство-XXI век. 2010.
7. Уорхол Э. Философия Энди Уорхола (От А к Б и наоборот). М., 2005.
8. Соловьева И.В. Экранизация русской классики как художественный синтез (На примере фильма Ю.В. Громова «Анна Каренина. Интимный дневник»). Синтез в русской и мировой художественной культуре. Материалы XX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти А.Ф. Лосева. М.: МПГУ, 2020.

SELFIES AS A MODERN AESTHETIC NEED OF THE SUBJECT

Tashlykova N. Yu.

Russian State University named after A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art)

The text analyzes the phenomenon of selfies as a form of modern aesthetic need. It is shown that selfies are an act of self-presentation that satisfies an aesthetic need. Types and forms of mass aesthetic activity on Internet platforms are considered. It was emphasized that it was digital technologies that allowed millions of people to save and make "their traces" available to Internet users in the form of selfie photos, posts on social networks, and posts on prose portals. ru "and" poetry.ru, "videos on YouTube channels. The aesthetic concept of N.G. Chernyshevsky, that the beautiful is life, became convincing. But there is a hidden contradiction in this thesis. I. Kant is right, pointing out that aesthetic judgment is fundamentally different from logical one in that it manifests the life sense of the subject. The man is not talking about things, he is talking about himself. He self-objectifies himself through an aesthetic feeling that is not a feeling,

otherwise it could not be universally communicated. "Sensus communis" philosopher defines as pleasure of reflection, pleasure of harmony of reflection.

The opposite position is defended by representatives of the materialistic aesthetic concept, which justifies the value of a common feeling, social being arising from the communication of individuals. The article argues that the need for "selfies" indicates the need for objectifying consciousness and thinking, but the need to use your image to increase views and sales of content makes you satisfied with an external presentation.

Keywords: selfie phenomenon, self-presentation, internet, thinking, sense of pleasure from harmony of reflection.

References

1. Kant I. Collected Works in six volumes. M.: Thought, 1966. V.5.
2. Kant I. Criticism of the ability of judgment. M.: Art, 1994.
3. Svetlyakov K. Speaking at KSU. <https://www.youtube.com/watch?v=SkfsjQeNqcw> (circulation date 1.05.21)
4. Gartman N. Aesthetics. Kyiv: Nika Center, 2004.
5. Ovid. Metamorphoses. M.: Art lit., 1983.
6. Carriero K. Consumption and pop art. M.: Art-XXI century. 2010.
7. Warhol E. Andy Warhol's philosophy (From A to B and vice versa). M, 2005.
8. Solovyova I.V. Adaptation of Russian classics as an artistic synthesis (On the example of the film by Yu.V. Gromov "Anna Karenina". Intimate diary). Synthesis in Russian and world art culture. Materials of the XX All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of A.F. Losev. M.: MPSU, 2020.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Bagaeva A.V. Sociology of morality in international relations: subject field and research problems 5
Baturenko S.A. Zygmunt Bauman: the restructuring of society in the context of globalization and social identity 11
Grudina T.N. The diversity of religious experience in modern society: a sociological analysis 19
Kravchenko A.I. The city of no-places in the fluid modernity of Zygmunt Baumann 33
Medvedev A.V., Shitty V.P. Fare-Free Public Transport in the development strategies of modern successful cities 38
Bloshko V.V., Kapustin V.V. Sociological essence and content of patriotism and its influence on the desire to serve in the army 49
Enikeeva S.Z. Manifestation of xenophobia among young people on the example of the republic of tatarstan (empirical analysis) 57
Kuzevanova A.L., Zorkova V.A. Higher professional education in modern Russian conditions: motivation and factors of choosing a university (based on materials of the Volgograd region) 64

EMPIRICAL STUDIES

Ardashev R.G. Conspiracy theories during a pandemic: the effects of consciousness 74
Dzutsev Kh.V., Dibirova A.P., Kornienko N.V. Russian elite: ways of formation and prospects 82
Zubova O.G., Filipova A.G. Volunteering as a form of youth participation in public life: based on expert interviews 87
Nevskaya T.A. Comparative analysis of the effectiveness of the parliamentary election campaigns of "United Russia" for the period 2011–2021 95
Boldina M. Yu. Educational migration of modern Russian youth (regional aspect on the example of the Volgograd region) 102
Makarova M.V., Osipov V.F. Social aspects of the manifestation of bilingualism in the education system in the Republic of Sakha (Yakutia) 111
Makhukova I.A. Digital literacy during the pandemic 115

Chumak E.V. Multiparadigmality of sociological approaches to the study of migration 119

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Ermolaeva Yu.V. Environmetal social history and role of wastepickers occupation in circular economy 129
Kogan E.A. Assessment of student life satisfaction of future engineers 139
Metsler A.V. Sociological analysis of the perception of the COVID-19 pandemic among the recipients of social services 144
Pyatsheva E.N. Social structure of employment in single-industry towns in Russia 150
Rybakova M.V., Ivanova N.A. Digitalization of management as a factor of effective interaction between the state and society 157
Sekhleian S.A. Cultural globalization: homogenization and hybridization scenarios 165
Smetana V.V. The chess in schools project in the context of the theory of the public good 171
Smetankina L.V., Uporov I.V. World outlook factor in the context of social governance (on the example of russian society) 176
Filyasova Yu.A. Perfectionist trends in academic human resource management system 185
Savenkov I.A., Shevtsov M.V., Gorbachev I.N. Sociological information and analytical support of the management process: on the example of document flow automation in the territorial fire and rescue garrison 193
Yakovleva O.I. Professional socialization of employees of the Russian Ministry of Emergency Situations in the modern system of higher professional education 200

SOCIOLOGY OF CULTURE

Genova N.M., Steblyak V.V., Nochvinova D.A. Information technology as a factor in the formation of the socio-cultural urban environment: the example of the city of Omsk 206

Социология №5 2021

<i>Lagutin Y.V.</i> Research of the process of introducing scientific and technological innovations in the life of a modern industrial metropolis – general theoretical approaches	211
<i>Chernyshev V.P., Malyugin A.M., Borodin P.V., Klimenko V.A.</i> Physical culture and sports in modern society as a compensatory aspect of sociality.....	216
<i>Sheremet A.N.</i> Social theater in the system of social rehabilitation of drug addicted people in hard life situations (on the example of the activities of PA "Yula", ROF "New Life")	221
THEORY AND HISTORY OF CULTURE.	
PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY.	
PHILOSOPHY OF CULTURE	
<i>Azernyi K.T.</i> On the problem of Thomism and Neo-Thomism in theological and artistic method of James Joyce	227
<i>Shipunova O.D., Pozdeeva E.G., Evseeva L.I.</i> Digital applications and personality models in the cyber anthropology context	234
SOCIAL PHILOSOPHY	
<i>Arefiev M.A., Kleshneva L.I.</i> The place of the phenomenon of self-government in the populist concepts of social self-organization..	240
<i>Kovalevsky A.V.</i> Socio-philosophical analysis of the category "social group": invisibilization and "disenchantment" of social categories	248
<i>Khvastunova Ju.V.</i> Fundamentals of the digital society of the future (on the example of the analysis of the postulates of the Turing Church)	255
<i>Tashlykova N. Yu.</i> Selfies as a modern aesthetic need of the subject	263

